

ISSN 2587-6503

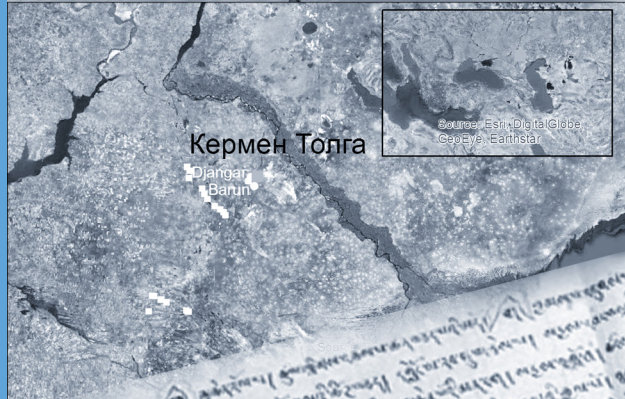

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2021`3

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2021. № 3

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2021. № 3.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по определенной тематике: источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социальным институтам и процессам, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала.

Журнал публикует статьи на русском, английском, калмыцком и монгольском языках.
Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Подписной индекс в каталоге Агентства ОАО «Роспечать»
(газеты, журналы) 39464.

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2021. No. 3.

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines and themes as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, social institutions and processes, and review articles by leading experts the journal specializes in.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Rospechat Agency) — 39464
(newspapers, journals).

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Бичеев Б. А., д-р филос. наук; *Ванчикова Ц. П.*, д-р ист. наук;
Дампилова Л. С., д-р фил. наук; *Денисова Г. С.*, д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук; *Иванова И. Н.*, д-р фил. наук;
Жуковская Н. Л., д-р ист. наук; *Казиева А. М.*, д-р фил. наук;
Кольцов П. М., д-р ист. наук; *Команджаев А. Н.*, д-р ист. наук;
Кринко Е. Ф., д-р ист. наук; *Кляус В. Л.*, д-р фил. наук;
Лушиников Д. А., д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, канд. фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Намуева Л.В., канд. соц. наук; *Очиров У. Б.*, д-р ист. наук;
Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ситдиков А. Г., д-р ист. наук; *Сыртыпова С.-Х. Д.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., канд. фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

© КалмНЦ РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bicheev B. A.*, Dr. Sc. (Philosophy);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Dampilova L. S.*, Dr. Sc. (Philology);
Denisova G. C., Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N. V.*, Dr. Sc. (Sociology);
Ivanova I. N., Dr. Sc. (Philology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Koltsov P. M.*, Dr. Sc. (History);
Komandzhaev A. N., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.*, Dr. Sc. (History);
Klyaus V. L., Dr. Sc. (Philology); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Cand. Sc. (Philology); *Muzraeva D. N.*, Cand. Sc.
(Philology), Dr. Sc. (History); *Namrueva L. V.*, Cand. Sc. (Sociology);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyrbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Syrtypova S.-Kh. D., Dr. Sc. (History); *Fokin A. A.*, Dr. Sc. (Philology);
Khabunova E. E., Dr. Sc. (Philology); *Khaninova R. M.*, Cand. Sc.
(Philology); *Yarmarkina G. M.*, Cand. Sc. (Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

8, Ilishkin St., Elista 358000,

Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

© KalmSC RAS, 2021

© Composite authors, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Митруев Б. Л.** Санскритский перевод одного тибетского текста 10
- Тепкеев В. Т., Шиханов Н. А.** Документы об участии калмыков в военной кампании 1736 г. на кубанском направлении (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) 37
- Курапов А. А.** «Астраханские епархиальные ведомости» как источник по истории православной миссии в Калмыцкой степи в начале XX в. 64
- Баянова А. Т.** Переводы шести писем Б. Бергмана из его труда о калмыках «Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803» 79
- Мухтаров Т. Г., Хисамитдинова Ф. Г.** Архивные диалектные материалы по истории и социологии башкирского языка в Научном архиве и фондах редких книг и рукописей Уфимского федерального исследовательского центра РАН 114
- Жуковская Н. Л.** Материалы Калмыцкого отряда Комплексной экспедиции из архива Института этнологии и антропологии РАН (отчеты, фотографии, 1959–1963 гг.) 126
- Бадугинова М. В.** Система здравоохранения в Элисте в конце 1950-х гг. – начале 1960-х гг. по воспоминаниям заслуженного врача РСФСР М. К. Убушиевой 151
- Тумаркин В. И.** Опыт создания публичных электронных банков архивных документов в Министерстве обороны России (ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа») . . . 170

АРХЕОЛОГИЯ

- Бембева Л. А.** Краниологические материалы, хранящиеся в фондах Калмыцкого научного центра РАН (первичный анализ) 182

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Говенько Т. В.** А. Н. Веселовский и научная полемика о генезисе героической эпопеи 204
- Манджиева Б. Б.** О сюжетосложении «Песни о том, как богдо Джангар мангаса Уту Цагана покорил» и «Песни о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил» Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» 224
- Убушиева Д. В.** Аутентичная запись эпической песни «Деед богд хан Жаңһрин йовдлын тууль» («Сказание о походе высокочтимого богдо Джангар-хана») раннего Багацохуровского цикла «Джангара» (транслитерация на латинице) 238
- Павлова Н. В.** Традиционные формулы в якутской народной сказке (на материале Вилюйской экспедиции 1938 г.) 272
- Мирзаева С. В.** К сыну Есугея, избранному владыке Чингисхану, взывал я девять раз: текст Урюс сара в записи И. И. Попова 297

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ханинова Р. М.** Из неопубликованного сатирического наследия Михаила Хонинова 319

Социология

- Персидская О. А.** Социальные конфликты, связанные с этничностью: вариации понятий и пробелы интерпретации . . . 344
- Эркня Сага.** Ховгсээр нутгин эркиг цеерлх көдлгэнэ үүддлг тоочхнь (= Антиалкогольные меры, принятые в Хобуксаре) 360

CONTENT

SOURCE STUDIES

Mitruiev B. L. Revisiting a Sanskrit Translation of One Tibetan Text	10
Tepkeev V. T., Shikhanov N. A. Kalmyks in the Campaign of 1736, Kuban Front: A Case Study of Documents from the National Archive of Kalmykia	37
Kurapov A. A. Orthodox Christian Mission in Kalmyk Steppe, Early 20 th Century: <i>Astrakhanskie Eparkhialnye Vedomosti</i> (Journal of Astrakhan Eparchy) as a Historical Source	64
Bayanova A. T. Benjamin Bergmann's Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803: Introducing Russian Translations of Six Letters	79
Mukhtarov T. G., Khisamitdinova F. G. History and Sociology of Bashkir: Archival Dialect Materials from Ufa Federal Research Centre of the RAS (Scientific Archive, Collections of Rare Books and Manuscripts)	114
Zhukovskaya N. L. Comprehensive Research Expedition. Materials of Kalmykia Detachment from Archives of the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS): Reports, Photographs, 1959–1963	126
Baduginova M. V. Public Healthcare System of Elista, Late 1950s to Early 1960s: Memoirs of RSFSR Honored Physician Maria K. Ubushieva	151
Tumarkin V. I. Memorial, Podvig Naroda, Pamyat Naroda: The Experience of Creating Online Databases at Russia's Ministry of Defense Revisited	170

ARCHAEOLOGY

Bembeeva L. A. Craniological Materials at Kalmyk Scientific Center (RAS): A Primary Analysis	182
---	-----

FOLKLORE STUDIES

- Govenko T. V.** Alexander N. Veselovsky and Scientific Controversy about Genesis of Heroic Epic 204
- Mandzhieva B. B.** Baga Dorbet Cycle of the *Jangar*. The Song of How Bogdo Jangar Defeated Mangas Utu Tsagan and The Song of How Bogdo Jangar Defeated the Mangas Khan Kūrül Erdeni: Plot Formation Patterns Revisited 224
- Ubushieva D. V.** The Song of His Majesty Bogdo Jangar's Campaign: A Latin Transliteration of One Authentic Text from the Baga Tsokhor Cycle 238
- Pavlova N. V.** Traditional Formulas of Yakut Folktales: A Case Study of the 1938 Vilyuysk Expedition's Materials 272
- Mirzaeva S. V.** To Mighty Lord Genghis Khan, the Son of Yesükhei, I Pray Nine Times: An Üres Sara Text Recorded by Ivan I. Popov 297

LITERATURE STUDIES

- Khaninova R. M.** Satirical Legacy of Mikhail Khoninov: Revisiting the Unpublished 319

SOCIOLOGY

- Persidskaya O. A.** Social Conflicts Related to Ethnicity: Concept Variations and Interpretation Gap 344
- Erknya Saga.** Anti-Alcohol Measures in Hoboksar 360

УДК 811.584.6

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-10-36

Санскритский перевод одного тибетского текста

Бембя Леонидович Митруев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник, аспирант

0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Митруев Б. Л., 2021

Аннотация. *Введение.* Санскрит воспринимался последователями тибетского буддизма как язык буддийских сутр и шастр, язык высокого знания и культуры. По этой причине изучению санскрита всегда уделялось особое внимание. Тибетские ученые не только читали на санскрите, но и предпринимали попытки создавать на нем оригинальные сочинения. Литургический текст поклонения Ламе Цонкапе (1357–1419) — гуру-йога «Сто божеств Тушита», рассматриваемый здесь, является примером редкого для тибетской буддийской литературы явления — перевода с тибетского языка на санскрит. Данный анонимный перевод на санскрит был сделан предположительно в XVIII–XIX вв. Он несколько раз издавался ксилографическим способом и имел довольно широкое обращение в Монголии и Бурятии. Копии данного издания были распространены в Бурятии в начале XX в. *Цель статьи* — продемонстрировать существование перевода отдельного текста с тибетского на санскрит и ввести его в научный оборот, а также дать его анализ. *Материалы.* Материалом для данного исследования является санскритско-тибетский текст гуру-йоги «Сто божеств Тушита». *Результаты.* В ходе исследования установлено, что перевод данной гуру-йоги осуществлен с тибетского на санскрит с ошибками. В санскритском тексте множество несоответствий правилам стандартного санскрита. В одних местах прослеживается, что автор перевода следует правилам буддийского гибридного санскрита, в других — не соблюдает сложившиеся в санскрите нормы в склонении и спряжении.

Ключевые слова: санскрит, тибетский язык, гуру-йога, Сто божеств Тушита, перевод

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов

трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Митруев Б. Л. Санскритский перевод одного тибетского текста // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 10–36. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-10-36

UDC 811.584.6

Revisiting a Sanskrit Translation of One Tibetan Text

*Bembya L. Mitruiev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2021

© Mitruiev B. L., 2021

Abstract. *Introduction.* Sanskrit was always perceived by followers of Tibetan Buddhism as the language of sutras and shastras, language of knowledge and culture. This resulted in that Sanskrit used to be extensively studied and taught. Tibetan clerical scholars could not only read Sanskrit but would make repeated attempts of composing original texts in this language. The to be examined Hundred Deities of Tushita *guru yoga*, a liturgical address to Je Tsongkhapa (1357–1419), is a rare phenomenon in Tibetan Buddhist literature — Tibetan-to-Sanskrit translation. This anonymous text was created approximately in 18th–19th centuries to further be transmitted in a number of xylographic editions across Mongolia and Buryatia up to the early 20th century. *Goals.* The article seeks to show the Tibetan-to-Sanskrit translation pattern and introduce it into scientific discourse along with due analysis. *Materials.* The study explores one xylographic Tibetan-to-Sanskrit edition of Hundred Deities of Tushita from Buryatia submitted by A. Kocharov. *Results.* The work concludes the Tibetan-to-Sanskrit *guru yoga* text contains multiple grammatical mistakes and inaccuracies when viewed from the perspective of standard Sanskrit. In some sentences the anonymous author does follow rules of Buddhist hybrid Sanskrit, while in others observes no established Sanskrit declension and conjugation norms.

Keywords: Sanskrit, Mongolian, *guru yoga*, Hundred Deities of Tushita, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the

Leading Scientist, project no. 075-15-2019-1879 name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’.

For citation: Mitruiev B. L. Revisiting a Sanskrit Translation of One Tibetan Text. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 10–36. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-10-36

Введение

С распространением буддизма из Индии на восток, в Тибет и Монголию, в этом же направлении продвигалась индийская культура. Воспринимаемый в Тибете и Монголии как язык буддийских сутр и шастр, санскрит обладал ореолом высокого знания и культуры. Санскрит повлиял не только на письменность, но и грамматику тибетского, а затем и монгольского языков. Как в Тибете, так и в Монголии санскрит не только изучали по различным грамматическим трудам, но и писали на нем сочинения. Среди таких авторов можно упомянуть великого Пятого Далай-ламу (1617–1682) [Kapstein 2018: 445] и Четвертого Шамара Ченга Чойдрак Еше (zhwa dmar sryan snga chos grags ye shes; 1453–1524) [Kapstein 2018: 470]. Несмотря на то, что тибетцы часто демонстрировали владение большим и разнообразным запасом санскритских слов, фактический выбор слов и выражений, как правило, осуществлялся менее удовлетворительно, а санскритские флексии, похоже, в основном ускользнули от тибетцев. Трудности в этой области являются отражением того, как санскрит преподавался в Тибете: фактическое чтение санскритских текстов и одновременное извлечение значений слов из контекста были почти неизвестны на практике [Kapstein 2018: 466].

Цель данной статьи — продемонстрировать существование перевода отдельного текста с тибетского на санскрит и ввести его в научный оборот, а также дать его анализ.

О ксилографических изданиях тибето-санскритского текста «Сто божеств Тушита»

Рассматриваемый здесь анонимный перевод тибетского текста на санскрит был осуществлен предположительно в XVIII–XIX вв. Он представляет собой интерес не только как памятник письменной культуры Тибета и показатель уровня знания санскрита, но и как свидетельство сохранения престижа санскрита в традицион-

ном буддийском обществе. Доказательством того, что перевод на санскрит являлся лишь способом, направленным на приобретение тем или иным текстом большего престижа, является следующий факт: ни в Тибете, ни в Монголии не было практически никого, кто мог бы воспринять смысл этого перевода.

Среди множества текстов гуру-йога в тибетском буддизме переведенный на санскрит текст гуру-йоги «Сто божеств Тушита» (тиб. bla ma'i nal 'byor dga' ldan lha brgya ma) посвящен ламе Цонкапе (тиб. tsong kha pa, 1357–1419), основателю тибетской традиции гелуг (тиб. dge lugs). Существует две основные традиции гуру-йоги в этой школе: устная традиция Энсапы (тиб. dben sa snyan brgyud) и традиция Се (тиб. sgad brgyud). Гуру-йога «Сто божеств Тушита» принадлежит ко второй из перечисленных традиций. Практика гуру-йоги направлена на то, чтобы создать духовную связь с ламой Цонкапой. Гуру-йога «Сто божеств Тушита» — один из самых известных текстов, посвященных медитативной практике, связанной с ламой Цонкапой. Традиция приписывает авторство этого текста Дульнагпа Пелден Сангпо ('dul nag pa dpal ldan bzang po; 1402–1473) [Митруев, Дугданов 2020: 108]. Текст гуру-йоги включает в себя «Мигцема» — молитву, обращенную к ламе Цонкапе, автором которой, как гласит традиция, является сам лама Цонкапа. Она получила свое название по первой строке этой молитвы dmigs med brtse ba'i gter chen spyan ras gzigs 'Авалокитешвара — великая сокровищница сострадания, не воспринимающего истинного существования'. Традиционно говорится, что лама Цонкапа поднес эту молитву с посвящением своему учителю Рендаве Шонну Лодро (тиб. red mda' ba gzhon nu blo gros, 1349–1412), который вернул ее, сделав обращением к ламе Цонкапе [Митруев, Дугданов 2020: 109].

Известно как минимум три ксилографических издания тибето-санскритского текста «Сто божеств Тушита», что говорит о его популярности среди последователей тибетского буддизма в целом, а в особенности среди монголов. Копии данного издания были распространены и в Бурятии в начале XX в.

Копия ксилографического издания (Т1) из Фонда тибетских книг Национальной библиотеки Монголии («Монгол улсын үндэсний номын сан. Төвд номын фонд») хранится на сайте Цен-

тра буддийских цифровых ресурсов (Buddhist Digital Resource Center) в подборке разрозненных текстов на тибетском языке. Первым текстом в этой подборке является «Ваджрачхедика-праджня-парамита-сутра» (тиб. 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo tje gcod pa). За ним на страницах 189–206 следует текст санскритского перевода гуру-йоги под шифром M0059587-002 [T1]. Данное издание напечатано на китайской бумаге, иллюстрации схожи с двумя другими изданиями. Текст состоит из 18 страниц, недостает страницы 2б по тибетской пагинации. В конце T1 находится колофон:

Om swa sti/ rab 'byams rgyal ba'i mkhyen brtse gcig bsdus pa//
ngag gi dbang phyug 'jam mgon tsong kha par// brten pa'i bla ma'i rnal
'byor par bzhengs mthus// thub bstan dar zhing 'gro kun bde gyur cig/.

Перевод колофона ксилографа T1:

‘Om svasti! Пусть силой [заслуги] от издания гуру-йоги, опирающейся на владыку речи¹ защитника Манджушри² Цонкапу, который есть единение мудрости и сострадания бесконечного множества Победоносных, Учение Муни распространяется, а все существа обретают счастье!’.

Кружками под отдельными словами выделено имя благодетеля рабджампа³ Нгаванг Тубтена (тиб. rab 'byams pa ngag dbang thub bstan), спонсировавшего создание этого ксилографа. Предположительно данное издание было опубликовано в Пекине.

Следующий ксилограф (T2) — издание, использованное Весной Уоллес. В своей статье она поместила лишь несколько страниц этого издания, поэтому информация об этом издании ограничена тем, что В. Уоллес представила в своей статье [Wallace 2016]. Это ксилографическое издание, напечатанное на китайской бумаге матуу⁴, размером 7,5х18 см, состоит из тринадцати страниц, включая титульный лист и три страницы, содержащие только

¹ Владыка речи (тиб. ngag gi dbang phyug) — эпитет Манджушри.

² Защитник Манджушри (тиб. 'jam mgon) — эпитет Ламы Цонкапы, который, как утверждает традиция, является проявлением Манджушри.

³ Рабджампа (тиб. rab 'byams pa) — один из уровней степени геше.

⁴ Толстая, грубая бумага матуу сероватого цвета, которая со временем становится коричневатой в сухом климате Монголии [Wallace 2016: 351].

иллюстрации [Wallace 2016: 362]. В конце T2 находится колофон, содержащий имя благодетеля Лобсанг Самтена, на чьи средства было осуществлено это издание:

bla ma yo ga'i par 'di rnam dpyod ldan // dge slong blo bzang bsam
gtan bskrun pa'i mthus // tshe 'di'i pha ma 'brel thog[s] 'gro ba kun //
'jam mgon bla mas skye kun rjes 'dzin shog //.

Перевод колофона ксилографа T2:

‘Пусть силой [заслуги] от этого издания гуру-йоги

Проницательным монахом Лобсанг Самтенем

Его родители этой жизни и все живые существа, связанные с ним,

Будут во всех жизнях окружены заботой гуру Манджунатхи!’.

Место публикации не известно. Текст на ксилографической доске вырезан убористо, так что на одной странице помещается шесть строк, а не четыре, как в рассматриваемом ниже тексте T3.

Третий ксилограф (T3) — исследуемое в статье издание, напечатано красной тушью на российской бумаге, произведенной на фабрике наследников Сумкина № 7, о чем свидетельствует филигрань на первой странице [T3]. Текст размещен на восемнадцати страницах размером 7x22 см, включая титульный лист и три страницы с иллюстрациями. Первые две иллюстрации находятся в начале текста, третья — в самом его конце. Это текст с наибольшим количеством ошибок и пропусков, но единственный доступный полностью. Поэтому он был выбран для данного исследования. Предположительно, он был напечатан в Бурятии. Данный ксилограф не имеет колофона.

Особенности текстов

Зачем надо было переводить тибетский текст на санскрит? Читали ли этот текст на санскрите? Весна Уоллес предполагает, что автор перевода на санскрит либо хотел создать у читателей впечатление о своем индийском происхождении, либо стремился продемонстрировать свое почтение к санскритской буддийской традиции [Wallace 2016: 361]. Однако мы предполагаем, что вряд ли возможно было выдать перевод за индийское сочинение, так как широкая известность его автора не оставляла сомнений в тибетском происхождении гуру-йоги. Скорее, этот перевод был осу-

ществлен с целью подчеркнуть значимость данной гуру-йоги и ее главной фигуры — Ламы Цонкапы.

Интересно сравнение санскритской транслитерации T2 и нашего текста T3. Заметно, как с течением времени в текст закрадывались новые ошибки, — процесс изменения текста виден очень ясно. Возможно, причиной тому являются изменения и ошибки, внесенные резчиком. Но, возможно, текст продолжал редактироваться между публикациями. Зачастую такого рода ошибки воспринимались как нормативное написание и получали широкое распространение в массах. Так, например, санскритское śāntim kuruḥ ‘Умиротвори!’ прочно вошло в тибетскую буддийскую литературу в виде фразы śāntam kuruḥ. В нашем тексте гласная *ṛ* везде передана слогом *ṛi*, по всей видимости, копировальщик не знал о том, что *ṛ* в тибетской традиции передается оборотной огласовкой «и» (ཨི). Там, где в тексте T2 стоит *pa*, в нашем тексте T3 вместо нее резчик вырезал *ba*. Такое озвончение довольно типично для восточных диалектов тибетского языка.

В строке śāsanagarbhita cirastha bhavatu ‘Сущности учения стану надолго светочем!’ в тексте T2 вместо garbhita стоит garbha hi; в слове sambura (samburṇa) пропущена *ṇa*. В некоторых случаях в переводе на санскрит стоит противоположное по значению слово, например вместо aśeṣa ‘без остатка’ стоит śeṣa ‘остаток’. Из этих различий можно предположить, что T2 более раннего происхождения, а T1 и T3 были вырезаны позже, причем резчики опирались на текст T2.

В. Уоллес пишет, что автор санскритской версии иногда использует санскритские термины, которые встречаются только в лексиконах и не встречаются в существующих санскритских текстах; в других случаях он создает свои собственные сокращения санскритских слов. Например, smṛṭ для smṛṭi, maṇṇ для manas и т. д. [Wallace 2016: 361–362]. В транслитерации В. Уоллес встречается удвоение согласной, как, например, в слове śeṣagaṇṇ [Wallace 2016: 362], тогда как в нашем тексте T3 такого удвоения нет.

В санскритском переводе по сравнению с тибетским оригиналом изменен порядок слов. Возможно, это сделано для того, чтобы следовать какому-то стихотворному размеру, однако нам не удалось отнести размер строф санскритского перевода этой гуру-йоги к какому-либо санскритскому поэтическому размеру.

В. Уоллес также отмечает, что в некоторых случаях автор нашей санскритской версии следует правилам буддийской гибридной санскритской грамматики. Об этом свидетельствует, например, склонение слова *гуру* в родительном падеже единственного числа (*guruṣya*), что согласуется со склонением именных основ, оканчивающихся на *-и*, в буддийском гибридном санскрите; или аблатив единственного числа *hṛdaya* как *hṛdayāt*; родительный падеж единственного числа (*śraddhasya*) от *śraddhā*; родительный падеж единственного числа для *kīrtti* как *kīrttisya*; инструментальное множественное число (*jñānebhiḥ*) от *jñānaiḥ* и т. д. [Wallace 2016: 361]. В других случаях он опускает все санскритские правила склонения и спряжения.

Из-за того, что В. Уоллес приняла пятую строку *bdud dpung ma lus 'joms mdzad gsang ba'i bdag* 'Владыка тайн, уничтожающий полчища Мары' молитвы-обращения к Ламе Цонкапе за начало нового четверостишия, пятая строка этой молитвы заняла место в начале следующего четверостишия, смещая структуру всех следующих четверостиший на одну строку. В нашем тексте ТЗ молитва Ламе Цонкапе представлена в ее четырехстрочном варианте. Четверостишие *skye ba kun tu yang dag bla ma dang // 'bral med chos kyī dpal la longs spyod cing // sa dang lam gyi yon tan rab rdzogs nas // dpal ldan bla ma'i go 'phang myur thob shog¹* и его перевод на санскрит отсутствуют, вместо него в тексте следует не менее популярное четверостишие *tshe rabs kun tu rgyal ba'i tsong kha pas // theg mchog bshes gnyen dngos su mdzad pa'i mthus // rgyal bas bsngags pa'i lam bzang 'di nyid las // skad cig tsam yang ldog bar ma gyur cig //*. Реконструированный санскритский перевод этого четверостишия взят из неопубликованного перевода профессора П. Гокхале [Gokhale 2021]. Во всех остальных случаях исправленный санскритский текст взят из статьи Весны Уоллес «Рукописи и ксилографы на тибетском языке в Монголии» [Wallace 2016]. П. Гокхале пишет, что его перевод выполнен количественным стихом (санскр. *mātrāvṛttaṁ*) с шестнадцатью морями (санскр. *mātrās*) в каждой строке (санскр.

¹ 'Во всех своих рождениях с истинным учителем
Не различаясь, пусть я буду наслаждаться великолепием дхармы.
Обретя совершенство всех достоинств уровней и путей,
Пусть я быстро достигну состояния великолепного учителя?'

pāda). Исправленный санскритский текст В. Уоллес состоит из стихов с двенадцатью слогами в строке [Wallace 2016: 365].

Изображения в ксилографах в целом схожи, но имеются небольшие различия. В тексте T1 на странице 7a справа от монаха, держащего мандалу, находится дерево. На нашем ксилографе T3 место дерева занимает скала. Все три иллюстрации в нашем тексте являются вертикально расположенными частями триптиха, составляющего единую картину. В первой части на самой вершине изображен Майтрейя, в классической позе со спущенными ногами, перед ним — Манджушри, держащий стебель лотоса, на котором стоит меч, и Авалокитешвара, в руке которого стебель лотоса, поддерживающего сосуд кунда (санскр. kuṇḍa). Рядом с Манджушри расположена фигура монаха. Левее изображен пребывающий на облаках гандхарва, держащий в руках сосуд для омовения, под ним — божество, держащее в руках плод божественного дерева. Из сердца Майтрейи исходит тонкая нить облака, она проходит рядом или даже через Манджушри, постепенно превращается в большее облако, на котором, как показано во второй части иллюстрации, восседает Лама Цонкапа с учениками Гьялцаб Дарма Ринченем (тиб. rgyal tshab dar ma rin chen; 1364–1432) и Кхедруб Гелег Пелзангом (mkhas grub dge legs dpal bzang; 1385–1438). В третьей части триптиха изображен главный защитник монастыря Ганден и традиции гелуг — Дхармараджа в своей внешней форме¹ (тиб. chos rgyal phyi sgrub). Правее находится верующий, взбирающийся на ламу Цонкапу. В его руках мандала для подношения. Перед верующим находится алтарь с объектами подношения.

Текст гуру-йоги «Сто божеств Тушита» на тибетском языке и его переводы на санскрит и русский язык

Текст гуру-йоги «Сто божеств Тушита» на тибетском языке и его переводы на санскрит и русский язык приводится в таблице 1, где 1-й столбец — оригинальный перевод на санскрит, 2-й столбец — реконструкция В. Уоллес, 3-й столбец — оригинальный тибетский текст, 4-й столбец — авторский перевод на русский.

¹ Существует три формы Дхармараджи, или Ямараджи: внешняя форма Дхармараджи (тиб. chos rgyal phyi sgrub), внутренняя форма Дхармараджи (тиб. chos rgyal nang sgrub) и тайная форма Дхармараджи (тиб. chos rgyal gsang sgrub).

1.	2.	3.	4.
1a.			
gurusya yoga tuṣṭabahudevādi vihārati sma //	Guroṛ yogaḥ tuṣṭe bahudevādi vihārati sma	dga' ldan lha brgya ma bzhugs //	[Здесь] находится [гуру- йога] «Сто божеств Тушиты».
1b. Иллюстрация: Майтрея, восседающий на троне.			
2a. Иллюстрация: Лама Цонкапа с двумя учениками на облаке.			
2b.			
tuṣṭī-rājasya ¹ rāthasya hṛdayad/	tuṣṭī-rājasya nāthasya hṛdayāt	dga' ldan lha brgya 'i mgon gyi thugs ka nas //	Из сердца Покровителя ста божеств Тушиты
paṇḍaradādhīva jāladhīśeṣaraṃ //	pāṇḍara-dādhi-vāj jāladhi- śikharam	rab dkar zho gsar spungs 'dra 'i chu 'dzin rtser //	На вершине облака, подобного массе совершенно белой свежей простокваши,
dharmā-rāsarvajñā sumatikīrtīśrīḥ/	dharmā-rāj sarvajña- sumatikīrtīśrīḥ	chos kyī rgyal po kun mkhyen blo bzang grags //	Владыка Дхармы всеведущий, Слава Благого Ума,
sahīcaputari ihāsthān ayantu //	sāhīya-putri ihāsthām āyāntu	stras dang beas pa gnas 'dir gshegs su gsol //	Вместе с духовными сынами придите сюда.
3a.			
dakṣiṇa-padmendu- siṃhasanākāśaṃ/	dakṣiṇa-padmendu- siṃhāsānākāśe	mdun gyi nam mkhar seng khri pad zla 'i steng //	В пространстве предо мною на львином троне, лотосе и лунном диске

¹ T2 — nāthasya.

rāmaṇasīta- bhāratākeguruḥ //	rāmaṇe lasito bhātārako gururḥḥ 	rje btsun bla ma dgyes pa 'i 'dzum dkar can //	Достоинимый учитель с радостной улыбкой,
māyadhīśradddhasya punye- gravesayam/	mayādhi-śradddhāvāḥā punye 'graviṣaye	bdag blo dad pa 'i bsod nams zhing mchog tu //	Ради того, чтобы быть вышим полем заслуги моей веры,
śāsanapuṣāya kava [=kalpa] stham tiṣṭhatu //	śāsana-puṣāya kalpa-sthamṁ tiṣṭhatu	bstan pa rgyas phyir bskaI brgyar bzhugs su gsol //	А также ради распро- странения учения, прошу, пребывайте в течение ста эонов!
3b.			
jñāyasthajñānebhīḥ vilacittukā/	jñeya-stha-jñānair vipula- cittikamā	shes bya 'i khyon kun 'jal ba 'i blo gros thugs //	Ваш ум постигает все раз- нообразие объектов по- стижения,
subhāgakarṇālamsubhāṣa[i] tavāgah ² /	subhāga-karṇālam [-kāram] subhāṣitām vācam	skal bzang rna ba 'i rgyan gyur legs bshad gsung //	Прекрасные изречения вашей речи — украшение слуха удачливых,
kīrti-śrīvidyudī ³ - rūcirabhākāya//	kīrti-śrī-vidyut-rucirābhā- kāyam	grags pa 'i dpal gyis lham mer mdzes pa 'i sku /	Ваше прекрасное тело сверкает великолепием славы,
namami darśana śrutismri- sambanam//	namāmi darśana-śruti-smṛti- sambanam	mthong thos dran pa don ldan la phyag 'tshal/ /	Простираюсь пред вами, ведь видя, слыша и думая о вас, постигаю вашу ис- тинную суть.

¹ T2 — vipulacittikā.

² T1. subhāgakarṇālamsubhāṣitovāgah

³ T2. vidyuti.

4a.		4b.	
mānoramārgḥā- nānādhībuṣṭa ¹ ca/ soraḥīdhupa ca praḍṛprasugandhi/ prañāptaṇirmita idaṃ pūjāmeḡha/ kṣemalābaramaṃ ² pūjāyatatami //	manoramārgḥā- dīnānādhīpuṣṭaṃ ca saurabhyā-dhūpaṃ ca praḍṛpra- sugandhaṃ prañāpta-nirmitam idaṃ pūjā- meḡhaṃ kṣeme paramaṃṃ[ṭvaṭ-]pūjāvai dadāmi	yid 'ong mchod yon sna tshogs me tog dang // dri zhim bdug spos snang gsal dri chab sogs // dngos gshams yid sprul mchod sprim rgya mtsho 'di // bsod nams zhing mchog khyed la mchod par 'bul //	Прекрасную воду для омоления, разнообразные цветы, Ароматные благовония, яркие светильники, умащивания и прочие подношения, Как реально подготовленные, так и этот океан облаков подношений, сотворенных умом, Превосходное поле накопления заслуг, я подношу вам.
yadibunaḥ ³ kalivāpramālayaśca/ nādikāyavadmaṃ bahusamucaya/ yat punaḥ kāla eva 'prame yaś ca anādi-kāya-vad-man[o]-bahu- samuccayaḥ	gang zhiḡ thogs med dus nas bsags pa yi // lus ngag yid kyī mi dge ci bgyis dang //	В накопленных с безначальных времен Совершенных неблагих поступках тела, речи и ума,	

¹ T2. puṣṭa.

² T1. kṣemalaparamaṃ.

³ T1. yadīpunaḥ.

śeṣa trīṣaṃvara ¹ -bratikūla ² -sarvaṃ	śeṣa-trīṣaṃvara-pratikulam sarvaṃ	khyad par sdom pa gsum gyi mi mthun phyogs //	А в особенноти в том, что прогнворециг грем видам обетов,
ūprānūtabena ³ pratidethayami ⁴ /	ūvrānūtāpēna pratidēśayāmi	snying nas 'gyod pa drag pos so sor bshags //	Я от всего сердца с великим сожалением раскаиванось!
5а.			
kāṣakale bahuśrutam udyogena/	kaṣāya-kāle bahuśrutam udyogam	snvigs ma 'i dus 'dir mang thos sgrub la brtson //	В эти времена упадка ты, о выслушавший [множество учений], усердствовал в практике,
aṣṭadharmavaijākṣaṇā-moghasa[i]ddhi	aṣṭa-dharma-varjā-kṣaṇāmoghasiddham	chos brgyad spangs pas dal 'byor don yod byas/ //	Так как ты отринул восемь мирских дхарм, ты наполнил свободы и блага смыслом,
sukarmasambana tava mahācaryam/	sukarma-saṃprannāṃ tava mahācaryām	mgon po khyod kyi rlabs chen mdzad pa la/ //	О защитник, твоим великим деяниям
ahamapi harṣairanumodaya[ā]mi//	aham api harṣair anumodayāmi	bdag sag bsam pa dag pas yi rang ngo //	Мы сорадуемся чистыми умами!

¹ T.I. trīṣaṃbara.

² T.I. pratikūla.

³ T.I. ūprānūtāpēna.

⁴ T.I. pratidēśayami.

5б.			
sadguru yuṣmābhīrabho sannibhātī/ jñānādāyavānta dharmakāyaghanaḥ//	sadguru yuṣmābhīr nabhas sannibhātī [tvam] jñāna-dayavān dharmakāya-ghanah	rje btsun bla ma dam pa khyed nams kyi/ / chos sku' i mkha' la mkhyen brtse' i chu 'dzin 'khrigs/ /	Досточтимые превосходные учителя, Из собравшихся в небе дхармакайи туч мудрости и сострадания
yathāvēśa varṣa-dhārami- vakrame/ nirbhoga-saddhārna- cakkṛāvartayamam//	yathāvēśam dhārma-varṣo 'vakrāmet nirbhoga-saddhārma-cakram vartaya tam	ji ltar 'tshams pa' i gdul bya' i 'dzin ma la/ / lhun grub chos kyi char pa dbab tu gsol/ /	На землю обуздываемых учеников в соответствии с их [способностями] Пролейте дождь спонтанной дхармы!
6а.			
mama-gati-sañcaya-kuśala- mūlam/ śāsugatisarveṣu suhīta laccha//	mama gati-saṃcaya-kuśala- mūlam śśāsu-gati-sarveṣu suhito yaś ca	bdag gis ji snyed bsags pa' i dge ba 'dis/ / bstan dang 'gro ba kun la gang phan dang / /	Пусть всей этой заслугой, которую я накопил, [Я] буду приносить пользу учению и всем живым существам,
viśeṣatam āryasumatikirttiṣya/ śāsanagarbhita' cirastha bhavatu //	viśeṣatas ārya-sumatikirttiṣya śāśana-garbhō hi cirastho bhavatu	khyad par rje btsun blo bzang grags pa yi/ / bstan pa' i snying po ring du gsal byed shog/ /	А в особенности досточтимого Лобсанг Дакпы Сущности учения стану надолго светочем!

¹ T2: śāsana-garbha hi.

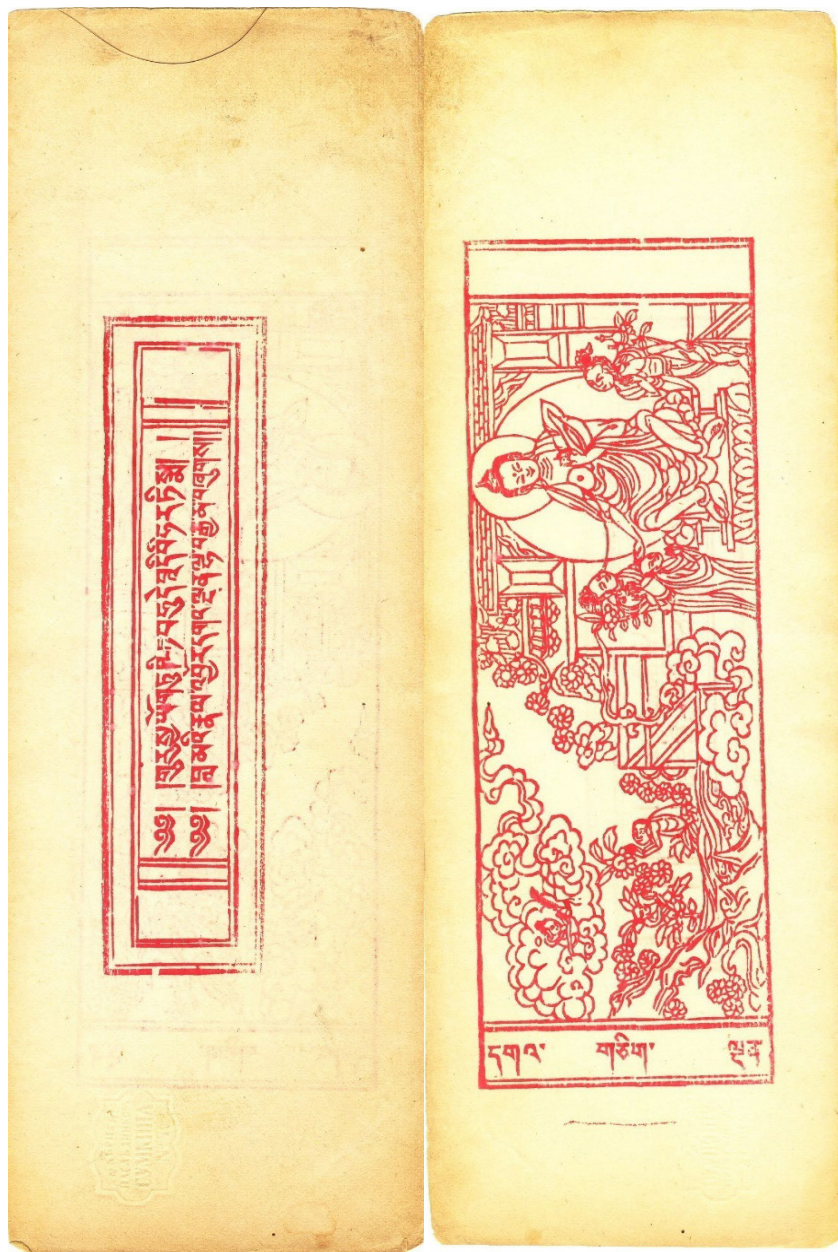
6b.			
alambhakṛtibasya ¹ bhūndhyavaloki/	nirālamba-kṛpāyā (bhū-)ni[dhir] avalokin	dmigs med brtse ba'i gter chen sruan ras gzigs/ /	Авалокитешвара, великое сокровище безобъектного сострадания,
amala-jñānasya indra mañjuḥṣa/	amala-jñānasya indra mañjuḥṣa	dri med mkhyen pa'i dbang po 'jam dpal dbyangs //	Манджушри, владыка безупречной мудрости,
hamabam ² patusya cūṭalam soṅkhapa/	himavat-patunya cūṭalam[kāra] tsonkhapa	gangs can mkhas pa'i gtsug rgyan tsong kha pa/ /	Цонкапа, драгоценный венец мудрецов страны снегов,
sumatikirttisyā padam adhyeṣayāmi/	sumatikīrtiteḥ padam adhyeṣayāmi	blo bzang grags pa'i zhab la gsol ba 'debs//	Лобсанг Драгпа, взываю у твоих стоп!
7a.			
śrīmān-guru-ratnottama-mūla- bhava/	śśrīman guru ratnottama mūlo bhava	dpal ldan rtsa ba'i bla ma rin po che/ /	Великолепный драгоценный коренной учитель,
mayā hrīdī padmasanam pratibamāḥ ³ //	mama hrīdī padmāsanam pratipannāḥ	bdag gi snying khar pad+ma'i gdan bzhugs la/ /	Воссядьте на лотосе в моем сердце
mahāprasādenam anugrahāyā mām/	mahā-prasādena 'nugrahāya mām	bka' drin chen po'i sgo nas rjes gzung ste/ /	И, заботясь обо мне своей великой добротой,
kāya-vad-mam-siddhiṃ dāya yaccha nityam//	kāya-vad-mam-siddhiṃ dadāyāc ca nityam	sku gsung thugs kyi dngos grub stsal du gsol/ /	Даруйте сиддхи тела, речи и ума!

¹ T1. alambhaktibasya.

² T1. himaram.

³ T1. pratipannāḥ.

7b.			
janmanjan-meṣu samyagguru-varaṃ/ virahita śreyodhar-masambhogitāh// kasya bhūmi sargagūṇasammanvītam/ tasya vajradharalabhan-tumituram// dharma-rāja-conkhapasya/ dharma-mata-pravardhayī/ vighna-nimitta-śāntivā/ śeṣa-hetu-sambur[n]lastu//	pratījanma bhajan samyaggurutah, nirviyogadhama-syaśivaryam bhūmimārgagūṇasamprannah san, prapṇomyacirāt vajradharapadam dharma-rāja-tsonkhapasya dharma-mata-pravarddhaye vighna-nimitta-śāntivā śeṣa-hetuḥ sampūrṇo 'stu	skye ba kun tu yang dag bla ma dang // 'bral med chos kyi dpal la longs spyod cing // sa dang lam gyi yon tan rab rdzogs nas// dpal ldan bla ma 'i go 'phang myur thob shog// chos kyi rgyal po tsong kha pa 'i / chos tshul ṅnam par 'phel ba la / / bgegs kyi mtshan ma zhi ba dang / / mthun rkyen ma lus tshang bar shog /	Во всех своих рождениях с истинным учителем Не различаясь, пусть я буду наслаждаться великолепием дхармы Обретя совершенство всех достоинств уровней и путей, Пусть я быстро достигну состояния великодушного учителя! Царя дхармы Понкапы Ради распространения дхармической традиции Пусть будут усмирены признаки препятствий, И соберутся все без исключения благоприятные условия!
Иллюстрация: Верующий, подносящий мандалу Внешнему Ямарадже на фоне алтаря с подношениями.			

ॐ । नमो भगवते वासुदेवाय । नमो भगवते वासुदेवाय ।
 नमो भगवते वासुदेवाय । नमो भगवते वासुदेवाय ।
 नमो भगवते वासुदेवाय । नमो भगवते वासुदेवाय ।
 नमो भगवते वासुदेवाय । नमो भगवते वासुदेवाय ।

ॐ नमो भगवते वासुदेवाय ॥

ॐ नमो भगवते वासुदेवाय । नमो भगवते वासुदेवाय ।
 नमो भगवते वासुदेवाय । नमो भगवते वासुदेवाय ।
 नमो भगवते वासुदेवाय । नमो भगवते वासुदेवाय ।
 नमो भगवते वासुदेवाय । नमो भगवते वासुदेवाय ।

ॐ नमो भगवते वासुदेवाय ॥

ॐ । अथानि सतु यत्पु मयस्युं प्रसुगतिसेवे सुद्विपु ।
 यथाथिदिने मसकषादिने यथाथि । पशुवदं योयवकु यथायदं यवदं । ।
 धिने म-रु सुदु सुमदि गिद्वि । सुसवगिदि र सुसुवगु ।
 पुदय मं सु सु मं वदं यथाथि । पशुवदं योयवकु यथायदं यवदं । ।

५२ ५३ ५४

अथानि सतु यत्पु मयस्युं प्रसुगतिसेवे सुद्विपु ।
 यथाथिदिने मसकषादिने यथाथि । पशुवदं योयवकु यथायदं यवदं । ।
 धिने म-रु सुदु सुमदि गिद्वि । सुसवगिदि र सुसुवगु ।
 पुदय मं सु सु मं वदं यथाथि । पशुवदं योयवकु यथायदं यवदं । ।

५५ ५६ ५७

ॐ । प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥ अथ हि प्रसन्नमस्तु ॥
 प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥ प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥
 अथ हि प्रसन्नमस्तु ॥ अथ हि प्रसन्नमस्तु ॥
 प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥ प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥

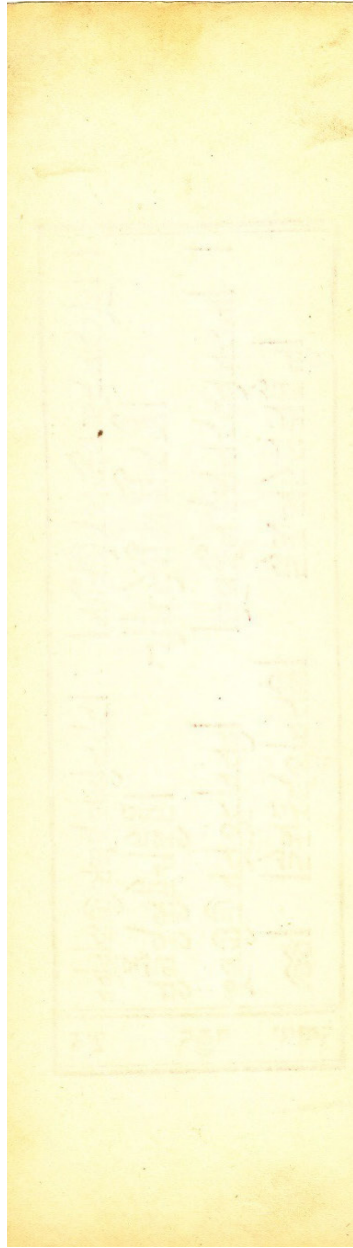
५५२ ५५३ ५५४

अथ हि प्रसन्नमस्तु ॥ अथ हि प्रसन्नमस्तु ॥
 प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥ प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥
 अथ हि प्रसन्नमस्तु ॥ अथ हि प्रसन्नमस्तु ॥
 प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥ प्रसन्नमस्तु नमस्तु ॥

५५५

Иллюстрация: Верующий, подносящий мандалу Внешнему Ямарадже на фоне алтаря с подношениями.

Выводы

Автор перевода на санскрит временами следует правилам грамматики буддийского гибридного санскрита, в других случаях он перестает следовать санскритским правилам склонения и спряжения. Сам перевод свидетельствует о знании санскритского буддийского лексического материала, однако местами в переводе использованы слова, не встречающиеся в буддийских санскритских текстах.

Сравнение санскритского и тибетского текстов показывает, что санскритские стихи в основном совпадают с тибетскими в порядке слов, хотя в некоторых случаях отклоняются от них. Возможно, эти отклонения связаны с попыткой следовать какому-то стихотворному размеру.

Итогом данного исследования является заключение, что в XIX в., когда была издана копия гуру-йоги, рассматриваемая здесь, санскрит все еще продолжал восприниматься как язык высокой культуры, его освоению уделялось внимание и оно являлось важной частью процесса обучения в тибетском буддизме, а также следующей ему монгольской традиции.

Сокращения

санскр. — санскритский;
тиб. — тибетский

Источники

Gokhale 2021 — *Gokhale P. Devaśatayoginas tuṣītalokāḥ*. Неопубликованный перевод. 2021.

T1 — [Здесь] находится [гуру-йога] «Сто божеств Тушиты» (тиб. *gurusya yoga tuṣītabahudevādi viharati sma*). Pp. 189–206 [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewInWindow-W1NLM1669%7C11NLM1669_001%7C1%7C1%7C1%7C238 (дата обращения: 16.05.2021).

T3 — [Здесь] находится [гуру-йога] «Сто божеств Тушиты» (тиб. *gurusya yoga tuṣītabahudevādi viharati sma*). Личная коллекция.

Литература

- Kapstein 2018 — *Kapstein M.* Other People's Philology: Uses of Sanskrit in Tibet and China, 14th–19th Centuries. L'espace du sens. Approches de la philologie indienne // The Space of Meaning. Approaches to Indian Philology. 2018. Pp. 465–494.
- Митруев, Дугданов 2020 — *Митруев Б. Л., Дугданов Ж. Д.* Гадание, опирающееся на ламу Цонкапу // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 1. С. 105–121. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-105-121
- Wallace 2016 — *Wallace V. A.* Tibetan Language Manuscripts and Xylographs in Mongolia // Tibetan Manuscript and Xylograph Traditions. The Written Word and Its Media within the Tibetan Culture Sphere. Hamburg: Department of Indian and Tibetan Studies, Universität Hamburg, 2016. Indian and Tibetan studies 4. Pp. 347–370.

УДК 94(47)

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-37-63

Документы об участии калмыков в военной кампании 1736 г. на кубанском направлении (по материалам Национального архива Республики Калмыкия)

*Владимир Толтаевич Тепкеев*¹, *Намсыр Александрович Шиханов*²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-7273-7253. E-mail: nshikhanov@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Тепкеев В. Т., Шиханов Н. А., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. на основе новых выявленных документов. *Целью* исследования является введение в научный оборот новых сведений об обстоятельствах подготовки и участия калмыцкой конницы в кампании 1736 г. Основными *материалами* для данной работы послужили документы Национального архива Республики Калмыкия, где отложились документы, касающиеся переписки хана Дондук-Омбо и других калмыцких владельцев с региональными администрациями на юге России, а также донесения, рапорты должностных лиц по калмыцким делам. В работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный *метод*, с помощью которого авторы сопоставили хронику событий военной кампании 1736 г. на основе совпадающих сведений, которые содержатся в большинстве источников. *Результаты.* В статье публикуются 10 документов об участии калмыцкой конницы в военной кампании

1736 г. на кубанском направлении. Каждый из документов проливает свет на многие обстоятельства ситуации, сложившейся в ханстве в период мобилизации калмыцкого войска, и военные действия калмыков при поддержке кабардинцев, донских и гребенских казаков на Кубани. *Выводы.* Ввод в научный оборот новых документальных материалов, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, станет серьезным вкладом в историческую реконструкцию событий не только Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., но и историю народов, проживающих сегодня на территории Северного Кавказа и Причерноморья.

Ключевые слова: калмыки, русско-турецкая война, Крымское ханство, кубанские ногайцы, донские казаки

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Тепкеев В. Т., Шиханов Н. А. Документы об участии калмыков в военной кампании 1736 г. на кубанском направлении (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 37–63. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-37-63

UDC 94(47)

Kalmyks in the Campaign of 1736, Kuban Front: A Case Study of Documents from the National Archive of Kalmykia

*Vladimir T. Tepkeev*¹, *Namsyr A. Shikhanov*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-7273-7253. E-mail: nshikhanov@gmail.com

Abstract. *Introduction.* The article examines newly discovered documents to further analyze the participation of Kalmyks in the Russo-Turkish war of 1735–1739. *Goals.* The work introduces new data on the actual circumstances to have preceded the involvement of Kalmyk cavalry into the campaign of 1736 and describes their combat activities. *Materials and methods.* The paper focuses on documents from the National Archive of Kalmykia — and specifically the then correspondence between Khan Donduk-Ombo, other Kalmyk landlords and regional authorities of South Russia — including dispatches and reports by Kalmyk affairs executives. The comparative historical method proved instrumental in compiling an event chronicle of the 1736 campaign on the basis of coinciding details contained in most of the sources studied. *Results.* The article publishes a total of ten documents describing the participation of Kalmyk cavalry in 1736 Kuban hostilities. Each of the former clarifies certain circumstances experienced by the Khanate during the military mobilization and sheds light on Kalmyk combat efforts supported by Kabardians, Don and Greben Cossacks. *Conclusions.* The introduced documentary materials shall significantly contribute to historical reconstruction of not only the Russo-Turkish war of 1735–1739 but also histories of all involved peoples across the North Caucasus and Black Sea Coast.

Keywords: Kalmyks, Russo-Turkish war, Crimean Khanate, Kuban Nogais, Don Cossacks

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Tepkeev V. T., Shikhanov N. A. Kalmyks in the Campaign of 1736, Kuban Front: A Case Study of Documents from the National Archive of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 37–63. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-37-63

Введение

История Калмыцкого ханства отображена во многих источниках XVII–XVIII вв. и до сих пор продолжает быть объектом внимания целого ряда исследователей. Особый интерес вызывает и такая тема, как участие калмыков в русско-турецких войнах, которые су-

щественно изменили в положительную сторону геополитическое положение Российского государства на южном и юго-восточном направлениях. К сожалению, в историографии отсутствует какое-либо отдельное большое исследование, посвященное этой теме, что, возможно, связано с недостаточной разработкой источниковой базы. Поэтому целью исследования является введение в научный оборот новых документальных сведений об обстоятельствах подготовки и участия калмыцкой конницы в кампании 1736 г.

Участие калмыцкой конницы в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. отражено в нескольких работах, которые, в основном, носят обзорный характер [Шовунов 1991; Батыров 2006; Джунджузов, Любичанковский 2019; Очиров 2009; Цюрюмов 2001; Цюрюмов 2005; Цюрюмов 2007; Цюрюмов, Батыров 2006]. В работах военных историков XIX – начала XX в. также весьма поверхностно затрагивается тема участия калмыцкой конницы в русско-турецких войнах, хотя в целом они высоко оценивали ее боевые качества [Баиов 1906; Потто 1889]. Подробно описав военную кампанию 1736 г., А. К. Баиов осветил действия калмыцкой конницы в весеннюю кампанию, которую считал неудачной, но ничего не сказал о ее действиях на Кубани в осенне-зимний период [Баиов 1906: 296, 297]. Более подробно осветил участие калмыков в этой кампании П. Г. Бутков, в целом посчитав его успешным [Бутков 1869: 197–202].

По мнению А. А. Михайлова, изучение истории Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. требует самого серьезного внимания, поскольку результаты исследования будут способствовать более ясному пониманию важных закономерностей истории отечественного военного искусства и международной политики XVIII в. [Михайлов 2012: 346]. В последние годы вышло несколько работ, которые серьезно продвинули вперед уровень исследования этой темы [Тепкеев 2019; Тепкеев 2020; и др.]. Однако до сих пор актуальным остается такой вопрос, как введение в научный оборот новых источников по истории Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. В связи с этим особо стоит отметить публикацию сборника документов «Журналы Крымских походов российской армии» 1735–1738 гг.

[Журналы 2017]. Дальнейшая публикация документов по этой теме создаст серьезную источниковую базу для новых исследований по истории русско-турецких войн.

Материалы

Основной источниковой базой к настоящей статье послужили документы Национального архива Республики Калмыкия. В первую очередь, это материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», где отложились копии указов, донесений и рапорты Астраханской губернской канцелярии и Коллегии иностранных дел по «калмыцким делам». В частности в их основу легли материалы дела № 78 «Письма калмыцких владельцев в оригинале и переводах. Донесения, рапорты из разных мест по калмыцким делам» (316 л.) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78]; № 79 – «Указы, премемерии, донесения по калмыцким делам. Письма Дондук-Омбо и других владельцев по разным делам» (238 л.) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79]; № 83 — «Письма хана Дондук Омбо. Указы и письма к нему. О походе Дондук-Омбо к кубанским татарам. О кабардинских владельцах. 1736–1740 гг.» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83]. Здесь в основном отложились уникальные документы XVIII в. астраханской и царицынской администраций по «калмыцким делам», а также личные письма Дондук-Омбо и других владельцев о подготовке и ходе кубанских походов в оригинале и переводах.

Общая характеристика источников

В статье публикуются 10 документов об участии калмыцкой конницы в военной кампании 1736 г. на кубанском направлении. Каждый из документов проливает свет на многие обстоятельства ситуации, сложившейся в ханстве в период мобилизации и военных действий калмыцкого войска при поддержке кабардинцев, донских и гребенских казаков на Кубани. Особый интерес представляет письмо калмыцкого наместника Дондук-Омбо к императрице Анне Иоанновне, доставленное через донского войскового атамана Данилу Ефремова (док. № 1). Ранее этот документ не публиковался, в нем говорится о военных действиях калмыков на кубанском направлении в весенний период кампании 1736 г.

В частности здесь есть сведения о сражении и захвате калмыками и казаками кубанских ногайцев-солтанаульцев, их расселении на новых подконтрольных землях и взятии в заложники-аманаты детей ногайских мирз. Мирзы также получили заверение в виде присяги от российской стороны и Дондук-Омбо, что по окончании войны они будут находиться под защитой и не будут выданы туркам. Ногайским владельцам было приказано кочевать по рекам Терек, Малка и Кума, близ российской границы, куда они немедленно стали перекочевывать. Ниже приводится полный текст перевода письма к императрице Анне Иоанновне от калмыцкого наместника Дондук-Омбо.

Документ № 1

*Всероссийской Державнейшей Самодержице и многих земель
обладательнице Анне Иоанновне, Ея Императорскому Величеству.*

Дондук Омбо письменно доношу о следующем.

Как я по указу Вашего Императорского Величества с войском своим пошел в поход, и первой поиск учинил. О том чрез Доита Джамчу и казака Алексея Вашему Величеству доносил. А после того учинилось следующее: татарской улус, имянуемой Солтон Улу, состоящей в 10 тысячах кибитках, содержали мы во атаке 24 дни. И между тем прибыли к нам Иван Краснощокков и гребенские казаки, и Маммет, и Хасай, сии оба кабардинские владельцы, при которых оные татары, быв во атаке еще 13 дней, напоследок нам здалися. И от четырех фамилей взяли мы у них в аманаты четырех человек и отдали Данилу Ефремову. И какую они наперед сего деду моему, хану Аюке, давали дань, оную и мне давать обещались. А улусом их приказали мы кочевать в Кабарду, а войску их при нынешнем настоящем случии быть в совокуплении с кабардинским войском. Тех же четырех фамилей султан и при нем с 200 человек мурз, все учинили присягу, чтоб быть у Вашего Императорского Величества в подданстве. При том же по их требованию, чтоб впредь от крымских приходов их охранять, мы — русские и калмыки и кабардинцы — учинили им присягу. А ныне мы со всеми своими войски пошли вниз по

Кубане к татарскому улусу, имянуемому Джетейшики Улу. И что воспоследует, о том впредь доносить будем. О протчем же приказал я Даниле Ефремову писать обстоятельно. Сие писана июня 3 дня.

У листа печать Дондук Омбина тар [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 8–9].

Документ № 2

В ответной грамоте российской императрицы Анны Иоанновны к калмыцкому наместнику всячески поощрялась его дальнейшая военная деятельность на Кубани. Несмотря на первый военный успех, далеко не все кубанцы были приведены в подданство, поэтому императрица указала продолжить поход с целью покорения оставшихся ногайцев.

К нам, Великой государыне, к нашему Императорскому Величеству доношение твое чрез присланного от Данила Ефремова здесь получено. И с которого усмотрели мы о принятии вами к нам, Великой Государыни, в подданство солтанульскаго султана и мурз с их татары. И о походе вашем для поисков над протчими кубанскими татары вниз по Кубане. И мы, Великая Государыня, наше Императорское Величество, верную твою к нам службу приемлем милостиво. И уповаем, что ты, наш верный подданный, по своей и службе нашей ревности и прилежности, о совершенном искоренении кубанских и горских татар и протчих турских подданных будешь неотменно поступать по силе нашей императорской грамоты, отправленной к тебе от 28-го минуваго мая. И по учиненным и впредь чинимым тебе указом нашим от Данила Ефремова представлениям, за что можешь ожидать наивящей нашей императорской к себе милости.

Дан в Санкт-Петербурге июня 24-го дня 1736 году [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 12].

После весеннего кубанского похода в кампании 1736 г. случился вынужденный перерыв, сопровождавшийся уходом калмыков в свои улусы в начале лета. Во-первых, река Кубань дважды в год сильно разливалась, и местные ногайцы старались откочевывать

в горные районы [Бутков 1869: 200]. Во-вторых, калмыкам необходимо было обеспечить безопасность своих улусов с востока, поскольку возникла угроза нападения казахов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 126об.].

Документ № 3

Из указа императрицы Анны Иоанновны донскому войсковому атаману Даниле Ефремову от 24 июня 1736 г. известно об обстановке на Северном Кавказе, особенно в кабардинских землях и на Кубани (док. № 3). Императрица понимала, какое большое влияние атаман имел на кабардинских князей из клана Атажукиных и калмыцкого наместника Дондук-Омбо в вопросе привлечения их к военным действиям на стороне России, поэтому она приветствовала и поощряла его успешную деятельность в этом направлении. Из документа видно, насколько большое значение российские власти придавали дальнейшему устройству ногайских мирз, казаков-некрасовцев и других жителей кубанского региона. Вместе с тем императрица настаивала на том, чтобы турецкие подданные были подвергнуты полному разгрому без проведения с ними каких-либо переговоров.

Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Войска Донскаго Старишине Даниле Ефремову доношение твое минушаго майя от 31-го, и при том и Дондук Омбин лист, здесь сего июня 20-го числа получены. И с того твоего доношения усмотрено:

1-е, что ты грамоту Ея Императорского Величества к кабардинским владельцам отправил с нарочным и от себя их к скорому походу в совокупление к Дондук Омбе для воинских действий противу кубанцов всячески склонял и побуждал, ис которых Мухамет Коргокин в тысячи пятистах человеках к вам 20-го майя и прибыл.

2-е, что солтонульские мурзы с их татары, будучи в осаде, по прибытии к Дондук Омбе в совокупление Ивана Краснощокова с командою и терских казаков, и вышереченных кабардинских войск, вступили в подданство Ея Императорского Величества. И по договору и согласию з Дондук Омбою и с Мухамедом Коргоки-

ным, тех татар с Сала Гирей султаном и мурзами дозволено им, солтанульцом, до указа Ея Императорского Величества кочевать близ Кабарды, по Терку, Малку и Куме рекам. И хотя они и желали во знак верности своей аманатов своих содержать при Дондук Омбе, но вы, представляя Дондук Омбе, что и прежде аманатов их содержаны были в городе Терке, и тем и другими резоны склонили и взяли из детей их в аманаты двух человек. Да двух же человек из их же детей, находящихся для воспитания в Кабарде, велели принять тамо. И всех четырех отвести и содержать в Кизлярской крепости. И притом вышепомянутого султана и мурз присланы от тебя и присяги. И доносишь, что оные по учинении присяг добровольно с Дондук Омбою договорились: давать ему, как то и при хане Аюке было подать, а какую имянно, також де и хан Аюка по какой причине с них подать брал, и чрез сколько лет они в подданстве российском находились и давно ль отлучились и каким образом, того в доношении твоём не упомянуто. И с тех мурз несколько человек с пятисотным числом татар их взяли вы с собою в настоящей поход, обнадежа их жалованьем Ея Императорского Величества, а особливо вышеписанного Салагирея султана за учиненную его склонность и подданству Ея Императорского Величества и что он обещает, оставя татар, с людьми своими жить при улусе Дондук Омбы и протчая.

3. Что ныне вы по общему согласию для поисков над кубанскими татараы и прочими турскими подданными, живущими в горах, темирговцы, бестенеи, пошли на них по Кубани и уже противу оных военные промыслы употребляете. И ежели оные татары, изменники некрасовцы, не допуская себя до разорения, будут покорятся Ея Императорскому Величеству, и в таком случаи каким образом с ними поступать просите указу, о чем с требованием указу же писал ты и к генералу фельдмаршалу Леси и к генералу Левашову.

4. Что Малой Кабарды владельцы Арсланбек з братьями присылал к тебе прежде узденя, а потом брата своего Татархана Бековича, представляя тебе, что ежели ты их в произшедших ссорах с Мухамедом Коргокиным примиришь и уверишь их, чтоб им от Дондук Омбы и от Красноцокова опасения не иметь, то они для действ противу кубанских татар с частию военных людей обще

с Дондук Омбою быть желают, которых ты, обнадежа и чтоб они опасения не имели, присягою уверил и обещал к примирению их с Мухамедом Коргокиным всякие средства употреблять. И тем и другими резоны склонил их к тому, что реченной Арсланбек 27-го минувшаго мая сына своего и брата, Джанбулата и Татархана и Касыма и Батукубековых с некоторою частию военных людей к вам в совокупление прислал.

И вышеписанные твои поступки и труды милостиво похваляются. И сим Ея Императорского Величества указом в резолюцию тебе повелевается:

На 1-е. Удобоозможными способы старатся тебе кабардинских владельцев Мухамеда Коргокина с братьями и других удержатъ до самого окончания вашей настоящей компани. И к действиям и искоренению турских подданных, кубанских и горских татар, яко же и Дондук Омбу поощрять и побуждать, обнадеживая их милостию Ея Императорского Величества и жалованьем. И что сим способом могут себе получить вечную безопасность и от крымского ига всеконечную свободу, и прочие присовокупляя к тому резоны по тамошнему состоянию и по вашему искусству, и по данным тебе наставлениям прежними указы.

На 2-е. Понеже здесь довольно известно, сто солтонульский Салагирей Султан и мурзы издавна с кабардинскими владельцы Мухамедом Коргокиным и с прочими имеют дружбу и согласие, також де и свойство. И по тому и Дондук Омбо по жене его в свойстве ж и приязни находятся. И для того до будущего указу быть им так, как сюда об них доносили, но между тем немедленно и чрез нарочного донестъ вам сюда обстоятельно, с которого времени и чрез сколько лет оные были в подданстве российском. И каким случае в Терскую крепость взяты были их аманаты и давно ль они от российского подданства отлучились и каким образом. Також де и хану Аюке по какой причине давали подать, и в чем та подать состояла и ныне состоять имеет. И понеже во всегдашней их при Кабарде бытности состоит опасность такая, что со временем могут оные паки на Кубань отлучится и из разных мест таких же беглецов к себе присовокупить, и, тем усиляясь, российским пограничным жителям и калмыком и других подданных беспокойство чинить. Того ради вам прислать сюда свое

мнение, написав своею рукою, каким образом оных и где впредь лутче содержать надлежит. Однако ж о сем Дондук Омбе не объявляй, но содержи в вышешем секрете, а объяви ему только о том, как ныне в отправленной Ея Императорского Величества к нему грамоте писано, которая для подания. И с нея для твоего известия копия при сем посылается.

На 3-е. О искоренении же кубанских татар и в горах живущих абазинцов, бестенейцов, темерговцов и мамшаков и протчих турских подданных иметь вам обще с Иваном Краснощокковым крайнейшее старание и ни до каких договоров с ними не допускать. По силе отправленного к тебе от 28-го минувшаго майя Ея Императорского Величества указа, с которого в запас и при сем посылается дубликат и сим о том накрепчайше подтверждается, и о искоренении оных крайнее старание прилагать повелевается. Яко не от подданства, но от искоренения оных всех российских подданных безопасность состоять имеет. Как тебе в помянутом указе от 28-го майя со всякими обстоятельству знать дано. Но ежели ж им с оных, которые, не допуская себя до разорения, будут просить о принятии их в подданство Ея Императорского Величества, и за тем к разорению их Дондук Омбу склонить весьма будет невозможно или иза неудобностию место положения разорить их будет неспособно, то в таком случае оных и в подданство Ея Императорского Величества принимать. Но только того крепко стеречь, чтоб взятые от них аманаты были ис первых и самые знатные из них люди, которых для содержания лутче отсылать в Астрахань, а не в Кизлярскую крепость, да и самих их в переведении к Астрахане или в раскосовании по калмыцким улусом чинить по силе вышеписанного ж указа от 28-го мая к тебе отправленному. Что ж касается до некрасовцов, как бы накрепче их утвердить в верности к Ея Императорскому Величеству, но при том того смотреть, чтоб тем ныне в настоящем деле какого помешательства не учинить. И ежели что такое предусмотрите, то, не всчиная того, можете между ими навремя перемирие учинить, объявляя, что для совершенного их примирения по окончании настоящей компании может определена быть нарочная особа, а между тем прислать тебе сюда свое о том мнение, каким образом возможно при таком их примирении оных в лутчей

впредь верности, как вышеупомянуто, утвердить, чтоб сим случаем пользаватца возможно было.

Дан в сентябре 1736 году июня 24 дня. Таков оригинал отправлен за подписанием Господ Кабинетных Министров [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 16–19об.].

В Петербурге высоко оценили военный вклад калмыков в начало кампании и были довольны Дондук-Омбо, его «знатным поиском над кубанцами». Императрица Анна Иоанновна указом от 11 августа повелела ежегодно и пожизненно выдавать калмыцкому наместнику сверх прежнего оклада дополнительно 2 500 руб. и 1 000 четвертей ржаной муки [ПСЗРИ 1830: 897, 898].

Документ № 4

Однако из приведенного ниже донесения полковника В. П. Беклемишева от 30 августа 1736 г. видно, что далеко не все в калмыцком обществе разделяли мнение об успехе весеннего похода Дондук-Омбо. Например, из разговора полковника с калмыцким владельцем Дондук-Даши, основным политическим оппонентом наместника, ясно, что калмыки на Кубани понесли существенные потери в живой силе, а захват кубанских ногайцев ограничился только женщинами и детьми. Альтернативные точки зрения калмыцких владельцев и других информантов на результаты участия калмыков в военной кампании 1736 г. позволяют полноценно взглянуть на события.

30 августа 1736 года. Полковник Беклемишев съехал калмыцкого владельца Дундук Дашу выше Астрахани, при урочище Балчук. И того же числа был у него в кибитке и грамоту Ея Императорского Величества, и письма господина вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана, и хана Черен Дундука ему подал.

Дундук Даши, прочет тое Ея Императорского Величества грамоту и письма, ответствовал, что он по воле Императорского Величества служить готов, войск избирать велит. И хотя у него улусу имеется кибиток близ тысячи, только все безскотны и весьма скудны и не имеют у себя лошадей, и кормятся, удя рыбу, и ночуют в лодках. Только де сколько может собрать, о том и ему

половину, посоветав с ханшей, придет известие. А самому ему в поход по нынешним случаем, оставя свой улус, идти невозможно:

1. что он еще с Дундук Омбою не премирился;

2. ежели он от улусу отлучится, то улусные ево люди без него все разбредутся, а при себе он их содержит ласкою. А во время опасности как от касак, так Дундук Омбы, содержит при Астрахани.

И за несчастием себе то причитает, что по воли Ея Императорского Величества за показанными нужды службы своем показать не может. И во оной де поход отправит с войским брата своего. Что же де в грамоте Ея Императорского Величества упомянуто о службе Дундук Омбиной противу кубанцов, и Дундук де Омбе служит Ея Императорскому Величеству есть кем, понеже он имеет улусы как ханские, так ханшины, и Галдан Данжиновы и Дундук Дашины и протчих владельцев в своих руках, которые как лошада(ь)ми, так и протчим скотом довольны. Однако ж де ныне ево показанная заслуга не велика, токмо де оное говорит он ни по какой злобе, но самую истину объявляет. Понеже де он ни одного кубанца в глаза не видал, а напал на один малинкой улусец салтанулских татар, которые издавна бывали поданные деда их, Аюки хана, и кочевали близ кабардинских черкес, а платили хану подать бурметми. А поскол(ь)ку того де не упомнит, и во время бытности Бакта Гирея Дели салтана на Кубани подались в ево владение. И Дундук де Омбо хотя оной улус и розбил, только себе невеликую добычу получил: взятых де калмыками робят и баб, которые не могли в лес уйти, не более пяти тысяч души, а лошадей почти ничево и скота малое число. А своих при том взятые потеряли более осьмисот человек. И в том де походе калмыки съели своих и походных по лошади, о чем де он ведает заподлинно чрез своих калмык, которые живут при Дундук Омбе. И были в том походе как ханские, так и ево калмыки. Салтанульских татар не только самих знают, но и жен поименно. А кубанцам де ныне еще от калмык ничего не показано. И ежели де ему ныне он, полковник, не поверит, то может после уведать чрез терских черкес, понеже де они с терскими жители обязаны свойством: терские у них берут за себя, и своих дочерей отдают за салтанульцов.

Полковнику Беклемишеву говорил по силе присланного к нему указа. Дундук Даши отвечал то же, что он бы с охотою в

нынешней поход итти готов, только за показанными притчинами ему от улуса отлучится невозможно, а пошлет брата своево. И сколько может собрать людей на лошадях, о том, посоветовав с ханшию, ево полковника уведомит.

Потом полковник Беклемишев от него поехал в свою ставку [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 67–69].

Документ № 5

Сведения о калмыцких делах поступали в региональную администрацию из различных источников. В Царицыне эту информацию могли получить не только от официальных лиц с калмыцкой стороны, но и в частных беседах представителей администрации с простыми калмыками в общественных местах, например на Калмыцком Базаре. Так, калмык Темир 14 августа 1736 г. сообщил В. П. Беклемишеву, что Дундук-Омбо перед вторжением в кубанский регион предупредил местных мирз о готовящемся нападении, и что это якобы было обусловлено его прежними с ними договоренностями.

В Царицыне у калмыцких дел полковнику господину Беклемишеву. Гунги Дорджина владения калмыченин Темер словесно объявил, что калмыцкой владелец Дундук Омбо со всем[и] своими и протчими улусами идет к Волге. И намерение имеет чрез Волгу на луговую сторону переправляться. А переправясь на луговую сторону, пойдет к Яику. А близ Волги кочевать опасность имеет от российской стороны, чтоб за бывшую от него противность чего ему не учинили. Понеже он, Дундук Омбо, прежде больше склонен был к крымцом и кубанцом, и имел с ними присягу, чтоб ему к их стороне противного не чинить, а обхождение иметь с ними дружеское. По сему он, Дундук Омбо, в прошедшую зиму неоднократно к кубанским татарам посылал от себя нарочных своих людей с объявлением, чтоб они, кубанские татары, были во всякой осторожности. Також и, будучи в походе, пред самым на них, татар, нападением, послал же им объявить, что он, Дундук Омбо, со всеми войски своими идет их, татар, воевать по наряду от российской стороны, и дабы они, татары, со всяким поспешением убирались и кочевали бы вдали к горам. По сему они,

татары, так и учинили. А ежели им от него, Дундук Омбы, к ним, татарам, объявление и не было, то де все калмыцкое войско могло на них, татар, напасть в самой их оплошке и никого бы из них, татар, не упустить [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 27–27об.].

Документ № 6

Дондук-Омбо через ногайских пленников узнал, что его весенний поход не достиг особых результатов, поскольку ногайцы продолжали кочевать по Кубани, сжали весь свой хлеб и заготовили на зиму сено. Более того, они намеревались идти в набег на Дон, к чему активно готовились. Также кубанский пленник поведал калмыкам об отступлении из Крыма русской армии Миниха [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 129об.].

Из ордера генерал-аншефа Василия Левашова от 22 сентября 1736 г. к полковнику В. П. Беклемишеву известно об отправке калмыцкого войска на соединение с донскими казаками. В частности об этом ему письменно сообщил донской старшина Данила Ефремов, близкий друг наместника Дондук-Омбо. 20 сентября старшина сообщил в Царицын о готовности Дондук-Омбо уже 8 октября выступить с войском из улусов в новый кубанский поход совместно с трехтысячным отрядом донских казаков. К 15 октября они планировали соединить два войска в урочище в верховьях реки Кагальник, а 18 октября встретиться уже с кабардинским отрядом [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 106]. Документ дает представление о мобилизационной организации калмыков и донских казаков в условиях военных действий, а также о согласовании маршрута передвижения войск.

Благородный и высокопочтенный господин полковник.

По многим и строгим Ея Императорского Величества присланным указом повелено всевозможное для пользы, в коих Ея Императорского Величества интересов старание имеет, Дунду Омбо, калмыцкого владельца, для разорения и искоренения кубанцов к кубанскому походу склонять, о чем всеми мерами я простирался. И обретающегося при Дунду Омбе донского войска старшину Данилу Ефремова с пристойными к тому наставлениями

крепкими ордерами непрестанно ародировал. А сего сентября 20 дня от него, Ефремова, чрез нарочно пристойных казаков получил я письмо, в котором, между прочим, пишет, что по многом домогательстве он, Дунду Омбо, к тому кубанскому походу весьма склонен. Явился и намерение положил: из улусов выступил будущего октября 8 числа, а с донскими казаками, которых в тот поход по всемилостивейшему Ея Императорского Величества указу определено три тысячи человек соединитца в вершине речки Кагальника вышеописанного октября 15 числа, а 18 числа с кабардинцами на речке Ея и места он назначел. Причем он, Ефремов, мне доносил и просил, чтоб обретающееся при Царицынской линии войска донского походного атамана Романа Емельянова с частию команды ево казаков и имеющихся команды атамана Персицкаго вместо донских казаков триста человек. И у калмыцких дел в команде вашей и волжских, царицынских и черноморских казаков в настоящей поход прислать, чтоб оные к Черкасскому октября к 15-му числу конечно прибыть могли. И, ваше благородие, извольте казаков по вышеописанной надобности немедленно тех в команде вашего благородия при калмыцких делах казаков выслать, чтоб оные к 15-му числу октября всемерно к Черкасскому прибыть могли, о чем к царицынскому коменданту, полковнику господину Кольцову ордер, а к атаману Персицкому указ от меня послан. И донскаго войска о наряде казаков от меня ординовано.

Вашего высокоблагородия слуга Василей Левашов. Сентября 22 дня 1736 году [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 106–106об.].

Документ № 7

Из донесения донского старшины Данилы Ефремова от 15 октября 1736 г. к полковнику В. П. Беклемишеву известно о мобилизации калмыцкого войска для отправки в кубанский поход. Из него также видно, насколько политически нестабильна была ситуация в калмыцких улусах накануне военных действий. Старшина подчеркивал, что Дондук-Омбо использовал практически все мобилизационные возможности Калмыцкого ханства, оставив улусы почти незащищенными с восточного направления. Более того, оставался неурегулированным вопрос его взаимоотношений с основными политическими противниками — Дондук-Даши и Галдан-Данджи,

чьи люди могли бы нанести урон его улусам во время кубанского похода. В документе отображено взаимодействие царицынской и астраханской администраций в урегулировании этого сложного вопроса [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 178–178об.].

Высокоблагородный и высокопочтенный господин полковник Василий Пахомович.

Сего октября 15 дня Дондук Омбо со всеми калмыцкими войсками ко искоренению кубанцов из улусов в поход выступил, а улусы свои так при самом малолюдстве, что кроме духовных и в службу неходных оставил. И требовал от меня, чтоб я писал к вашему высокоблагородию и в Астрахань, к господину бригадиру и обер коменданту Юнгеру о недопущении к разорению на оставших ево улусы калмык Дондук Дошиных. А ежели де паче чаяния от оных калмык набегу унеты не будут, то намерен был он половина войска своего оставить, что я, видя, принужден ево обнадежить, дабы ни малого сумнения о том не имел и с помощью божиею со всеми войсками намерены в путь следовать. Того ради изволите ваше высокоблагородие для высокого Ея Императорского Величества интересу и весьма надобнаго при нынешних полезных случаях кубанского походу о содержании в твердой команде кочующих за Волгою калмык предложить Дондук Даши и Галдан Данжину или определить по Волге в удобных местах караул, которья б могли от воровства удерживать тамошних калмык, и при нынешнем воинском случае наобороты Дондук Омбе не придать какова сумнения, о чем от меня в равной же силе к господину бригадиру и астраханскому обер коменданту Юнгеру писано, которое при сем прилагаю. И прошу, дабы оное письмо чрез нарочных [в] Астрахань немедленно было отправлено.

Вашего высокоблагородия покорный слуга Данила Ефремов. Октября 15 дня 1736 году. Из Пяти Изб [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 178–178об.].

Документ № 8

Особый интерес представляет так называемый «экстракт» дворянина С. Везелева в Коллегию иностранных дел. Среди прочей информации в этом документе встречаются сведения о калмыц-

ко-кабардинских переговорах относительно участия калмыков в кубанском походе. В частности мы видим, как Дондук-Омбо подвергался политическому давлению со стороны кабардинских родственников своей супруги из клана Атажукиных, чтобы тот отказался от участия в кубанском походе и не во всем доверял бы российской стороне [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 125–125об.].

Также С. Везелеву через калмыцких информаторов было известно о ситуации на границе с Кубанской Ордой, где действовали небольшие калмыцкие разведывательные отряды, вступая иногда в боестолкновение с аналогичными отрядами кубанских ногайцев. В период мирного затишья Дондук-Омбо очень интересовало положение дел в приграничной зоне и время от времени он отправлял в степь подобные отряды, которые часто истреблялись противником и не возвращались в обратном направлении в улусы [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 128–128об.].

Но иногда такие отряды благополучно возвращались домой и приводили пленных «языков». Так Дондук-Омбо стало известно, что его весенний поход не нанес большого урона кубанским ногайцам: они продолжали кочевать на прежнем месте и даже собрали урожай и запаслись на зиму сеном. Подобная информация была полезна не только калмыкам, но и российским властям, поскольку кубанские ногайцы в условиях начавшейся русско-турецкой войны не отказывались от возможности нападения на донских казаков [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 129об.].

Вместе с тем С. Везелеву стало известно, что некоторые кубанские мирзы пытались вступить в переговоры с Дондук-Омбо. Правда, о цели и результатах такой встречи дворянин так и не узнал, о чем и сообщил в Коллегию иностранных дел. О настроениях наместника калмыцкие информанты регулярно докладывали, в том числе о его серьезных опасениях в отношении Дондук-Даши и Петра Тайшина [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 131–131об.].

1736 год 23 августа. Сказывал дворянину Везелеву дмитриевской крещеной калмыченин Дамричин, что сказывал де ему, Дамричину, Тогмут Утеи, которой ушел зимою из башкир и ныне жи-

вет в улусе у владельца Лабан Дундука, якобы башкирцы в числе 74 кибиток, у которых главными — Хазбулатов Чумай, да брат его Чемаша, Теленчи, да Балту Батур, а звание их местечку — Жухаргас, хотят уйти в калмыцкие улусы.

Такоже де горские черкасы в первом походе на кубанцов Дундук Омбу унимали, чтоб он на них, кубанцов, не ходил, ибо де они, кубанцы и крымцы, всегда с ними вместе. А ежели де он, Дундук Омбо, на них, кубанцов, пойдет, то де только их в сердце приведет. А россияня де за них, калмык и черкес, стоять не будут [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 125–125об.].

Того сентября в 10. У Царицына на калмыцком же торгу сказывал дворянину Везелеву по знакомству владения Четырева сына, Гунги Доржси, калмыченин Темир, что в августе де месяце калмыцкого народа главной управитель Дондук Омбо посылал от себя партию в 30-ти человеках калмык своих на Кубань для взятъя языков. И оная де партия дошла было до урочища Харасалу. И наехали они, калмыки, на партию ж кубанских татар, и их, калмык, они, татара, побили и несколько в полон взяли, токмо де их, калмыцкой партии, в улусы свои ушло два человека. Да в те ж числа кубанские ж татара у Гунги Доржсина зайсанга Маруки отогнали несколько конского табуна. И по оным известиям показанной Дундук Омбо хотел означенного сентября 10-го дня для престоления своих улусов на край оных с войском выступить. А он де Дундук Омбо сам с войском не будет, ибо де он болен французскою болезнию, и нарочно гласит, что при том войске он, Дундук Омбо, будто сам будет, но пошлет де при том войске сына своего Галдан Норму [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 128–128об.].

Того ж сентября в 13 де у Царицына на калмыцком же торгу сказывал дворянину Везелеву в разговорах Четерева владения калмыченин Бошулдук, что посылана была калмыцкого народа от главного управителя Дундук Омбы партия на Кубань для взятъя языков. А когда оная партия послана была, про то он, Бошулдук, не ведает. Токмо де оная партия, достав одного кубанского татарина, возвратилась паки в свой улус в нынешнем месяце. И через одного кубанского татарина Дундук Омбо уведомился, якобы кубанские татара все по Кубани по прежним своим местам

кочуют, також и посеянной свой хлеб весь зжали и сена в зиму себе заготовили. И намерены идти на Дон, чего для они, кубанские татары, избираются. А когда пойдут и для разорения российских жилищ или, перейдя Дон, для проходу в Крым, о том он, Бошулдук, подлинно неизвестен. А российские войска за неимением у себя провианта ис Крыму все вышли [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 129об.].

Того ж сентября в 20 де у Царицына на калмыцком же торгу владения Четерева сына Гунги Доржи калмыченин Темир по знакомству дворянину Везелеву объявил, что в минувшем августе месяце, в последних числах, присланы были с Кубани от кубанских татар к главному над калмыцким народом управителю Дундук Омбо кубанские татары, которые от него, Дундук Омбо, отпущены паки на Кубань сего сентября в первых числах. А зачем они, татары, к нему, Дундук Омбе, присланы были и во скольких человеках, и от кого имянно, и как их присланных татар зовут, и с каким ответом от него, Дундук Омбы, они, татары, паки на Кубань отпущены, о том он, Темир, подлинно не ведает. Да сего ж сентября в 14 де он же Дундук Омбо послал от себя к кубанским татарам своих послов Тогмута Хунгурына, а во скольких человеках он, Хунгурын, от него, Дундук Омбы, послан и зачем, про то он, Темир, подлинно не ведает же. Да он же Дундук Омбо между своими калмыками в разговорах упоминал, что ему на Кубань идти с войским никак невозможно, ибо де он слышит, что хан Черен Дундук и крещеный владелец Петр Тайшин будут на него с войским, чего де для он, Дундук Омбо, собрав свой войски, для претергания своих улусов будет стоять на край оных [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 131–131об.].

Документ № 9

Более подробную информацию о калмыцко-кубанских переговорах мы получаем из донесения дворянина Сергея Ваулина саратовскому воеводе В. П. Беклемишеву. Ему через калмыцких информаторов стало известно, что какая-то часть кубанских мирз обратилась к Дондук-Омбо с просьбой принять их в подданство из-за угрозы быть разгромленными в ходе начавшейся войны. Именно

это обращение мирз и стало своего рода сигналом к выступлению калмыцкого войска на Кубань осенью 1736 г. Ввиду сохранявшейся угрозы нападения со стороны казахов Дондук-Омбо приказал начать и завершить кубанский поход в течении двух месяцев [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 216, 216об.]. В Царицыне получили сведения, что 15 октября Дондук-Омбо с войском выступил из улусов. Как сообщал калмыцкий правитель, в кубанский поход он вышел практически со всеми имеющимися силами. Поэтому он требовал от царицынских и астраханских властей полностью обеспечить безопасность калмыцких улусов, на что получил полное заверение [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 178].

Сего октября 13-го дня наведался я при Черном Яре Дундук Омбина владения чрез калмыченина Аюшу, которой мне сказал за-тайно. В нынешнем де лете посылал помянутой владелец Дундук Омбо калмык своих для взятъя языков на Кубань кубанских татар. И оные де калмыки в той партии были розбиты кубанскими татарами и взяты были в полон. И быв де тама, ныне оные калмыки отпущены ко оному владельцу Дундук Омбе, а именно калмыченин Габа с семью человек. И прибыли к нему сего октября 8-го дня и привезли де к нему, Дундук Омбе, кубанских татар от мурз письма, которые де просят у Дундук Омбы об смирении, и чтоб де он принял их к себе в подданство, за тем, что де с ним, Дондук Омбою, и с русскими воеватца не могут. А при тех де письмах с ними, калмыками, посланца их, татарского, никого не прислано. А улусы де оных татар кочуют по сю стороны Лабы и Кубану, близ сюды Малого Кубану. То де потом Дундук Омбо приказал в улусех своих калмыком идти в поход немедленно. А сам де хотел подыматца сего ж октября 16-го дня, а в улусах де своих приказал, чтоб идти в поход немедленно, чтоб возвратитца назад в два месяца.

Також де имеет с луговой стороны от касак опасение, а каракпацких и касацких послов в улусах де у Дундук Омбы ныне никаких не имеется. А о чем и от кого впредь наведуясь, о том до вашего высокородия репортовать буду.

По велению дворенина Сергея Ваулина каманды калмыцких дел казак Яков Муригин подписался. Ис Черного Яру октября 15-го дня 1736 году [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 216, 216об.].

Документ № 10

Среди сведений, полученных в Царицыне, особо интересны показания калмыка Сетера Абаева, который 4 декабря 1736 г. сообщил об отправке наместником Дондук-Омбо разведывательного отряда на Кубань и о калмыцко-крымских переговорах. Отряд постигла неудача: при столкновении с кубанцами он был полностью уничтожен. Через пленного калмыка Даржи¹ крымский хан Фетих-Гирей II отправил к Дондук-Омбо письмо, в котором он напоминал ему о данной им присяге, «что[бы] им, крымцов и кубанцов, никакой противности не чинить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 220].

Крымский хан упрекал наместника в нарушении данной присяги и советовал ему оставить свои попытки нападений на ханских подданных. Однако Дондук-Омбо отказал хану, мотивируя это тем, что теперь он должен так поступать, «спасая живот свой» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 220об.].

Вместе с тем калмыцкие осведомители сообщали о настроениях, царивших среди калмыков. В улусах циркулировали слухи о возможной казахской угрозе: якобы казахи готовы выступить совместно с кубанцами против калмыцких улусов. Правда, по сведениям калмыцких информаторов в Царицыне, инициатором слухов был сам Дондук-Омбо, которого весьма тревожили сведения о выводе русской армии из Крыма: калмыцкая сторона в этих изменившихся условиях не хотела окончательной ссоры с кубанскими ногайцами [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 220об.].

1736 декабря 4 дня. В Царицыне у Калмыцких дел полковнику господину Беклемишеву бывшаго ханского владения, обретающагося в Дондук Омбиных улусах, зайсанга Септеня, калмыченин Сетер Абаев словесно объявил, что в прошедшем месяце сентябре посылал Дундук Омбо на Кубань для взятия языков партию числом пятнадцать человек, в которой был их, Септенов, калмыченин Даржа. И помянутую партию кубанские татары розбили, а реченного Даржю, поймав, посылали в Крым к хану. И крымской хан дал ему, Дарже, письмо на имя Дундук Омбы и отпустил паки

¹ Так в источнике. Современное написание — Доржи.

в калмыцкие улусы. И минувшаго ноября месяца, в последних числах, реченной Даржа к Дундук Омбе в войско приехал и посланное с ним от крымского хана письмо ему, Дундук Омбе, подал, в котором написано, что он, Дундук Омбо, во время своей нужды жил под охраною ево, ханскою, и просил, чтоб не был оставлен, к тому ж и присягал, что им, крымцов и кубанцов, никакой противности не чинить; а ныне он, Дундук Омбо, то все оставя и забыв свою присягу, с российской стороны на их крымских поданных и войною нападение чинит, чего б ему, Дундук Омбо, памятуя свою присягу, делать не надлежало. На что де Дундук Омбо сказал, что он во время нужды своей в их границах кочевал и присягал за необходимою нуждою, спасая живот свой, а ныне он, Дундук Омбо, також спасая живот свой, так поступает. Да он же, Сетер, объявил, что де Дундук Омбо в поход хотя и выступил, точию во всех улусах пустил эхо, что будто Лубжса поймал касацких посланцов двух человек, которые ехали на Кубань с ведомостью, что они, касакки, с ними, кубанцы, заодно и будут воевать калмыцкие улусы. И что он, Сетер, объявляет, что ложь и никаких касакков у Лубжси в поимке не имеется, только для того, чтоб, тем отговариваяся, на Кубань в поход не идти. И по всему он, Сетер, признавает, что помянутому калмыцкому на Кубань походу действительно быть не надеется, понеже по выходе ис Крыму российских войск, калмыки россиян перед крымцы поставляют безсильные и того ради опасаются с кубанцы ссорится [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 220–220об.].

К сожалению, в материалах Национального архива Республики Калмыкия не удалось обнаружить более подробные сведения по осенне-зимней кампании калмыков на Кубани в конце 1736 г. Из материалов П. Г. Буткова известно, что по дороге к калмыцкому войску присоединились донские казаки во главе с полковниками Д. Ефремовым и И. Краснощековым, — объединенный корпус, таким образом, насчитывал уже 25 тысяч человек. 19 ноября объединенные силы калмыков и казаков выступили на Кубань, 30 ноября они подошли к р. Егорлык [Бутков 1869: 200]. В междуречье Кубани и Лабы они обнаружили кочующих ногайцев-едишкульцев, которые в состоянии были выставить на поле боя до 20 тысяч

конницы. Несмотря на сопротивление ногайцев, в начале декабря донские казаки и Дондук-Омбо атаковали кубанцев с разных направлений. По сведениям П. Г. Буткова, Дондук-Омбо прошел всю территорию по реке Кубани до Азовского моря, нанеся существенный урон Кубанской орде, в том числе и столице кубанского сараскера — крепости Копыл [Бутков 1869: 200, 201].

Заключение

Активное участие калмыцкой конницы в кампании 1736 г. было обусловлено, в первую очередь, решением российского правительства наделить властью наместника ханства Дондук-Омбо. Выбор этой кандидатуры имел решающее значение в русско-калмыцких отношениях в тот период, так как именно Дондук-Омбо был в состоянии обеспечить на кубанском направлении наступление калмыков при поддержке донских казаков, чтобы прикрыть левый фланг русской армии. Смена политической ориентации в пользу России требовала от Дондук-Омбо не только военной активизации в начавшейся кампании, но и достижения реальных успехов на кубанском направлении. В течение 1736 г. калмыцкая конница успешно провела боевые действия на территории Кубани, дважды совершив походы в этот регион. Российское правительство по достоинству отметило действия калмыцкого наместника на Кубани и в следующую кампанию 1737 г. также рассчитывало на военный ресурс калмыцкой конницы на крымском направлении. Участие калмыков в кампании 1736 г. было высоко оценено правительством и императрицей Анной Иоанновной, доказательством чему может послужить тот факт, что уже в марте 1737 г. государыня пожаловала Дондук-Омбо ханский титул.

Представленные документы отчетливо показывают, насколько сложной была политическая ситуация не только в русско-турецких отношениях на тот момент, но и в самом Калмыцком ханстве. Она осложнялась постоянной угрозой нападения казахов на калмыцкие улусы и нестабильной обстановкой на Северном Кавказе. В этих условиях Дондук-Омбо все-таки выполнил взятые на себя обязательства перед российским правительством, выставив в походе

ды 1736 г. практически все имеющиеся у него вооруженные силы. Здесь также стоит отметить большие организационные способности донского атамана Данилы Ефремова, сумевшего привлечь к военным действиям не только калмыцкие войска, но и кабардинские отряды.

Дальнейшее исследование архивных материалов, касающихся участия калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг., и их публикация представляют вполне перспективное направление в отечественной историографии. В отличие от главных театров военных действий, исследование которых достаточно полно представлено в работах военных историков, второстепенный кубанский театр военных действий требует дополнительного изучения. Соответственно, ввод в научный оборот новых документальных материалов того времени, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, станет серьезным вкладом не только в историческую реконструкцию событий русско-турецкой войны, но и в историю народов, проживающих сегодня на территории Северного Кавказа и Причерноморья.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Баиов 1906 — *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны Т. 1. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1906. 828 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батыров 2006 — *Батыров В. В.* Участие калмыков в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокведные исследования в Калмыкии. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2006. С. 27–34.
- Богуславский 1892 — *Богуславский Л. А.* История Апшеронского полка. 1700–1892. Т. 1. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1892. 566 с.
- Бутков 1869 — *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1893 год. Ч. 1. СПб., 1869. 545 с.

- Джунджузов, Любичанковский 2019 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. № 3. С. 494–524.
- Журналы 2017 — Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: сборник документов / сост. П. А. Аваков. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.
- Кундакбаева 2005 — *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е. И. В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.
- Михайлов 2012 — *Михайлов А. А.* Русско-турецкая война 1736–1739 гг.: историографический аспект // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 16–18 мая 2012 г.). Ч. II. СПб.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2012. С. 332–348.
- Новолетов 1884 — *Новолетов М. Г.* Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демкина, 1884. 79 с.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Участие калмыков в войнах 1724–1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 410–420.
- Петрухинцев 1998 — *Петрухинцев Н. Н.* Война с пространством // Родина. 1998. № 5–6. С. 62–66.
- Потто 1889 — *Потто В. А.* Два века Терскаго Казачества (1577–1801). Т. 2. Владикавказ: Электротпечатня Типографии Терскаго Областного Правления, 1912. 256 с.
- ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. IX. 1733–1736. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1016 с.
- Тепкеев 2019 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки, казахи и кубанские ногайцы в кампании 1738 г.: одна из малоизвестных страниц Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Былые годы. 2019. № 4. С. 1459–1469. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1459
- Тепкеев 2020 — *Тепкеев В. Т.* «По указу Ея Императорского Величества обретается на Кубани для поиску над тамошними татарами». Участие калмыков в кампании 1739 г. Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Былые годы. 2020. № 1(55). С. 23–30. DOI: 10.13187/bg.2020.1.23

- Цюрюмов 2001 — *Цюрюмов А. В.* Калмыки в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Актуальные вопросы российской военной истории: мат-лы XXIII Всерос. заоч. науч. конф. СПб.: Нестор, 2001. С. 27–28.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 160 с.
- Цюрюмов, Батыров 2006 — *Цюрюмов А. В., Батыров В. В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: Джангар, 2006. 95 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

УДК 2-76

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-64-78

«Астраханские епархиальные ведомости» как источник по истории православной миссии в Калмыцкой степи в начале XX в.

Андрей Алексеевич Курапов ¹

¹ Калмыцкий научный центр Российской академии наук (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

0000-0002-0521-2710. E-mail: Akurapov78@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Курапов А. А., 2021

Аннотация. *Введение.* «Астраханские епархиальные ведомости» — официальный журнал Астраханской и Енотаевской епархии, выходивший в 1875–1918 гг. Значительный объем публикаций журнала составляют статьи, посвященные быту, обычаям, религии калмыков и распространению христианства в Калмыцкой степи. *Цель* исследования — выявление, анализ, исследование и введение в научный оборот материалов «Астраханских епархиальных ведомостей», посвященных состоянию, направлениям развития миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи в начале XX в. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели исследования был проведен анализ публикаций «Астраханских епархиальных ведомостей» 1900–1918 гг. Объектом анализа стали 17 тематических статей, авторами которых являлись священнослужители Астраханской и Енотаевской епархии. Осуществлено разделение публикаций на пять групп (публикации о приеме калмыками православия, аналитические отчеты о миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи, религиозный диспут православного священнослужителя и ламы, публикации по истории православной миссии в Калмыцкой степи, отчеты о посещении миссионерских центров астраханским губернатором и епископом), охарактеризовано значение материалов журнала для историографии миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи в начале

XX в. *Выводы.* Значимость материалов «Астраханских епархиальных ведомостей» по истории и развитию православной миссии в Калмыцкой степи в начале XX в. в том, что их авторы, православные священнослужители, были непосредственно связаны с миссионерской деятельностью, использовали зачастую не дошедшие до настоящего времени архивные материалы. Объективный анализ успехов и проблем православной миссии авторами публикаций позволяет дополнить имеющийся объем источников по истории православия в Калмыцкой степи.

Ключевые слова: Астраханская и Енотаевская епархия, Астраханские епархиальные ведомости, Астраханский епархиальный комитет, миссионерская деятельность, Калмыцкая степь, миссионерский стан, крещение
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Курапов А. А. «Астраханские епархиальные ведомости» как источник по истории православной миссии в Калмыцкой степи в начале XX в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 64–78. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-64-78

UDC 2-76

Orthodox Christian Mission in Kalmyk Steppe, Early 20th Century: *Astrakhanskie Eparkhialnye Vedomosti* (Journal of Astrakhan Eparchy) as a Historical Source

*Andrey A. Kurapov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0521-2710. E-mail: Akurapov78@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Kurapov A. A., 2021

Abstract. *Introduction.* The Journal of Astrakhan Eparchy (Russ. *Astrakhanskie eparkhialnye vedomosti*) was the official periodical of Astrakhan and Yenotayevka Eparchy in 1875 to 1918. Quite a share of the published articles dealt with household life, customs, religion of the Kalmyks, and dissemination of Christianity in Kalmyk Steppe. *Goals.* The study aims to identify, analyze, investigate and introduce materials contained in journal issues and covering the actual state and directions for further development of Russian missionary activity in early 20th century Kalmyk Steppe. *Materials and methods.* So, the paper analyzes journal issues published between 1900 and 1918. *Results.* A total of seventeen related articles authored by clerics of Astrakhan and Yenotayevka Eparchy were studied. The publications cluster into five groups as follows: messages on Kalmyk converts, analytical reports on Russian missionary activity in Kalmyk Steppe, religious dispute between Orthodox priest and Lama, articles on the history of Orthodox Mission in Kalmyk Steppe, reports on visits to missionary centers paid by Astrakhan Governor and Bishop. The work also evaluates the significance of the examined materials for historiography of Russian missionary activities in Kalmyk Steppe at the beginning of the 20th century. *Conclusions.* The importance of the examined materials on the history and development of Orthodox Christian Mission in Kalmyk Steppe is determined by that their authors — Orthodox priests — were direct participants of missionary activities proper and often used archival materials that never survived to the present. Objective analyses of the Mission's successes and problems by authors of publications makes it possible to supplement the existing set of sources on the history of Orthodox Christianity in Kalmyk Steppe.

Keywords: Astrakhan and Yenotayevka Eparchy, Journal of Astrakhan Eparchy, Astrakhan Eparchial Committee, missionary activity, Kalmyk Steppe, missionary camp, baptism

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Kurapov A. A. Orthodox Christian Mission in Kalmyk Steppe, Early 20th Century: *Astrakhanskie Eparkhialnye Vedomosti* (Journal of Astrakhan Eparchy) as a Historical Source. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 64–78. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-64-78

Введение

«Астраханские епархиальные ведомости» — официальный печатный орган Астраханской и Енотаевской епархии, издавался с 1875 г. по 1918 г. Решение о необходимости учредить епархиальное издание было принято астраханским епископом Феогностом в 1871 г., однако первый выпуск журнала вышел только при епископе Хрисанфе в 1875 г., которым была утверждена программа и структура издания [Литницкий 1900: 1, 3]. «Астраханские епархиальные ведомости» — ценнейший источник по региональной гражданской и церковной истории, содержащий комплекс биографических сведений об астраханских архиереях, значительных клерикальных и светских деятелях, большое количество публикаций, посвященных старообрядцам, сектантам, христианским общинам Астраханской губернии. В неофициальном отделе «Астраханских епархиальных ведомостей» было предписано в том числе помещать материалы «о религиозно-нравственном быте инородцев Астраханской епархии» [Литницкий 1900: 6]. Значительный объем публикаций этой рубрики занимали статьи, посвященные калмыкам: их быту, обычаям, религии и распространению христианства среди них.

Цель исследования — введение в научный оборот материалов «Астраханских епархиальных ведомостей», характеризующих состояние, направления развития, степень изученности миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи в начале XX в. В качестве исследовательских были поставлены следующие задачи: определение научной значимости публикаций «Астраханских епархиальных ведомостей», разделение их на тематические группы, раскрытие значения публикаций для историографии миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи.

В процессе подготовки статьи были изучены материалы «Астраханских епархиальных ведомостей» за 1900–1918 гг. Среди публикаций официальной и неофициальной частей журнала было выявлено 17 статей, посвященных миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи, авторами 14 из

них были священнослужители Астраханской и Енотаевской епархии (А. Вербовой, М. С. Кондаков, Ф. И. Колпиков, Никанор (архиепископ), И. И. Саввинский, М. К. Тресвятский), 3 статьи принадлежали перу анонимных авторов.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Калмыцкой степи по материалам «Астраханских епархиальных ведомостей» в начале XX в.

«Астраханские епархиальные ведомости» рассматривались как исторический источник в ряде публикаций региональных исследователей. Так, в статье Л. Н. Поротиковой «Астраханские епархиальные ведомости» рассматривались как источник по истории приходского духовенства Астраханской губернии в XVIII–XX вв. [Поротикова 2015]. В статье Л. Н. Щербаковой проанализированы размещенные на страницах журнала публикации астраханских миссионеров, посвященные религиозным представлениям калмыков [Щербакова 2018]. В статье А. А. Вороновой и А. А. Долина рассмотрены материалы «Астраханских епархиальных ведомостей» как ключевого регионального исторического источника [Воронова, Долин 2020].

Публикации «Астраханских епархиальных ведомостей» о миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи использовались в качестве источников в работах таких авторов, как Э. П. Бакаева, Э.-Б. М. Гучинова [Бакаева, Гучинова 1992], Г. Ш. Дорджиева [Дорджиева 1995], С. С. Белоусов [Белоусов 2003; Белоусов 2019], К. В. Орлова [Орлова 2006], М. С. Горяев, А. Б. Лиджиев [Горяев, Лиджиев 2017].

Одной из форм повествования об успехах православной миссии в Калмыцкой степи, используемых в «Астраханских епархиальных ведомостях» в начале XX в., были публикации о новообращенных калмыках. Статьи Ф. И. Колпикова и М. К. Тресвятского, посвященные данной теме, были опубликованы на страницах «Астраханских епархиальных ведомостей» в 1901 и 1903 гг.

Так, священнослужитель епархии Ф. И. Колпиков рассказал в своей статье о крещении калмыка Малодербетовского улуса

Х. О. Тугулова в ноябре 1900 г. в с. Плодовитом Черноярского уезда [Колпиков 1901]. В 1903 г. была опубликована схожая статья священника М. К. Тресвятского «Просвещение святым крещением калмыка Малодербетовского улуса в селе Вязовке Черноярского уезда», в которой описывался приход к православию калмыка Нохашки Джараева, принявшего крещение в сентябре 1903 г. [Тресвятский 1903]. Общим для обеих статей было описание тернистого пути новообращенных к православию, противодействия крещению со стороны их окружения, а также преобразования неопитов после обряда крещения и последующего их примирения с родственниками.

Второй группой статей, опубликованных на страницах «Неофициального отдела» «Астраханских епархиальных ведомостей», стали аналитические отчеты о миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи.

В 1904 г. в журнале были опубликованы два отчета, связанные с распространением православия у калмыков. В статье «Миссионерская деятельность среди калмыков и киргизов и ее успехи в Астраханской епархии в 1903 г.» была приведена информация о деятельности миссионеров Л. Лопатина (священник Ноин-Ширенского миссионерского стана), И. Ростовцева (священник Улан-Эргенского миссионерского стана), К. Николаева (священник Чилгирского стана), К. Ростошинского (священник поселка Болхун Сала), Н. Горбачева (священник миссионерского пункта урочища Кугульта) [Миссионерская деятельность 1904]. Кроме того, даются сведения о 60 поездках миссионеров в Калмыцкую степь в 1903 г., о содержании проповедей [Миссионерская деятельность 1904: 823–825]. Несмотря на название статьи, ее автор отмечал и препятствия делу православной миссии в Калмыцкой степи: неопределенный правовой и социально-экономический статус калмыков-христиан, малочисленность штата миссионеров, значительное количество хурулов и буддийского духовенства [Миссионерская деятельность 1904: 827–829].

Одной из распространенных рубрик на страницах «Астраханских епархиальных ведомостей» XIX – начала XX вв. были рели-

гиозные диспуты епархиальных священнослужителей со старообрядцами и сектантами разных толков. Межконфессиональные диспуты были более редки. В этой связи значительный интерес представляет статья священника А. Вербового «Кому поклоняются и служат ламаиты-калмыки», являющаяся воспроизведением беседы с гелюнгом Бадмой Манджиевым [Вербовой 1906]. Диалог состоялся в поездке из урочища Утта Харахусовского улуса. В ходе общения сравнению подверглись буддийская и христианская теологические доктрины, храмовая обрядность, со стороны православного священнослужителя подверглось критике и буддийское учение о реинкарнации [Вербовой 1906: 856]. Естественно, что места для ответных реплик ламы на страницах православного журнала не нашлось.

Значительный интерес для исследователей представляют публикации, посвященные истории православной миссии в Калмыцкой степи. Кроме непосредственного изложения хронологии событий, они содержат цитаты из источников, многие из которых не сохранились в оригинале, аналитику и выводы священнослужителей о ходе, успехах и сложностях процесса распространения православия у калмыков в XVIII – начале XX вв.

К таким исследованиям, опубликованным в «Астраханских епархиальных ведомостях» в рассматриваемый период, относится статья председателя миссионерского съезда 1910 г., архиепископа Казанского и Свияжского Никанора «Православная миссия среди калмыков в ее прошлом» [Никанор 1910]. Автор рассматривает историю распространения православия среди калмыков в XVIII–XX вв., отмечая, в частности, что калмыки «легко поддавались даже неусиленным убеждениям к принятию христианства, но так же скоро и расставались с новопринятой верой» [Никанор 1910: 531]. Архиепископ Никанор, подчеркивая материальную мотивацию неофитов, выделял исторический период наиболее активного перехода в православие, а именно 30–70-е гг. XVIII в., когда православными миссионерами в Калмыцком ханстве было крещено 4 378 человек [Никанор 1910: 532]. Однако выводы о предварительных итогах православной миссии у калмыков были не столь

радужными. По мнению автора, основными причинами ее провала в XVIII–XIX вв. стали: дух кочевой жизни, не способствовавший принятию христианства, отсутствие у российских властей и православного духовенства последовательного стремления к обращению калмыков в свою веру, временные лакуны в миссионерской деятельности, ее неоднородность и бессистемность [Никанор 1910: 533]. Несмотря на общую критику православного миссионерства у калмыков, автор выделял наиболее значительных просветителей, к которым он относил иеромонаха Никодима Ленкеевича, протоиерея А. Чубовского, П. Лугарева, В. М. Дилигенского, преосвященного Виталия, Н. Никонова и П. А. Смирнова, архиепископа Смарагда [Никанор 1910: 533].

В этом же году в «Астраханских епархиальных ведомостях» начинается публикация цикла статей И. И. Саввинского «О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 г.)». Статьи вышли в нескольких выпусках «Астраханских епархиальных ведомостей» 1910–1911 гг. и включали в себя несколько параграфов: «Общий обзор деятельности», «О миссионерах», «О содействии миссионерам», «О миссионерских учреждениях», «О новопросвещенных», «О средствах комитета» [Саввинский 1910: № 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22; Саввинский 1911: № 2, 5].

В этом значительном исследовании автором были проанализированы все направления деятельности Астраханского епархиального комитета в конце XIX – начале XX вв. Характеризуя первые годы его работы, И. И. Саввинский отмечал активную роль попечителя калмыцкого народа генерал-майора К. И. Костенкова, которого автор называл «известным знатоком быта калмыков, ревностным поборником просвещения их христианством» [Саввинский 1910, № 16: 563]. По мнению автора, одним из первых значимых мероприятий комитета, открытого 3 января 1871 г., стал опрос священнослужителей Астраханской и Енотаевской епархии о некрещеных калмыках, проживавших вблизи приходов церквей. На разосланный по приходам епархии запрос ответило 59 священни-

ков, определивших, в частности, препятствия для распространения православия среди калмыков: кочевой образ жизни, языковой барьер, отсутствие у священнослужителей литературы по калмыцким верованиям и обычаям, богослужебных книг на калмыцком языке [Саввинский 1910, № 16: 567]. По мнению И. И. Саввинского, в начале своей деятельности комитет занимался исключительно увеличением собственных средств, высылкой пособий новокрещеным калмыкам и изданием переводов П. А. Смирнова [Саввинский 1910, № 16: 568]. Тактика работы комитета меняется с конца 70-х гг. XIX в.: открывается миссионерский приют, миссионерские станы (в Улан-Эргэ, Ноин-Ширэ) [Саввинский 1910, № 16: 574]. И. И. Саввинский отмечал, что принятие в 1905 г. императорского указа «Об укреплении начал веротерпимости» привело к кризису православной миссии в Калмыцкой степи: из-за сокращения финансирования был закрыт ряд приютов [Саввинский 1910, № 16: 578].

Анализируя непосредственную работу миссионеров, И. И. Саввинский подчеркивал, что православный священнослужитель, который несет православие иноверцам, «...должен знать не только проповедуемую им веру, но и тех людей (их язык, их верования, их нравы и обычаи), к которым он идет с проповедью» [Саввинский 1910, № 16: 595]. И. И. Саввинский отмечал усилия Астраханской епархии в XIX – начале XX вв. по подготовке национальных кадров миссионеров, приводил факты приема в Астраханское духовное училище в 70–80-е гг. XIX в. десяти калмыцких мальчиков, сокрушенно отмечая, что ни один из них не закончил обучение и не стал проповедником [Саввинский 1910, № 17: 596]. Юные носители кочевой культуры плохо приживались в городских условиях. Как замечал П. А. Смирнов, «...случаи бегства некрещеных калмыцких детей из здешнего калмыцкого училища при Главном управлении калмыцким народом составляют обыденное явление» [Саввинский 1910, № 17: 598]. Неблагоприятной для миссионерского дела была и ситуация с преподаванием калмыцкого языка в Астраханском духовном училище. Преподавание велось для учеников 3 и 4-го классов, по одному уроку в неделю, в Астра-

ханской духовной семинарии на калмыцкий язык отводилось два урока в неделю без системы обучения, программы и практики разговорной речи [Саввинский 1910, № 17: 595]. Эту ситуацию епархиальное начальство попыталось преодолеть в конце XIX в. После ревизии астраханских духовно-учебных заведений, с 1897 г. изучение калмыцкого языка в Астраханской духовной семинарии стало обязательным, вводился трехлетний курс обучения с тремя уроками в неделю [Саввинский 1910, № 17: 599]. Снижение активности миссионерской деятельности и низкий уровень преподавания калмыцкого языка в начале XX в. приводят к упразднению кафедры калмыцкого языка в Астраханской духовной семинарии и Астраханском духовном училище указом Синода от 30 мая 1908 г. [Саввинский 1910, № 17: 601].

Неудачей закончилась попытка воспитания национальных кадров для православной миссии в системе приютов. В 1876 г. усилиями епископа Астраханского и Енотаевского Хрисанфа в селении Четырехбугоринском Астраханского уезда был открыт приют для калмыцких детей, в который было отобрано 10 мальчиков [Саввинский 1910, № 17: 604]. Приют был призван воспитать будущих миссионеров, но эффективность его работы была, по мнению автора статьи, крайне низкой. За шесть лет обучения воспитанники получили только начальное образование, ни один из них впоследствии не стал миссионером [Саввинский 1910, № 17: 606]. В 1894 г. была открыта Астраханская двухклассная миссионерская мужская школа-приют, в которой проходили обучение 11 крещеных калмыков и 6 русских, которые по окончании школы продолжили образование, не став священнослужителями-миссионерами [Саввинский 1910, № 17: 608].

Отмечая значимость роли личности миссионера в процессе распространения православного вероучения, И. И. Саввинский особо выделял протоиерея П. А. Смирнова (1824–1866 гг.). Отмечая его значительный вклад в дело миссии, И. И. Саввинский приводил сведения о предложении П. А. Смирнова проводить богослужение на национальном языке для привлечения калмыков в миссионерские церкви [Саввинский 1910, № 17: 609]. Предложе-

ние П. А. Смирнова было отвергнуто, поскольку использование переводов литургии на калмыцком языке было возможно только с разрешения Синода, миссионеру было предписано продолжить проповедь в калмыцких улусах в среде простолюдинов и духовенства, активная миссионерская деятельность им не велась [Саввинский 1910, № 17: 609].

Оказание содействия миссионерам со стороны комитета, по мнению И. И. Саввинского, осуществлялось по двум направлениям: «духовно-просветительному» и «внешне-материальному» [Саввинский 1910, № 18: 641]. К духовно-просветительному направлению содействия он относил снабжение миссионеров литературой (автор отмечал следующие рассылавшиеся издания: Нил, архиепископ Ярославский. Буддизм, рассматриваемый по отношению к последователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858; Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849; Смирнов П. А. Краткий русско-калмыцкий словарь. Казань, 1857; Первоначальный учебник русского языка для калмыков. Казань, 1903; и др.) [Саввинский 1910, № 18: 642]. Внешне-материальным направлением содействия, по И. И. Саввинскому, была выдача миссионерам открытых листов для бесплатного пользования почтовыми лошадьми, пересылка денежной корреспонденции за счет комитета, защита жизни и здоровья проповедников [Саввинский 1910, № 18: 647–651].

Рассуждая о миссионерских центрах Калмыцкой степи, И. И. Саввинский приводил сведения о четырех миссионерских станах в ее западной части (Улан-Эрге, Ноин-Шире, Чилгир, Кегульта, школа-приют на Калмыцком Базаре), характеризуя их географическое положение, приводя статистические и исторические данные о населенном пункте, в котором они располагались. Автор описал культовые сооружения, духовенство, прихожан, высказал мнение о работе школ-приютов и перспективах их развития [Саввинский 1910, № 19: 682–700; Саввинский 1910, № 20: 717–724; Саввинский 1910, № 21: 783–798; Саввинский 1910, № 22: 831–838].

Завершая свой очерк, И. И. Саввинский описал притеснения крещеных калмыков со стороны российского чиновничества и некрещеных соплеменников, привел примеры защиты интересов неофитов со стороны комитета, охарактеризовал пополнение и расходование финансовых средств Астраханского епархиального комитета [Саввинский 1911: № 5].

Священник храма Калмыцкого Базара М. С. Кондаков в своем отчете о посещении церкви и миссионерской школы астраханским губернатором И. Н. Соколовским 21 мая 1916 г. останавливался на проблемах православной миссии в Калмыцкой степи в начале XX в. Автор отмечал ветхость миссионерских храмов и школ, которые «...по сравнению с хурулами внушают одну только скорбь», отсутствие достаточного финансирования и, как следствие, закрытие ряда школ и храмов [Кондаков 1914: 392]. М. С. Кондаков привел статистические данные о двухклассной миссионерской школе Калмыцкого Базара в 1916 г. (120 человек учеников, из которых 35 содержалось на пансионе), отметив, что финансирование школы с 1907 г. сократилось в два раза: с 5 000 руб. до 2 500 руб. [Кондаков 1914: 393].

Схожая публикация была посвящена поездке астраханского епископа Митрофана в октябре 1916 г. в миссионерские станы Калмыцкой степи [Посещение 1916: 552–557]. С ревизией, молебнами и проповедями епископ посетил поселки Калмыцкий Базар, Яшкуль, Чилгир, Улан-Эрге, Ноин-Шире, Болхун-Сала, село Элиста, отметив упадок миссионерского дела [Посещение 1916: 556].

Заключение

Публикации «Астраханских епархиальных ведомостей» являются важным источником по миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи начала XX в.

В процессе изучения официального печатного органа Астраханской и Енотаевской епархии было выявлено 17 статей, которые можно разделить на несколько тематических групп: публикации о приеме калмыками православия, аналитические отчеты о миссио-

нерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи, религиозный диспут православного священнослужителя и ламы, публикации по истории православной миссии в Калмыцкой степи, отчеты о посещении миссионерских центров астраханскими губернатором и епископом.

Значимость публикаций «Астраханских епархиальных ведомостей» по истории и развитию православной миссии в Калмыцкой степи в начале XX в. состоит в том, что их авторами являются православные священнослужители, непосредственно связанные с миссионерской деятельностью. В процессе подготовки публикаций они изучали архивные материалы, общались с непосредственными участниками описываемых событий, очевидцами которых зачастую являлись и сами. Характеристика успехов и проблем православной миссии со стороны авторов достаточно объективна, и этот «взгляд изнутри» позволяет в значительной степени дополнить имеющийся объем источников по истории православия в Калмыцкой степи.

Литература

- Бакаева, Гучинова 1992 — *Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М.* Магия в обрядах родинного ритуала у калмыков // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 89–100.
- Белоусов 2003 — *Белоусов С. С.* Православные приходы в Калмыкии в XIX – начале XX вв. (1806–1917 гг.). Элиста: АПП «Джангар», 2003. 160 с.
- Белоусов 2019 — *Белоусов С. С.* Русские переселенцы на калмыцкие земли и их использование Русской православной церковью как средства христианизации калмыков (последняя треть XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2019. № 62. С. 6–21.
- Вербовой 1906 — *Вербовой А.* Кому поклоняются и служат ламаиты-калмыки // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 17. С. 852–857.
- Воронова, Долин 2020 — *Воронова А. А., Долин А. А.* «Астраханские епархиальные ведомости» в период с 1875 по 1918 г.: краткий обзор издания // Астраханские Петровские чтения: мат-лы IV Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 19 декабря 2019 г.). Астрахань: АГУ, 2020. С. 14–17.

- Горяев, Лиджиев 2017 — *Горяев М. С., Лиджиев А. Б.* Историография деятельности Русской православной церкви среди инородцев (на примере калмыков) // *Кавказология*. 2017. № 4. С. 38–48.
- Дорджиева 1995 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.
- Колпиков 1901 — *Колпиков Ф. И.* Крещение калмыка Халха Окаевича Тугулова в с. Плодовитом Черноярского уезда // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1901. № 10. С. 425–426.
- Кондаков 1914 — *Кондаков М. С.* По поводу посещения господином начальником Астраханской губернии, генералом-лейтенантом И. Н. Соколовским миссионерского храма и школы на Калмыцком Базаре // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1914. № 16. С. 390–396.
- Литницкий 1900 — *Литницкий И. Н.* Краткая история Астраханских епархиальных ведомостей за 25 лет их существования. Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1900. 19 с.
- Миссионерская деятельность 1904 — Миссионерская деятельность среди калмыков и киргизов и ее успехи в Астраханской епархии в 1903 г. // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1904. № 19. С. 823–830.
- Никанор 1910 — *Никанор (архиепископ)*. Православная миссия среди калмыков в ее прошлом // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1910. № 14–15. С. 536–852.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М.: Вост. лит., 2006. 207 с.
- Поротикова 2015 — *Поротикова Л. Н.* Государственные обязанности приходского духовенства Астраханской губернии в XVIII – начале XX века по материалам «Астраханских епархиальных ведомостей» // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 4. С. 19–25.
- Посещение 1916 — Посещение преосвященнейшим епископом Митрофаном сел и миссионерских станов в Калмыцкой степи Черноярского уезда // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1916. № 30. С. 552–557.
- Саввинский 1910 — *Саввинский И. И.* О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 г.) // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1910. № 16. С. 563–578;

- № 17. С. 595–613; № 18. С. 641–653; № 19. С. 681–700; № 20. С. 717–724; № 21. С. 783–798; № 22. С. 831–838.
- Саввинский 1911 — *Саввинский И. И.* О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 г.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 2. С. 59–71; № 5. С. 197–204.
- Тресвятский 1903 — *Тресвятский М. К.* Просвещение святым крещением калмыка Малодербетовского улуса в селе Вязовке Черноярского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 24. С. 1247–1250.
- Щербакова 2018 — *Щербакова Л. В.* Ламаистские представления астраханских калмыков на рубеже XIX–XX вв. по описанию православных миссионеров (по материалам «Астраханских епархиальных ведомостей») // Буддизм Ваджраяны в России: на перекрестке культур. Мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 13–17 октября 2016 г.). М: Алмазный путь, 2018. С. 226–232.

УДК 82-6 +39

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-79-113

Переводы шести писем Б. Бергмана из его труда о калмыках «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*»

Александра Тагировна Баянова ¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Баянова А. Т., 2021

Аннотация. *Введение.* Вклад известного религиозного деятеля, писателя и переводчика Б. Бергмана в исследование калмыцкого фольклора огромен. Он является автором самой ранней европейской документированной записи калмыцкого героического эпоса «Джангар», перевода на немецкий язык буддийского трактата «Йиртмжин толи» («Зеркало мира») и двух песен эпоса «Гесер», 13 сказок сборника «Сидди-кюр» и т. д. *Цель статьи* — ввести в научный оборот письма Б. Бергмана, опубликованные в его работе «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах»), изданной в Риге в 1804 г. на немецком языке. *Материалами* исследования являются первые шесть писем Б. Бергмана, впервые переведенные автором на русский язык, в которых описываются его этнографические наблюдения. *Результаты.* Исследование религии, языка, образа жизни и истории калмыков племени, легшее в основу работы Б. Бергмана, которое он проводил исключительно с научной целью, должно было положить начало его научной работе в Императорской Академии наук, чего, к сожалению, не случилось. Тщательность, которая присутствует в описаниях, приведенных в его письмах, позволяет говорить о нем как о вполне подготовленном исследователе-этнографе и фольклористе.

Ключевые слова: Б. Бергман, калмыки, письмо, этнография, буддизм
Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Баянова А. Т. Переводы шести писем Б. Бергмана из его труда о калмыках «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. №. 3. С. 79–113. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-79-113

UDC 82-6 +39

Benjamin Bergmann’s Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803: Introducing Russian Translations of Six Letters

*Aleksandra T. Bayanova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bayanova A. T., 2021

Abstract. Introduction. The impact of Benjamin Bergmann — a renown religious figure, writer and translator — in Kalmyk folklore studies is immense. He authored the earliest European documented record of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*, German translations of the Buddhist treatise titled ‘Mirror of Reality’ and two songs of the *Gesar* epic, thirteen folktales from the Siddhi Kür collection, etc. **Goals.** The article introduces B. Bergmann’s letters included in the 1804 German-language edition of his *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803* (Germ. ‘Nomadic Wanderings among the Kalmyks in 1802–1803’) published in Riga. **Materials.** The study explores and translates into Russian the first six letters containing ethnographic observations. **Results.** B. Bergmann’s scholarly insights into religion, language,

lifestyles, and history of the Kalmyks to have compiled the edition were to lay the foundation of his work at the Russian Imperial Academy of Sciences which unfortunately never happened. The meticulousness of his accounts and descriptions testify of his decent proficiency in ethnography and folklore investigations.

Keywords: B. Bergmann, Kalmyks, letter, ethnography, Buddhism

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Bayanova A. T. Benjamin Bergmann’s Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803: Introducing Russian Translations of Six Letters. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 79–113. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-79-113

Введение

Известный лютеранский пастор, писатель и переводчик Бенджамин Бергман внес весомый вклад в развитие калмыковедения. Жизни и деятельности Б. Бергмана посвящены научные публикации П. Э. Алексеевой и Л. Ю. Ланцановой, Т. Г. Басанговой, Б. Л. Митруева [[Ученые-исследователи 2006](#); [Басангова 2002](#); [Митруев 2020](#); [Митруев 2021](#)].

Предпринятая Б. Бергманом фольклорная экспедиция в Калмыцкую степь была чрезвычайно успешной. Он хорошо владел калмыцким и монгольским языками, прожил несколько месяцев среди калмыков, ему удалось сделать многое для изучения образа жизни, традиций, обычаев, языка кочевого народа.

Весь собранный материал он впоследствии изложил в своем фундаментальном труде «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах»), изданном в Риге в 1804 г. на немецком языке и состоящем из 4-х частей. Имеется также французский перевод этого издания.

Ценные этнографические сведения о калмыках, запись отрывков из героического эпоса «Джангар», легенды о джангарчи,

13 сказок «Сиддиту кюра» легли в основу его труда. Подробнее о содержании книги изложено в статье Б. Митруева [Митруев 2020]. Целью данной статьи являются ввод в научный оборот переводов на русский язык писем Б. Бергмана, легших в основу его труда.

Материалами исследования являются первые шесть писем Б. Бергмана, которые переведены автором на русский язык. Всего же в основное повествование Б. Бергмана «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*» [Bergmann 1804] включены 37 писем, которые в дальнейшем также требуют введения в научный оборот. В первой части книги имеются тексты 15 писем, датированные апрелем–июлем 1802 г. Двенадцать писем написаны с интервалом в 1–3 дня и являются своеобразным дневником путешествия. Последние три письма написаны с интервалом более чем в 10 дней, одно письмо (четырнадцатое) не датировано вообще. По объему письма разные: от 2 до 12 с половиной печатных страниц.

История вопроса

Б. Бергман в своей работе «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*» частично использует эпистолярную форму изложения. Возможно, этому способствовала эпистолярная традиция, которая была заложена авторами западноевропейских эпистолярных романов XVIII в. («Страдания юного Вертера» И. В. Гете (1774); «Юлия, или Новая Элоиза» Ж. Ж. Руссо (1761)).

XVIII век для России — это период расцвета культуры Нового времени, в которой первостепенное значение приобретали личность человека, его внутренний мир. Именно в этот период получила развитие эпистолярная и мемуарная литература. К первой трети XIX в. жанр «дружеского письма» получил широкое распространение. По мнению Т. Лохиной, образованный человек в это время «обретает привычку посредством письма давать себе ежедневный отчет о своей жизни..., ему недостаточно просто уединенных размышлений, он стремится записать и, тем самым, зачастую прояснить для себя происходящее» [Лохина 2003: 45].

К эпистолярной форме изложения обращались многие классики русской литературы: Н. М. Карамзин («Письма русского путешественника» (1791)), А. С. Пушкин («Роман в письмах» (1829)), Ф. М. Достоевский («Бедные люди» (1845)). Письма Б. Бергмана по содержанию и стилю ближе карамзинским «Письмам русского путешественника» — своеобразным путевым заметкам странствующего по Европе молодого писателя, в которых он описывает жизнь и культуру народов Франции, Англии, Швейцарии и Германии.

О переводах шести писем Б. Бергмана из его труда о калмыках

Как отмечает Б. Бергман в предисловии к изданию, он использует эпистолярную форму, так как это «дало больше свободы в изложении обычаев и традиций калмыков без систематического порядка, а отчасти потому, что я думал, что это больше привлекает внимание читателя» [[Митруев 2020: 165](#)].

Адресатом этих писем являлся друг юности Федор Давидович Дюбуа (Feder Dawiditsch Dubois), о котором известно немного. По словам Б. Бергмана, это был один из близких ему по духу людей, которого он очень уважал и считал человеком, обладающим сотнями прекрасных черт и не имеющим каких-либо недостатков [[Bergmann 1804: 23](#)].

В предисловии Б. Бергман также приносит извинения за чрезмерно дружеский тон письма, который отражает его теплые чувства и товарищеские отношения и не относится к сути повествования [[Bergmann 1804: 23](#)].

В данных письмах нет клишированных фраз, стандартных обращений, характерных для эпистолярного жанра, но присутствует иллюзия общения, или, скорее, присутствия адресата, хотя ни в одном из писем автор не обращается к Ф. Д. Дюбуа по имени, и, если бы он не указал его имени в предисловии, трудно было бы понять, кому письма адресованы.

Следует отметить, что эпистолярный жанр при описании быта и традиций калмыков использован и польским профессором

Э. Островским [[Островский 1859](#)]. В его «Письмах из путешествия по киргиз-кайсацким степям» два письма, VII и VIII, посвящены итогам путешествия в Хошеутовский, Багацохуровский и Малодербетовский улусы. Для писем Э. Островского характерен созерцательный стиль, письма Б. Бергмана, напротив, отличаются свободой и индивидуальностью стиля и лишены нормативности.

Первые шесть писем, переводы которых приведены в данной статье, датированы концом апреля и первой декадой мая 1802 г. По объему письма небольшие, в каждом описано какое-либо одно событие: путешествие по степи (письмо 1), описание калмыцкой кибитки (письмо 2), посещение кибитки Чучея (письмо 3), калмыцкое богослужение (письмо 4), калмыцкие священнослужители (письмо 5), переезд калмыков на новое кочевье (письмо 6). Вместе с тем эти письма не представляют собой простое перечисление каких-то событий и встреч путешественника, он отбирает самые интересные и важные на его взгляд моменты, что придает изложению некую динамичность и позволяет читателю стать соучастником его «приключений». Эпистолярный стиль позволяет автору представить свой «искренний и в силу этого истинный взгляд на мир» [[Логунова 2009: 128](#)].

Автор не просто описывает быт и традиции народа, но и дает свое объяснение тому или иному факту. Так, он выдвигает гипотезу их возникновения, довольно неожиданную и спорную, сравнивая жилище кочевника с гнездом ремеза [[Bergmann 1804: 44](#)].

В письмах Б. Бергмана непременно присутствует комический элемент. К примеру, увидев, как калмычка очистила руками миску и налила сливок («этим зрелищем я был сыт»¹ [[Bergmann 1804: 44](#)]), путешественник отказался от еды, хотя был сильно голоден. Удивлению его спутников не было предела: как можно было отказать от такой вкусной пищи.

С определенной долей иронии автор отнесся к тому, как сам похвалялся знаниями калмыцкого языка («Хотя, возможно, с моей стороны и было немного хвастовства, но мне кажется, что это было, по крайней мере, очень простительно для меня, потому

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

что я только надеялся привлечь внимание калмыков и действительно вызвал это») [Bergmann 1804: 65].

Автору присуща обстоятельность в описании любого события. Он очень подробно изобразил быт хозяина кибитки, в которой он остановился (письмо 1). Искренне поражался тому, как быт и традиции калмыков устроены именно для кочевой жизни. Его восхищали острота зрения степняков («*Полюбуйтесь острым зрением калмыков!*») [Bergmann 1804: 42]; их умение ориентироваться в степи («*Но калмык-кочевник знает, как хорошо помочь себе, не обращая внимания на дорогу, он управляет лошадьми или верблюдами несколько сотен верст, как рулевой своим кораблем*») [Bergmann 1804: 36]), гостеприимство и щедрость («*...на следующее утро наш калмыцкий домовладелец расстался со своими гостями довольный, будто получил от нас большую честь, когда мы, наоборот, сократили его имущество на одну овцу*») [Bergmann 1804: 38]).

Далее приводятся тексты переводов писем Б. Бергмана, опубликованные в издании [Bergmann 1804: 33–81]. Перевод писем максимально приближен к оригиналу. Безэквивалентная лексика выделена курсивом. В целях передачи оригинального написания безэквивалентной лексики в скобках дается немецкий вариант. Примечания автора статьи помечены цифрами, примечания Б. Бергмана — звездочкой.

Письма из Калмыцкой степи

Письмо 1 [Bergmann 1804: 33–45]

Стан калмыцкого князя *Чучея* (Tschutschei) на донской реке *Акса́й* (Аха́й).

30 апреля 1802 г.

Перед тем, как вырваться к калмыкам, я пробыл несколько дней у источника в *Сарепте* (Sarepta), в войлочной кибитке русского переводчика, чтобы посетить в его обществе орду¹.

Источник в *Сарепте* (Sarepta) имеет довольно романтическое

¹ Здесь и далее Б. Бергман имеет в виду поселение. — прим. А. Б.

месторасположение. На соседней гряде холмов раскинулась огромная равнина, с которой открывается вид на широкий участок *Волги* (Wolga). В 5 верстах виднеется имение *Отрада* (Otrada), а далее в 12 верстах, на *Волге* (Wolga), крепость *Царица* (Zaritze). Балки, спускающиеся по склону горы, заросли дикими яблоками, вязами, дубами и другими деревьями. Несмотря на раннее время года, здесь проросли левантийская морская капуста (*Crambe orientalis*)¹, ночные фиалки (*Hesperis tristis*), купена душистая (*Convallaria polygonatum*), душица обыкновенная (*Origanum vulgare*), ракичник (*Cytisus Supinus*). Красные цветы дикого степного миндаля (*Amygdalus nana*) покрыли зеленым ковром гористую местность. Любители энтомологии найдут там самых пестрых бабочек. Наверху в невысоких кустах сидят орлы.

Источник получает воду из большого родника, который вытекает вместе с 15 или 16 другими маловодными родниками. Пробы показали, что его минеральный состав ничем не уступает источникам в Карлсбаде, и все же в течение двух или трех лет из далеких краев так редко совершали паломничество к нимфе источника в *Сарепте* (Sarepta). Возможно, попасть туда из *Сарепты* (Sarepta) за семь с лишним верст сложно, или собственное презрение россиян ко всему, что порождено на родине, или недавно открытые кавказские источники виноваты в том, что этот источник почти не посещается гостями. Однако наилучшее свидетельство благополучия источника — это сами сарептинцы, которые часто его используют.

Наша кибитка находилась в местности, где пресловутый Пугачев отдыхал 3 дня во время своего разрушительного перехода: место его шатра было всего лишь в нескольких шагах от нас. И до сих пор о нем и его двух прекрасных спутницах доходят до нас различные слухи от русского служителя этого источника, который был так хорошо осведомлен обо всем, что мы могли принять его за бывшего приверженца бунтаря. Он утверждал, что приближенные Пугачева выкопали саблями землю под главным

¹ Катран восточный — род многолетних или однолетних растений семейства капустных. — прим. А. Б.

шатром и закопали там несколько грузов с серебром. Говорят, что в разные времена золото и другие утерянные ценности должны были быть вскопаны. В нескольких местах, особенно в районе шатра Пугачева, мы видели землю, выдолбленную земляными бурами и лопатами.

Но достаточно о Пугачеве и источнике в *Sarepta* (Сарепта), все уже готово к поездке. Мы предпочли верховую езду как самый простой и быстрый способ выбраться в Калмыцкую степь. Нам предстояла поездка в 180 верст, но для моих спутников это было пустяком. Я находился среди христиан, магометан и идолопоклонников, поскольку мое общество странствующих, кроме переводчика и одного трухменского военачальника, состояло из двух магометанских татар и трех калмыков-язычников. Так как тяжелый багаж отправили вперед на фургонах, то у калмыков и татар были только лишь съестные припасы, которые погрузили на себя. Наши лошади направились в гору, и через несколько минут мы не увидели на большом горном плато ничего, кроме неба и зеленого поля.

Калмыцкую степь можно очень хорошо сравнить с открытым морем, где зоркий глаз калмыка служит вместо компаса. Представьте себе обширную территорию в 400 верст, где только несколько прочных жилищ можно найти на пограничных реках: этот огромный край полностью лишен растительности. Немногие отличительные приметы, которые появляются на нем, — это овраги, холмы и водные плато. Однообразие этих черт делает их очень ненадежными проводниками для любого, кто не является калмыком. Но калмык-кочевник знает, как хорошо помочь себе, не обращая внимания на дорогу, он управляет лошадьми или верблюдами несколько сотен верст, как рулевой своим кораблем.

Поскольку мы покинули источник лишь в три часа дня, то хотели проехать только 40 верст, а затем провести ночь в калмыцкой кибитке.

Проехав 20–30 балок, мы прибыли в местность, где должны были стоять кибитки; но калмыки переселились по меньшей мере на 10 верст в сторону. Десять верст в Калмыцкой степи вовсе не считаются. От балки к балке мы искали переселившихся калмыков

и, наконец, нашли их, хотя и довольно поздно, рядом с большой лужей от дождя.

По установившемуся обычаю, для важных гостей, когда они останавливаются у калмыков во время своих степных странствий, забивают овцу и ставят кибитку в прохладном месте. Эта традиция пришлась нам по душе. Мы съели в нашей опрятной кибитке поданную на стол баранину, а затем немного побеседовали с нашим уважаемым хозяином и легли, наконец, на расстеленный войлочный ковер, где мы вскоре забыли обо всех трудностях нашей поездки верхом. На следующее утро наш калмыцкий домовладелец расстался со своими гостями довольный, будто получил от нас большую честь, когда мы, наоборот, сократили его имущество на одну овцу.

Нашей поклажей был навьючен на этот раз величественный верблюд, который неторопливыми шагами следовал за нами, пока мы шли по степи. Утро было приятным, и легкое облачко в сочетании с нежным дуновением воздуха защищало нас от ранних лучей солнца. Но дуновение ветра постепенно утихло, и жара становилась все нестерпимей, когда мы достигли воды, где решили отдохнуть пару часов.

Огромная равнина, по которой мы только что прошли, не показала мне ничего, кроме предметов, которые я заметил уже днем. Земля еще не высохла до каменного состояния, что обычно происходит в это время года. Трава была зеленой и высокой, особенно в балках. Вредные насекомые, летающие вокруг, становились все реже. Суслики, родственники сурка, встречались все чаще.

Пока наши калмыки и татары собирали навоз, чтобы разжечь огонь, и выкопывали в земле яму, над которым нужно было поставить котел, остальные из нас улеглись вокруг, чтобы отдохнуть на мгновение на седельной подушке, но жар от солнца был настолько ощутим, что за те полчаса, когда находились в полудреме-полубодрствовании, мы более устали, чем от нашей шестичасовой поездки верхом. После трапезы нам принесли воду из пруда или резервуара с дождевой водой. Калмык уверил нас, что хорошо, что он не поленился и принес воду. Может, он и прав, но напиток, ко-

торый он нам подал, состоял из смеси черного и желтого и был наполнен всевозможными насекомыми. Поскольку я пробудил свою жажду более, чем утолил ее, опустошив три или четыре миски, я высказал своим спутникам мое страстное желание по свежему напитку, но получил от них не очень утешительный ответ, что можно меня считать счастливым, если буду всегда получать такую воду в будущем.

После того как провели пару часов на отдыхе, мы сели на коней и добрались до нескольких калмыцких кибиток, которые находились в 50 верстах от нас. Наши лошади с самого начала казались очень уставшими.

Тем не менее, когда мы были еще примерно в двадцати верстах от лагеря, мои спутники захотели проверить силу своих бедных животных. Несколько верст мчались. Моя лошадь, которая не относилась к самым быстрым, опередила двух лошадей, но за первыми пятью следовать можно было с большим трудом. Я уже начал терять из виду передних наездников, когда, наконец, наткнулся на двух наших калмыков, которые оба ехали на одной лошади, потому что другая была сильно утомлена. Опасаясь того, что можем отстать от остальных, они попросили меня подбодрить к быстрому бегу уставшую лошадь. Я действительно делал это некоторое время, но довольно тщетно, тогда два калмыка дали мне понять, что нам придется заночевать в открытой степи без войлочных одеял, без еды и питья. К тому же я еле переводил дух, но немедленно поторопил своего коня, оставив двух калмыков позади себя, и разыскал своих товарищей. Напрасно калмыки кричали мне вслед, что я все-таки не догоню других, что я заблужусь; не обращая внимания на их слова, я поскакал туда, где думал, что найду остальных. Я держался, как мог, следуя за движением солнца, но мой глаз был не настолько наметан, чтобы следовать по прямому направлению в широкой степи, поэтому я, после того как наугад проехал несколько верст, уже больше не знал, ни куда и ни откуда я еду.

Солнце, которое было моим единственным указателем дороги, все больше и больше исчезало с горизонта, и зрелище его захо-

да в степи, которое в противном случае наполняло бы мою душу восторгом, стало теперь для меня предметом ужаса. Множество историй несчастных людей, которые, несмотря на знакомство со степью, заблудились и нашли в ней могилу, заставили меня предвидеть подобную судьбу. Ужасно мучила жажда. Язык прилип к нёбу. Короче говоря, я оказался в положении, в котором никогда раньше не был. Солнце село, лошадь моя устала, поэтому я решил дождаться следующего утра, чтобы с восходом солнца отправиться в прямом направлении к *Дону* (Don), который был более чем в ста верстах от меня. Поскольку я был как раз в овраге, обильно поросшем травой, то распряг там свою лошадь, расположился наверху и решил переночевать там. После того, как я простоял на холме около часа, показалось, будто что-то движется вдали. Наконец, я увидел двух приближающихся ко мне всадников, и это были оставшиеся позади калмыки, которые за несколько верст узнали меня и изменили свое направление, чтобы вытащить меня из беды. Я, полный радости, поспешил вниз к балке, сел на отдохнувшую лошадь и поскакал своей дорогой.

Один из моих спутников сказал мне, что еще 6 верст до пруда, где можно найти кибитку его земляков. Прошло совсем немного времени, прежде чем он увидел нашего верблюда, того, на котором мы прибыли в стан кочевников. Полюбуйтесь острым зрением калмыков! В сумерках, через час после захода солнца, он смог различить верблюда на расстоянии 5–6 верст. Верблюд, который всегда оставался у нас на глазах, служил нам в какой-то мере проводником. Мы направились к нему, нашли там пресную воду и кибитку из войлока.

Двое последних всадников прибыли вперед нас, но трое передних напрасно перестали нас дожидаться. Так как мы без переводчика не могли рассчитывать на собственную кибитку, то пошли к калмыцкому священнослужителю, где были гостеприимно встречены.

Миска с кобыльим молоком прошла по кругу, чайник поставили на огонь, чтобы заварить чай. Наш хозяин принадлежал к презираемым членам калмыцкого духовенства, так как был женат.

Калмыцкие священники хотя и не должны вступать в брак, но могут вступать в отношения с женщиной в том случае, если они не заинтересованы в уважении других священников. Такие женатые священники разъезжают с родственниками и друзьями по отдаленным районам, где они одновременно заменяют врачей и авгуров (прорицателей).

Наш хозяин был небогат. Его семья ютилась в тесной войлочной кибитке, которая выглядела довольно грязной. Страх перед опасными насекомыми заставил меня ночевать в открытой степи. Седло было моей подушкой, а калмыцкое войлочное пальто было моим одеялом.

Ночи здесь довольно холодные. На этот раз также был неприятный туман, который не нарушил моего спокойствия, но пропитал обильно влагой мои волосы и одежду. Я проснулся рано и хотел было чем-нибудь полакомиться. Мне сказали, что есть сливки и молоко. Я выбрал сливки. Хозяйка тут же схватила жирную миску, которую очистила пальцами, обмазала руку, затем языком очистила руку от белой жидкости. Этим зрелищем я был сыт. Я сделал вид, что кислые сливки мне противны, и оставил миску своим спутникам, которые были немало удивлены, что я смог отвергнуть такое вкусное блюдо.

Тем временем туман рассеялся. Пара наших товарищей была отправлена в разные стороны на поиски троих заблудившихся, в то время как остальные из нас продолжили свой путь. Мы проехали примерно половину пути, когда один из калмыков воскликнул: «Вот они!». Я посмотрел, но не смог заметить ничего. Калмык был прав.

Мы встретили наших потерянных товарищей, которые провели очень неприятную ночь без еды и питья и, что еще хуже, без защиты от холода. Они сказали, что накануне вечером узнали меня на моем холме и зажгли костер, чтобы дать мне знак, что они поблизости. Свет огня от собранных ими кизяков был настолько слабым, что я ничего не заметил.

Несколько свежих лошадей, которых мы встретили у кибиток, теперь были обменены на самых утомленных лошадей, и послед-

ние силы были приложены, чтобы как можно быстрее преодолеть оставшуюся часть пути. Вскоре мы увидели калмыцкий стан, и до полудня находились в отведенной нам кибитке.

Письмо 2 [[Bergmann 1804: 45–56](#)]¹

1 мая.

Возможно, вам будет любопытно познакомиться с первым человеком среди калмыков. Я хочу удовлетворить ваше любопытство в этом письме. Но будьте готовы прочитать кое-что о калмыцких жилищах.

Калмыцкая кибитка имеет форму сильно закругленного конуса, который, кажется, опирается на цилиндр высотой от 3 до 4 футов, окружность которого составляет 6, 8 или более элементов.

Каркас этой кибитки состоит из деревянной решетки снизу, а сверху из длинных наискось стоящих палочек, которые держатся высоким концом в круглом деревянном венце, а другим упираются в решетку. Такие кибитки застилают с внешней стороны войлочными одеялами, которые крепятся прочными завязками из верблюжьей шерсти. Если в жилище разводят костер, то достаточно отодвинуть войлочные одеяла от венца кибитки, чтобы дым свободно вышел.

Вы бы сами видели такие кибитки, чтобы понять их функциональное устройство. Они противостоят дождю и штормовому ветру, сохраняют тепло зимой и гораздо лучше защищают от жары летом, чем обычные солдатские палатки из парусины. Поскольку кочевники-калмыки редко проводят на одном месте больше недели, то не может быть ничего более удобного, чем такой вид хижины, которую легко разобрать и унести на верблюдах.

Но как монгольские народы смогли прийти к такому устройству жилища, которое для их кочевого образа жизни было бы настолько удобным и функциональным? Я придумал особую гипотезу по этому поводу, которая для меня, по крайней мере, имеет

¹ Частичный перевод 2-го письма был опубликован в работе Б. Л. Митруева [[Митруев 2021](#)]. — прим. А. Б.

все вероятности того, что можно задать только одну гипотезу. Но я не могу начать так запросто, потому что должен предварить ее несколькими фразами, против которых вы, я надеюсь, не будете возражать.

Внимательное созерцание природы в ее разнообразных отношениях с человеком породило большинство умений. Вид функционального устройства природы произвел такое глубокое впечатление на восприимчивые чувства естественного человека, что последний, поскольку потребность и необходимость приводили в движение самостоятельную силу его разума, должен был прийти к выводу принять определенные меры для своего собственного сохранения и безопасности через подражание объектам природы.

В пещерах, которые возникли сами по себе, под кустами, которые сами собой согнулись, первые люди защищались от влияний погоды.

Ощущение необходимости вскоре должно было породить желание иметь удобное жилище. Пример лисы, медведя и других животных побудил человека рыть более удобные пещеры. Вид гнезда дал ему возможность превратить тонкие ветки в плотно закрытые хижины. Холод заставил людей заменить пламя, которое разжигалось посредством грозových туч. Когти хищных птиц, львов и тигров были сформированы так, чтобы по их подобию изготавливать стрелы, пики и другое оружие сначала для защиты, а затем для нападения. Без выстрела с животных в ненастную погоду сняли естественную одежду, чтобы закутаться в нее. Я мог бы следовать этому описанию вплоть до изящных искусств, но тогда я ничего не оставил бы для вашего воображения и позволил бы моим калмыкам слишком далеко уйти из поля зрения. Итак, вернемся к ним снова.

Подражание природе, как мне кажется, послужило причиной создания войлочных жилищ и для предков калмыков. Но как? Кочевая жизнь в местах, где мало или совсем не запасешься лесоматериалом, не позволяла этим кочевникам, следуя примеру других народов, не только выкапывать удобные лачуги, но и строить хижины из кустов и стволов деревьев. Устав по манере диких

животных лежать на свежем воздухе, возможно, одному из них пришлось на ум сделать из шерсти своей овцы вид хижины, для которой гнездо так хорошо известной в татарской степи птицы ремез могло служить образцом. Эта удивительная птица делает удлиненный мешок из шерсти, который так умело прикрепляет к веткам, что ни ветер, ни погода не могут повредить ее висящему в воздухе жилищу. Мне кажется, что этот метод использовали предки калмыков для создания кибиток по примеру ремеза, которые они впоследствии пытались усовершенствовать и еще лучше укрепить деревянными сооружениями. Поскольку монгольские жилища могли строиться не иначе, как на земле, монголы вынуждены были отклониться от прообраза в том, что они предоставили своим жилищам противоположное расположение. Вход в жилище, следовательно, также был расположен внизу. Сходство между гнездом и кибиткой настолько очевидно с точки зрения материала и формы, что небольшую разницу в расположении не следует принимать во внимание¹.

Кибитки калмыков, принадлежащие орде или большой группе этого кочевого народа, расположены довольно далеко друг от друга, чтобы обеспечить многочисленным стадам удобные места для выпаса. В ставке орды находятся жилища нойона, духовенства и рыночная площадь, которая по-калмыцки, как и по-татарски, и по-русски, называется базаром. Вокруг трех жилищ разбиты обычные кибитки, которые отличаются от жилищ благородных только тем, что они не такие большие, выглядят грязнее и беднее.

Орда, к которой я отправился, лучшая из всех калмыцких орд на Волге, как из-за количества войлочных кибиток, которых насчитывалось около 500, так и из-за того, что там находился глава всех живущих в России калмыцких последователей Далай-ламы.

¹ Данная гипотеза возникновения войлочного жилища, конечно же, любопытна, хотя спорна и несколько необычна. Согласно умозаключениям автора, получается, что и дома оседлых народов возникли по аналогии гнезд птиц из глины. — прим. А. Б.

Поскольку хан *Убуши* (Ubascha) (1771 г.) вывез из Российской империи более 76 тысяч калмыцких кибиток, до недавнего времени у оставшихся не было ни хана, ни наместника.

Наиболее уважаемых князей звали *тайши* (Taischi), других — *нойонами* (Nojone). Император Павел назначил дербетского *тайши* (Taischi) *ханом* (Chan) всех калмыков, и доходы, а также власть, которые были ранее почти не важны, стали гораздо более значимыми. Калмыки снова получили юрисдикцию, отнятую у них после бегства *Убуши* (Ubascha). Вместо того, чтобы зависеть от астраханского калмыцкого суда и от российских попечителей, этот институт был полностью упразднен, и российские правители больше не должны были действовать так самовольно, как раньше.

Переводчик, принявший меня в свою кибитку, поехал со мной и секретарем, который в отсутствие главнокомандующего занимался русскими делами, после того, как мы закончили есть, в ставку (oergö)¹, или в дом наместника *Чучея* (Tschutschei). Войлочная кибитка, из которой состоял кочевой дворец этого правителя, была расположена, как обычно, на совершенно открытом пространстве. Недалеко от этого жилища стояли 50 длинных пик, поставленных с двух сторон на горизонтально закрепленном шесте.

Мы отправились в кибитку, так как там находился князь. Он сидел, как обычно, скрестив ноги, на приподнятом ложе из войлочных одеял и ковров напротив входа. Справа от князя сидели два его старших сына, перед которыми стояли деревянные миски с мясом; нам велели сесть слева внизу на покрывале из войлока. Калмыцкому князю было чуть более 40 лет. Физиономия выдавала его благородное происхождение. На нем был синий шелковый халат. В руке он держал четки, с помощью которых молился, и во время беседы шарики не переставали скатываться проворно один за другим в его руке.

¹ *Өргд* — 1) палата, ставка, юрта (высокопоставленного лица); 2) дворец [КРС 1977: 423]. — прим. А. Б.

В кибитке были пара сундуков, калмыцкий денежный станок¹ и длинная палка, воткнутая в землю, из которой торчали несколько полуобрубленных ветвей, на которых висели идолы.

Мы, европейцы, подчинились азиатской привычке садиться со скрещенными ногами перед калмыцким правителем.

Но после калмыцкого церемониала предписывается еще один способ сидения. Простой калмык выражает свое почтение уважаемому человеку, когда он, подобно верблюду, становится на колени, высовывает ноги сзади и садится на полусогнутые пятки.

После того, как мы сели, меня представили наместнику как немца, который пожелал остановиться у калмыков на некоторое время, чтобы выучить их язык. *Чучей* (Tschutschei) сказал, что это было бы очень хорошо с моей стороны, но что мне придется суметь привыкнуть к калмыцкой² пище*. Я ответил ему на это, что очень доволен калмыцкой едой. Он спросил меня, смогу ли я тоже пить калмыцкий чай? Когда я ответил утвердительно, он повелел повару принести чай.

Через несколько минут принесли чай в длинном деревянном сосуде, обшитом медными обручами, и раздали его в больших деревянных чашах.

Мы вышли из кибитки непосредственно в жилище хана. Оно было намного просторнее, чем кибитка, и его украшали шелковые занавеси. Слева на алтаре стояли различные жертвенные чаши, по бокам алтаря висело несколько изображений богов. Княгиня тоже села на приподнятое ложе и приняла нас очень учтиво. При входе я произнес приветствие по-калмыцки и ответил

¹ Geldmaschine — букв. 'денежная машина, денежный станок'. Но вряд ли здесь идет речь о денежном станке, так как калмыки не имели собственных денег. Возможно, речь идет о денежной копилке (?). — прим. А. Б.

* Только тогда я узнал причину, почему князь посоветовал мне наслаждаться калмыцкой едой и напитками. Несколько калмыков, которые тоже мне это настоятельно рекомендовали, добавили, что если я хочу выучить калмыцкий язык в ближайшее время, то я должен есть только калмыцкие блюда. Можно предположить, что по той же причине князь порекомендовал мне калмыцкую еду.

на пару простых вопросов, которые я так хорошо понял, что она в изумлении назвала меня *биликта кур* (biliktaj kuhr)¹, что означает способный человек. Она вспомнила, что несколько лет назад недалеко от *Сарепты* (Sarepta) она видела меня с сарептянином, о состоянии которого не преминула осведомиться. Княгиня так прекрасно выглядела, что нас должно было удивить, что у нее шестеро детей, некоторые из которых были уже взрослыми. Она курила табак и забавлялась с двумя маленькими детьми. Из любви к жене секретаря, которая не находила удовольствия ни в напитках, ни в еде калмыков, княгиня приготовила наш чай, но сама его не пила.

Вечер прокоротали, посетив игру по калмыцкой борьбе, которая проводится во время нынешнего молитвенного праздника ежедневно, как только начинает ослабевать жара, рядом с кибиткой старшего сына *Чучея* (Tschutschei).

Поскольку эти состязания были всего лишь подготовкой к более крупному, я отложу подробное описание об этом в другом письме. Борцы выступали перед молодым князем, и победа того или другого сопровождалась громкими аплодисментами зрителей (которые сдерживались со всех сторон на большом расстоянии силой нанятых стражей). Два старших сына князя сидели на войлочных пледах и перебирали четки, хотя и громко аплодировали и упрекали борцов, пока те молились. В то время как борцы подбадривали друг друга пощечинами и пытались умело бороться за пальму первенства, нас угостили чаем и кисломолочным кобыльим молоком (*чиган*) (tschigan).

Было уже довольно поздно, в то время как я вчера ушел от борцов, чтобы еще насладиться чудесным вечером, который в степи превосходит все описания. Летние вечера нигде не могут быть такими красивыми, как здесь, отчасти из-за приятной прохлады, а отчасти из-за отсутствия вредных насекомых. Холод ощущается здесь только после полуночи, поэтому даже после самых жарких

¹ Б. Бергман здесь ошибается. Скорее всего, не *кур*, а *кун*: *билгтэ кун* 'способный человек'. — прим. А. Б.

летних дней необходимо носить шубы. Калейдоскоп впечатлений, который был связан со вчерашним вечером, на несколько часов лишил меня сна, который в противном случае прекратился бы раньше во время поездки верхом, которую я совершил тем утром. Оглушительно ревуший звук музыкальных инструментов, доносившийся из соседних кибиток священников, крик верблюдов, ржание лошадей, рев детей, громкий крик жаб в ближайшем пруду приветствовали мои уши таким многоголосым концертом, что я не заснул до полуночи.

Письмо 3 [[Bergmann 1804: 56–59](#)]

3 мая

Дневной свет, проникающий через отверстие в нашей кибитке, разбудил меня для того, чтобы написать предыдущее письмо, которое вы получите вместе с этим. Около девяти часов я пошел на совет хана. *Чучей* (Tschutschei) все еще был в своей кибитке, дожидаясь утренней молитвы со своей семьей. Молитва, кажется, состояла из обращений к богам, главным образом к гневным богам. Система политеизма направлена на то, чтобы благосклонно относиться к гневным божествам, которые, считается, могут причинить больше несчастья, чем блага. Утренняя молитва князя была разновидностью религиозного пения, которое быстро повторялось, и звуки звучали один за другим, иногда повышаясь, иногда понижаясь. Пусть другие, ненавидящие любую чужую веру, найдут в таких потоках преданности отвращение и мерзость, я так не думаю, я уважаю каждую религию, которая порождает больше моральных, чем аморальных людей, и их обычаи, как бы сильно они ни отличались от представлений, которые породили в моей душе воспитание и размышления, для меня святы. Сообразно такому образу мышления я нашел в калмыцкой молитве много торжественного (праздничного).

Когда молитва закончилась, я вошел в кибитку, и меня угостили чаем. Затем хан пошел в кибитку, где расположился суд, и я последовал за ним туда.

Еще в древности калмыцкие и монгольские князья имели свой совет (*Зарго*) (*Sarga*)*, которому не разрешалось ни в малейшей степени ограничивать их власть, поскольку глава назначал и снимал членов по своему желанию. Делом заргачей, или членов совета, всегда, как и сейчас, было совещание с вождем по вопросам народа.

Зарго состоит из восьми членов. Когда более сорока лет назад (1761 г.) *Убуши* (*Ubascha*) был назначен преемником хана *Дондук-Даши* (*Donduk Daschi*), российское правительство сочло целесообразным ограничить власть калмыцкого правителя, поставив ханских *заргачей* (*Sargatschi*) в зависимость от коллегии иностранных дел, привязав их к российским интересам и заплатив им по сто рублей серебром.

Когда *Чучей* (*Tschutschei*) сел, вошедшие *заргачи* (*Sargatschi*) подошли к нему, один за другим, упали на правое колено, пригнулись к земле и коснулись руки князя правой рукой, тем самым объединив в этой позе приветствие и почтение. Князь также коснулся руки *заргачи* (*Sargatschi*), который затем отступил и присел.

Я вошел в *Зарго* (*Sarga*) без переводчика, и мне было трудно продемонстрировать намерение, которое привело меня сюда. Сын князя спросил меня, принес ли я прошение. Я ответил отрицательно, а затем не менее часа безмолвно слушал переговоры.

Когда судебные дела были закончены, князь приказал подать молочную водку. Для европейца, не привыкшего к нашей обычной водке, этот напиток крайне противен; но кочевая вежливость требует хотя бы дегустации представленной еды. Но чем больше вам это нравится, тем вы более заслужите благосклонное расположение калмыков.

Письмо 4 [[Bergmann 1804: 59–68](#)]

5 мая

Сегодня я хочу провести вас по церковным кибиткам, чтобы познакомить вас с калмыцким богослужением: при моих слабых

*Это выражение от слова *зарг*, что означает ‘приказ, распоряжение’.

знаниях калмыцкого языка я пока не могу думать об исследованиях, а делать выписки из трудов (цитировать) других исследователей я бы не хотел.

Место, где располагаются церковные кибитки, называется хурулом. Он, как вы уже знаете, всегда находится недалеко от ставки (oerгö) или дворца и состоит из нескольких кибиток, которые отличаются лишь своими более прочными войлочными покрытиями от остальных. Эти кибитки стоят отдельно, несколько удаленно друг от друга, и, по крайней мере, в это время года они описывают овальную линию, которая у здешнего хурула, кажется, составляет около двух верст. В центре большого открытого пространства стоит молитвенная кибитка.

Праздник, который длился пару дней, когда я приехал, и продолжается до сих пор, называется *үрүс* (*Uerrüß*). Он отмечается ежегодно в первый калмыцкий летний месяц, с восьмого по пятнадцатый день, что совпадает с последними днями апреля и первыми днями мая. Тем самым все последователи *Далай-ламы* (Dalai Lama) чтят память о рождении *Джагдшамуни* (Dschagdschamuni)¹, т. е. самого главного из богов.

Гул инструментов привел меня к священным кибиткам. Дверь каждой кибитки была открыта, так что я мог все отчетливо видеть, не входя в них. В самой кибитке сидели священники всех рангов. По сторонам висели изображения *бурханов* (burchane), или богов, а напротив входа был *алтарь* (altar). Между алтарем и входом в два ряда напротив друг друга сидела толпа священников.

Вся служба состояла из смешанной инструментальной музыки, которая хотя и не являла абсолютной гармонии, но создавала вид некой систематичности тонов. Иногда звучание инструментов просто поддерживалось вокальной музыкой. Один из самых почтенных священнослужителей, сидевший слева от алтаря, думаю, посредством колокольчика, который он держал в руке, дирижи-

¹ Шакьямуни, он же Будда Гаутама — основатель и проповедник буддизма, которому по преданию предшествовали 24 других Будды. Буквальный перевод этого имени — аскет из рода Шакья [[Религии мира 2006: 617](#)]. — прим. А. Б.

ровал музыкой. У остальных священнослужителей были специальные инструменты, которые назывались *бюра* (Bürä)¹, *бишкюр* (Bischkür)², *гангдунг* (Gangdung)³, *кенгаря* (Kängärgä)⁴ и *зиланг* (Zilang)⁵.

Бюра имеет форму мундштука длиной около трех аршин, тщательно изготовленного из металла, и состоит из трех частей, которые можно с трудом полностью протиснуть друг в друга. Что касается звука, его можно сравнить со звуком тромбона.

Бишкюр — это разновидность дудки. Средняя часть ее сделана из кости или твердого дерева. Мундштук, как и ноздри, сделан то ли из меди, то ли из жести. Длина этого инструмента составляет примерно аршин.

Гангдунг — это своего рода зубцы, сделанные из листового металла или латуни, которые музыканты используют попеременно.

Кенгаря — это особый вид барабанов, который со всех сторон обтянут пергаментной кожей. Обе плоские стороны находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Их размер превышает размер обычных солдатских барабанов. Кстати, их держат длинной палкой на высоте и бьют загнутым молотком в форме головы дракона.

¹ Калм. *бүрэ* труба, рожок, горн [КРС 1977: 127]. — прим. А. Б.

² Калм. *бушкүр* труба, дудка, горн, свистулька [КРС 1977: 132]. — прим. А. Б.

³ Ганглин — продольный рог, музыкальный инструмент буддийского культа, относящийся к группе аэрфонов — инструментов, источником звука в которых служит колебание воздушного столба [Калмыки 2010: 356]. — прим. А. Б.

⁴ Калм. *кеңкрг* — барабан [КРС 1977: 294]; музыкальный инструмент буддийского культа, относящийся к группе мембранофонов — инструментов, источником звука в которых служит натянутая на резонатор перепонка — мембрана [Калмыки 2010: 356]. — прим. А. Б.

⁵ Селен — музыкальный инструмент буддийского культа, относящийся к группе идиофонов — класса инструментов, источником звука в которых служит колеблющийся или вибрирующий корпус самих инструментов [Калмыки 2010: 356]. — прим. А. Б.

Зиланг — это металлические, выпуклые посередине в форме шляпы, звуковые тарелки. Две такие тарелки составляют единое целое и соприкасаются иногда всей, иногда половиной поверхности, иногда краем во время музыки*¹.

Представьте себе, что за шум должен издаваться, когда все эти инструменты, тем более в нескольких кибитках, слышны одновременно. Во время праздника эта музыка продолжается с утра до вечера, включая короткие перерывы. Думается, что правы те, кто выдает эту калмыцкую хурульную музыку за вдохновение сатаны.

Священники сидели с непокрытыми головами. Дабы показать им свое уважение к их религиозным обычаям, я сам стоял у входа со шляпой в руке: но мои русские спутники были не так учтивы.

В промежутках между молитвами разносили кислое молоко. Сами священнослужители вышли после освежающего напитка отдохнуть от долгого сидения.

Некоторые из священников просили меня войти в кибитку, и я с радостью принял это приглашение, чтобы можно было лучше удовлетворить свое любопытство; т. е. просто осмотреть все. Когда я осушил свою чашу с *чиганом* (Tschigan), я попросил разрешения посмотреть на картины и другие святыни. Мне разрешили сделать это при условии, что я не должен подходить слишком близко.

Но я дал понять остальным, что для меня лучше рассматривать на расстоянии, чем не видеть совсем. Затем мне разрешили приблизиться, но нельзя было дотрагиваться ни к чему, и пришлось поднести шляпу ко рту для того, чтобы мои пальцы и мое дыхание не оскверняли священные предметы.

Я смотрел на картины, которые висели внутри кибитки вкруговую, частью аккуратно раскрашенные на желтой тафте. Так как незадолго до этого я прочитал вторую часть монгольских сообще-

* См. Монгольские сообщения. Т. 2. С. 166–167 с прикрепленной медной пластиной LX. Б.

¹ Здесь Б. Бергман ссылается на второй том книги П.-С. Палласа «Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften» (St. Petersburg, 1801), где на с. 166–167 описываются калмыцкие музыкальные инструменты. — прим. А. Б.

ний Палласа, а прикрепленные медные монеты все еще были в моей памяти, мне не составило труда назвать пару дюжин имен. Я сказал, что здесь *Джагдшамуни* (Dschagdschamuni), здесь *Яман Дагос* (Jaman Dagos)¹, там *Окин Тенгяри* (Okin Tängäri)², *Цагаан Дара Эккя* (Zagaan Dara Aekkä), *Нойон Дара Эккя* (Nojon Dara Aekkä)³. Калмыцкие священники, впервые увидевшие меня в своих кибитках, очень удивились. Двое из них повели меня в другие кибитки, чтобы осмотреть новые картины, и я также назвал их здесь: *Нидубар Узукчи* (Nidubar Uesüchtschi)⁴, *Майдари* (Maidari)⁵, *Манзушари* (Mansuschari)⁶, *Эрлик хан* (Aerlik Chan)⁷ и бог знает

¹ Ямантака (в пер. с санскрита ‘покончивший с богом Ямой’) — один из основных идамов в мифологии ваджраяны [Мифы 1988: 683]. — прим. А. Б.

² Калм. *Окн теңер* — в мифологии монгольских народов женское небесное божество, квалифицируется как гневное воплощение богини Цаһан Дэрк, воспринимается и как богиня-мать, всеобщая прародительница [Мифы 1988: 270]. — прим. А. Б.

³ Калм. *Цаһан Дэрк* (Белая Тара), *Нохан Дэрк* (Зеленая Тара) — самые известные из 21 тары в пантеоне божеств, наиболее популярные женские мифологические образы, являющиеся воплощением беспредельного сострадания. Они представляются одетыми в платье индийских царевен и различаются по положению рук и ног [Мифы 1988: 494]. — прим. А. Б.

⁴ Калм. *Нүдвэр Узгч гегэн* — Авалокитешвара (тиб. Ченрези), означает «взирающий очами» или «владыка, смотрящий с высоты»), один из главных бодхисаттв в буддийской мифологии, олицетворение сострадания [Мифы 1987: 23]. — прим. А. Б.

⁵ Майдари (Майтрея) — в буддийской мифологии бодхисаттва и будда грядущего мирового порядка [Мифы 1988: 89]. — прим. А. Б.

⁶ Манджушри — один из трех главных бодхисаттв, олицетворяет мудрость. Его обычно изображают в виде красивого индийского царевича, держащего в поднятой правой руке пылающий меч [Мифы 1988: 102]. — прим. А. Б.

⁷ Калм. *Эрлг хан* (монг. *Эрлик Номун-хан*) — владыка царства мертвых, верховный судья в загробном мире, дьявол. Имя восходит к древнеуйгурскому *Эрклиг каган* (‘могучий государь’) — эпитету владыки буддийского ада Ямы. Прозвище *Номин (номун) хан* — калмыцкая (монгольская) калька титула Ямы — ‘царь закона’, ‘владыка веры’ [Мифы 1988: 667]. — прим. А. Б.

каких еще богов. Я назвал музыкальные инструменты их монгольско-калмыцким обозначением и напоследок указал на шелковый написанный иностранными литерами свиток, который я тоже знал от Палласа, и поэтому мог легко сказать группе священников, столпившихся вокруг меня, что он индийский. «Он знает индийскую письменность!» — воскликнули все. Один из них спросил меня, могу ли я читать свободно по-монгольски, и когда я сказал «да», он показал мне несколько листов бумаги, написанных на этом языке. Письмо было написано достаточно четко, чтобы я смог прочитать полстраницы. Изумление священников было запредельным.

Хотя, возможно, с моей стороны и было немного хвастовства, но мне кажется, что это было, по крайней мере, очень простительно для меня, потому что я только надеялся привлечь внимание калмыков и действительно вызвал это. Предположим, что калмык приобрел некоторые незначительные литературные знания в степи через европейца. Пусть этот калмык войдет на собрание наших священников, откроет Библию и скажет: «Это греческое!». Вдобавок пусть он бегло читает на нашем родном языке. Разве наши священники не удивились бы, заметив знания азиата, из которых они вообще не могли понять, как они возникли у него? Возможно, мы могли бы назвать обученного азиата как человека со способным и открытым умом. Калмыкам я обязан своему хвастовству, что назвали меня столь важным именем *биликтай кур*.

Как следствие разброса моих монгольских познаний было то, что я с величайшей готовностью внимательно относился к различным вещам и пытался объяснить их применение, но, к сожалению, не мог понять всего.

Алтарь напротив входа, занимавший всю высоту кибитки, состоял из деревянного каркаса, покрытого разноцветными шелковыми занавесами. Наверху над треном находился шелковый балдахин, где, помимо небесного дракона, вызывавшего молнии и гром, мне было позволено заметить еще несколько диковинных фигур. В центральной части алтаря стояли различные *бурханы* (burchan) из меди в шелковых одеяниях. На нижнем выступе было

несколько жертвенных чаш, наполненных зерном, бобами, рисом и другими вещами, которые также были выбраны брахманами к этим обрядам.

Рядом с этими чашами стоял кувшин со святой водой (*аршан*) (*arschaan*), из которого всегда торчали какие-то павлиньи перья. Внизу было зеркало. Я спросил: «Для чего?». Они сказали, что так и должно быть.

Мне хотели показать еще несколько диковинок, в то время как снаружи кибитки раздался громкий рёв рогов, который послужил сигналом для священников вновь собраться для молитвы. И так, священники вернулись, а я ушел. У входа в кибитку стояли несколько важных священнослужителей в красных одеждах, с чем-то вроде шлемов на головах, на некоторых из них вдоль спины свисал желтый пучок шерсти.

Эти священнослужители, которые в какой-то мере управляют службой в хуруле, отличаются почетным именем *гепкю* (*ghäpki*). Рядом с ними можно было увидеть несколько священнослужителей низшего ранга, которые напрягали свои легкие, постоянно дую в рожок из тритона.

Вдалеке дымился большой котел в огне, поддерживаемый целой горой навозных углей¹. В котле тушили целых коров и баранов. Некоторые священники сидели и курили и, казалось, ожидали того момента, когда они смогут наполнить свои голодные желудки. Перед ними стоял обнаженный по пояс, черный, как сатана, повар с большой шумовкой, которой поднимал и опускал куски мяса.

Рядом с молитвенной кибиткой поставили европейскую палатку, похожую на прихожую, где лежали груды приготовленных кусков мяса, разрезанных на мелкие куски, которые носили в кибитку. Здесь собралась толпа церковных мальчиков под присмотром нескольких священнослужителей, и в то время как одна часть, казалось, с нетерпением ждала принесенных чаш, другая ела представленные куски с большим аппетитом.

Я мог лишь недолго наблюдать это зрелище, потому что толкотня мальчиков-священников, которые входили и выходили с пу-

¹ Имеется в виду кизяк. — прим. А. Б.

стыми и полными чашами, стала настолько сильной, что мне приходилось опасаться каждую секунду, что чаша бульона или чигана выльется на меня.

Письмо 5 [Bergmann 1804: 69–76]

6 мая

Калмыцкие священнослужители делятся на три класса. Самый низший состоит из мальчиков, которых называют *манджи* (Mandschi), средний — *гецюли* (Gätzülln) и высший — *гелюнги* (Gällüngen). Кроме того, в каждой орде имеется верховный священнослужитель, которого зовут *лама* (Lama).

Лама наместника назначает в своем доме в последние дни праздника *урүс* (Uergüß) из самых достойных *гецюлей* (Gätzülln) пятнадцать *гелюнгов* (Gällüngen)*.

Так как при выборе ценится больше богатство, чем способности и возраст отдельных испытуемых, то легко понять, как должно увеличиваться ежегодно количество гелюнгов в хурулах.

Законы *лам* (Lama) обязывают посвященных в день посвящения до поздней ночи ходить вокруг *хурула* (Churull). Мне удалось увидеть восьмерых из пятнадцати, совершавших паломничество вокруг *хурула* (Churull) *хана* (Chan), в то время как остальные, вероятно, должны были идти с *ламой* (Lama). Они шли босиком. Их гладкая голова была непокрыта. Поверх красной церковной нательной туники они носили желтое шелковое одеяние, которое полностью состояло из прижатых параллельно свисающих складок, которые спускались от шеи до пяток, закрывали левую руку и только правую руку до подмышек можно было увидеть обнаженной. В правой руке они держали четки* и двигали шариками,

* Менее чем через 3 месяца там же у кочевников были сразу избраны 40 гелюнгов. Некоторые утверждают, что лама от жадности посвятил всех в сан, потому что каждый новый гелюнг должен более или менее расплатиться за духовный сан.

* Эти четки, распространенные в Индии, Бутане, Тибете и среди монгольских народов, состоят из 108 бусинок, которые обычно изготавливают из косточек терна. Ниже на нем висят маленькие шарики, по которым отмечают полный оборот. Калмыкам нужны четки также и в качестве вычислительной доски.

не шевеля при этом рукой. Торжественная серьезность царила на лицах этих новопосвященных. С глазами, опущенными к земле, безмолвно, погруженные в себя, следовали они по кругу.

Новое торжество послужило сегодня поводом для приезда ламы в хурул князя. *Лама* (Lama), кибитка которого находилась в нескольких верстах, приехал верхом к реке, где его ожидала многочисленная толпа. Его святость подчеркивало то, что он носил верхнее платье из желтого шелка, потому как желтый цвет был особо почитаем у монголов. На голове была круглая шапка, как у обычных священников, но вместо обычной окантовки из меха лисы, она была оторочена соболем.

Калмыцкий патриарх сел на коня, а я смешался с толпой священников, сопровождавших его в хурул (Churull). *Гелюнг* (Gällung) вел коня за узду, а простой священник нес посох из черного дерева (почетный дар предыдущего монарха). *Лама* (Lama) остановился у хурула (Churull), где уважаемый священник приветствовал его. Затем он подошел к молитвенной кибитке. Два флага развевались перед кибиткой. Открытый шатер был натянут у входа, рядом с которым двое *генкю* (ghäpkü) в красном одеянии управляли богослужением. На несколько мгновений зазвучала обычная хурульская музыка. *Лама* (Lama) вошел в кибитку, трижды упал навзничь перед алтарем, приподнялся на несколько мгновений и сел на мягкое ложе посреди шатра. Затем он снял красные сапоги, желтое верхнее платье, закинул ногу на ногу, руки до плеч были обнажены. Священники поклонились и преклонили колени перед ним. Народ протискивался все ближе вперед, но каждый раз преграда из нескольких *гелюнгов* (Gällüngen) сдерживала натиск. Сначала нас, европейцев, не хотели допускать к *ламе* (Lama) и обратились к нам, чтобы мы наблюдали за праздником со стороны. К нам хорошо отнеслись, но мы настаивали на уже выбранном месте, в указанном месте мы могли бы видеть все гораздо ближе и лучше.

Некоторое время *лама* (Lama) пробыл в шатре, когда подошел *хан* (Chan) со своими двумя старшими сыновьями и толпой *зайсангов* (Seissange), или знатных людей. *Хан* (Chan) в синем шелковом

одеянии, переливающимся золотом и серебром, сначала поклонился, затем присел недалеко от *ламы* (Lama).

Оба сына *хана* (Chan) трижды поклонились до земли и сели друг за другом снаружи шатра, пока их не пригласили занять место рядом с их отцом.

Через четверть часа пришла *ханша* (Chanin) с дочерьми в сопровождении многочисленной толпы. Она тоже бросилась три раза перед *ламой* (Lama) на землю, затем присела рядом с младшим сыном. *Лама* (Lama) ответил на все эти поклоны лишь легким движением рук.

Когда семейство *хана* (Chan) заняло свои места, была совершена торжественная молитва. После молитвы принесли для трапезы сосуды с молоком и чаем, миски с мясом и круглые крендели.

Во время завтрака я пошел в расположенную вблизи хурульную кибитку, где меня привлекло новое зрелище. Простые люди протискивались в толпе вперед, бросались на землю перед кибиткой и таким образом приближались ко входу. Падение навзничь происходило каждый раз особым образом. Шапку сначала снимали с головы и бросали наземь так, что желтая ее сторона ложилась наверх. Затем руки размашистым движением накладывались друг на друга и приближались большим и указательным пальцами к лицу. При падении навзничь брошенная шапка соприкасалась с головой. На входе кибитки, где свернутые алтарь и картины указывали на окончание праздника, стояли *манджиски* (Mandschi) и *гелюнги* (Gällungen) с кувшинами, из которых они наливали святую воду на свернутые лодочкой ладони людей. Кто получал это питье, выпивал небольшой глоток, а остальное использовал для того, чтобы умыть лицо. Мне также дали немного этого напитка. Он состоял из воды, шафрана и сахара. Каждый калмык, которому наливали немного этого напитка в руки, платил за это пару копеек.

Когда я снова вернулся к *ламе* (Lama), то застал все в том же порядке. Трапеза продолжалась, а священники, как всегда, сидели, поджав ноги. Тем временем люди ходили вокруг и собирали деньги, которые, как мне сказали, были предназначены для *ламы*.

Сборщикам денег не надо было никому напоминать, так как каждый со своей монетой протискивался и отдавал.

Поскольку день был необычайно жарким, я не захотел ждать окончания этого торжества. Ближе к вечеру я пошел на рынок, который состоял примерно из 50 кочевых кибиток, где татары, русские и армяне предлагали свои представленные на продажу товары. Лавки тогда больше, чем обычно посещались, так как *урус сар* (Uerrüß) привлекал большее количество торговцев. Товары, которые были здесь нарасхват, это ткани из шелка, холст, китай (или китайка по-русски), сафьян и железная посуда. Я заходил в разные лавки, но моим глазам требовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к темноте, царившей там. Повсюду стояли на коленях на земле покупатели из числа калмыков и пробовали товары, которые пытались предлагать изо всех сил торговцы. Выгода, которую извлекали последние от своих товаров, не могла быть незначительной. Если проехать от 50 до 65 верст дальше, то многие товары можно будет купить на треть дешевле (перевозка на верблюдах или татарской повозке (арбе) не требует здесь больших расходов).

На мой вопрос, не грабят ли торговцев, то ответили, что они не могут припомнить этого на протяжении многих лет. Когда я сказал, что они могли бы позаботиться о безопасности от мошенников посредством достаточного количества охраны, то узнал к моему большому удивлению, что один лишь единственный страж обходит все вокруг ночью. На самом деле, если вы думаете, что парой порезов ножом проникнете в калмыцкие лавки, где только захотите, то у вас есть повод удивиться тому, что легкость совершения кражи калмыцких воров не привлекает.

Письмо 6 [[Bergmann 1804: 76–81](#)]

На *Аксае* (Ахаі) в 130 верстах от *Сарепты* (Sarepta)

9 мая

С позавчерашнего дня мы трижды меняли местонахождение, переместились на 50 верст к северу и теперь находимся у небольшой речки на *Дону* (Don), изобилующей рыбой, раками и черепа-

хами*. Окружающие окрестности представляют собой идеальную равнину, которая была специально выбрана для расположения места, чтобы праздновать настоящий праздник урюс с рингом и скачками. Я доволен тем, что мы будем пребывать в этом месте три недели, так как частая смена мест проживания очень противна мне. Однако кочевой образ жизни калмыков настолько разительно контрастирует с образом жизни европейцев, что краткое описание об этом не должно быть неприятным для вас.

За день до первого отъезда орды нас извещают о том, что мы должны быть готовы к переезду. К назначенному времени верблюды и лошади были доставлены. Множество калмыков подошли к нашим кибиткам, разобрали их и погрузили на верблюдов. Часть багажа была размещена на татарских телегах, которые отличаются от обычных повозок этого типа более крупными колесами с многочисленными спицами и огромными ступицами.

В орде перед отъездом царят несколько часов вселенского движения. Все калмыки заняты тем, что собирают стада и загружают кибитку и имущество. Как только все готовы, отправляются в путь на новое место расположения.

Пустыня и необитаема калмыцкая степь может быть, по крайней мере, до времени переезда, когда обнаруживаешь оживленную толпу вокруг. С обеих сторон нашего пути все было забито выюченными животными и стадами. Тот, кто оставил позади себя навьюченных верблюдов, видит стадо крупного рогатого скота, которым управляет калмычка, там стадо кобылиц, которые послушно следуют за жеребцом. Далее встречаются 10–15 упитанных *геллунгов* (Gällungen), радостно и довольно продолжающих свой путь. В стороне от них — нередко встречающаяся картина нищеты в образе оборванного мальчишки, который пешком ведет пару верблюдов,

*Черепях можно встретить во всех реках Дона, но меньших по размеру, чем на Волге и в Каспийском море, потому что их средняя длина составляет примерно полфута. Можно составить представление об их изрядном количестве из того, что при каждом улове сетями вытаскивают сразу от 3 до 4 черепях. Можно утверждать, что черепях считают очень вредными, потому что они цепляются за руки-ноги ловца. Они также считаются ядовитыми: но совсем недавно то же самое приписывалось обычным жабам.

в то время как рядом с ним едет верхом на единственной лошади мать.

Хан (Chan), который окружен 50 носильщиками и всегда находится впереди, является одним из первых на новое место. После того как княжеский дворец возведен, как можно быстрее готовят чай. Большая часть калмыков делает это тоже. Такие кочевые странствия возвращают нас в давние времена человечества, где предки со своими стадами также вели кочевую жизнь, в которой не имели больших потребностей, а князья и подданные различались лишь по виду и богатству. Настоящее как по мановению волшебной палочки вызывает в воображении образы прошлого, которые, несомненно, должны произвести более сильное впечатление на нашу душу, чем самая прекрасная поэзия: кисть поэзии не может изобразить прошлое такими правдивыми красками, так, как те времена представляются в настоящем.

Во время переезда калмыки, рассчитывая на праздничные дни, занимаются охотой. Вчерашний день был одним из тех дней, когда закон запрещал охоту.

Тем временем находящиеся в орде русские, охотясь на бродячих коз, задержали за короткое время от 15 до 20 молодых особей, которые не в состоянии были так быстро уйти, как старые, их доставили *гелюнгам* (Gällungen), которые дорого заплатили им за это, но животные снова убежали, когда опасность миновала.

Один из *гелюнгов* (Gällungen), который был настроен менее кротко, чем другие, и вчера охотился на нескольких коз, оставшуюся часть пути должен был ехать в одиночку, потому что другие, по крайней мере, в течение дня не хотели быть в обществе с ним. Если в орде в калмыцкие молитвенные дни русскими (потому что калмыками это и так уж никогда не совершается) ловятся рыба или раки, то приходят очень часто гелюнги и просят рыбу или раков, чтобы они могли в святой день свершить достойное дело, спасая свою душу от гибели и отпуская рыбу и раков.

Хотя калмыки и убивают сельскохозяйственных животных ради еды, настоящий ламаит не убивает ни змей, ни черепах, кроме хищных животных, которые губительны для его стада.

Даже вшей, которые являются одними из главных бед калмыцкой жизни, не будет убивать набожный калмык. Я спросил недавно старого калмыка, который освободился от своего постояльца, захотел бы он за вознаграждение одного единственного из этих изгнанников убить. Он ответил: «Конечно, нет!» — «А за тысячу рублей?» — «И не за миллион! Хоть вошь или человек, а я не убью, у обоих есть душа»*.

Заключение

Эпистолярная форма изложения позволяла Б. Бергману достаточно широко отражать действительность, свободно высказывать свое мнение. Письма Б. Бергмана представляют несомненный интерес, так как содержат этнографические наблюдения за жизнью калмыков человека совершенно другой культуры. И тем ценнее его взгляд, взгляд европейца, на вполне обыденные для кочевника явления.

Источник

Bergmann 1804 — *Benjamin Bergmann*. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Theil. Riga: bei J. G. Bartmann, 1804. 352 p.

Литература

Басангова 2002 — *Басангова Т. Г.* Б. Бергман и «Джангар» // Монголоведение. Вып. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 124–130.

Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Логунова 2009 — *Логунова Н. В.* Художественный эпистолярный курс и иные разновидности литературного нарратива: к проблеме сопоставления // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5. С. 128–133.

Лохина 2003 — *Лохина Т.* Частная рукопись в конце XVIII – начале XIX в. // Филологические науки. 2003. № 2. С. 45–46.

* Старший сын хана сказал калмыку, убившему тарантула: «Это животное дорого обойдется тебе в другой жизни».

- Митруев 2020 — *Митруев Б. Л.* Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 149–175. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Описание калмыцкой борьбы в «Кочевнических скитаниях среди калмыков в 1802–1803 годах» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 89–101. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-89-101
- Мифы 1987 — Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 тт. Т. 1: А–К. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 671 с.
- Мифы 1988 — Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 тт. Т. 2: К–Я. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 719 с.
- Островский 1859 — *Островский Э.* Письма из путешествия по киргизкайсацким степям: в 2 т. Т. 1. Гродно: [б. и.], 1859. 137 с.
- Религии мира 2006 — Религии мира: энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М.: Вече, 2006. 640 с.
- Ученые-исследователи 2006 — Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.) / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.

УДК 930.253

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-114-125

Архивные диалектные материалы по истории и социологии башкирского языка в Научном архиве и фондах редких книг и рукописей Уфимского федерального исследовательского центра РАН

*Тимур Гаязович Мухтаров*¹,
*Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова*²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, заместитель директора

 0000-0002-5588-315X. E-mail: taymas77@gmail.com

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, научный руководитель

 0000-0001-5997-9928. E-mail: hisamitdinova@list.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Мухтаров Т. Г., Хисамитдинова Ф. Г., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются диалектные материалы по башкирскому языку первой половины XX в., представленные в архивных фондах Уфимского федерального исследовательского центра РАН. *Целью* исследования является выявление и интерпретация диалектных материалов с точки зрения представленности в них документов, связанных с историей и социологией башкирского языка. *Материалами* послужили отчеты и другие документы диалектологических и комплексных экспедиций 20–30-х гг. XX в. под руководством Н. К. Дмитриева, а также отложившиеся в фондах Научной библиотеки и фонда редких книг и рукописей старопечатные книги, словари и другие материалы XVIII–

XIX вв. *Основными методами* являются описательный, сравнительно-сопоставительный и диахронический. *В результате* установлено, что участникам экспедиций удалось собрать материал не только по лингвистике и фольклору, но также по социологии башкирского языка. Они не только обследовали языковую ситуацию, но и вносили свои предложения по языку обучения на местах, улучшению литературного языка, составлению словарей, учебников. *Выводы.* В архивных фондах Уфимского федерального исследовательского центра РАН отложились ценнейшие материалы по истории и социологии башкирского языка. В них нашли отражение особенности башкирского языка XVIII–XX вв., специфика языковой политики, состояния башкирского языка в переломные годы XX в. **Ключевые слова:** башкирский язык, диалектология, социология языка, научный архив, фонд рукописей, научная экспедиция
Для цитирования: Мухтаров Т. Г., Хисамитдинова Ф. Г. Архивные диалектные материалы по истории и социологии башкирского языка в Научном архиве и фондах редких книг и рукописей Уфимского федерального исследовательского центра РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 114–125. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-114-125

UDC 930.253

History and Sociology of Bashkir: Archival Dialect Materials from Ufa Federal Research Centre of the RAS (Scientific Archive, Collections of Rare Books and Manuscripts)

*Timur G. Mukhtarov*¹, *Firdaus G. Khisamitdinova*²

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Sociology), Deputy Director

 0000-0002-5588-315X. E-mail: taymas77@gmail.com

² Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor, Academic Advisor

 0000-0001-5997-9928. E-mail: hisamitdinova@list.ru

Abstract. *Introduction.* The article examines early-to-mid 20th century Bashkir dialect materials stored at archival collections of Ufa Federal Research Centre (RAS). *Goals.* The study aims at interpreting and identifying the dialect materials for available documents related to history and sociology of the Bashkir language. *Materials and methods.* The work analyzes reports and other documents of 1920s–1930s dialect and comprehensive research expeditions supervised by N. Dmitriev, as well as old printed books, dictionaries and other 18th–19th century materials from the Scientific Library and collections of rare books and manuscripts. The main research methods employed are descriptive, comparative, and diachronic ones. *Results.* The paper shows that participants of expeditions succeeded in collecting not only linguistic and folklore materials but also that dealing with sociology of Bashkir. Moreover, the former not only examined the language situation but also made their proposals on the language of instruction in the field, thus improving the literary language, compiling dictionaries and textbooks. *Conclusions.* The most valuable materials on history and sociology of the Bashkir language have been deposited in archives of Ufa Federal Research Centre (RAS). Those reflect 18th – 20th century linguistic peculiarities, specifics of language policy, state of the Bashkir language in crucial years of the 20th century.

Keywords: Bashkir language, dialectology, sociology of language, scientific archive, manuscript collection, scientific expedition

For citation: Mukhtarov T. G., Khisamitdinova F. G. History and Sociology of Bashkir: Archival Dialect Materials from Ufa Federal Research Centre of the RAS (Scientific Archive, Collections of Rare Books and Manuscripts). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 3. Pp. 114–125. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-114-125

Введение

В Уфимском федеральном исследовательском центре РАН (далее — УФИЦ РАН) представлено три научно-вспомогательных центра, которые занимаются сбором, хранением и описанием духовной культуры башкирского народа. К их числу относятся Научный архив, фонд редких книг Научной библиотеки и фонд рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН.

С лингвистической точки зрения наиболее ценные материалы, на наш взгляд, хранятся в Научном архиве УФИЦ РАН. Данный архив был создан в 1956 г. На сегодняшний день в нем отложилось более 20 тысяч различных документов. В архиве представлены документы, связанные с историей развития академической науки в Башкортостане с 1951 г., материалы научных экспедиций, рукописи трудов ученых институтов УФИЦ РАН, неопубликованные материалы некоторых ученых и деятелей культуры Башкортостана, шежере (родословные), карты XVIII–XIX вв., копии документов из центральных архивов России по более ранней истории башкир, башкирского края и др.

Комплексные и диалектологические экспедиции 20–30-х гг. XX в.

В 1922 г. в Уфе был создан Академический центр (Академцентр). Целью и основными задачами этого научного центра были сбор и изучение полезных ископаемых, флоры и фауны, национального состава населения Башкортостана, описание особенностей разговорного языка, быта, нравов, разработка нового литературного языка, определение языка обучения, воспитания детей и культурного обслуживания взрослого населения республики [БЭ 2005: 88].

Для выполнения поставленных задач Академцентр организовал несколько комплексных научных экспедиций и множество индивидуальных выездов в различные районы Башкирской республики.

1. Первая комплексная экспедиция Академцентра была организована вместе с Академией наук СССР в 1928–1929 гг. В работе данной экспедиции приняло участие более 100 исследователей, которые в составе 17 специализированных отрядов под руководством ведущих ученых АН СССР работали в различных районах республики. Так, например, лингвистико-фольклорный подотряд академической экспедиции 1928–1929 гг. возглавлял известный ученый-тюрколог Н. К. Дмитриев. Материалы данной экспедиции составляют один из ценнейших фондов Научного архива УФИЦ

РАН. В 1928 г. участники фольклорно-лингвистического подотряда под руководством Н. К. Дмитриева работали в башкирских населенных пунктах Тамьян-Катайского кантона Башкирской республики. Ими был собран определенный социологический и языковой материал по говорам башкир Катайской и Усмангалинской волостей. Весь этот богатый материал хранится в фонде № 94 Научного архива УФИЦ РАН (г. Уфа) и частично в фонде Н. К. Дмитриева (г. Москва) [АРАН. Ф. 1568. Оп. 1. Разряд 1. Ед. хр. 1–62].

Кроме этого, в фонде Н. К. Дмитриева Научного архива УФИЦ РАН хранятся и фольклорные материалы, включающие около 800 песен (йыров), 150 пословиц и загадок, множество легенд и преданий, сказок. В фонде Н. К. Дмитриева также представлены исторические и этнографические материалы о башкирском населении обследованных деревень, т. е. об инзер-катайцах и махмут-катайцах [НА УФИЦ РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 9].

Следует отметить и то, что участникам академической экспедиции 1928–1929 гг. удалось собрать архивы мечетей, рукописные книги отдельных лиц, родовые, семейные, индивидуальные тамги инзер-катайцев. В годы репрессий, разорения мечетей, уничтожения рукописей и книг, хранящихся в них, наследие катайских башкир вполне могло погибнуть. Благодаря академической экспедиции 1928–1929 гг., материалы, связанные с духовной культурой башкирского народа, были сохранены в Научном архиве УФИЦ РАН.

Кроме вышеуказанных материалов, в фонде Н. К. Дмитриева представлены карта Башкирской АССР (далее — БАССР) с обозначением районов лингвистических работ 1928, 1929 гг., карта БАССР 20-х годов XX в. [НА УФИЦ РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 7, 8].

В 1929 г. члены лингвистико-фольклорного отряда академической экспедиции разделились на две группы и работали в двух регионах проживания башкир. Первая группа исследователей под руководством Н. К. Дмитриева работала в Белорецком, Абзелиловском и Учалинском районах БАССР. Вторая группа под руководством известного башкироведа З. Ш. Шакирова совершила экспедицию в населенные пункты Аргаяшского кантона (совр. Челябинская область).

2. Материалы первого подотряда 1929 г. хранятся также в фонде Н. К. Дмитриева. Что же касается полевых материалов второго подотряда лингвистико-фольклорного отряда, то они представлены в подфонде З. Ш. Шакирова. Членами этого подотряда З. Ш. Шакировым и его студентом Б. А. Альметьевым был собран солидный материал, включающий диалектные, фольклорные тексты населения Карабольской, Буринской, Кунашакской волостей Аргаяшского кантона. Были записаны отдельные диалектные слова, фразы, рассказы из быта челябинских башкир, связанные с рыбной ловлей, уборкой хлебов, животноводством и др. Наибольший интерес представляют собранные З. Ш. Шакировым и Б. А. Альметьевым оригинальные сказки, легенды, эпосы, исторические песни, пословицы, загадки, обрядовые песни (сенляу и др.) на языке челябинских башкир. Собранные материалы в виде «Краткого отчета об экспедиции, организованной Обществом по изучению Башкирии» были опубликованы З. Ш. Шакировым в мае 1929 г. во втором номере журнала «Белем», на башкирском языке. Следует отметить, что Аргаяшскую подгруппу экспедиции финансово поддержало Общество по изучению Башкирии, т. е. Академцентр. Отчет З. Ш. Шакирова по Аргаяшскому кантону под названием «Краткий отчет по изучению говоров и фольклора Аргаяшского кантона летом 1929 г.» увидел свет и на русском языке в двух сдвоенных номерах «Краеведческого сборника». Весь вышеуказанный материал вместе с другими документами хранится в подфонде З. Ш. Шакирова [[НА УФИЦ РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 11](#)]. Часть материалов Аргаяшской экспедиции 1929 г. представлена в виде машинописной рукописи 1930 г. в количестве 183 страниц под названием «Народное творчество башкир Челябинской области» [[НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 8, 52](#)]. Следует отметить, что работа академической экспедиции 1928–1929 гг. способствовала активизации экспедиционной деятельности в Башкортостане. Были разработаны специальные опросники, включающие следующие вопросы: сведения об истории деревень, племенах и родах, родовых подразделениях, названиях местностей (гор, лесов, озер и др.), о национальном составе деревень, ремеслах носителей язы-

ка, наличии учебных заведений, медресе, языке обучения и др. [АРАН. Ф. 1568. Оп. 1. Разряд 1. Ед. хр. 1–62].

Опросники постоянно обновлялись, так, например, в анкете 1932 г. появились вопросы, связанные с функционированием языков различных профессиональных групп, в частности рабочих-башкир Баймакского, Тубинского заводов. В опроснике 1934 г. представлены вопросы, связанные с определением языка обслуживания (язык литературы, СМИ, школ, деловой переписки) населения. В опросник 1937 г. были добавлены вопросы, связанные с введением русского алфавита на кириллице и др. С использованием указанных опросников в 30-х гг. прошлого столетия было организовано около 20 экспедиций и выездов не только в районы БАССР, но и в башкироязычные регионы Советского Союза, т. е. в современные Челябинскую, Курганскую, Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую, Свердловскую области и Пермский край.

3. Научные экспедиции 30-х гг. XX в., как уже говорилось выше, занимались не только сбором материалов по языку, фольклору местного населения. Они были связаны с выбором родного языка, языка обучения в школах района. Поэтому перед экспедицией ставили и такие задачи: «определить отношение разговорного языка населения к принятым нормам башкирского литературного языка; определить правильность и объективность пути развития литературного языка и его доходчивость для трудящихся масс; определить задачи дальнейшего развития и усовершенствования башкирского литературного языка; проанализировать состояние обучения, изучить вопросы, связанные с введением русского алфавита; выяснить язык делопроизводства, деловых бумаг, переписок и др». [АРАН. Ф. 1568. Оп. 1. Разряд 1. Ед. хр. 1–62].

В связи с постановкой задач социологии языка и социолингвистики в работе диалектологических и комплексных экспедиций обязательно принимали участие представители центра, т. е. Москвы и Ленинграда (ныне — Санкт-Петербург). Так, например, судя по отчету, в работе диалектологической экспедиции 1934 г. в Нуримановский район и отдельные деревни Каридель-

ского района принимал участие известный тюрколог Константин Кузьмич Юдахин. Судя по отчету, участники экспедиции выполнили поставленные задачи. Они описали особенности говора башкир указанных районов. В частности, ими описаны такие диалектные явления региона, как употребление межзубного звука **ç** вместо общетюркского **с** и фарингализованного **h** других говоров и литературного башкирского языка; регулярное употребление консонантных сочетаний типа «сонорный + глухой смычный» вместо «сонорный + звонкий смычный» других говоров и башкирского литературного языка. Кроме этого, участниками экспедиции были сделаны предложения по внесению ряда лексем говоров северных башкир в литературный башкирский язык. К числу таких слов, судя по отчету, который хранится в Научном архиве в деле № 4, относится лексика, связанная с лесными промыслами, духовной культурой башкир севера Башкортостана [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4].

В рекомендациях участников экспедиции также представлены предложения по внесению в словари и учебники башкирского языка отдельных явлений языка северных башкир в качестве сравнительного материала. В материалах экспедиции в Караидельский, Туймазинский районы республики имеются предложения и такого характера: в школах башкирских деревень языком преподавания считать татарский язык [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4, 5].

Следует отметить, что материалы диалектологических и комплексных экспедиций написаны на башкирском языке, но с использованием трех алфавитов: арабского, латиницы и кириллицы, которые в рассматриваемый период сменяли друг друга в воспроизведении башкирской речи на письме. Эта особенность документов 30-х гг. прошлого столетия обусловила их слабую изученность. В связи с изложенным полное описание и введение в научный оборот материалов диалектологических и комплексных экспедиций могло бы пролить свет на многие вопросы истории, социологии башкирского языка, так как сегодня диалекты вследствие глобализирующих процессов унифицируются, теряют свои особенности, как и в других языках не только России, но и мира.

Материалы других фондов УФИЦ РАН

Более ранние документы, имеющие отношение к башкирскому языку и духовной культуре, хранятся в редком фонде Научной библиотеки УФИЦ РАН. В данном фонде содержится 9 240 экземпляров книг, из которых для изучения башкирского языка и его диалектов особо ценными являются 325 единиц, написанных на арабском, фарси, тюрки и других восточных языках [Сибгаганова, Гиниатуллина 2017: 44]. Не менее ценными являются словари, учебные пособия, научные труды, написанные в XVIII–XIX вв. на русском языке такими исследователями башкирского края и башкир, как И. Г. Георги, П.-С. Паллас, И. И. Лепехин, М. Бексурин, позднее В. В. Катаринский, А. Г. Бессонов, М. А. Кулаев и др. Наиболее полный и ценный материал оставил В. В. Катаринский. В качестве примера можно привести его «Башкирско-русский словарь» (1899 г.). В данном словаре представлено множество диалектных слов и форм. Ср.: диалектные слова: *эзэл* ‘смерть’, в лит. яз. — *эжэл*; *бире* ‘бес’, в лит. яз. — *бәрей*; *имдәү* ‘заговорить’, в лит. яз. — *имләү*; *мөгөззө йылан* ‘рогатая змея’, в лит. яз. — *мөгөзлө йылан*; *хозай сәсәге* ‘оспа бога, досл. цветок худая’, в лит. яз. — *хозай сәскәһе*, *бирле* ‘бешеный, взбесившийся’, в лит. яз. — *енле* и др. [Катаринский 1899: 5, 236]. Интересно отметить, что отдельные диалектизмы В. В. Катаринский связывает с теми или иными родо-племенными группами башкир. Например, при подаче слов *балга* ‘молоток’, *акай* ‘брат, дядя’ В. В. Катаринский пишет о том, что указанные слова употребляются в Катайской волости, а в других местах функционируют слова *сүкеш* и *агай*. Как уже говорилось выше, в словаре В. В. Катаринского нашли отражение не только диалектные лексемы, но и формы. Судя по представленному материалу, в словаре в основном нашли отражение грамматические формы восточного диалекта. Ср.: *имдәү* ‘заговорить, лечить’ от общетюркского корня *em-* / *ät-* / *im-* и аффикса восточного диалекта башкирского языка *-дәү*, в других диалектах представлены формы *имләү* (юж.), *имнәү* (сев.-зап.); *мөгөззө* ‘рогатый’ от общетюрк. *büjñiŋ* / *büjñiŋŋ* / *müñüz* и аффикса вост. диал. *-зө* / *-зө*, в других диал. *мөгөзлө* (юж.) и *мөгөзлө* (сев.-зап.) и др.

Ценность «Башкирско-русского словаря» В. В. Катаринского для истории башкирского языка заключается и в том, что в нем зафиксированы многие лексемы, которые в современном башкирском языке потеряли некоторые свои значения, другие слова вообще утрачены в языке. В качестве примера можно рассмотреть приведенную В. В. Катаринским лексику *атсыз* ‘злой дух’. Ни в других словарях, ни в материалах полевых диалектологических экспедиций данная лексема не встречается. Лишь в материалах научных экспедиций и полевых выездов башкирских диалектологов к среднеуральским, т. е. свердловским, башкирам было зафиксировано данное слово в формах *атсыз* и *атһыз* в значениях ‘злой дух, оборотень’ и с примерами. Ср.: *Атсыз киәфәтен үзгәртә, йә агас, йә күбә, йә үт булып күренә, диләр*. ‘Говорят, *Атсыз* меняет свой облик, он показывается то в виде дерева, то копны, то огня’¹ [СФ 2008: 124, 236]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что лексема *атһыз* / *атсыз* до 1960–1970 гг. широко употреблялась в говорах башкирского языка. Но уже в материалах фольклорной экспедиции Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН 2004 г. ни в одном отчете лексема *атсыз* / *атһыз* не была зафиксирована. Значение ‘злой дух, оборотень’ в материалах передают лексемы *убыр* и *мәскәй*, что свидетельствует о том, что в течение последних 50 лет слово могло исчезнуть в языке башкир.

Ценные материалы по диалектологии, истории башкирского языка хранятся в фонде рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, созданном в 1972 г. В данном фонде хранятся материалы 60-ти археографических экспедиций и индивидуальных выездов. Собрана богатая коллекция, включающаяся 5,5 тысяч письменных памятников, из них — 2 894 рукописей, 2 771 книг, изданных в основном до 1917 г. [Хисамитдинова, Аккубеков 2008]. Однако материалы фонда рукописей и редких книг описаны только частично [Искандарова 2015; Булгаков, Галяутдинов 2009].

¹ Перевод авторов статьи.

Выводы

В архивных фондах УФИЦ РАН отложились ценнейшие материалы по истории и социологии башкирского языка. В них нашли отражение особенности башкирского языка XVIII–XX вв., языковой политики, состояния башкирского языка в переломные годы XX в. В настоящее время материалы Научного архива и фондов каталогизируются, начата работа по оцифровке отдельных фондов. Необходимо усилить работу в этом направлении.

Сокращения

вост. — восточный
диал. — диалект
лит. яз. — литературный язык
общетюрк. — общетюркский
сев.-зап. — северо-западный
юж. — южный

Источники

НА УФИЦ РАН — Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
АРАН — Архив Российской академии наук.

Литература

- БЭ 2005 — Башкирская энциклопедия: в 7 т. Т. 1. Уфа: Башкир. энцикл., 2005. 624 с.
- Булгаков, Галаятудинов 2009 — *Булгаков Р. М., Галаятудинов И. Г.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч. 1. Уфа: Гилем, 2009. 456 с.
- Искандарова 2015 — *Искандарова С. А.* Каталог арабографичных старопечатных изданий Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (поступления за 1972–1979 гг.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 276 с.
- Катаринский 1899 — Башкирско-русский словарь / сост. В. В. Катаринский. Оренбург: Типо-лит. Б. Бреслина, 1899. 237 с.
- Сибгатовая, Гиниатуллина 2017 — *Сибгатовая Р. Ю., Гиниатуллина Л. М.* Научный архив и Научная библиотека УНЦ РАН как источник изучения литературы и культуры Башкортостана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (68). В 2 ч. Ч. 1. Тамбов, 2017. С. 43–45.

СФ 2008 — Рухи мирас: Свердловск башкорттарының фольклоры (= Духовное наследие: фольклор свердловских башкир). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 256 с.

Хисамитдинова, Аккубеков, 2008 — *Хисамитдинова Ф. Г., Аккубеков Р. Ю.* Коллекция фонда рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы УНЦ РАН // VI съезд востоковедов России (г. Улан-Удэ, 17–21 сентября 2008 г.). Тезисы. М: ИВ РАН, 2008. С. 94.

УДК 910.4:930.25

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-126-150

Материалы Калмыцкого отряда Комплексной экспедиции из архива Института этнологии и антропологии РАН (отчеты, фотографии 1959–1963 гг.)

Наталья Львовна Жуковская ¹

¹ Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заведующий

 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Жуковская Н. Л., 2021

Аннотация. *Цель* статьи — введение в научный оборот сведений по истории этнографического изучения калмыков. В 1959–1963 гг. в районах восстановленной Калмыцкой АССР работал Калмыцкий отряд Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ныне — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН). *Результаты.* В статье впервые освещается работа этнографов академического института по изучению культуры и быта калмыков, возвратившихся в восстановленную автономную республику после противозаконной ссылки калмыцкого народа (1943–1957 гг.). Публикуются предварительные отчеты и уникальные фотографии из архива Института этнологии и антропологии РАН.

Ключевые слова: комплексная экспедиция, Институт этнографии АН СССР, Калмыцкий отряд, отчет, фотографии

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Материалы Калмыцкого отряда Комплексной экспедиции из архива Института этнологии и антропологии РАН (отчеты, фотографии, 1959–1963 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 126–150. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-126-150

Comprehensive Research Expedition. Materials of Kalmykia Detachment from Archives of the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS): Reports, Photographs, 1959–1963

*Natalia L. Zhukovskaya*¹

¹ Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS
(32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Head of Center

 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Zhukovskaya N. L., 2021

Abstract. *Goals.* The article introduces some new data on the history of 1959–1963 ethnographic research among rural Kalmyk population of the restored Kalmyk ASSR. The research was conducted by Kalmykia detachment of the Comprehensive Research Expedition at the Miklouho-Maclay Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences; currently – Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS). *Results.* The paper is the first to review efforts of academic ethnographers to have explored culture and household life of Kalmyks that had just returned to the restored autonomy of theirs after the unlawful Siberian deportation of 1943–1957. The work publishes preliminary reports and unique photographs from archives of the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Keywords: Comprehensive Research Expedition, Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, Kalmykia detachment, report, photographs

For citation: Zhukovskaya N. L. Comprehensive Research Expedition. Materials of Kalmykia Detachment from Archives of the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS): Reports, Photographs, 1959–1963. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 126–150. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-126-150

Введение

9 января 1957 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» [Максимов 2009: 614], согласно пункту 3 которого был признан утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. о ликвидации Калмыцкой АССР, в соответствии с которым калмыки были подвергнуты депортации и находились в ссылке в восточных районах СССР. Этим же январским указом 1957 г. была отменена статья 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г. в части запрещения калмыкам возвращаться на прежнее место жительства. В тот же день Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края», а 12 января 1957 г. — Указ «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области Ставропольского края». Началось восстановление автономии Калмыкии, и калмыки, расселенные по всему востоку Советского Союза, стали переселяться в родные места. Согласно планам Оргкомитета по Калмыцкой автономной области и Оргбюро Калмыцкой областной партийной организации, занимавшихся вопросами организации мероприятий по восстановлению Калмыцкой автономной области, в 1957 г. предполагалось переселить в организованном порядке 8 300 калмыцких семей, но уже к ноябрю 1957 г. на территории вновь созданной автономной области находились 9 325 калмыцких семей (35 520 человек) [Максимов 2009: 617]. В 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую АССР. Калмыцкое население продолжало прибывать в родные края. По данным переписи 1959 г., в Калмыцкой АССР проживало 184 857 человек, из них калмыков 64 992 человека [Максимов 2009: 629].

Предстояла большая восстановительная работа, в том числе и возрождение научных организаций. Уже в 1957 г. был вновь создан Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, задачей которого являлось изучение истории, языка, культуры калмыцкого и других народов. Изучением истории и культуры калмыков на этом этапе занимались и другие исследо-

вательские учреждения. Цель статьи — введение в научный оборот сведений из архива Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (далее — ИЭА РАН) о работе Калмыцкого отряда Комплексной экспедиции.

Калмыцкий отряд Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР и его отчеты

В 1959 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ИЭ АН СССР, ныне — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН) была принята рассчитанная на много лет программа по изучению современности на территории всего тогдашнего Советского Союза. Был ли это приказ сверху или зов души научных работников снизу, сейчас уже трудно установить, возможно, и то, и другое вместе.

Называлась эта программа так: «Комплексная экспедиция по изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму». Звучало это наивно и, как мы сейчас понимаем, смешно, но тогда значительная часть населения, если и не верила, то надеялась, что коммунизм не за горами. Эта иллюзия сохранялась у части населения страны еще очень долго.

Тем не менее время для предстоящего исследования было выбрано удачно. После окончания тяжелейшей для страны Великой Отечественной войны прошло 14 лет. Страна понемногу оживала, восстанавливались эвакуированные в годы войны на восток заводы и фабрики, возрождалось сельское хозяйство, сильно пострадавшее на оккупированных территориях. Постепенно возвращались на родину репрессированные (кто до начала войны, а кто в ходе ее) народы. В их числе были и калмыки.

В составе Комплексной экспедиции были запланированы 12 отрядов, один из них должен был работать в Калмыкии. Руководителем отряда был назначен кандидат исторических наук Григорий Григорьевич Стратанович, сотрудник сектора Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии (ныне — Центр азиатских и тихоокеанских исследований).

В 1959 г. Г. Г. Стратанович предпринял первую рекогносцировочную поездку. Он провел переговоры с дирекцией института, который тогда назывался Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ, ныне — Калмыцкий научный центр РАН). Директором в те годы был Иван Кузнецович Илишкин, с которым у Г. Г. Стратановича сразу сложились хорошие деловые отношения. Были намечены районы, в которых предстояло вести работу, и начать ее было решено в 1960 г.

В августе 1960 г. Калмыцкий отряд Комплексной экспедиции начал работу, продолжавшуюся, судя по сведениям, хранящимся в Архиве ИЭА РАН, вплотную до 1963 г. Однако по результатам этой работы имеются лишь два кратких отчета на 2,5 страницы каждый за 1960 и 1961 гг., совсем краткий, на полстраницы, отчет за 1962 г. и запись, что в 1963 г. отчет не был предоставлен вообще. К сожалению, случается и такое. Мне не удалось найти какой-либо публикации по итогам четырехлетней работы этого отряда ни в «Кратких сообщениях Института этнографии», ни в журнале «Советская этнография» (ныне он называется «Этнографическое обозрение»), а потому эти три отчета — единственное сохранившееся отражение результатов работы Калмыцкого отряда. Правда, в них есть упоминание о том, что отчеты были представлены в Калмыцкий НИИЯЛИ, и была надежда, что дополнительные материалы сохранились в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН (ранее — КНИИЯЛИ), однако, судя по описям этого архива, отчеты Калмыцкого отряда экспедиции Института этнографии АН СССР в нем не числятся. Поскольку с начала работы Калмыцкого отряда Комплексной экспедиции прошло 62 года, то можно считать, что тексты отчетов из Архива ИЭА РАН, пусть и весьма кратких, стали достоянием истории науки. Поэтому привожу их полностью с присущей им спецификой написания некоторых слов (например, «калмыкский» вместо «калмыцкий» — Г. Г. Стратанович считал, что так более правильно).

Документ 1

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

о работе КАЛМЫКСКОГО¹ отряда Комплексной экспедиции в 1960 году

Калмыцкий отряд Комплексной экспедиции работал в Калмыкской АССР с 23.VIII по 30.IX.60 г. в составе: Г. Г. Стратанович — начальник отряда, Ю. И. Журавлев, А. А. Бернова, Е. В. Иванова — младшие научные сотрудники, Т. В. Норина — художник-фотограф.

Тематика работ распределялась следующим образом: Е. В. Иванова и А. А. Бернова занимались вопросами семьи и материальной культуры населения обследуемых районов. Ю. И. Журавлев занимался вопросами хозяйства (и экономики); Г. Г. Стратанович, кроме общего руководства, занимался вопросами духовной культуры, а также из истории² калмыков темами: «Социальная структура» и «Участие калмыков в Великой Отечественной войне». Т. В. Норина занималась темой изобразительное искусство калмыков (и, в частности, типы народного орнамента калмыков различных подразделений).

Работа велась в контакте с Калмыкским научно-исследовательским институтом. По согласованию с Калм. НИИ экспедиционный выезд в западный район был проведен совместно. В состав отряда влились т.т. Сангаев и Мацаков, которым была поручена работа по собиранию фольклора калмыков-дербетов и изучение калмыкской литературы (посещение местных молодых писателей, пишущих на родном языке).

Полезным в работе отряда было участие в ней научного сотрудника Калмыцкого краеведческого музея г. Элисты т. С. Д. Бельгеева, который сопровождал отряд в поездке в Западный район с целью знакомства с методикой нашей работы, но основной его целью была закупка у местного населения предметов, имеющих музейную ценность (особенно предметов старого быта калмыков).

¹ Так в документе. Общепринятое написание — калмыцкий.

² Так в источнике.

(2) Отрядом применялся опросный метод, метод анкетного (в соединении с опросом) обследования и статистического исследования.

Районы полевой работы тщательно обсуждались на совещании в Научно-исследовательском Институте, но окончательный выбор был сделан по указанию Областного Комитета КПСС. Как наиболее передовые в республике (а следовательно, и наиболее отвечающие нашей теме) были названы Городовиковский (прежде Западный и Башантинский) и Черноземельский (более известный под названием Комсомольского) районы. В первом из них мы работали в колхозе «Пролетарская победа», в совхозе «Южный», совхозе «Комсомолец» и в районном поселке — г.¹ Башанта.

В Черноземельский район отряд выехал в сокращенном составе. В связи с отъездом в КНР была отпущена Т. В. Норина. Опыт показал, что отряд может в дальнейшем вести работу без специально выделенного фотографа, а собирание материалов по теме «Изобразительное искусство» требует особого маршрута.

Сочли достаточным для себя полумесячный выезд и фольклористы — сотрудники Калм. НИИ.

В Черноземельском районе отряд работал в нефтегородке (при райцентре), в совхозе Черноземельский и в поселке железнодорожников и МЖС железнодорожной станции «Артезиан».

В соответствии с предварительным планом работы отряда нами проводились лекции и беседы для местного населения; всего проведено 15 лекций и бесед на темы: «Народы Бирманского союза», «Тибетцы КНР», «Художественные ремесла народов Китая». В большинстве случаев вступлением к беседе или лекции были сообщения о задачах и формах работы отряда.

¹ Так в источнике. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 апреля 1960 г. Западный район был переименован в Городовиковский в честь Героя Советского Союза О. И. Городовикова. Административный центр этого района — рабочий поселок Башанта получил статус города районного подчинения. В 1971 г. город Башанта переименован в Городовиковск [[Республика Калмыкия 2019: 20](#)].

(3) Как правило, мы знакомили партийный и хозяйственный актив с некоторыми итогами наших исследований в основных точках полевой работы. Специальное совещание с нашим сообщением было устроено в совхозе «Черноземельский». Заключительная беседа была проведена в обкоме КПСС. Этой беседе предшествовал предварительный отчет в научно-исследовательском Институте.

На будущий, 1961 год, весьма желателен был бы стационарный экспедиционный выезд в Каспийский район Калмыкской АССР.

Начальник отряда [подпись] (Г. Г. Стратанович)

[Архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 15–17].

Документ 2

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ
о работе КАЛМЫКСКОГО ОТРЯДА Комплексной экспедиции в 1961 году

Калмыкский отряд Комплексной экспедиции работал в составе:

нач. отряда — Г. Г. Стратанович

члены отряда: Л. Л. Викторова

А. М. Решетов

К. Ю. Мешков

К отряду присоединился в г. Каспийске научный сотрудник Калмыцкого научно-исследовательского института литературы, языка и истории У. Э. Эрдниев.

Тема работ отряда в сезоне 1961 г. была: «Формирование рабочего класса у калмыков и современное положение рабочих в Калмыкской АССР».

Соответственно этой теме распределение маршрута по участкам, распределение времени работы на каждом из участков маршрута и распределение обязанностей между членами отряда были примерно следующими:

а) маршрут:

по общему плану работ отряда на 1961 г. была намечена остановка в г. Астрахани, а затем работа в одном районе Калмыкской АССР, где сосредоточены промышленные предприятия, различные по характеру занятости рабочих. Таким районом в настоящее время в Калмыкской АССР является один — Каспийский: 1) сам г. Каспийский, 2) прилегающий к нему участок совхоза и нефтеразведки; 3) севернее города расположенный участок Водоканалстроя и 4) железнодорожная станция Уланхол¹, где все предприятия сосредоточены на одной территории.

б) время работы отряда определялось в 30 дней работы на месте.

Практически пришлось ориентироваться на 30 дней с включением в этот срок и переездов, т. е. времени, затраченного на пребывание в пути.

По участкам маршрута время работы было распределено так: проезд поездом Москва — Астрахань и обратно Уланхол — Москва; 1) пребывание в Астрахани — 10 дней; 2) пребывание в г. Каспийске — 10 дней, 3) пребывание в п. Уланхол столько, сколько потребует работа и позволят сроки экспедиционного выезда.

Фактически последний этап вышел очень кратким — 4–5 дней.

(2) Кроме того, для половины участников отряда предусматривалась поездка в г. Элисту для предварительного отчета в секторе истории Калмыцкого НИИ и для проработки предварительного плана работы отряда на 1962 г.

в) распределение обязанностей и тематика работы членов отряда:

1. Г. Г. Стратанович — начальник отряда — общее руководство и работа по теме «Духовная культура».

2. А. М. Решетов — член отряда, работа по теме «Хозяйство».

3. Л. Л. Викторова: член отряда, работа по теме «Семейный быт и материальная культура».

4. К. Ю. Мешков — аспирант-практикант, работал по теме: «Материальная культура» (с более подробными разработками

¹ Так в документе. Прав. Улан Хол.

вопросов, связанных с историей жилых построек приволжских и прикаспийских калмыков).

5. У. Э. Эрдниев — участник всех работ отряда. Наибольшее внимание им уделялось вопросам истории формирования прикаспийских калмыцких поселков (родоплеменному составу их населения и т. п.), а также современному положению калмыков, работающих на тех или иных предприятиях района.

Работа в г. Астрахани дала возможность по материалам Гос. архива и Краеведческого музея выявить интересные сведения о процессе обнищания трудящихся масс приволжских калмыков, появлении калмыков-ломщиков на соляных промыслах, ухода их из соледобычи в рыболовецкие промыслы. Очень интересны архивные данные о сокращении калмыцких земель, о развитии товарного скотоводства и др.

Материалы и архивные, и опросные помогают представить роль русского рабочего класса в развитии новых производственных навыков и нового общественного сознания у калмыков.

Членами отряда и в Астрахани, и в Каспийске опрошен ряд старейших рабочих-калмыков, представителей калмыцкой интеллигенции, русских, совместно с калмыками строивших государственные промысла в области в первые годы Советской власти.

Выезд в Приволжск (бывший Калмыцкий Базар) и п. Трусово (прежде промысловая слобода) позволил вести опрос по истории формирования рабочего класса у калмыков и по современному быту рабочих калмыков в Приволжском и промысла на Каспии.

(3) Именно во время выезда в Приволжье (а также благодаря специальной поездке в п. Заволжье) удалось уточнить вопрос о сохранении религиозных пережитков калмыками Прикаспия.

Выбор Каспийского района для полустационара по теме «Современное положение рабочих Калмыкии» определяется тем, что на территории этого района расположены предприятия с сезонной занятостью (рыбоконсервный комбинат), предприятия с занятостью периодически сужаемой, предприятия со стабильной занятостью. Мы наблюдали в этом районе быт рабочих местной промышленности, рабочих добывающей промышленности, транспортников и др.

Конечно, выезд 1961 г. не мог дать исчерпывающих материалов по теме «Быт рабочих». Нельзя, например, строить исследования по этой теме без учета материалов по быту рабочих г. Элиста. Поэтому работу по этой теме нужно продолжить. Однако предварительные соображения по теме «История формирования рабочего класса» могут быть подготовлены и в виде доклада, и как статья.

Предварительный отчет в г. Элиста в научно-исследовательском Институте Калмыкии показал, что работа отряда оценивается учеными Калмыкии положительно. Общим было и представление об основной тематике работ отряда в 1962 г. Основными районами на 1962 г. приняты сельскохозяйственные смешанного профиля: Приютненский и Яшкульский р-ны Калмыкской АССР.

Начальник отряда (Г. Стратанович)

[Архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 69–71].

Документ 3

Отчет о работе в 1962 г.

Калмыкский отр. (6 чел.)

Начальник отряда Ю. И. Журавлёв.

Работал с 6 августа по 8 сентября в г. Элисте и совхозах Приютненского р-на Калм. АССР. Совместно с ИЯЛИ Калмыкской АССР и Краеведческим музеем Элисты.

Цель работы: изучение формирования рабочего класса и современное положение рабочих в Калм. АССР. В 1962 г. главное внимание уделялось изучению сельскохозяйственных рабочих.

Работа велась по следующим темам: экономика, семья и культура в переходный период от социализма к коммунизму. Экспедицией собран большой материал по указанным темам. Отчет о работе экспедиции и недостатках в экономике, быту и культурном обслуживании населения был представлен в Калмыкский обком КПСС.

Работа отряда будет продолжена весной 1963 г.

[Архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 8].

Как выяснилось, в 1963 г. состоялся еще один выезд Калмыцкого отряда Комплексной экспедиции под руководством сотрудника Ленинградской части ИЭ АН СССР Л. Л. Викторовой. Он упомянут в сводном отчете Комплексной экспедиции за этот год, но никакого отчета об этом сезоне работы данного отряда не имеется.

Комплексная экспедиция с ее задачами по изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада закончила свое существование в 1973 г., в ее составе в общей сложности в разные годы работали 16 отрядов. Калмыцкий отряд, судя по отчетам, работал с 1959 по 1963 гг.

Помимо письменных отчетов, этот отряд оставил о себе память в виде фотоальбома довольно большого размера (55х35 см). В нем находятся фотографии, снятые в разные годы в разных городах и селах. Съемка выполнена непрофессионально, на любительском уровне. Альбом этот никогда не находился в архиве, а хранился дома у начальника отряда Г. Г. Стратановича. Много лет спустя после смерти ученого в 1977 г. его вдова передала альбом в наш отдел. Сдавать его в архив мы не стали, так как архив находился в подвальном этаже старого здания нашего института, размещавшегося по адресу: ул. Дмитрия Уланова, 19, и его регулярно заливало водой из лопающихся труб. Сейчас можно сделать вывод, что это было правильное решение. Во-первых, фотоальбом хорошо сохранился, во-вторых, имеется возможность передать его Калмыцкому научному центру РАН.

На снимках, размещенных в фотоальбоме Калмыцкого отряда 1960–1963 гг., изображены разные сюжеты жизни калмыков в 1960-е гг.: рыбные промыслы на Волге и Каспии, рыбзавод, рыбаки, занятые обработкой только что выловленной рыбы, новостройки в городах и сельской местности, образцы национальной одежды, заброшенный Хошеутовский хурул в селе Речное Астраханской области, школа-интернат в Астрахани, несколько семейных фотографий.

Фотографии черно-белые и, если их сравнивать с современными, выполненными на том уровне фотоискусства, которого оно

достигло сегодня, весьма непрезентабельные. Но они были сняты в те годы, когда республике и ее народу было вообще не до фотографий. Калмыки только-только начали возрождаться как народ, они стали возрождать свою родину. Снимки того времени, хотя и в малой степени, смогли запечатлеть это (фото 1–19). Написания названий фотографий, которые приведены ниже, сохраняются так, как они даны в альбоме.

Фото 1. Начальник плавучего завода

Фото 2. У транспорта рыбы

Фото 3. Глушение красной и белой рыбы

Фото 4. Производство икры зернистой и паюсной

Фото 5. Выбор сетей

Фото 6. На плавучем заводе

Фото 7. Улов рыбы

Фото 8. В сушильном цехе консервного завода

Фото 9. г[ород] Каспийский

Фото 10. Землянка типа № 1

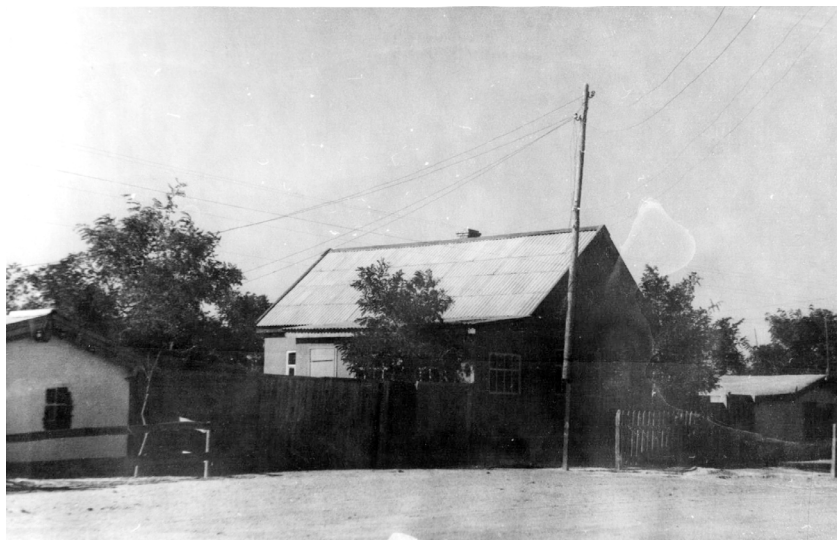

Фото 11. Землянка типа № 2

Фото 12. Окраина Улан-хола

Фото 13. В Улан-холе

Фото 14. Старинная одежда

Фото 15. Старинная женская одежда

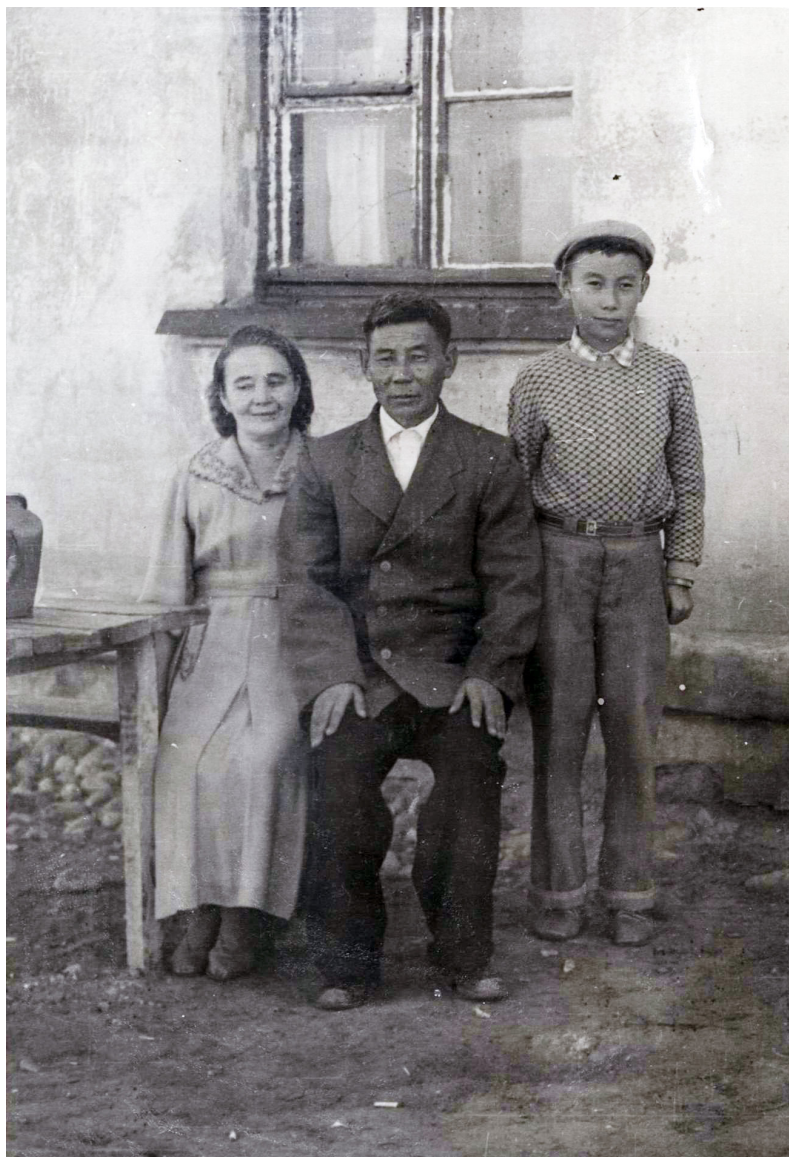

Фото 16. Югославский партизан [с семьей]

Фото 17. Прядение нити

Фото 18. Хошеутовский хурул

Фото 19. Фрески в Хошеутовском хуруле

Заключение

Завершая эту краткую информацию об экспедиции в Калмыкию более чем шестидесятилетней давности, глядя на нее с позиции сегодняшнего дня, хочется спросить, только неясно у кого, почему в число проблем, изучаемых сотрудниками ИЭ АН СССР не были включены вопросы о том, как жил народ в условиях депортации в разных районах Сибири и Средней Азии. Прошло всего три года, как калмыки начали оттуда возвращаться, и рассказы о том, что там с ними было, просто рвались наружу. Но свободы говорить об этом и начала научных исследований на эту тему пришлось ждать еще долго — почти 30 лет. До этого времени, к сожалению, не дожили многие из тех, кто был выселен в 1943–1944 гг., кто выжил в местах ссылки все 13 лет и кому посчастливилось вернуться домой вместе с родителями и детьми. Это была запретная тема, и я не хочу винить моих коллег, которых к тому же уже нет на свете, что они оставили ее за скобками своих исследований. Они знали, что затрагивать эту тему было опасно, и не нарушали этот запрет, чтобы не доставить неприятностей ни своим информантам, ни самим себе.

Источники

Архив ИЭА РАН — Архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Литература

- Максимов 2009 — *Максимов К. Н.* Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943–1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 580–642.
- Республика Калмыкия 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017 гг. Справочник. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.

УДК 94(47).084.9

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-151-169

Система здравоохранения в Элисте в конце 1950-х гг. – начале 1960-х гг. по воспоминаниям заслуженного врача РСФСР М. К. Убушиевой

*Маргарита Владимировна Бадугинова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бадугинова М. В., 2021

Аннотация. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. была разрушена материально-техническая база сферы здравоохранения Калмыкии, которая строилась на протяжении нескольких десятилетий. После освобождения республики от немецкой оккупации начался восстановительный период, который был прерван депортацией калмыцкого народа. В данной статье в научный оборот вводятся материалы интервью заслуженного врача РСФСР Марии Кавкишевны Убушиевой, в котором она рассказала о первых годах работы врачом в г. Элисте, после возвращения калмыков на родину в 1957 г. М. К. Убушева подробно характеризует состояние системы здравоохранения Калмыкии в восстановительный период, описывает, с какими трудностями пришлось столкнуться медицинским работникам, приехавшим в автономию. Ее интервью насыщено эмоциями, искренними переживаниями за пациентов, за свое дело. Особое место в повествовании занимают воспоминания о совместной работе с коллегами-врачами и командировках в районы республики.

Ключевые слова: история здравоохранения, Калмыцкая автономная область, Калмыцкая АССР, возвращение на родину, воспоминания, инфекционные заболевания

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Бадугинова М. В. Система здравоохранения в Элисте в конце 1950-х гг. – начале 1960-х гг. по воспоминаниям заслуженного врача РСФСР М. К. Убушиевой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 151–169. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-151-169

UDC 94(47).084.9

Public Healthcare System of Elista, Late 1950s to Early 1960s: Memoirs of RSFSR Honored Physician Maria K. Ubushieva

*Margarita V. Baduginova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Baduginova M. V., 2021

Abstract. *Introduction.* The Great Patriotic War of 1941–1945 witnessed a collapse of Kalmykia’s public healthcare system and its facilities that had been constructed for decades. The liberation of the republic from Nazi occupation was followed by a period of restoration interrupted by the dramatic Kalmyk deportation. *Goals.* The article introduces memoirs (interview) of Maria K. Ubushieva, an honored physician of the RSFSR, covering the earliest years of her work in Elista after the 1957 rehabilitation and return of Kalmyks. *Results.* The interviewee describes the actual conditions of Kalmykia’s public healthcare during the restoration period in great detail, outlines the difficulties that were there for the arrived health workers to tackle. The narrative is full of emotions, sincere concerns about her patients, and her cause. Special attention is paid to memoirs about cooperation with colleagues and duty trips to rural areas of the region.

Keywords: history of public healthcare, Kalmyk Autonomous Oblast, Kalmyk ASSR, return, memoirs, infectious diseases

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.
For citation: Baduginova M. V. Public Healthcare System of Elista, Late 1950s to Early 1960s: Memoirs of RSFSR Honored Physician Maria K. Ubushieva. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 151–169. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-151-169

В 1957 г. была восстановлена автономия калмыцкого народа, а калмыкам, депортированным в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, разрешили вернуться на родину. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и 13 лет депортации оставили на этой территории свой неизгладимый след. Вот как выглядела ее столица Элиста в конце 50-х гг. прошлого столетия в описании современника, вернувшегося из ссылки: «Она лежала вся в руинах, разгромленная, сожженная дотла, заброшенная, захлавленная, будто не было пятнадцати лет после ее освобождения. Здесь, над одноэтажным селом, высились чудом уцелевшие „красный дом“ и кинотеатр „Родина“. Не было ни университетских корпусов, ни железной дороги, ни аэропорта, ни высотных домов, ни дворцов и памятников, чем мы гордимся сегодня. Улицы были неасфальтированные, без зеленых насаждений, грязные» [Бембеев 2000: 219].

В 1957–1959 гг. из различных районов Сибири, Казахстана и Средней Азии в родные степи возвратилось 18 158 семей (72 665 человек), в которых числилось 30 056 человек трудоспособного возраста [Очерки 1970: 353].

Бывший министр культуры Калмыцкой АССР А. У. Бадмаев позже вспоминал: «Мы не успевали принимать возвращающееся население, обеспечивать первым необходимым, трудоустроить» [Бадмаев 2000: 148–149].

В 1957 г. здравоохранение, как и многие другие отрасли Калмыцкой АССР (далее — КАССР), находилось в трудном положении. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. была разрушена его материально-техническая база, которая строилась

на протяжении нескольких десятков лет. При этом, даже в 1940 г., здравоохранение КАССР еще не полностью соответствовало потребностям населения республики.

Оккупация части территории региона нанесла заметный урон экономике и материальной базе Калмыкии, в том числе и в сфере здравоохранения: «В Элисте были сожжены родильный дом, туберкулезный диспансер, детские ясли, фельдшерско-акушерская школа, квартиры медицинских работников. Фашисты разрушили и разграбили все медицинские учреждения Элисты, зверски убили заслуженного врача РСФСР Колесникова М. Д., врача Дранову, медсестер Аносову Т., Антонову Е. и многих других» [Сусеев 1965: 58].

После освобождения территории Калмыкии от немецких захватчиков объекты здравоохранения начали восстанавливаться в срочном порядке. «К октябрю–ноябрю 1943 г. большинство больниц, родильных домов, диспансеров, фельдшерских и акушерских пунктов, аптек, стоматологических кабинетов, за исключением 5 рентгеновских кабинетов, было отремонтировано, возобновились прием и лечение больных. В стадии капитального ремонта находились здания поликлиники, родильного дома, прачечной, малярной станции и другие объекты здравоохранения Элисты, которые так и остались в разрушенном состоянии до 1957 г.» [Максимов 2010: 307].

Однако в конце 1943 г. процесс восстановления КАССР был прерван. Началась депортация всего калмыцкого народа, республика была ликвидирована, а ее территория поделена между соседними краями и областями. Бывшая столица республики Элиста была переименована в город Степной. За все 13 лет ссылки коренного народа на территории бывшей республики, находящейся в полупустынной зоне, не было практически никакого развития инфраструктуры: «После выселения калмыков восстановительные работы в Степном практически прекратились. В правительственный план послевоенного восстановления районов и городов, пострадавших от немецкой оккупации, Степной не вошел» [Очерки 1970: 343].

Согласно докладу Е. А. Дойниковой¹, в 1957 г. в Калмыкии было 11 районных и городских больниц на 495 коек, 31 участковая больница на 320 коек, 8 сельских амбулаторий, 5 фельдшерских здравпунктов, 11 санэпидстанций, 3 колхозных роддома, 40 детских яслей на 797 мест [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–2].

На территории Калмыцкой автономной области в 1957 г. фактически работало 98 врачей, а по штату требовалось 158 специалистов [Дойникова, Сусеев 1967: 179]. Для сравнения: в 1940 г. «в республике действовали 38 больничных учреждений на 530 коек, 37 врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, 120 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 9 различных диспансеров, 45 дошкольных учреждений на 1 634 места. В 1940 г. в медицинских учреждениях работали 70 врачей и 341 медработник среднего звена» [Максимов 2010: 45]. Таким образом, за полтора десятилетия материально-техническая база здравоохранения республики не имела развития и была по своему состоянию сопоставима с довоенным уровнем или даже хуже него.

В том же докладе министра здравоохранения было отмечено, что в 1957 г. восстановленная автономия вообще не имела тубдиспансера, станции скорой помощи, станции переливания крови, бюро судмедэкспертизы, врачебных здравпунктов [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 2], средства, отпущенные на капиталовложения, ежегодно используются неудовлетворительно. Из-за этого некоторые финансовые средства Минздрав РСФСР вообще решил отозвать.

Немногочисленным медицинским работникам Калмыкии в те годы пришлось работать в сложнейших условиях. Позже П. Н. Су-

¹ Дойникова Евдокия Александровна (1922–1999), участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1952 г. окончила Ставропольский мединститут. Затем работала врачом, заведующей поликлиникой, заместителем главного врача районной больницы г. Степной. В 1958–1971 гг. была министром здравоохранения Калмыцкой АССР. Награждена орденами Отечественной войны II степ. и «Знак Почета», многими медалями, ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

сеев¹ вспоминал, что в этот период «большие трудности пришлось преодолевать медицинским работникам: не хватало помещений для развертывания больничных коек, медицинского оборудования и медицинской техники, не было жилья, не было условий для нормальной работы и пребывания больных в стационарах, оказания им помощи в амбулаторно-поликлинических учреждениях. Отсутствие санитарного транспорта не позволяло своевременно оказывать скорую и неотложную помощь, проводить профилактическую работу среди населения, особенно детей» [Очерки 2006: 92].

В больнично-поликлиническом объединении (больница на 100 коек, поликлиника, отделение скорой помощи) г. Степного (Элисты) работало всего 15 врачей на 30 штатных должностях. В 1958 г. городская больница была реорганизована в областную и расширена до 200 коек, при этом имела всего два отделения (хирургии и терапии). Система здравоохранения республики в 1957–1958 гг. испытывала дефицит медицинских кадров, имела слабую материально-техническую базу и не могла в надлежащей мере обслуживать ее жителей. Между тем население региона заметно увеличилось, имели место вспышки инфекций [Очиров, Сусеев 2009: 591–592].

Вышеприведенные сухие цифры и выдержки из общих докладов не могут передать всей сложности работы медицинских работников Калмыкии в конце 1950-х – начале 1960-х гг., показать реальные условия жизни того времени. Восполнить этот недостаток

¹ Сусеев Плехан Николаевич (1926–2009), участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1953 г. окончил Бийскую фельдшерско-акушерскую школу, в 1959 г. — Казахский мединститут, одновременно работал фельдшером Алма-Атинской станции скорой помощи. После окончания вуза вернулся в Калмыкию, работал врачом штаба местной противовоздушной обороны, хирургом и начальником медсанчасти МВД КАССР. В 1962–1971 гг. был заместителем министра, в 1971–1985 г. — министром здравоохранения Калмыцкой АССР. Награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степ., 18 медалями, ему были присвоены почетные звания «Заслуженный врач Калмыцкой АССР», «Заслуженный врач РФ», «Почетный гражданин Республики Калмыкия».

можно через воспоминания, но, к сожалению, мемуаров медицинских работников о том времени опубликовано немного. Поэтому публикуемые в данной статье воспоминания заслуженного врача РСФСР М. К. Убушиевой о ее работе в системе здравоохранения Калмыкии в конце 1950-х – начале 1960-х гг. являются важным источником, позволяющим показать атмосферу и условия жизни тех давних лет.

Мария Кавкишевна Убушиева родилась в 1928 г. в поселке Кануковск (Калмыцкий Базар). Ее родители рано умерли, и в 1936 г. она попала в детский дом в с. Джакуевка. В конце октября 1942 г. всех воспитанников детдома вывезли в Казахстан. После окончания семи классов Петропавловского детского дома М. К. Убушиева в 1943 г. поступила в двухгодичную областную школу медицинских сестер (г. Актюбинск), которую закончила с отличием в 1945 г. Затем работала медсестрой в ЛОР-отделении Алма-Атинской городской клинической больницы. В 1951–1957 гг. параллельно училась в Алма-Атинском медицинском институте. В 1954 г. вышла замуж за П. Д. Бакаева¹, вместе с которым родила и воспитала трех дочерей.

Как и многие калмыки, Мария Кавкишевна после восстановления Калмыцкой автономии вернулась на родину. 27 июля 1957 г. она была принята на работу врачом-отоларингологом в Элистинскую городскую поликлинику и стала одним из организаторов оториноларингологической службы в КАССР. Затем М. К. Убушиева перешла на работу в республиканскую больницу, в 1962–1987 гг. была заведующей ЛОР-отделением, заместителем главного врача.

¹ Бакаев Петр Дорджиевич (1930–2014), кандидат экономических наук. Окончил Ставропольский сельхозинститут. В 1965 г. был назначен заведующим сельскохозяйственным отделом Калмыцкого обкома КПСС, в 1975 г. — председателем Госплана Калмыкии. В 1981–1985 гг. работал директором Калмыцкого научно-исследовательского института мясного скотоводства. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», многими медалями, ему были присвоены почетные звания «Заслуженный агроном Калмыцкой АССР» и «Почетный гражданин Республики Калмыкия». Он являлся депутатом Верховного Совета КАССР 4–7 созывов.

В 1970 г. ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР». Ныне Мария Кавкишевна находится на заслуженном отдыхе. Представляем текст интервью с М. К. Убушиевой о первых годах ее работы врачом в г. Элисте (г. Степной в 1944–1957 гг.), которое было записано автором в 2014 г.

Интервью с М. К. Убушиевой

В 1943 г. Калмыцкую АССР ликвидировали, город Элисту называли Степной Степновского района Ставропольского края. И вот мы приехали в Степной в 1957 г. На улице Белинского стояло здание больницы. Как таковой поликлиники не было, было полуразрушенное двухэтажное здание, что-то там подремонтировали, и там был приемный покой, рентген-кабинет. Отделений как таковых не было. С 1960 г. там были ВТЭК и лаборатория. Поликлинический прием велся в здании барачного типа на месте нынешнего роддома, рядом был морг. Причем в поликлинике были малюсенькие кабинеты, и мы начали здесь работать. Это был тяжелый труд: людей много, духота, никаких условий для работы. Еще тяжелее было больным, сидевшим и ожидавшим в таких условиях очереди на прием к врачу.

— Все врачи-специалисты вели прием? И хирурги, и травматологи, и окулисты? Или нет?

— Когда мы приехали, здесь не все были врачи. Был окулист, невропатолог, инфекционист, терапевт был, они приехали из Ставрополя и Астрахани. Потом они быстро уехали в свои города. Когда стали организовывать медицинскую помощь в городе, [в здании] на улице Белинского открыли все лечебные учреждения: приемный покой, детское отделение, гинекологическое отделение, родильный дом, хирургическое отделение, детское отделение, рентген-кабинет. Инфекционная больница вначале была открыта в другом месте, а потом они тоже перешли [в здание] на улице Белинского. Это было нечто тяжелое, никак не соответствующее правилам медицины, потому что там находились все лечебные отделения. Другого лечебного учреждения не было в 1957 г., потом уже стали строить, отпочковываться отсюда, а потом это здание в конце 1980-х – начале 1990-х гг. разрушили.

— *Вы приехали в Степной, начали вести прием, как тогда было с медикаментами, медицинскими инструментами?*

— Вообще ничего не было. Когда мы приехали в Элисту, здесь ничего не было. Наша семья приехала после моего окончания мединститута (г. Алма-Ата) в июле 1957 г. Когда сюда (в Элисту) собирались, муж (П. Д. Бакаев) говорил: «Ничего не бери». Даже табуретку не взяли, а [когда] приехали, то не могли ничего купить, даже табуретку. Квартиры нет, но благо все калмыки приезжали и размещались в здании университета¹, весь первый этаж был занят калмыцкими семьями, возвратившимися из Сибири. А потом, со временем, люди уходили жить в русские семьи, которые здесь давно уже жили. Мы пошли жить к Бамбе Бакаевне² (тете мужа), ее назначили зав. райздравотделом, и у нее была комната в шестом жилдоме. Жили у нее на кухне год, так как вообще нигде было жить.

В больнице вообще ничего не было: ни медоборудования, ни медтехники, ни инструментов, ни электроэнергии, ни воды. Я до приезда проработала в Алма-Атинской городской клинической больнице 11 лет: 5 лет была операционной сестрой, потом училась в мединституте и работала. Приехала, здесь никаких инструментов. Невозможно было найти даже хирургические пинцеты. Потом открылся медснаб, и все, какой могли, набирали инструментарий, брали, что есть и приспособливали. По моему направлению (отоларингология) не было никаких инструментов и аппаратуры, поэтому что могла, приспособливала в работе. Сейчас рассказываю

¹ Имеется в виду бывшее здание Дома Советов, разрушенное в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и восстановленное лишь в 1960-х гг. Ныне это главный корпус Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова.

² Бакаева Бамба Бакаевна (1904–1983). В 1928 г. окончила Астраханский медицинский институт. В 1932–1943 гг. возглавляла Приволжскую районную больницу. С 1957 г. руководила городским отделом здравоохранения, с 1959 г. — главный врач детской республиканской больницы. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», ей были присвоены почетные звания «Заслуженный врач РСФСР» и «Отличник здравоохранения СССР».

своей дочери (она тоже врач), как я удаляла инородные тела из дыхательных путей. В Алма-Ате так удаляли, потому что [и там в] 1957 г. тоже много чего не было. Годовалый или девятимесячный ребенок подавился колбаской. Они (алма-атинские врачи) замораживали новокаином кожу на шее, делали разрез, заходили пинцетом в трахею и вытаскивали инородное тело. Мне преподаватели говорили: ни в коем случае не делай трахеотомию, можно под суд попасть, если не имеешь документ о специализации по данной отрасли. У меня тогда такого документа не было, но я уже умела делать трахеотомию. Я приезжаю в Степной, мне приводят ребенка, что делать, иду на операцию. Из специального набора инструментов у меня ничего нет, только хирургический пинцет, а должен быть отслоитель, должны быть крючки. Так и работали первое время. Была спокойна почему-то, может оттого, что 11 лет в клинике проработала, был опыт таких операций.

Молодым врачам-калмыкам местное население не доверяло, знали, что они приехали после окончания института, опыта практически еще не имели. Однажды выхожу с операции, [вижу], стоит женщина. Она ждала в коридоре своего ребенка и упала в обморок от того, что я ее ребенка спасла, она даже не надеялась на это. Или такой случай. Местные врачи первое время тоже настороженно относились к нам, не доверяли. Привозят ребенка, он как будто кашляет, я начала его слушать и говорю, что у ребенка инородное тело в бронхах. А врач местный говорит: «Какое инородное тело, нет там такого». Но я настояла на своем, и точно — было инородное тело, я щипцами его удалила.

Еще один случай. В 1958 г. началась вспышка дифтерии. Районных врачей нет, люди поступали поздно, болезнь [у них] была в запущенном состоянии, многие уже задыхались. Когда дифтерию запускаешь, не лечишь сыворотками от дифтерии, в бронхах образуется пленка, которая мешает дышать. Родители привозят в больницу ребенка, говорят: «Один уже умер, второй задыхается». Я поставила [диагноз] дифтерия, надо ставить трубку для дыхания, а родители не соглашаются. Но я их уговорила, поставила

трубку, но специальной трубки для детей у меня не было, поставила взрослому. Через шесть дней попыталась удалить трубку, а ребенок задыхается. Местный врач-инфекционист стала ругаться, зачем ставила трубку. В итоге я ее, все-таки, удалила, и ребенок нормально стал дышать, то есть эта трубка все-таки ему помогла, хотя была большая для его трахеи. А задыхался ребенок при попытке удалить трубку, потому что дети привыкают к легкому дыханию через большую трубку.

Потом, в 1957 г. стали приезжать молодые врачи-калмыки, которые сумели в депортации окончить учебные заведения: хирург Павел Баякаев¹, Ольга Иванова², я приехала, Роза Урхаева³, Плехан Сусеев. Также приехали наши старейшие врачи, которые окончили мединституты в конце 1920-х гг. Первое время, конечно, тяжело было, людей не хватало, но потом врачебные места стали заполняться.

¹ Баякаев Павел Сангаджиевич (1925–1994) — участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1956 г. окончил Красноярский мединститут. Организатор службы санитарной авиации в Калмыкии. В 1965–1969 гг. — главный хирург министерства здравоохранения КАССР. В 1969–1979 гг. — главный врач республиканской больницы. Награжден орденами Славы III степ., Отечественной войны I степ., медалями, ему было присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР».

² Иванова Ольга Алексеевна (1930–2017). Окончила Казахский медицинский институт. В 1958 г. стала заведующей отделением детской больницы, а в 1961 г. — главным врачом той же больницы. В 1969 г. назначена главным педиатром Министерства здравоохранения Калмыцкой АССР. В 1976 г. ее единогласно избрали председателем обкома профсоюза медицинских работников. Награждена медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда», ей присвоено почетное звание «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

³ Урхаева Роза Кирилловна (1931–2021). В 1958 г. окончила Омский медицинский институт им. М. И. Калинина. В разные годы работала заведующей городским здравотделом, главным врачом детской больницы, заместителем министра здравоохранения Калмыцкой АССР. В ноябре 1975 г. Р. К. Урхаева возглавила Министерство социального обеспечения Калмыцкой АССР. Ей присвоено почетное звание «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

Когда я приехала, заведующим хирургическим отделением был П. П. Жемчуев¹, который прошел Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., он в Семипалатинске был главным хирургом. Несмотря на свой возраст, он не отходил от операционного стола, врачей же не было. Целый день операции проводил, только ночью уходил. Зав. терапевтическим отделением был Л. В. Наминов², тоже участник войны. В рентген-кабинете Н. Н. Гриньков³ работал, гинекологом была Л. В. Антонова⁴.

— *Получается практически из ничего стали возрождать медицину в Калмыкии?*

— Да, на пустом месте, ничего не было. Многие врачи, кото-

¹ Жемчуев Петр Павлович (1902–1974) — участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1928 г. окончил Астраханский медицинский институт. В 1958–1965 гг. был главным хирургом Министерства здравоохранения КАССР. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», ему было присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР».

² Наминов Леонид Васильевич (1918–1994) — участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., кандидат медицинских наук. В 1941 г. окончил Астраханский медицинский институт. Награжден орденом Отечественной войны I степ., медалями «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией». В 1957–1958 гг. главный врач областной больницы. В 1958–1979 гг. — главный терапевт Министерства здравоохранения КАССР. Ему были присвоены почетные звания «Заслуженный врач Калмыцкой АССР» и «Отличник здравоохранения СССР».

³ Гриньков Николай Николаевич (1926–2015) — первый судмедэксперт Калмыкии. В 1948 г. окончил Астраханский медицинский институт и был распределён в г. Степной (Элиста) Астраханской области врачом-рентгенологом. Впоследствии возглавил рентгенологическое отделение республиканской больницы, работал судмедэкспертом, позже работал в поликлинике МВД Калмыкии. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», ему были присвоены почетные звания «Заслуженный врач Калмыцкой АССР» и «Отличник здравоохранения СССР».

⁴ Антонова Людмила Васильевна. В 1960–1967 гг. работала первым главным врачом Элистинского родильного дома. Ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

рые были здесь, сразу уехали. В 1957 г. в Степном работали: один инфекционист Раиса Макаровна Шошина, один невропатолог Зинаида Ивановна Селезнева, окулист была, в скорой помощи работал какой-то фельдшер, рентгенологом был Николай Гриньков, вот и все.

— *А как было дело с медикаментами, они вообще были?*

— Тоже не было их. Были такие ситуации, я училась у зав. хирургическим отделением Петра Павловича Жемчуева: привозят ребенка, он задыхается от осложнения дифтерии. Оперировать негде, [поэтому] в приемном покое [уложили на] письменный стол. [Тогда] свет давали только в определенное время, воды нет. И вот мы с ним делали трахеотомию, вскрывали трахею, вставляли трубку в приемном покое на письменном столе, кто-то держал настольную лампу керосиновую в это время для освещения — в общем, в таких условиях приходилось спасать «тяжелых» детей.

В 1958 г. началась дифтерия. Конечно, помогала вся страна, из соседних городов — Ростова, Саратова, Куйбышева — институты стали направлять молодых специалистов на ликвидацию вспышки инфекции, москвичи приехали. Появилась сыворотка противостолбнячная, но ее, к сожалению, не хватало, многие умирали. Транспорта не было, условий никаких не было, эта вспышка долго тянулась. Мне говорят, у мужчины открылось сильное кровотечение, а он в районе живет, дороги нет, грязь, довезти его не могли. Потом на каком-то транспорте привезли, он так был благодарен, что его спасли.

— *А еще какие инфекции были, кроме дифтерии?*

— Корь была страшная, скарлатина, [болезнь] Боткина, кишечные инфекции, ветрянка, тифы. Инфекционная больница была переполнена, все вместе лежали. Это потом, после 1960 г. стали людей по блокам делить. До 1970-х гг. периодически инфекции были сильные, много детей умирало.

— *С каких годов стала восстанавливаться база здравоохранения?*

— Тогда базой здравоохранения был барак, где сейчас роддом. Потом полуразрушенная поликлиника, восстановили ее в 1960 г.

В 1960 г. приехала [Э. С.] Тимошкаева¹ и стала главврачом уже восстановленной поликлиники. Еще во дворе [больницы] по улице Белинского был домик, там тоже были какие-то отделения, кабинет главного врача. Большой проблемой было отсутствие света, хирурги на операциях освещали стол какими-то фарами. Но самое главное: нет дорог, транспорта, людей, выехать невозможно, помощь невозможно оказать, в грязь возили на тракторах.

— *А население увеличивалось...*

— Да, население увеличивалось, люди приезжали и приезжали, как могли, добирались. Здание университета было забито, люди сидели на полу на своих узлах. Потом стали строить бараки по улице Комсомольской для людей.

— *Белые халаты были у вас, как у врачей?*

— Да, белые халаты были (смеется), хотя со стиркой сложно было, воды не было.

— *А в районах как обстояли дела? В городе хоть что-то было, а как в районах?*

— В районах, конечно, [положение было] намного сложнее. Мы когда приехали в 1957 г., военкомом был Болотный — противный мужик. Он говорит, [что] надо ехать по районам проводить призывную комиссию, а транспорта нет. Он ловит какой-то бензовоз вечером, сажает нас рядом с этой цистерной и отправляет в Сарпинский район, а водитель еще дорогу не знал. Всю ночь нас выворачивало, всю ночь он блуждал по степи, и мы к утру только добрались. [Как] мы ненавидели Болотного после этого. Приехали в район, домик-сараюшка вместо гостиницы, двери не закрываются, ничего нет. Рынка нет, нигде ничего не купишь, больница в беднейшем состоянии, жуть, такая нищета была. И вот мы приезжаем,

¹ Тимошкаева Эльза Санджиевна (1915–1998). Окончила Саратовский медицинский институт в 1938 г. Работала заведующей инфекционным отделением Элистинской городской больницы. С 1960 г. главный врач республиканской больницы, затем главный врач республиканского онкологического диспансера. Награждена орденом Ленина, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

проводим комиссию в таких условиях. Есть нечего, с собой какие-то бутерброды брали, в то время даже сыра в продаже не было, жили впроголодь. А еще Болотный делал так. Ловит машину, сажает нас туда и говорит: «Доедете до Яшкуля, а до Каспийска (Лагани) доберетесь сами». И мы потом могли сидеть неделями, не могли выехать. Транспорта нет, и другой военком не мог нас отправить обратно. Вот такие мучения мы испытывали.

Потом, в 1960 г. появились самолеты — трехместные кукурузники. Это была уже хоть какая-то возможность добраться вовремя до пункта назначения. Но укачивало сильно, пока он сядет, пока поднимется...

Службы «скорой помощи» тогда не было в районах, и мы, врачи, обслуживали и по «скорой помощи». В Элисте по щиколотку песок и грязь, [в районах города] где частные дома, там собаки, и участковые врачи не могли пройти в частный сектор. Местные русские еще были настроены [к врачам-калмыкам] не очень доверчиво, не принимали. Я помню, [когда] на «скорой» ездила, самое страшное было поехать на прием к психически заболевшим. И вот еду я на дежурство на машине с таким трудом, дороги нет, не проедешь, потом идешь пешком в галошах или высоких резиновых сапогах, долго добираться, а там психбольной, лекарств нет, для меня это такой страх был.

Помню, работала участковым терапевтом Клара Куринова, однажды она пришла и рассказывает: «Иду в резиновых галошах, застряла в луже, ни туда, ни сюда, и тут собаки [появились]». Смеялись потом, [вспоминая].

— *Как часто дежурства у вас были?*

— Нас было мало, часто дежурили, еще к тяжелым [больным] ездили.

— *Как на дом участковых терапевтов тогда вызывали, тогда же телефонов не было?*

— Тогда люди в поликлинику приходили, делали заявку, а в регистратуре — большая очередь. Когда эта заявка до врача дойдет, когда врач освободится, много времени проходило. Врачей же не хватало, как положено по штатному расписанию. Очень тя-

жело было тогда. В 1960 г. уже был транспорт, хоть одна машина. Потом в этот год дороги начали строить, центральные улицы начали асфальтировать. Санавиация открылась в 1961 г., «скорая помощь» появилась, и уже стало легче. А до 1960 г. врачам очень тяжело было работать.

Потом инфекционная больница появилась, туберкулезная, а все начиналось на пустыре, можно сказать. Разделения на отделения как такового не было: переломы, травмы, с больными почками, все лежали в хирургии, в том числе и дети — со взрослыми. Особенно тяжело было с детьми, много заболевших. С ними работали наши педиатры: Аза Мамонова, Роза Урхаева, Ольга Иванова, Александра Мукулова¹. Первым главным врачом инфекционной больницы была Кермен Церенова². Она стала организатором системы оказания помощи инфекционным больным по всей Калмыкии. Больница, которой она руководила, была самой лучшей среди лечебных учреждений республики.

Александра Мукулова — отличный педиатр, мне пациентов поставляла [смеется]. Например, кашель у ребенка, ставят ему пневмонию, год пневмонию ставят. Приходят к ней, она говорит: «Подозрение на инородное тело в бронхах или легких». Прихо-

¹ Мукулова Александра Васильевна. С 1960 г. главный педиатр КАССР. Награждена орденом Октябрьской революции, медалью «Ветеран труда». Ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

² Церенова Кермен Лиджиевна (1924–2004). В 1957 г. окончила Красноярский медицинский институт. Работала в Приозерной (Кетченеровской) районной больнице, была терапевтом, заведующей инфекционным отделением республиканской больницы. В 1961–1975 гг. — главный врач вновь открывшейся республиканской инфекционной больницы, одновременно главный инфекционист министерства здравоохранения КАССР. В 1975–1986 гг. — заместитель министра здравоохранения по вопросам охраны здоровья женщин и детей. В 1989–2003 гг. — заведующая отделением повышения квалификации средних медработников Калмыцкого медицинского училища (колледжа) им. Т. Д. Хахлыновой. Награждена медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд», «Ветеран труда», ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

дила ко мне, приводила детей, она всегда точно диагноз ставила. Очень доброжелательная была, заходит мать с ребенком — она улыбается, сажает ребенка рядом, успокаивает его, гладит по голове, и ребенок ей улыбается, успокаивается. Она сильнейший педиатр была, сколько случаев было, [когда] она мне говорила: «Мария Кавкишевна, подозрение на инородное тело». А инородные тела бывают контрастные, когда на рентгене видно, и не контрастные — фасоль, кукуруза, семена подсолнечника и на рентгене не увидишь, да и рентгена не было.

Вот ставят воспаление легких, лечится, лечится, пока абсцесс легкого не начинается или полностью дыхание прекращается. И потом уже они к нам попадали, много таких случаев было. Я тогда к Гринькову шла: «Друг мой, — говорю, — Николай Николаевич, есть там инородное тело или нет»? А он отличный рентгенолог был, мог по косвенным признакам, если на рентгене не видно, определить инородное тело. Тогда я шла на бронхоскопию, все делали без анестезии — маленьким нельзя. Приходилось его пеленать, класть вниз головой и трубкой смотреть бронхи, легкое. Оптике не было, хорошо зрение хорошее было, молодая была. Я всегда находила это инородное тело, щипцы ужасные были, постоянно из строя выходили.

Очень уважаю Гринькова, всегда мне помогал. Привозят девочку из района, месяц болеет, а он говорит, что там инородное тело. А девочка уже «тяжелая» была, я говорю: «Отправляйте срочно в Ставрополь в больницу, там хоть нормальные инструменты есть». А ее так и не смогли отправить, ночью меня вызвали, а у нее уже судороги. Мне, наверно, Бог помогал: вскрыла я трахею, а у нее там было набухшее кукурузное семечко, вот Гриньков это и определил. Девочка жива осталась.

Очень много к нам из районов попадало с инородными телами: кость застрянет, семена разные. Если вовремя не удалишь, то в пищеводе дырка, все попадает в сердечную сумку, и люди могли погибнуть. В 1973 г. появился новый метод, 5 дней голодать, ставили только капельницы. Помню, привезли мужчину из района, у него уже сепсис, дырка в пищеводе. Я сказала: «Несколько дней его не

кормить, только капельницы, иначе все будет попадать в сердечную сумку». А он кричит: «Есть хочу, есть хочу». И так первого больного [по этому методу] я вылечила, через пять–шесть дней у него зажило все. И потом пищевод так лечили: без операции, на капельницах и голодом.

— *Большое спасибо за интервью! Крепкого здоровья и многих лет жизни Вам!*

Заключение

За годы пятилеток в республике удалось создать прочную основу в сфере здравоохранения, которая была утрачена в период фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Начавшийся после освобождения автономии восстановительный период прервался 28 декабря 1943 г., когда КАССР ликвидировали, а вместе с ней и все органы государственной власти, в том числе и организации Министерства здравоохранения.

Во время 13-летней депортации калмыцкого народа на территории упраздненной автономии восстановительные работы не проводились. Вернувшиеся в 1957 г. калмыки столкнулись с суровой действительностью: никто не ожидал полного экономического разорения республики. Этот момент прослеживается через все интервью Марии Убушиевой, она отмечает «полуразрушенное здание больницы», «барак, в котором была база здравоохранения», отъезд иногородних врачей-специалистов, отсутствие жилья, мебели, медоборудования, лекарств, медицинских инструментов и так необходимых электричества и воды. Это был тяжелый период: по всей республике была полностью разрушена сеть лечебных учреждений, отсутствовала инфраструктура, остро стоял вопрос дефицита врачебных кадров.

Эти материально-бытовые трудности, с которыми столкнулись медицинские работники, значительно ограничивали осуществление медицинской помощи населению. Большой проблемой была тяжелая эпидемиологическая обстановка в восстанавливаемой республике, которая тормозила развертывание полноценной лечебно-оздоровительной работы.

На протяжении всего интервью, рассказывая о том, с какими трудностями и ужасами столкнулось вернувшееся на родину калмыцкое население, мы видим, что Мария Кавкишевна не теряла силы духа, не опускала руки, она продолжала осуществлять сложные операции, используя подручный материал, спасая жизни людей. Особое место в ее рассказе отведено коллегам-врачам, о которых она вспоминает с большой любовью и уважением. Поэтому, только благодаря самоотверженности медицинских работников Калмыкии, здравоохранение республики было восстановлено, несмотря на все трудности, с которыми встретились работники здравоохранения республики после возвращения из мест депортации в 1957 г.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Бадмаев 2000 — *Бадмаев А. У. Б. Б. Городовиков и культура* // Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы / сост.: К. П. Катушов, Э. Б. Очирова. 2-е изд. Элиста: Калмиздат, 2000. С. 148–156.
- Бембеев 2000 — *Бембеев Т. О. Герой из героев* // Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы / сост.: К. П. Катушов, Э. Б. Очирова. 2-е изд. Элиста: Калмиздат, 2000. С. 217–227.
- Дойникова, Сусеев 1967 — *Дойникова Е. А., Сусеев П. Н. На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября*. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 160–186.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки*. 2-е изд. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Очерки 1970 — *Очерки истории Калмыцкой АССР: в 2 т. / ред. Д. А. Чугаев. Т. 2. Эпоха социализма*. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Очерки 2006 — *Очерки истории здравоохранения Калмыкии. Воспоминания министра*. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. 296 с.
- Очиров, Сусеев 2009 — *Очиров У. Б., Сусеев П. Н. Развитие здравоохранения республики во 2-й половине XX века // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3*. Элиста: Герел, 2009. С. 591–607.
- Сусеев 1965 — *Сусеев П. Н. Народное здравоохранение // Элиста 100 лет. Прошлое, настоящее, будущее*. Элиста: Калмиздат, 1965. С. 52–61.

УДК 930.253+94(47)

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-170-181

Опыт создания публичных электронных банков архивных документов в Министерстве обороны России (ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа»)

*Виктор Иосифович Тумаркин*¹

¹ Корпорация ЭЛАР (д. 14, стр. 2, Бумажный проезд, 127015 Москва, Российская Федерация)
технический руководитель проекта, разработчик ОБД «Мемориал»,
«Подвиг народа»
E-mail: vtumarkin@elar.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Тумаркин В. И., 2021

Анотация. *Введение.* Память о Великой Отечественной войне сохраняется среди жителей всего постсоветского пространства. В этой войне каждая семья потеряла близкого человека, судьба которого им зачастую неизвестна. Поэтому в Министерстве обороны Российской Федерации было принято решение о создании обобщенных электронных банков данных. *Цель* данной статьи — рассмотреть проблемы оцифровки, систематизации и технической реализации создания ОБД. *Результаты.* Создание ОБД по Великой Отечественной войне: «Мемориал», содержащий документы о безвозвратных потерях, «Подвиг народа», выводящий в общий доступ материалы по награждениям за подвиги, и «Память народа», ставший обобщающим ресурсом, содержащим, кроме вышеперечисленных сведений, также оперативные данные о самих боевых действиях позволило широким слоям населения получить доступ к огромному массиву документов, содержащихся в различных архивах. При этом трудности при создании банков данных были связаны не только с объемами обрабатываемой информации. Некоторые документы ведомственных архивов не рассекречены. Юридическая сторона вопроса не позволяет публиковать всю информацию в полном объеме. Создание и техническое обслу-

живание этих систем стало важным опытом, необходимым для дальнейшей работы по цифровизации архивных документов.

Ключевые слова: «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа», оцифровка, ОБД, архив, поиск, война, потери, ФЗ № 152

Для цитирования: Тумаркин В. И. Опыт создания публичных электронных банков архивных документов в Министерстве обороны России (ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 170–181. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-170-181

UDC 930.253+94(47)

Memorial, Podvig Naroda, Pamyat Naroda: The Experience of Creating Online Databases at Russia’s Ministry of Defense Revisited

*Victor I. Tumarkin*¹

¹ ELAR Corporation (14/2, Bumazhny Proezd, 127015 Moscow, Russian Federation)

Technical Project Leader, Product Engineer

E-mail: vtumarkin@elar.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tumarkin V. I., 2021

Abstract. *Introduction.* The memory of the Great Patriotic War is preserved by all post-Soviet nations. In this war, virtually every family had a member lost, and his/her destiny often remained unknown. So, the Russian Ministry of Defense decided to create online combined databases. *Goals.* The paper considers the actual problems of digitization, systematization, law and technical implementation tackled by developers of the databases. *Results.* The three online resources on the Great Patriotic War — Memorial (documents on irrecoverable casualties), Podvig Naroda (Russ. ‘feat of nation’, materials on awards), and Pamyat Naroda (Russ. ‘people’s memory’, a generalizing engine containing, in addition to the above mentioned, operational data on hostilities) — made it possible to the public to gain access to the multiple

documents housed by different archives. Meanwhile, the difficulties to have been settled were not reduced to huge amounts of materials to be processed only. Many documents from departmental archives have not been declassified yet. The law side of the issue does not allow publishing all information. The creation and maintenance of these systems are an important experience required for the further digitization of archived documents.

Keywords: Memorial, Podvig Naroda, Pamyat Naroda, digitization, online database, archive, searching, war, casualties, 152-ФЗ

For citation: Tumarkin V. I. Memorial, Podvig Naroda, Pamyat Naroda: The Experience of Creating Online Databases at Russia's Ministry of Defense Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 170–181. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-170-181

Введение

Создание новых электронных банков архивных документов связано со следующими темами:

- цели создания банка данных и требования к его реализации;
- достоверность архивной информации и отображения ее в базе данных;
- доступ к архивным документам и возможность отображения их для общего просмотра;
- ограничения, обусловленные законами разных стран о персональных данных, и нюансы, возникающие при публикации именной информации.

1. Цели создания банка данных и требования к его реализации

ОБД «Мемориал» разрабатывается с 2006 г. Первоначальной целью Банка данных было собрать в одном месте именные документы из разных источников о безвозвратных потерях во время Великой Отечественной войны. С конца войны к тому времени прошло уже более 60 лет, а судьба огромного количества не вернувшихся с войны бойцов и места захоронения многих погибших по-прежнему не были известны их близким. Поиском занимались уже третьи, а то и четвертые поколения. Задачей ставилось представить пользователям документы из разных архивов, чтобы они

могли сами сличать их и проводить исследования. И здесь важнейшим условием было именно предоставление образов документов, а не только базы данных, сделанной на их основе.

Сейчас демонстрацией образов документов в больших объемах никого уже не удивит, а 15 лет назад это еще было редкостью. Но для того, чтобы этими документами было удобно пользоваться, потребовалось продумать систему поиска, чтобы можно было и найти документы, связанные с конкретным человеком, и осуществлять поиск документов по их атрибутам, просматривая записи на людей, упомянутых в этих документах. Кроме того, необходимо было решить вопрос, какую информацию надо обязательно переносить в поля базы данных и сделать доступной для поиска, а какую оставить для просмотра на образах. Мы начали с того, что первые два архивных дела перенесли в базу данных полностью. А потом посчитали, сколько времени займет такая обработка всего большого первоначального массива, и какова будет себестоимость работ. И поняли, что надо ужиматься. А на образах сделали позиционирование с высвечиванием области, относящейся к каждой персоналии, чтобы можно было нажать на эту область и выйти на просмотр записи.

На сегодняшний день в базе ОБД «Мемориал», относящейся к потерям, около 35 млн записей (именно записей, а не людей, так как к одному человеку может относиться несколько записей из различных документов). И мы получили огромное число писем от людей, нашедших на сайте информацию о своих близких.

Обращаю внимание, что ОБД «Мемориал» изначально позиционировался именно как банк архивных документов [ОБД «Мемориал»], а не как Книга Памяти. Это очень важный момент, мы показываем, что говорится в документах, и даем возможность анализировать их, но не утверждаем, что эта информация абсолютно истинна.

Позднее на сайте ОБД «Мемориал» появилась и другая информация, не относящаяся к потерям, но позволяющая уточнить сведения о человеке — документы призыва, прохождения через военно-пересыльные пункты, запасные полки, именные списки

частей. Ведь часто человек призывался и пропал, и родные даже не имели понятия, в какой части он воевал. Эти документы дают возможность попытаться найти хоть какие-то сведения и, отталкиваясь от них, продолжать поиск.

Целью банка данных «Подвиг народа», разрабатываемого с 2010 г., было вывести в общий доступ документы о награждениях за военные подвиги, причем не только информацию о наградах человека, но и сведения, за что эта награда была присвоена [ОБД «Подвиг народа»]. И оказалось, что эта информация чрезвычайно востребована. Нам пошли письма одного и того же содержания: мы не знали, за что он получил свои награды, он о войне никогда не рассказывал, и вот только теперь мы узнали, как он воевал. Построен этот банк на тех же принципах, что и ОБД «Мемориал».

А вот портал «Память народа», разрабатываемый с 2014 г., является обобщающим ресурсом [ИСК «Память народа»]. С одной стороны, на нем представлены все документы сайтов ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа», с другой — архивные дела с оперативными боевыми документами, карты боевых действий. На портал выведены фотографии участников войны с сайта «Дорога памяти». При этом поиск записей ведется по другим правилам, чем на ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа», позволяя найти не только записи с точной поисковой информацией, но и с небольшими отличиями.

Сейчас на сайте «Память народа» предпринимается попытка осуществить свод записей на одного человека по всем нашим ресурсам.

И здесь самое время перейти ко второй теме статьи.

2. Достоверность архивной информации и отображения ее в базе данных

Здесь мы касаемся двух различных вопросов. Первый — насколько достоверна персональная информация в архивных документах.

Увы, ошибок очень много. И причины этих ошибок различны. Не только описки, но и неграмотность писарей, запись на слух, коверкаются имена, отчества, фамилии, географические названия.

В документах много несуществующих районов, неверная административно-территориальная привязка, например, Азербайджанская ССР, г. Тбилиси. В наградных документах данные ФИО в приказе о награждении могут отличаться от тех же данных в наградном листе буквой в фамилии, именем или отчеством целиком. Это одна сторона вопроса. Вторая относится к достоверности события. Во-первых, неоднократны случаи, когда человек, считавшийся по документу убитым и даже захороненным, оказывался жив. Для одних в обработанных делах имеются опровергающие документы, для других нет. Тем более это относится к сообщениям о пропаже без вести. Человек мог вернуться в часть, оказаться раненым в медицинском учреждении, и т. д. Кроме того, надо учитывать время создания документов. Запись «перешел на сторону врага» может оказаться пленением, запись «дезертировал» — пропажей человека по неизвестным (самым разным) причинам. Даже в наградных документах описание подвига, за который человек представлен к награде, может оказаться приукрашенным составителями наградного листа с целью убедить начальство в необходимости награждения. Можно, к примеру, сравнить описание своего первого боя в мемуарной прозе Давида Самойлова [[Самойлов 2014: 279–281](#)] с описанием его подвига в наградном листе на представление красноармейца Давыда Кауфмана к награждению медалью «За отвагу» [[ОБД «Подвиг народа» 1943: Кауфман, приказ о награждении](#)]. Так что еще раз подчеркиваю: речь идет о банках архивных документов, которые выставляются для общего пользования и анализа, а не ресурсах с абсолютно точной информацией.

Второй вопрос — точность отображения информации с документов в базе данных. Как правило, речь идет о документах, переносить информацию с которых в поля базы данных можно исключительно ручным вводом из-за ветхости документов, рукописных, часто плохо разборчивых записей. Существует множество способов повысить качество переноса информации — и ручных, и автоматических проверок, использование различных справочников, однако ошибки всегда остаются. В рукописном тексте порой, например, трудно различить сочетания «лю» и «мо» или строчные

«г» и «ч». И Салютин может превратиться в Самотина. А часто приходится просто угадывать неразборчивое написание. И здесь большая сложность возникает, в частности, с непривычными русскоязычному уху именами и отчествами. Из нескольких кавказских республик энтузиасты просто присылали нам списки исправлений, и мы правили записи. Но только там, где на документе можно было расшифровать написанное так, как нам подсказывали. В географических названиях где-то можно было воспользоваться справочниками и устранить небольшие неточности, а где-то приходилось оставлять в базе несуществующие названия, указанные в документе, так как непонятно было, как их исправлять. Кстати, о справочниках. Они, конечно, очень помогают, но зачастую создание их — долгое и кропотливое дело. Хорошо, когда, начиная работу, можно воспользоваться уже готовыми справочниками. У нас их к началу работ не было. Ни справочника частей, ни справочника званий, ни справочника военкоматов, ни справочника административно-территориального деления. Все это приходилось выстраивать в процессе работы. А поставленная задача по наполнению ОБД «Мемориал» была на 3 месяца 2006 г. — 1,2 млн записей (это одновременно с отладкой технологии, и от решения задачи зависело продолжение работ!), а на 2007 г. — 20 млн записей. Поэтому в начале работ было создано много неунифицированных записей, и затем уже приходилось по возможности проводить унификацию. Так что наличие справочного аппарата очень важно при проведении работ, однако если дожидаться его создания, можно надолго отложить реализацию проекта.

3. Доступ к архивным документам и возможность отображения их для общего просмотра

Доступ к документам архивов в нашем случае все же не совсем типичный. Поскольку заказчиком работ является Министерство обороны, организацию доступа обеспечивали его представители. В первую очередь это касалось подведомственных архивов — Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) и его филиалов — военно-медицинских документов и архива военно-морского

флота. Однако важно следующее: первичный ввод как в ОБД «Мемориал», так и в «Подвиге народа» касался компактных массивов — фонда безвозвратных потерь и фонда наградных дел ЦАМО. А вот дальше необходимо было добирать информацию в различных фондах архивов Минобороны и других архивах, в частности Государственном архиве РФ (ГА РФ) и Российском Государственном военном архиве (РГВА). И здесь важную роль играло наличие (точнее, отсутствие на тот момент) электронных описей архивов. Это сейчас в большинстве архивов описи переведены в электронный вид, а во многих — и выставлены в интернет.

А более 10 лет назад оцифровка описей еще только начиналась. И обработать, например, для планирующегося портала «Память народа» оперативные дела, разбросанные по многочисленным фондам воинских частей в ЦАМО, без автоматизации описей было бы просто нереально. Поэтому задача перевода описей ЦАМО в электронный вид стала первостепенной и была в основном решена. Автоматический поиск дел по массиву электронных описей позволяет найти много документов для наполнения банка данных, но, разумеется, не всё. Пример — фонд 7021 ГА РФ — фонд Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. По ключевым словам мы нашли дела, в названии которых содержались эти слова, и обработали документы с именами советских военнопленных. А музей «Яд Вашем» нанял людей, которые пролистали все дела этого огромного фонда для того, чтобы найти все имена, которые их интересуют. В том числе были найдены и военнопленные, которые не попали в нашу выборку дел из-за отсутствия в названиях дел упоминания о них. Так что качество описания дел в описях тоже имеет большое значение. К слову, сейчас описи фонда 7021 ГА РФ существенно переработаны.

Надо отметить, что в обработку нами брались только дела, не имеющие грифа секретности или ДСП. При этом надо знать, что часть секретных дел являются таковыми только потому, что их не успели рассекретить, и само обращение к ним может быть сигналом к их рассекречиванию. Однако скорость рассекречивания дел

в архиве зависит от различных факторов, и рассекречивание может затянуться. Существуют и ведомственные ограничения, запрещающие выставлять в открытый доступ определенную информацию даже из несекретных дел. В частности, когда мы обратились в РГВА за делами о безвозвратных потерях во время войны войск НКВД (к которым, напомню, относились и пограничники), была создана комиссия, которая решала, какие дела можно выдавать для выставления во всеобщий доступ.

Есть и чисто технические моменты обработки архивных дел. Например, часть дел для обработки требуется расширять, так как важная информация может уходить под корешок. Это означает, что надо либо договариваться с архивом о возможности сшивки-расшивки либо своими силами, либо оплачивать соответствующую работу сотрудников архива. И здесь могут возникнуть сложности.

Отдельный вопрос связан с возможностью выставления образов с определенной информацией в открытый доступ. Если говорить про ОБД «Мемориал», то пока речь шла о потерях, от нас требовалось только закрывать на образах информацию о течении болезни в документах медицинских учреждений. И не разрешили публиковать фильтрационные карточки проверки вернувшихся из плена. На сайте разместили записи на бывших военнопленных и ссылки на архивы, в которых содержатся карточки. А вот образы запасных частей и именные списки частей публикуются только после просмотра их комиссией Министерства обороны и получения разрешения на публикацию.

Образы учетно-послужных карточек офицеров разрешили публиковать только на погибших. На сайте «Подвиг народа» закрыли домашние адреса награжденных. Объяснение — адреса могут послужить наводкой для бандитов. На слова, что этим адресам уже более 75 лет, ответ: «Это в городах адреса меняются, а в деревнях они те же». Кроме того, не выносятся в общий доступ наградные документы определенных категорий военнослужащих. То есть надо учитывать, что и для открытых документов имеются ограничения для опубликования где только образов, а где и записей базы данных, относящихся к документам.

4. Ограничения, обусловленные законами разных стран о персональных данных, и нюансы, возникающие при публикации именной информации

Безусловно, законы о персональных данных накладывают серьезные ограничения на возможность публикации документов. Но здесь часто возникает вопрос о правомерности ссылки на закон. Порой боязнь его нарушить приводит к необоснованным запретам, которые из закона не следуют. И наоборот, граждане порой толкуют закон, исходя из своих соображений, и ссылаются на него там, где он не применим.

Начнем с того, что в статье 1 главы 1 российского федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» четко сказано, что действие закона не распространяется на отношения, возникающие при «организации хранения, комплектования, учета и использования содержащих персональные данные документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в соответствии с законодательством об архивном деле в Российской Федерации». В Федеральном законе 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» в п. 3 статьи 25 не менее четко говорится: «Ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов». Однако термин «личная и семейная тайна» может трактоваться весьма свободно, а внутриведомственные акты могут препятствовать публикации материалов и по прошествии 75 лет со дня создания документов.

Когда мы вели переговоры с немецкой стороной о получении материалов, имеющихся в их архивах, нам все время ссылались на закон о персональных данных. Это же абсурд, если подумать: речь о документах о советских военнопленных, и немецкий закон о персональных данных не дает их выдать нам. На сегодняшний день он касается документов о военнопленных, у которых нет информации о смерти. В этом случае срок хранения документа без опубликования — 100 лет со дня рождения. То есть по советским

военнопленным через 5–6 лет должны стать доступны все документы из немецких архивов, а пока приходится ждать.

Из-за трактовки персональных данных нам приходится в послевоенных документах с 1950-х гг. закрывать адреса обращающихся с поиском своих близких в письмах. Но этого оказывается мало. Приходят письма, где люди требуют, чтобы вообще не упоминались их имена. Приходится закрывать их на образах.

А вот другой аспект проблемы: неожиданно одно за другим мы получили два письма с требованием убрать их родственников с сайта «Подвиг народа». Авторы писем заявляли, что не давали нам права публиковать персональные данные героев, ссылались на закон и грозили всевозможными карами. Признаться, получив первое письмо, я был обескуражен. Обычно люди недовольны тем, что данные об их близких отсутствуют, а тут наоборот — требуют убрать информацию о награжденном боевой наградой. Разумеется, я начал исследовать наградной лист, чтобы понять причину такой реакции. И нашел. Поэтому второе письмо меня уже не удивило. Проверил: причина была та же. В наградном листе в анкетных данных указывается национальность награжденного. Родственники не хотели, чтобы ее видели, но сказать об этом открыто не желали, а требовали вообще удалить запись и образы из списка героев. После моего ответа, что ссылка на закон о персональных данных здесь неприменима, один человек извинился, объяснил свою ситуацию, и мы нашли компромиссное решение, позволяющее не удалять запись героя. Другой же заявитель ничего не объяснял, продолжал настаивать на своем праве убрать запись и грозить карами. Пришлось отправить его объясняться в Министерство обороны. Таким образом, интерпретация закона о персональных данных может быть самой неожиданной и непредсказуемой.

Пользуясь случаем, обращаюсь с просьбой к представителям архивов восточных регионов бывшего Советского Союза. В ваших архивах может оказаться информация, которой нам очень не хватает для сайтов ОБД «Мемориал» и «Память народа». Дело в том, что имеющийся справочник дислокации медицинских учреждений во время войны содержит множество лакун. О местонахож-

дении многих госпиталей за какие-то периоды вообще нет информации или неточно указано место нахождения госпиталя. А ведь там были и госпитальные захоронения, часть из которых сейчас затеряна. Если в архивах имеются информация о госпиталях, списки раненых и умерших в них, просьба сообщить об этом в Корпорацию ЭЛАР или мне лично.

Источники

- ОБД «Мемориал» — Общедоступный банк данных «Мемориал» [электронный ресурс] // Министерство обороны РФ; Корпорация «ЭЛАР». URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 10.09.2021).
- ИСК «Память народа» — Интерактивный сайт-карта «Память народа» [электронный ресурс] // Министерство обороны РФ; Корпорация «ЭЛАР». URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 10.09.2021).
- ОБД «Подвиг народа» — Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», [электронный ресурс] // Министерство обороны РФ; Корпорация «ЭЛАР». URL: <http://podvignaroda.ru/> (дата обращения: 10.09.2021).
- ОБД «Подвиг народа» 1943 — Кауфман Давыд Самуилович 1920 г. р. Приказ о награждении [электронный ресурс] // ОБД «Подвиг народа». Архивные документы о награждении. Дата подвига: 23.03.1943. Учетная карточка. Медаль «За отвагу». URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=22274692&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 10.09.2021).

Литература

- Самойлов 2014 — *Самойлов Д. С.* Памятные записки / сост.: Г. И. Медведева, А. С. Немзер; сопров. ст. А. С. Немзера. М.: Время, 2014. 704 с.

УДК 572:902

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-182-203

Краниологические материалы, хранящиеся в фондах Калмыцкого научного центра РАН (первичный анализ)

*Любовь Алексеевна Бембеева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бембеева Л. А., 2021

Аннотация. Статья посвящена общей характеристике краниологических материалов, хранящихся в фондохранилище антропологического и археозоологического материалов Калмыцкого научного центра РАН. Рассмотрена процедура взятия на научный учет материалов, разработана структура таблицы «Краниологический материал». В системе подсчета дается определение понятия «антропологическая единица». Рассмотрено соотношение учтенных черепов и костей посткраниального скелета, целых черепов и сохранившихся фрагментов, взрослых и детских черепов. Отдельно рассматривается степень сохранности костной ткани и пригодность материала для дальнейших генетических исследований. Интерес к дальнейшим исследованиям в области антропологии, генетики и других наук могут вызвать другие особенности в строении черепа: искусственная его деформация, патологии и дискретно-варьирующие признаки, встречающиеся у черепов данной коллекции. При сборе информации по каждому предмету хранения (черепу) была проведена работа по распределению материалов по курганным группам и культурно-хронологической принадлежности погребений, определенной археологами. Проведенная работа является подготовкой к созданию базы данных антропологических материалов и введения их в государственный реестр.

Ключевые слова: краниологический материал, палеоантропология, антропологическая единица, генетические анализы, курган, погребение,

эпоха бронзы, скифо-сарматская эпоха, эпоха средневековья, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Бембеева Л. А. Краниологические материалы, хранящиеся в фондах Калмыцкого научного центра РАН (первичный анализ) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 182–203. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-182-203

UDC 572:902

Craniological Materials at Kalmyk Scientific Center (RAS): A Primary Analysis

*Lyubov A. Bembeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bembeeva L. A., 2021

Abstract. *Goals.* The article attempts a general review of craniological materials contained in the Anthropological and Archaeozoological Collection of Kalmyk Scientific Center (RAS). *Results.* The paper describes procedures employed for scientific registry of materials, outlines a structure of the original table titled ‘Craniological Materials’. The counting system defines the term ‘anthropological item’. There are additional insights into proportions of registered skulls and bones, postcranial remains, complete and fragmented skulls of adults and children. Special attention is paid to degrees of preservation of bone tissue and its applicability for genetic investigations. Further interest to anthropological, genetic and other studies may be excited by a number of cranial specificities, such as artificial deformations, pathologies, and varying discrete features to be identified across the available collection. A description

of each item (skull) contains archaeologically determined data as to the mound group and archaeological culture the burial belongs to. The conducted work is to precede the creation of a database of anthropological materials for the latter's inclusion in state registers.

Keywords: craniological materials, paleoanthropology, anthropological item, genetic analysis, mound, burial, Bronze Age, Scytho-Sarmatian era, Middle Ages, Republic of Kalmykia

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Bembeeva L. A. Craniological Materials at Kalmyk Scientific Center (RAS): A Primary Analysis. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 182–203. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-182-203

Введение

Одним из основных направлений фондовой работы является учет фондов, который представляет собой регистрацию коллекций и предметов в специальную учетно-хранительскую документацию в целях идентификации и организации их нормативного хранения, оперативного установления местонахождения, контроля за изменениями в составе и состоянии сохранности, научного изучения объектов и их эффективного и рационального использования [[Научно-фондовая работа 2020](#)].

В фондохранилище антропологического и археозоологического материалов Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН) ведется планомерная работа по взятию на учет и первичному анализу костного материала. Костные останки происходят из археологических памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в период с 70-х гг. прошлого столетия до 2007 г. За время археологических исследований на территории республики было раскопано 4 413 погребений из 1 617 курганов [[Очир-Горяева 2008](#); [Бембеева, Очир-Горяева 2021](#)].

Организация научного хранения была начата только в последние годы, поэтому часть коллекции не сохранилась ввиду различ-

ных обстоятельств. Фактически в костехранилище КалмНЦ РАН находится костный материал археологических раскопок с 1974 по 1998 гг., а также единичные экземпляры, сохранившиеся с 1961–1970 гг. (*Архара* (1962–1963); *Лола-2* (1961–1963); *Восточный Маныч* (1965–1967); *Кермен Толга* (1968–1970)).

С 2000-х гг. представлены материалы трех археологических экспедиций (*Садовое-1.2* (2007); *Малые Дербеты-1* (2007); *Малые Дербеты-2* (2007)).

В фондах Национального музея Республики Калмыкия находится часть антропологических материалов из таких раскопок, как: *Канал Волга-Чограй (КВЧ)-41.42* (1988); *Джангар-участок 2.3* (1988); *Шаред* (1989); *Барун* (1990); *Иджил* (1991–1993); *Кевюды-1* (2001); *Первомайский-1* (2001); *Кануково* (2002); *Чилгир* (2002); *Кетченеры-1* (2007); *Розенталь* (2008). Материалы послевоенных, а также часть находок из современных археологических исследований на территории республики хранятся в музеях Москвы и Петербурга. Необходимо выяснить, где находится остальной антропологический материал, так как наряду с археологическими находками это — историческое наследие Республики Калмыкия.

Коллекция антропологического материала, хранящегося в фондохранилище КалмНЦ РАН, насчитывает костные останки свыше 1 500 индивидуумов, найденных при раскопках курганных могильников эпохи бронзы – позднего средневековья. На данный момент обработан (подвергнут комплексной камеральной обработке и каталогизации) остеологический материал 1 135 погребений из 43 могильников (1 160 антропологических единиц соответственно). По предварительным расчетам этот объем составляет примерно 2/3 всей имеющейся коллекции [[Бембева 2020б: 13](#)].

Краниологические материалы, хранящиеся в фондах КалмНЦ РАН (первичный анализ)

В данной статье представлены общая характеристика и результаты первичного анализа краниологического материала (черепов) из этих же погребений. После камеральной обработки (работы по очистке костного материала, переупаковки в новые пакеты и коробки, заполнения этикеток с указанием могильника, кургана, по-

гребеня) краниологический материал рассматривается как объект научного хранения. С этой целью проводится сбор информации по каждому предмету хранения с занесением полученных данных в таблицу «Краниологический материал», которая так же, как и таблица «Остеологический материал», станет основой для составления каталога антропологической коллекции.

Для разработки структуры таблицы автор ознакомился с опытом работы антропологов Волгоградского государственного университета [Перерва, Балабанова, Зубарева 2013], музейными описями коллекций отдела антропологии Музея антропологии и этнографии [Гохман, Козинцев 1980] и работой с фондами Центрального государственного музея Республики Казахстан [Научно-фондовая работа 2020].

В системе подсчета и хранения краниологического материала нами используется понятие «антропологическая единица» — так же, как и с остеологическим материалом. Целый череп или фрагмент (иногда это могут быть только зубы), принадлежащий одному человеку, является антропологической единицей. Краниологическая часть коллекции содержит 1 048 антропологических единиц из 1 035 погребений 45 могильников. Количество антропологических единиц может не соответствовать количеству исследованных погребений, так как иногда встречаются двойные захоронения в таких могильниках, как: *Ергенинский* (1981–1982), к. 4 п. 2¹; *Цаган-Усн-3* (1987), к. 5 п. 1; *Зунда Толга* (1995), к. 1 п. 4, а также тройные захоронения: *Цаган-Усн-4* (1987), к. 1 п. 1.

При анализе соотношения учтенных черепов и костей посткраниального скелета было установлено, что могильники *Архара* (1962), *Восточный Маныч* (1965–1967), *Ергенинский* (1981–1982) представлены в коллекции только черепами. В других курганных группах встречаются погребения с сохранившейся только краниологической частью скелета. Во многих детских погребениях посткраниальный скелет редко сохраняется вследствие низкой минерализации костей. Треть антропологического материала еще

¹ Здесь и далее: к. — курган, п. — погребение.

предстоит исследовать и, возможно, определить недостающие кости посткраниального скелета. На данный момент в коллекции выявлено 201 погребение, в которых содержится только череп, и 204 антропологические единицы соответственно.

Таблица 1. Краниологический материал, хранящийся в фондах КалмНЦ РАН, из погребений археологических памятников, исследованных на территории Республики Калмыкии за период 1962–2007 гг.

№ п/п	Могильник	Год раскопок	Курган/погребение	Количество погребений	Количество антроп. ед.
1	<i>Архара</i>	1962–1963	14/1	1	1
2	<i>Лола-2</i>	1962	8/4	1	1
3	<i>Восточный Маныч</i>	1965	3/4; 16/2; 21/1; 31/2; Б/П	5	5
	<i>Восточный Маныч-2</i>	1966	11/?; 20/4; 21/4; 25/2; 28/1; 29/3; 32/1; 37/?;?; 41/?;3; 63/?; 68/1; Б/П	14	14
	<i>Восточный Маныч-3</i>	1966	27/7; 30/7; 31/5; 32/4,5; 33/6	6	6
	<i>Восточный Маныч (правый берег)</i>	1967	6/9; 10/9; 19/2,7,8; 20/3; 26/4; 29/8	8	8
4	<i>Кермен Толга</i>	1968	28/1	1	1
	<i>Кермен Толга</i>	1986	1 /4; 4/1	2	2
5	<i>Күпцын Толга</i>	1974	2/1; 7/1; 13/1; 27/1; 35/1; 43/1; 45/15; 46/3,17; 48/6,9,10	12	12
6	<i>Гува-1</i>	1975	2/1; 3/1; 14/1	3	3
7	<i>Заханата</i>	1976	1/1,2; 5/3,9; 7/1; 9/5	6	6
8	<i>Большой Царын</i>	1977	3/3; 5/6	2	2
	<i>Большой Царын-2</i>	1977	1 /2; 3/1	2	2
9	<i>Зергента-1</i>	1978	1/?; 2/1	2	2
	<i>Зергента-2</i>	1978	1/1; 5/1; 7/2	3	3
10	<i>Ут</i>	1978	1/1; 6/1; 8/1	3	3
11	<i>Адрык</i>	1979	2/3; 6/1	2	2

12	<i>Хар Нуурин Толга</i>	1980	1/1; 31/1; 35/1	3	3
13	<i>Джангар</i>	1980	6/1; 10/1; 11/2; 12/1; 14/1; 18/1	6	6
	<i>Джангар</i>	1981	15/5; 25/7; 37/1	3	3
	<i>Джангар</i>	1982	36/3	1	1
	<i>Джангар</i>	1985	6/1; 9/5	2	2
14	<i>Ергенинский</i>	1981– 1982	2/1; 3/1,4; 4/1,2(2 ед.), 3,5; 5/6; 6/2,3	10	11
15	<i>Дюкер</i>	1982	20/1	1	1
16	<i>Эвдык-1</i>	1982	5/9,11; 6/1,3	4	4
	<i>Эвдык-1</i>	1983	7/2,5,27,29; 14/3	5	5
	<i>Эвдык</i>	1984	2/1	1	1
17	<i>Чкаловский</i>	1984	5/3	1	1
18	<i>Шолмун Толга</i>	1984	1/5, 16(ск.1); 5/3; 10/1	4	4
19	<i>Улан Толга</i>	1985	1/1,6; 12/1; 20/1	4	4
20	<i>Кюкн Толга</i>	1985	9/2; 10/1	2	2
21	<i>Ики-Зегиста</i>	1986	4/5,6; 5/2,4	4	4
22	<i>Чограйский-4</i>	1986	1/ 4; 3/3; 5/3	3	3
	<i>Чограйский-5</i>	1986	3/3; 7/3; 8/4; 9/7; 11/5; 12/1	6	6
	<i>Чограйский-6</i>	1986	7/1	1	1
	<i>Чограйский-8</i>	1986	4/2	1	1
23	<i>Цаган-Усн-3</i>	1987	1/6,7; 5/1(2ед.),6; 6/2,3	6	7
	<i>Цаган-Усн-4</i>	1987	1/1	1	1
	<i>Цаган-Усн-5</i>	1987	1/1,6,11; 8/2; 10/1	5	5
	<i>Цаган-Усн-7</i>	1987	2/3; 4/2,6,7,19,21,22	7	7
	<i>Цаган-Усн-8</i>	1987	4/2	1	1
24	<i>Канал Волга- Чограй-56</i>	1988	2/3; 5/6; 13/5; 14/2,3; 17/3	6	6
	<i>Канал Волга- Чограй-53</i>	1988	1/ 4; 2/4	2	2
	<i>Канал Волга- Чограй-37</i>	1988	6/3; 11/1	2	2
	<i>Канал Волга- Чограй-42</i>	1988	1/1; 4/1	2	2
	<i>Канал Волга- Чограй-239</i>	1985	2/2	1	1
	<i>КВЧ. Джангар-1</i>	1988	3/1	1	1

	<i>КВЧ. Джангар-3</i>	1988	3/1	1	1
25	<i>Цаган-Нур</i>	1989	7/2,4; 8/5	3	3
26	<i>Утта-Привольное-7</i>	1989	1/1,4; 2/2; 3/1,2,13	6	6
27.	<i>Улан-Зуха</i>	1990	3/ 4	1	1
28	<i>Хар-Зуха-1</i>	1991	1/1; 4/5	2	2
	<i>Хар-Зуха-2</i>	1991	3/8	1	1
29	<i>Аршань-Зельмень-2</i>	1993	3/3	1	1
30	<i>Зунда Толга</i>	1994	1/17	1	1
	<i>Зунда Толга</i>	1995	1/4(ск.1 и 2); 3/5;	2	3
31	<i>Черноземельский-1</i>	1998	4/35; 4/юго-запад; 4/ запад	3	3
32	<i>Садовое-1</i>	2007	1/1; 2/1	2	2
	<i>Садовое-2</i>	2007	1/1	1	1
33	<i>Малые Дербеты-1</i>	2007	1/1; 3/1	2	2
	<i>Малые Дербеты-2</i>	2007	2/5	1	1
	ВСЕГО			201	204

В таблице «Краниологический материал» у каждого предмета хранения (в данном случае — черепа) есть индивидуальный номер, номер коробки, где он хранится, первичная информация (могильник, группа, курган, погребение). В графе «Сохранность» дается описание сохранившихся костей черепа: череп и нижняя челюсть, череп без нижней челюсти, череп и нижняя челюсть фрагментированные (распавшиеся на части), фрагменты черепа (мозговой, лицевой, височный и др. отделы черепа, нижняя челюсть и ее фрагменты). При анализе сохранности (целостности) черепов учитываются не только анатомически целые черепа с нижней челюстью, но и черепа без нижней челюсти, а также фрагментированные. Таких в коллекции насчитывается 641 ед. Черепа, представленные в коллекции только фрагментами, составляют 407 антропологических единиц. В процентном отношении целые и фрагментированные черепа составляют 61,16 % от всей краниологической коллекции.

Антропологический материал костехранилища, наряду с костными останками взрослых людей, содержит и детские, возрастной интервал которых от 1 месяца до 16 лет. Краниологическая часть коллекции насчитывает 118 антропологических единиц детских

черепов или их фрагментов. В процентном соотношении они составляют 11,5 % от всей краниологической коллекции.

В графе «Примечание» отмечаются особенности, содержащие дополнительную информацию о черепе: характеристика сохранности костной ткани, деформации черепной коробки, патологии, дискретно-варьирующие признаки и т. д.

Краниологическая часть коллекции так же, как и остеологическая, характеризуется уникальной сохранностью костной ткани благодаря местным природно-климатическим условиям. Прикаспийская низменность, на которой расположена большая часть территории Калмыкии, находилась под водами Каспийского моря практически до мезолита. В связи с этим в почве содержится большое количество природного кальция, который благоприятствовал сохранению структуры костной ткани. Согласно исследованиям специалистов-почвоведов, проведенным на обширном материале, структура почвенного покрова со времени энеолита, бронзы и раннего железного века не претерпела существенных изменений и практически идентична современной, что благоприятно отразилось на сохранности костного материала [Шилов 1975: 63].

Такая сохранность костной ткани делает краниологическую часть коллекции чрезвычайно привлекательной для дальнейших генетических исследований. При выборе образца, дающего наилучшие результаты в получении данных генома древнего индивидуума, предпочтение отдается височным костям (улиткам) и зубам. При отборе образца из остеологической части берется кортикальная кость.

Улитка и полукруглые каналы, расположенные внутри каменной части височной кости, обычно обеспечивают гораздо лучшие результаты, чем любой другой скелетный элемент: до 100 раз больше эндогенной человеческой ДНК на единицу костного порошка.

Зубы: при выборе зуба предпочтение отдается самым большим экземплярам (молярам) с неповрежденными корнями, так как ДНК содержится больше в корне.

Кортикальная кость: кортикальная (компактная или пластинчатая) кость — плотная костная ткань, присутствующая во

внешнем слое костей. Хорошими источниками кортикальной кости являются фрагменты длинных костей верхних и нижних конечностей (длиной от 3 до 10 см), куски черепной кости (3x3 см) или целые фаланги.

Антропологическая коллекция костехранилища КалмНЦ РАН полностью соответствует требованиям при выборе образцов для генетических исследований. В краниологической части коллекции в большинстве случаев присутствуют образцы для анализа, что отмечается в графе «Примечание»: сохранились ли височные кости и сколько зубов-моляров имеется. В редких случаях материал не содержит нужные для отбора образцы: мелкие фрагменты черепа или детские черепа младенческого возраста. Грацильность костей, меньшая масса и размеры, более низкая минерализация делают кости детей и подростков хрупкими и приводят к худшей сохранности по сравнению с костями взрослых [Бембеева 2020а: 47]. Но в большинстве случаев костная ткань имеет хорошую степень сохранности, поэтому в Примечании чаще всего указывается плохая сохранность костей у сравнительно небольшого количества краниологического материала.

Следующей дополнительной особенностью, отмечаемой в Примечании, является деформация черепной коробки. В коллекции костехранилища КалмНЦ РАН насчитывается 112 антропологических единиц краниологического материала со следами преднамеренной деформации. О причине и методике деформирования головы у древних народов мало информации, в основном гипотезы. У Гиппократа в сочинении «О воздухе, водах и местностях» есть такое описание народов, «живущих направо от летнего восхода солнца до озера Меотиды, составляющего границу Европы и Азии»: «...Прежде всего, скажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который бы имел подобную форму черепа. Первоначально важнейшей причиной удлиненной формы головы был обычай, а теперь и природа способствует обычаю, происшедшему оттого, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинная голова. Обычай этот состоит в следующем. Лишь только родится ребенок, пока кости его еще мягки, не отвердев-

шую еще головку выправляют руками или принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается» [Гипократ 1994: 288].

Датировка погребений, в которых были найдены черепа или фрагменты со следами искусственной деформации, определялась авторами раскопок и охватывает все три эпохи: бронзы, раннего железного века и средневековья. Анализ погребений с установленной культурно-хронологической принадлежностью показывает, что наибольшее количество деформированных черепов встречается в сарматских погребениях (33 ед.), затем следуют позднесарматские погребения (26 ед.), катакомбные погребения (20 ед.), средневековые погребения (7 ед.), погребения эпохи бронзы (6 ед.), погребения эпохи раннего железного века (6 ед.), погребения ямной и срубной культуры — по 2 ед. соответственно.

По частоте встречаемости черепов со следами искусственной деформации в сарматских погребениях можно отметить такие могильники, как *Кермен Толга* (1979) — 9 случаев, *Дюкер* (1982) — 7 случаев; в позднесарматских погребениях — *Купцын Толга* (1974) — 9 случаев, *Джангар* (1980–1981) — 7 случаев; в катакомбных погребениях — *Канал Волга-Чограй* (1988) — 9 случаев.

Помимо искусственной деформации черепов в Примечании отмечаются такие особенности в строении черепов, как различные патологии (отклонения от нормального состояния или процесса развития), например зубной системы [Перерва 2011: 202]; дискретно-варьирующие признаки (разнообразные вариации в анатомическом строении черепа, проявляющиеся в виде дополнительных костей, отверстий или отростков), например, так называемая «кость инков». Кость инков (или межтеменная кость) — это верхняя часть чешуи затылочной кости, оставшаяся в виде самостоятельной кости у взрослого человека. Ряд черепов обладает сравнительно большим весом, чем остальные, что может заинтересовать антропологов в вопросе влияния диеты на уплотнение костной ткани и т. д.

В коллекции хранится экземпляр с прижизненной трепанацией черепа. Практика трепанации черепа известна с глубокой древности. Наиболее ранние находки со следами хирургического вмешательства обнаружены в Северной Африке и датируются верхним палеолитом [Медникова 2001: 75].

Находка была выявлена в ходе раскопок в 1991 г. могильника *Хар-Зуха-2*. В погребении 6 кургана 3, отнесенном археологами к катакомбной культуре эпохи бронзы, находился скелет мужчины старческого возраста. Череп был фрагментирован (т. е. распался на части), на левой теменной кости ближе к центру черепа обнаружено сквозное отверстие искусственного происхождения. Максимальные размеры отверстия 30x35 мм, края сглажены, на срезе отверстия видно, что они начинали покрываться новой костной тканью, следовательно, человек пережил операцию.

Все особенности, замеченные у черепов и зафиксированные в графе Примечание, делают краниологическую коллекцию интересной в плане дальнейших исследований в области антропологии, генетики и других наук.

В таблице «Краниологический материал» содержится информация об авторах раскопок и годах раскопок. При анализе соотношения учтенных черепов и костей посткраниального скелета было обнаружено, что в отдельных погребениях сохранились только черепа. Поэтому для группы погребений с установленной культурно-хронологической принадлежностью была проведена работа по распределению по курганным группам, как ранее было сделано для остеологической части антропологической коллекции [Бембева 2020б].

Весь краниологический материал разделен на три временные группы: эпоха бронзы, эпоха раннего железного века и эпоха средневековья. Все культурные определения и даты погребений, из которых происходит костный материал, установлены специалистами-археологами. Учитывая большой временной отрезок от начала сбора костных останков до каталогизации, была сделана попытка анализа сохранности материала по отношению к раскопанным погребениям.

Таблица 2. Сохранность краниологического материала по отношению к раскопанным погребениям. Общее количество и культурно-хронологическая принадлежность

№	Могильник	Год раскопок	Автор раскопок	Погребений раскопано	Сохранилось антропол. ед.	% сохранности	Эпоха Бронзы	Эпоха раннего железного века	Эпоха средневековья	Неопределенные	Современные
1	Лола-1	1961-63	Синицын И. В Эрдниева У. Э.	71	1	1,4	1	0	0	0	0
2	Архара	1962-63	Синицын И. В Эрдниева У. Э.	95	1	1,05	0	0	1	0	0
3	Восточный Мангыч	1965	Синицын И. В Эрдниева У. Э.	237	6	2,53	4	0	0	2	0
	Восточный Мангыч-2	1966	Синицын И. В Эрдниева У. Э.	170	15	8,82	4	6	1	4	0
	Восточный Мангыч -3	1966	Синицын И. В Эрдниева У. Э.	295	6	2,03	6	0	0	0	0
	Восточный Мангыч -1	1967	Синицын И. В Эрдниева У. Э.	255	5	1,96	5	0	0	0	0
4	Кермен Толга	1968	Эрдниева У. Э.	84	2	2,38	0	1	0	1	0

	<i>Кермен Толга</i>	1979	Цуцкин Е. В.	34	23	67,65	1	18	3	1	0
	<i>Кермен Толга-1.2.</i>	1986	Гаврилина Л. М.	12	7	58,33	2	1	1	3	0
5	<i>Кутцын Толга</i>	1974	Шнайдштейн Е. В.	101	51	50,49	14	24	8	5	0
6	<i>Гува-1</i>	1975	Шнайдштейн Е. В.	18	5	27,78	0	2	3	0	0
	<i>Гува-2</i>	1975	Шнайдштейн Е. В.	2	1	50,0	0	1	0	0	0
	<i>Гува-3</i>	1975	Шнайдштейн Е. В.	1	0	0	0	0	0	0	0
	<i>Гува-2</i>	1978	Цуцкин Е. В.	6	2	33,33	0	2	0	0	0
7	<i>Заханата</i>	1976	Шнайдштейн Е. В.	36	39	100,0	14	22	0	3	0
8	<i>Большой Царын-1.</i>	1977	Цуцкин Е. В.	19	8	42,10	2	0	2	3	0
	<i>Большой Царын-1а</i>	1977	Цуцкин Е. В.	2	1	50,0	0	0	1	0	0
	<i>Большой Царын-2</i>	1977	Цуцкин Е. В.	19	11	57,89	1	6	1	2	1
9	<i>Зергента-1</i>	1978	Савицкий М. Г.	8	7	87,5	2	2	1	2	0
	<i>Зергента-2</i>	1978	Савицкий М. Г.	11	9	81,81	0	6	3	0	0
10	<i>Ут</i>	1978	Цуцкин Е. В.	12	9	75,0	1	7	0	1	0
11	<i>Адрык</i>	1979	Цуцкин Е. В.	23	9	39,13	1	3	5	0	0
12	<i>Хар Нуурин Толга</i>	1980	Цуцкин Е. В.	40	22	55,0	2	10	5	4	1
13	<i>Джангар</i>	1980	Цуцкин Е. В.	27	13	48,15	2	6	1	4	0

	<i>Джангар</i>	1981	Шилов В. П.	41	20	48,78	6	5	5	4	0
	<i>Джангар-1</i>	1981	Васюткин С. М.	5	5	100,0	0	2	3	0	0
	<i>Джангар</i>	1982	Цуцкин Е. В.	8	2	25,0	1	1	0	0	0
	<i>Джангар</i>	1985	Николаева Н.А.	22	3	13,64	1	0	0	2	0
14	<i>Ергенинский</i>	1981– 1982	Шилов В.П.	26	11		7	0	0	1	3
15	<i>Ики-Орва</i>	1981	Шилов В. П.	8	3	37,5	2	1	0	0	0
16	<i>Иджил-1.2</i>	1981	Шилов В. П.	2	2	100,0	2	0	0	0	0
	<i>Иджил. Ю-в группа</i>	1984	Васюткин С. М.	11	1	9,09	0	0	0	1	0
17	<i>Дюкер</i>	1982	Цуцкин Е. В.	44	25	56,82	5	11	8	1	0
18	<i>Эвдык-1</i>	1982	Цуцкин Е. В.	56	31	55,36	22	6	2	1	0
	<i>Эвдык-1</i>	1983	Шилов В. П.	41	30	73,17	20	3	3	4	0
	<i>Эвдык</i>	1984	Николаева Н. А.	3	8	100,0	2	0	0	6	0
19	<i>Чкаловский</i>	1984	Николаева Н. А.	35	7	20,0	1	4	1	1	0
20	<i>Шолмун Толга</i>	1984	Николаева Н. А.	14	6	42,86	3	2	0	1	0
21	<i>Хопр Толга</i>	1984	Николаева Н. А.	22	1	4,55	1	0	0	0	0
22	<i>Кююн Толга</i>	1985	Николаева Н. А.	12	5	41,67	1	1	1	2	0
23	<i>Кююн Толга</i>	1985	Николаева Н. А.	9	1	11,11	0	1	0	0	0
24	<i>Улан Толга</i>	1985	Николаева Н. А.	37	10	27,03	4	4	2	0	0
25	<i>Ики-Зегиста</i>	1986	Гаврилина Л. М.	29	15	51,72	7	3	5	0	0

26	Чограйский-3	1986	Гаврилина Л. М. Шишлина Н.И.	14	2	14,29	2	0	0	0	0	0
	Чограйский-4	1986	Гаврилина Л. М. Шишлина Н.И.	17	8	47,06	7	0	0	0	1	0
	Чограйский-5	1986	Гаврилина Л. М. Шишлина Н. И.	55	27	49,09	18	0	1	8	0	0
	Чограйский-6	1986	Николаева Н. А.	32	1	3,12	1	0	0	0	0	0
	Чограйский-7	1986	Николаева Н. А.	6	0	0	0	0	0	0	0	0
	Чограйский-8	1986	Николаева Н. А.	8	2	25,0	2	0	0	0	0	0
27	Яшкуль-1.2	1986	Николаева Н. А.	58	2	3,45	0	0	0	2	0	0
28	Цаган-Усн-3	1987	Арапов С. В.	34	17	50,0	8	7	0	2	0	0
	Цаган-Усн-4	1987	Арапов С. В.	6	4	66,66	1	0	0	3	0	0
	Цаган-Усн-5	1987	Лапа Н. Л.	17	10	58,82	6	1	1	2	0	0
	Цаган-Усн-7	1987	Арапов С. В.	2	3	100,0	0	0	1	2	0	0
	Цаган-Усн-8	1987	Шишлина Н. И.	19	10	52,63	1	6	2	1	0	0
	Цаган-Усн-9	1987	Шишлина Н. И.	2	1	50,0	0	0	1	0	0	0
	Цаган-Усн-10	1987	Шишлина Н. И.	5	3	60,0	3	0	0	0	0	0
	Цаган-Усн-11	1987	Арапов С. В.	2	1	50,0	0	1	0	0	0	0
29	КВЧ-53	1988	Шишлина Н. И.	11	4	36,36	0	1	3	0	0	0
	КВЧ-56	1988	Шишлина Н. И.	36	19	52,77	12	1	2	4	0	0
	КВЧ-56	1988	Серебряков С. Ф.	13	4	30,77	3	0	0	1	0	0

	КВЧ-56	1988	Шилов В. П.	17	3	17,65	3	0	0	0	0	0
	КВЧ-56	1988	Романов Ю. Г.	48	19	39,58	10	0	9	0	0	0
	КВЧ-37	1988	Шнайдштейн Е. В.	34	26	76,47	7	14	5	0	0	0
	КВЧ-37, Яшкуль	1988	Лапа Н. Л.	7	2	28,57	2	0	0	0	0	0
	КВЧ, Джангар-1.2	1988	Мышкин В. Н	28	5	17,86	2	3	0	0	0	0
	КВЧ, Джангар-3.	1988	Кузнецов П. Ф.	5	3	60,0	0	0	3	0	0	0
30	Цаган-Нур	1989	Мычко Н. В.	9	12	100,0	8	2	1	1	0	0
	Цаган-Нур	1989	Очир-Горяева М. А.	16	12	75,0	8	0	0	0	4	0
31	Улан-Зуха	1990	Очир-Горяева М. А.	17	13	76,47	10	2	1	0	0	0
	Улан-Зуха-1	1990	Очир-Горяева М. А.	2	2	100,0	2	0	0	0	0	0
32	Хар-Зуха	1991	Очир-Горяева М. А.	33	18	54,55	8	3	1	5	1	1
	Хар-Зуха-2	1991	Очир-Горяева М. А.	17	9	52,94	5	2	1	1	0	0
33	Овата-1	1992	Арапов С.В.	5	2	40,0	0	0	2	0	0	0
	Овата-2	1992	Арапов С. В.	1	1	100,0	0	0	1	0	0	0

	<i>Овата-3</i>	1992	Арапов С. В.	3	2	66,66	0	0	2	0	0
	<i>Овата-4</i>	1992	Арапов С. В.	3	3	100,0	0	0	2	1	0
	<i>Овата-5</i>	1992	Арапов С. В.	4	2	50,0	1	0	0	1	0
34	<i>Садовский-5.</i>	1993	Шишлина Н. И.	9	5	55,55	0	3	2	0	0
35	<i>Зунда Толга</i>	1994	Шишлина Н. И.	18	8	44,44	6	1	0	1	0
	<i>Зунда Толга</i>	1995	Шишлина Н. И.	16	8	50,0	7	0	0	1	0
36	<i>Промзона</i>	1997	Очир-Горяева М. А.	3	1	33,33	0	0	1	0	0
37	<i>Колтан-Нур-1.2</i>	1998	Лопатин В. А.	5	5	100,0	0	0	5	0	0
38	<i>Черноземель-ский-1</i>	1998	Лопатин В. А.	46	33	71,74	15	5	9	4	0
39	<i>Малые Дербеты-1</i>	2007	Верещагин В. В.	14	9	64,29	0	0	9	0	0
	<i>Малые Дербеты-2</i>	2007	Очир-Горяева М. А.	18	15	83,33	11	1	3	0	0
40	<i>Садовое-1.2</i>	2007	Очир-Горяева М. А.	3	3	100,0	0	3	0	0	0
	ВСЕГО			2 373	778		317	219	131	104	6

По представительности антропологических единиц по отношению к раскопанным погребениям нами выделено четыре группы: 1) с сохранностью 100–80 %; 2) с сохранностью 79–50 % до 62; 3) с сохранностью 49–30 %; 4) с сохранностью менее 29 %.

Первая группа. Полностью или почти сохранившийся кра­ниологический материал в погребениях таких курганных групп, как: *Заханата* (1976), *Зергента-1.2* (1978), *Ут* (1978), *Джангар-1* (1981), *Иджил-1.2* (1981), *Эвдык-1* (1982–1983), *Цаган-Усн-7* (1987), *Цаган-Нур* (1989), *Улан-Зуха-1* (1990), *Овата-2.4* (1992), *Колтан-Нур* (1998), *Малые Дербеты-2* (2007), *Садовое-1.2* (2007).

Вторая группа. В среднем 79–50 % от количества раскопанных погребений сохранились в могильниках: *Купцын Толга* (1974), *Гува-2* (1975), *Кермен Толга* (1977, 1986), *Большой Царын-1а.2* (1977), *Хар Нуурин Толга* (1980), *Дюкер* (1982), *Эвдык-1* (1982–1983), *Ики-Зегиста* (1986), *Цаган-Усн-3.4.5.8.9.10.11* (1987), *Канал Волга-Чограй-56* (1988), *Канал Волга-Чограй-37* (1988), *Канал Волга-Чограй*, *Джангар-3* (1988), *Цаган-Нур* (1989), *Улан-Зуха* (1990), *Хар-Зуха 1.2* (1991), *Овата-3.5* (1992), *Садовский-5* (1993), *Зунда Толга* (1995), *Черноземельский* (1998), *Малые Дербеты-1* (2007).

Третья группа. Примерно треть сохранившегося материала (49–30 %) наблюдается в могильниках: *Гува-1* (1975), *Большой Царын* (1977), *Адрык* (1979), *Джангар* (1980–1981), *Ики-Орва* (1981), *Шолмун Толга* (1984), *Кюкн Толга* (1985), *Чограйский-4.5* (1986), *Канал Волга-Чограй-53* (1988), *Канал Волга-Чограй-56* (1988), *Овата-1* (1992), *Зунда Толга* (1994), *Промзона* (1977).

Четвертая группа. Включает в себя в основном очень маленький процент сохранности (1–3 %) — это примерно 1–3 погребения из исследованных курганных групп: *Лола-1* (1961–1963), *Архара* (1962–1963), *Восточный Маныч* (1965–1967), *Кермен Толга* (1968), *Джангар* (1982, 1985), *Иджил*, *Юго-восточная группа* (1984), *Чкаловский* (1984), *Хопр Толга* (1984), *Кююн Толга* (1985), *Улан Толга* (1985), *Чограйский-3.6.8* (1986), *Яшкуль-1.2* (1986), *Канал Волга-Чограй*, *Яшкуль* (1988), *Канал Волга-Чограй*, *Джангар-1.2* (1988). Здесь особо нужно отметить редкие находки из раскопок 1962–1967 гг. (*Лола*, *Архара*, *Восточный Маныч*), сохранившиеся

в нашей коллекции, так как основная часть антропологического материала находится в музеях гг. Москвы и Санкт-Петербурга.

Анализируя представительность антропологических единиц по отношению к раскопанным погребениям, можно сделать предварительный вывод: самой представительной оказалась 2-я группа, содержащая 20 курганных могильников. Таким образом, краниологическая часть коллекции в целом сохранилась в пределах 50–70 % от общего объема исследованных погребений. Это немаловажный факт, учитывая, как хранился антропологический материал в течение всех предыдущих лет.

Краниологический материал поделен на три части, по эпохам, к которым принадлежат погребения, а также в конце таблицы указаны те погребения, датировку которых установить не удалось, и современные погребения, редко встречающиеся в курганных могильниках и относящиеся примерно к XIX–XX вв. [Очир-Горяева 2008: 144]:

– антропологические единицы из погребений эпохи бронзы — 310 ед.;

– антропологические единицы из погребений эпохи раннего железного века — 219 ед.;

– антропологические единицы из погребений эпохи средневековья — 131 ед.;

– антропологические единицы из неопределенных и современных погребений — 103 и 3 ед.

Выводы

В фондохранилище палеоантропологического и археозоологического материалов КалмНЦ РАН взята на учет, описана и сфотографирована краниологическая часть антропологической коллекции, которая насчитывает 1 048 антропологических единиц из 1 035 погребений 45 курганных могильников. Проведенный анализ сохранности краниологического материала по отношению к раскопанным погребениям дал возможность выяснить, что процент сохранности составляет 50–70 % от общего объема исследованных погребений. При подсчете черепов дано понятие

«антропологическая единица»: целый череп или фрагмент черепа, принадлежащий одному человеку, считается антропологической единицей — так же, как и в остеологической части коллекции. Так, при анализе целостности (сохранности) черепов установлено, что целых черепов в коллекции насчитывается 641 ед., а черепов, представленных фрагментами, — 407 ед. В коллекции наряду с черепами взрослых людей хранятся детские в количестве 118 антропологических единиц, что составляет 11,5 % от общего объема краниологического материала. Во многих детских погребениях костный материал представлен только черепами, так как посткраниальный скелет редко сохраняется вследствие низкой минерализации костей. Отдельно рассматривается сохранность костной ткани черепов, в особенности височных костей (а именно слуховых каналов) и зубов-моляров, дающих наилучшие результаты в получении данных генома древнего индивидуума. Уникальная сохранность костной ткани делает привлекательной краниологическую часть коллекции для дальнейших генетических исследований. Таким образом, сохранность (целостность) материала и костной ткани черепов, дополнительные особенности (искусственная деформация, дискретно-варьирующие признаки, патологии и т. д.) делают краниологическую коллекцию интересной в плане дальнейших исследований в области антропологии, генетики и других наук. Проведенная работа является подготовкой к созданию базы данных антропологических материалов и введению в государственный реестр.

Литература

- Бембеева 2020а — *Бембеева Л. А.* Первые шаги по созданию фондохранилища антропологического и археозоологического материала Калмыцкого научного центра РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 29–48. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-29-48
- Бембеева 2020б — *Бембеева Л. А.* Анализ распределения антропологических материалов (кости посткраниального скелета) по курганным группам // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 10–25. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-10-25

- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические погребальные памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-1-17-8-53
- Гиппократ 1994 — *Гиппократ*. О воздухе, водах и местностях // Гиппократ. Избранные книги / пер. с греч. В. И. Руднева; ред., вступ. ст. и примеч. В. П. Карпова [репринт. воспроизвед. изд. 1936 г.]. М.: ТОО «Сварог», 1994. С. 275–307.
- Гохман, Козинцев 1980 — *Гохман И. И., Козинцев А. Г.* Систематическое описание коллекций отдела антропологии МАЭ // Сборник МАЭ XXXVI. Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 182–222.
- Медникова 2001 — *Медникова М. Б.* Трепанация у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.
- Научно-фондовая работа — Научно-фондовая работа [электронный ресурс] // Центральный государственный музей Республики Казахстан. URL: <http://csmrk.kz/index.php/mnu-science-fond-activity> (дата обращения: 08.04.2020)
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: ИД «Герел», 2008. 298 с.
- Перерва, Балабанова, Зубарева 2013 — *Перерва Е. В., Балабанова М. А., Зубарева Е. Г.* Коллекция искусственно-деформированных черепов научно-учебного кабинета-музея антропологии Волгоградского государственного университета. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2013. 116 с.
- Перерва 2011 — *Перерва Е. В.* Патология населения, оставившего диагональные археологические комплексы (по антропологическим материалам из среднесарматских погребений) // Проблемы сарматской археологии и истории: Мат-лы VII Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону–Кагальник, 11–15 мая 2011 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 246 с.
- Шилов 1975 — *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, ЛОИА, 1975. 208 с.

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-204-223

А. Н. Веселовский и научная полемика о генезисе героической эпопеи

Татьяна Владимировна Говенько^{1,2}

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (стр. 1, д. 25А,
ул. Поварская, 121069 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

² Институт филологии Московского педагогического государственного
университета (д. 1/1, ул. Малая Пироговская, 119435, Москва Россий-
ская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-1296-8399. E-mail: govenko@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Говенько Т. В., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется отношение выдающегося русского ученого Александра Николаевича Веселовского (1838–1906) к научной полемике, которая развернулась еще в начале XIX в. вокруг теории происхождения героической эпопеи. *Цель.* По широте научной проблематики и уровню методологии А. Н. Веселовский был признан одним из передовых ученых своего времени как в России, так и за рубежом. Обладая редким кругозором, владея множеством языков, он бесстрашно брался за текстологические эксперименты, умело пользовался инструментарием разных научных школ, непринужденно работал в междисциплинарном пространстве, удивляя коллег яркими, не всегда по достоинству отмеченными гипотезами. В этой статье мы ставим перед собой следующие задачи: выяснить, на каком основании сложилась теория А. Н. Веселовского о происхождении героической эпопеи; узнать, была ли она в дальнейшем усвоена наукой; установить, кто из ученых пришел к аналогичным с ним заключениям; скорректировать восприятие теории А. Н. Веселовского о происхождении эпопеи. *Материалом исследования* послужило научное наследие ученого. *Методы исследования:* текстологический, ретроспективный, метод исто-

рического комментирования. В завершающей части статьи мы делаем *выводы* о том, какое значение имела эта научная дискуссия в попытке раскрыть общие закономерности и какое значение это имело для исторической поэтики А. Н. Веселовского в целом.

Ключевые слова: А. Н. Веселовский, эпос, героическая эпопея, компаративистика, стилистические приемы, мотив, сюжет

Для цитирования: Говенько Т. В. А. Н. Веселовский и научная полемика о генезисе героической эпопеи // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 204–223. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-204-223

UDC 398.22

Alexander N. Veselovsky and Scientific Controversy about Genesis of Heroic Epic

Tatiana V. Govenko^{1,2}

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS (25A/1, Povarskaya St., 121069 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher Associate

² Moscow Pedagogical State University, Institute of Philology (1/1, M. Pirogovskaya St., 119435 Moscow, Russian Federation)

Associate Professor

 0000-0002-1296-8399. E-mail: govenko@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Govenko T. V., 2021

Abstract. *Introduction.* The article analyzes attitudes of the outstanding Russian scholar Alexander N. Veselovsky (1838–1906) towards the scientific controversy to have arisen in the early 19th century around the theory of origin of heroic epic. *Goals.* The breadth of academic expertise and sophisticated methodologies made A. N. Veselovsky a recognized leading scientist of his era both in Russia and worldwide. Distinguished by spacious mind and fluency in multiple languages, he would fearlessly tackle textual experiments, skillfully use tools of different scientific schools, spontaneously work in interdisciplinary space to surprise colleagues with bright though not always appreciated hypotheses. So, the article aims at revealing foundations of A. N. Veselovsky's

theory of origin of heroic epic, clarifying whether it was further accepted by scientific community, specifying which scientists came to similar conclusions, and adjusting the perception of A. N. Veselovsky's theory. *Materials and methods.* The study provides an insight into scientific heritage of the scholar with the aid of textual, retrospective methods, and that of historical comments. *Results.* The article concludes as to the significance of that scientific discussion in an attempt to identify common patterns and its place in A. N. Veselovsky's historical poetics in general.

Keywords: A. N. Veselovsky, epic poem, heroic epic, comparative literature, stylistic techniques, motif, plot

For citation: Govenko T. V. Alexander N. Veselovsky and Scientific Controversy about Genesis of Heroic Epic. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 3. Pp. 204–223. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-204-223

Введение

В XIX столетии в филологической науке остро встал вопрос о генезисе эпоса. Большинство ученых руководствовалось эстетическими взглядами и личными ощущениями, доказывая, что эпос — это корпус песенных сюжетов, свод которых был осуществлен образованным «систематизатором» и «интерполятором». В науке эта гипотеза получила название «теории редакционного свода». В разные периоды ее последователями были: Ф. Вольф, К. Лахман, К. Мюлленгоф, Г. Парис, Л. Готье, К. Фориель, П. Мейер и другие. Однако поскольку далеко не каждая редакция эпического памятника дает связанное изложение, а многие эпизоды остаются без всякой прагматической связи — вопрос о происхождении эпоса оставался открытым.

В конце XIX – начале XX вв. на первый план выдвинулись ученые-позитивисты. Подвергнув жесткой критике умозрительность «романтической методик», они предложили собственные подходы к анализу эпических текстов (надо отметить, что в первую очередь речь шла все же о средневековых письменных источниках). На основе систематизации и классификации разных редакций были выдвинуты: теория об эволюционном движении эпоса от «малой формы» к «большой форме» (А. Хольцман, Е. Кеттнер,

Ф. Панцер, К. Бартч, Ф. Царнке, Х. Штейнталь); теория так называемого «основного ядра» — фабулы, к которой могли присоединиться авантюры (ситуационные песни), произвольные по сходству или смежности общей тематики эпизоды (Дж. Грот, Е. Иессен, В. Кер, П. М. Леонтьев); теория унитаризма или концептуального осмысления неким автором всех известных ему источников и сведение их к одной идее (Г.-В. Нич, Г. Кёхли, Ф. Ф. Соколов); аристократическая теория — отведения ведущей роли в формировании эпопеи представителям высшего общества, одаренных творческим талантом (В. Вильманс, К. Беккер, М. Е. Халанский, Ж. Бедье, Э. Ланг).

Выражая свое отношение к этой научной полемике, А. Н. Веселовский писал: «западные ученые, которые очень мало знакомы с живой эпической традицией, невольно переносят на вопросы народной поэзии в древнем периоде вопросы критики чисто книжной. Этим грешит вся критика „Нибелунгов“ и отчасти критика Гомеровского эпоса» [Веселовский 1940: 622]. Так будет до тех пор, считал ученый, пока фольклор не перестанут воспринимать объектом социологии, антропологии, этнографии, а предание — называть «пережиточным предрассудком» «отсталых народов» и «некультурных классов» [Lang 1884: 11], «gesunkenes Kulturgut» («сниженные культурные ценности»), перешедшими от высших слоев к низшим; относиться к народному творчеству как к тому, что «в значительной степени соответствует первобытным народам» [Schmidt 1906: 138]. По мнению А. Н. Веселовского, филологи допускали методологические ошибки, когда осознанно не принимали во внимание генетические связи устной и письменной культуры, отрицали их диалектическое единство и двухсторонний трансфер, игнорировали сказительство как творческий вид деятельности, предполагающий художественное мастерство, личную инициативу в импровизации, профессиональное наставничество, не вникали в особенности развития эпического стиля и т. д. Именно по этой причине «после многолетней распри» [Веселовский (1886) 2010: 216], как считал А. Н. Веселовский, им удалось выяснить «лишь то одно, что где-то и когда-то за горизонтами

„Илиады“ и „Нибелунгов“ существовали прежние песни-былины того же содержания» [Веселовский (1886) 2010: 216–217], но по каким-то причинам не сохранились в своем первоизданном виде.

Исследованием эпоса сам А. Н. Веселовский занимался более тридцати лет, встраивая его в моделирование генезиса и эволюции исторической поэтики. Своими результатами ученый делился в фундаментальных сравнительно-исторических трудах, мелких заметках, лекциях, критических статьях, рецензиях, конспектах лекций об истории эпоса. Эта разбросанность осложняет наше восприятие его концепции и методологии, однако при комплексном изучении наследия А. Н. Веселовского — картина складывается достаточно ясная. К наиболее значимым трудам ученого об эпосе можно отнести: этюды «Южнорусских былин» (1881, 1884); статью-рецензию «Новые исследования о французском эпосе» (1885); лекции «Эпика и песенные своды. Вопрос об образовании эпопей. Вопрос о сербских песнях косовского цикла» (1884–1885) и «Общие вопросы эпоса, рассмотренные в предыдущих лекциях. Вопрос о гомеровских поэмах» (1884–1885); «История или теория романа? Вместо предисловия» к первому выпуску исследования «Из истории романа и повести» (1886); статьи «Из истории эпитета» (1895) и «Эпические повторения, как хронологический момент» (1897), а также незавершенные экскурсы «Поэтика сюжетов» и «Определение поэзии».

Наблюдения над русскими былинами, болгарскими, сербскими и греческими героическими песнями еще в самом начале научной карьеры убедили А. Н. Веселовского в том, что сказитель всегда старался исчерпать сюжетную линию и довести события до развязки. Однако здесь надо иметь в виду, отмечал он, что осознание сказителем и его аудиторией единства и границ текста народнопоэтического произведения специфически отличается от того, что создано автором. Эта мысль дала А. Н. Веселовскому повод допустить, что критерии изучения генезиса эпопеи должны складываться из категорий другого ряда: истории мысли и поэтического стиля. Отметив, что «язык всякого поэта создается в известной среде, что материал для него уже готов в древнейшей

истории и в целом ряде влияний, которые он мог испытать» [Веселовский (1884) 1940: 449], А. Н. Веселовский сместил вектор научного анализа в область синтагматических и парадигматических связей между языковыми элементами в художественном тексте и стал искать причины их перестройки и трансформации в контексте сменяющихся социально-экономических и историко-психологических отношений.

Эпопея как объект изучения

Обратившись к изучению когнитивно-знаковой системы, каждый поэтический элемент приобрел для А. Н. Веселовского большое значение на предмет основания и условий его смыслопорождения. Положив в основу своего метода принцип структурного сюжетосложения, ученый задался целью выяснить, что предшествовало «восприятию формальных элементов представлений, которые берутся за целое, становясь его символическим выражением» [Веселовский (1959) 2006: 143].

Наряду со многими другими учеными (К. В. Мюлленгофом, Х. Штейнталем, Я. Вакернагелем, Й. Л. Уландом, Э. Г. Гейером, В. Шерером, К. Барчем) отличительным признаком мифа А. Н. Веселовский называл синкретизм, подчеркивая, что суть его не в смешении, а в отсутствии различий между понятиями. В работе 1898 г. «Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля» А. Н. Веселовский уточнял: «Человек усваивает образы внешнего мира в формах своего самосознания; тем более человек первобытный, *не выработавший еще привычки отвлеченного, необразного мышления.* <...> Это мирозерцание мы назовем анимистическим; в приложении к поэтическому стилю, и не к нему одному, вернее будет говорить о *параллелизме*. Дело идет *не об отождествлении* человеческой жизни с природной и *не о сравнении*, предполагающем сознание раздельности сравниваемых предметов, а о *сопоставлении по признаку действия, движения*: дерево хилится, девушка кланяется — так в малорусской песне» [Веселовский (1898) 2006: 417]. Говоря иначе, на этом первоначальном этапе «недифференцированного человеческого

сознания» [Веселовский (1887) 1938: 220] с его партиципацией и синтагматическим планом речи, в отсутствии логического мышления и линейного понимания времени, структура текста могла соответствовать лишь «образному одночленному схематизму» [Веселовский (1913) 2006: 538] и, соответственно, разрастаться за счет повтора, дублирования, подставления аналогичных событий, «приращения» похожих встреч на пути героя, преумножения операционно-однотипных задач и т. д. К аналогичному выводу пришла и современная исследовательница И. Ф. Амроян. В труде «Типология цепеведных структур» (2000) она убедительно доказала, что «сюжетно-композиционные нанизывания» [Амроян 2000: 48] восходят к архаической модели сознания и речи, являясь одним из самых древних способов организации текста.

Первичные впечатления и непосредственные знания об окружающем мире, вынесенные в проекцию воображения, произвели «богатство языка и натуралистического мифа» [Веселовский (1868) 1938: 10], — утверждал А. Н. Веселовский вслед за В. Гумбольдтом. Его элементарные субъектно-предикативные схемы с условно-символическим значением, выполняющие текстопорождающую функцию, ученый назвал мотивом и отделил их от сюжета. Чтобы мотив-вымысел перерос в сюжет-замысел или, как его еще называл ученый, — *в анализ*, должны пройти века. Тогда только «одна тема будет стоять за другую» [Веселовский (1898) 2006: 437], «нарастать новым содержанием, общими местами, эпизодическими чертами и оборотами» [Веселовский (1898) 2006: 464], не просто описывая события, но излагая некую точку зрения на их причину и следствия.

Теория А. Н. Веселовского о генезисе первоначальных нарративных форм была построена им на эволюции языка-мифа и инициировала совершенно иной взгляд на происхождение эпоса. Объединив семантический и структурный аспекты, ученый одним из первых вывел изучение повествовательных форм на уровень комбинаторики и высказался о том, что текст, который возникает в результате художественно-логической деятельности, опирается на систему исходных формул, но соединяет их уже по иным, пара-

дигматическим, законам. Поэтому для него так важна была каталогизация поэтических формул и символов, к которой он постоянно стремился, чтобы наглядно продемонстрировать и оценить, как они функционируют в тексте.

В обширной рецензии на «Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским» (1880) А. Н. Веселовский писал: «Древняя песня жила поэзией символа» [Веселовский (1880) 2013: 582]. Ее ранние немногочисленные образцы отличаются простым складом. Особенности стиля: «эпическая рамка-завязка лирического развития, принцип диалогизма и преобладание паратаксы над синтаксическим соподчинением; известные излюбленные запевы, вращающиеся в кругу постоянных образов и сравнений; повторяемость оборотов, захваты из одного стиха в другой, из одной строфы в следующую, любовь к припеву и т. д.» [Веселовский (1886) 2010: 217]. До разработки поэтического сюжета «народно-песельная форма» дорастала постепенно, становясь «синтаксически-сплоченной» за счет личного сознания, которое «выходило из границ традиционного материала параллелей к новым сближениям, к новому пониманию образов и виртуальности описаний» [Веселовский (1898) 2006: 486], открывая доступ новым смыслам и чувствам, по новому комбинируя старое. На этом этапе «певец уже свободен выбором, но еще связан его материалом» [Веселовский (1880) 2013: 582]. Отрыв формулы от контекста превращал ее в топик. Например, когда характерный в начале песни параллелизм пейзажа и психических ощущений поется уже вдали от мифологического натурализма. И чем неестественнее песня распоряжалась им, тем ближе она была к новой условности и выразительности. «На очереди личное творчество, — считал А. Н. Веселовский, — которое может сбросить с себя и эти последние оковы. <...> Это определяет органическую задачу личного поэта; в этом смысле Шевченко был личным продолжателем песни, над созданием которой трудился целый народ и его отдельные представители» [Веселовский (1880) 2013: 582].

Эпос — «не истечение мифа, а новая формация» [Веселовский (1999) 2010: 516], не раз подчеркивал А. Н. Веселовский. Во

всех своих аспектах она коррелирует не с первым впечатлением, а с памятью. Тот, кто хочет изучить результаты этой вековой работы, должен 1) познакомиться «не столько с политической, сколько с *народной*, общественной историей» [Веселовский (1887) 1938: 269] и 2) учитывать, что эпос — это «своего рода исторический суд» [Веселовский 1975: 299]. Личного вымысла здесь быть не могло, поскольку эпический мир воспринимался его носителями как далекий, но действительно существующий, имеющий самое непосредственное отношение к историческому прошлому народа. Его наделяли всеми признаками мира реального, земного: государственное устройство, социальная иерархия, враги, пиры, семья, дом и т. д., — все было в нем понятным и узнаваемым. Опыт мифа в моделировании был чрезвычайно важен эпосу и выступал по отношению к нему как некая метаструктура: «сходство эпических и мифических, и, добавим, сказочных схем ничуть не указывает само по себе на направление генезиса, на превращение богов в героев и богатырей и далее в сказочных царевичей и Иванов-дураков, — писал А. Н. Веселовский. — <...> В этом круговороте устойчиво лишь мало определенное: *одни и те же повествовательные схемы*, провожающие нас на всем протяжении развития, от мифа до сказки или наоборот, *и постоянно действующая сила фантазии, пластической или комбинирующей*» [Веселовский 1885: 244]. Мифопоэтическая образность, наряду с архетипами личного и коллективного бессознательного, оставалась в эпосе с «полным значением, человечески суггестивным» [Веселовский (1898) 2006: 421]. Однако на онтологическом, антропологическом и идеологическом уровнях эпос преодолевал миф, вставал по отношению к нему в оппозицию.

Посвятив ряд сравнительно-исторических исследований южнорусским былинам, французским, византийским, германским, болгарским, сербским и другим эпическим памятникам в соотношении с историческими и этнографическими сведениями, А. Н. Веселовский сделал вывод, что вся энергия эпоса сосредоточена на стремлении не утратить воспоминание о выдающейся личности. Но враг памяти не время, а другие воспоминания: каж-

дое новое событие требует образования новых связей. Более того, при переходе впечатления к воспоминанию подключается воображение. Эпическая личность становится столь же условной, как эпическое время, писал А. Н. Веселовский, и «чем *далее* образ или ассоциация образов удерживается в предании человечества, тем более мы вправе заключать об их *эстетичности*» [Веселовский (1913) 2006: 619]), потому что в итоге от личности остается всего лишь «тот *идеальный образ*, которым известное происшествие или героическая личность отразились в народном сознании» [Веселовский 1872: 909]. И поскольку по наследству от мифа эпико-поэтическая система получила «безусловное значение аксиомы» [Веселовский (1999) 2010: 507], в эпосе приобретает ценность именно «*историческая вероятность*» [Веселовский (1959) 2006: 128]. «Если б испанцу XIII–XIV веков кто-нибудь передал вполне достоверный факт об „историческом Сиде“ и этот факт шел вразрез с укоренившимся в нем песенным представлением о народном герое Кастилии, нет сомнения, что он отринул бы рассказ, не укладывавшийся в его *идеальный образ*, и поэтический Сид одержал бы в нем верх над Сидом истории» [Веселовский (1959) 2006: 127], — писал А. Н. Веселовский.

Позже М. М. Бахтин в работе «Эпос и роман» (1970) высказал аналогичное мнение о том, что прошлое в эпосе приобретает особое аксиологическое значение: «Эпическое прошлое, отгороженное непроницаемой гранью от последующих времен, сохраняется и раскрывается только в форме национального предания. <...> Эпический мир абсолютного прошлого по самой природе своей недоступен личному опыту и не допускает индивидуально-личной точки зрения и оценки. <...> Эпический мир завершен сплошь и до конца не только как реальное событие отдаленного прошлого, но и в своем смысле и своей ценности: его нельзя ни изменить, ни переосмыслить, ни переоценить. Он готов, завершен и неизменен и как реальный факт, и как смысл, и как ценность» [Бахтин 2000: 208].

Итак, абсолютное прошлое эпоса является его ценностной категорией. Для эпического мировоззрения «начало», «предок», «было раньше» и т. п. — не чисто временные, а ценностно-вре-

менные категории предания, которые реализуются как в отношении людей, так и в отношении всех остальных явлений эпического мира.

В своих трудах А. Н. Веселовский называл несколько причин, когда эпическое мирозерцание утрачивает свою устойчивость: 1) социум теряет «связь с прошлым, с его поэтической идеализацией» [Веселовский (1886) 2010: 584], 2) «расторглась цельность общественного строя» [Веселовский (1999) 2010: 508]; 3) «личность приносит с собой скепсис и разнообразие понимания» [Веселовский (1999) 2010: 508], удаляет поэта в его внутренний мир. Каждому пункту ученый уделял особое внимание.

Когда часть нации удалена от участия в политике и правлении, отмечал он, происходит «раздвоение народного сознания» [Веселовский (1999) 2010: 517], из-за этого эпос дифференцируется и перестает быть национальным. «В высших классах слагается литературный стиль эпоса» [Веселовский (1999) 2010: 517], формируется книжный эпос. Внешне он подражает древним формам эпоса, но общенародных интересов уже не отстаивает, «внимание поэта обращено на изображение психических моментов, за счет которого сокращается момент эпического рассказа» [Веселовский (1999) 2010: 518], в содержании доминирует «субъективное понимание исторических и легендарных фактов» [Веселовский (1999) 2010: 514] что, по мнению А. Н. Веселовского, — «в сущности, отрицание эпоса» [Веселовский (1999) 2010: 514]. Низшие классы создают свой — простонародный эпос, который «сохраняется областной памятью» [Веселовский (1999) 2010: 514], питается перепевами старого, окрашиваясь местными представлениями. Оба типа эпоса отличаются друг от друга стилем, способом отражения идеального, речью героев и т. д. Когда впечатления от внешнего мира сужаются еще больше, проходит общенародное верование в некогда сакральные смыслы, «абсолютный художественный принцип» [Веселовский (1999) 2010: 507] эпоса вульгаризируется. И в аристократическом, и в простонародном эпосе его идеалы снижаются до грубого преувеличения, юморизма, шаржа, карикатуры и т. д.

Подчеркнем еще раз, происхождение эпопеи в понимании А. Н. Веселовского — это, прежде всего, результат исторической эволюции, сделавшей возможным переход «от мотива к сюжету». В текстах подлинно-мифологического типа многогеройность, готовность к обобщениям, к остраненному восприятию своей истории и ментальности, к объективному «миросозерцанию предыдущей, эпической эпохи» [Веселовский (1886) 2010: 578] — невозможна в принципе. И хотя «народные эпопеи анонимны, как средневековые соборы» [Веселовский (1894) 2006: 60], — отмечал ученый, — они «не механический спай эпических песен-кантилен, как то полагали многие, а нечто *новое*, отличающее одного автора, его *индивидуальный* подвиг; <...> с ним надо считаться, покинув туманные представления о хоровом, массовом начале, создавшем явление эпопей» [Веселовский (1899) 2006: 239].

Таким образом, важнейшими предпосылками эпопеи А. Н. Веселовский называл:

- смену мифологического ощущения времени эпическим;
 - переход от синкретизма к детерминизму;
 - «акт первого выхода личного творчества из массового» [Веселовский (1999) 2010: 512];
 - богатство эпических песен и их «внутреннее единство, обусловленное единством содержания» [Веселовский (1886) 2010: 578];
 - однозначная реакция всех членов общества на эпопею как на национальное достояние с исключительной ролью «исторической традиции, родовой и народной» [Веселовский (1899) 2006: 237].
- К сущностным признакам эпопеи он относил:
- стремление к идеализации прошлого на фоне всеобщего народного единства и «осознания политически сплотившейся народности, чающей исторических целей» [Веселовский 1975: 239];
 - присутствие личного поэтического акта, но еще не осознание его таковым;
 - наличие «песенного предания с типами, способными изменяться содержательно, согласно с требованиями общественного роста» [Веселовский (1894) 2006: 58];

— тяготение к эпико-драматическому пафосу, трагическому конфликту и его разрешению;

— формирование параллельно устной традиции книжной формы эпоса.

Методы и приемы текстологии и источниковедения, герменевтики и филологического анализа приобрели особую значимость у исследователей следующего поколения. По ряду причин созданная А. Н. Веселовским система, совмещающая в себе и моделирующую, и рецептивную теории поэзии, широкого научного резонанса не получила. Между тем, выводы ученого находили себе подтверждения и получали новые доказательства.

Так, например А. Хойслер, проявивший, как и А. Н. Веселовский, интерес к морфологической структуре эпических форм, в своих работах начала XX в. пришел к аналогичному с ним заключению, что различия между героической песней и эпосом нужно искать не в фабуле, которая остается традиционной, а в стиле повествования и в функциональных связях мотивов. Для героико-мифологической песни, утверждал А. Хойслер, характерна однотипная подача информации: поскольку «эмоциональная» память о событии способна породить лишь описательный текст, то он, соответственно, об обстоятельствах и исключительности героя. Эпос же ориентирован на каузальность и раскрытие сути конфликта. Эту разницу А. Хойслер объяснял так же, как и А. Н. Веселовский, — изменениями в парадигме общественного сознания и, соответственно, в иных способах выражения условной действительности. Причины дискурсивных смещений в область эстетических и аксиологических идеалов оба ученых видели в изменениях экономической, политической и социальной жизни народов.

В своих исследованиях А. Н. Веселовский, и А. Хойслер широко применяли метод реконструкции текстов эпических песен и не обнаружили ни одного случая перехода «малой» формы в «большую» редакционным способом. Этот факт вынуждал их предположить, что эпическим песням, по формальным признакам относящимся к разным формациям, нельзя приписывать генетические связи, так как это противоречит их структурно-функцио-

нальным и семантико-стилистическим особенностям. Однако в то время, как А. Н. Веселовский делал акцент на «единении певца и народа» [Веселовский (1886) 2010: 582], А. Хойслер, будучи приверженцем «аристократической теории», утверждал, что эпопея — это творческий метод «шпильмана эпохи после 1200 года» [Хойслер 1960: 52].

Примерно в 20-е гг. XX в. в науке все чаще стали появляться работы (В. Андерсона, А. Зауера, И. Мейера, Й. Надлера, Р. Печ, А.-М. Эспинозы), в которых предпринимались попытки признать за фольклором право называться словесным искусством. Позиции фольклористов укрепились после публикации в 1929 г. статьи Р. О. Якобсона и П. Г. Богатырева «Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens» («Фольклор как особая форма творчества»), указавших на принципиальные отличия устнопоэтического творчества от письменно-книжного. В 1930-е гг. этот вопрос вызвал дискуссию в советской науке. Главными оппонентами стали В. М. Жирмунский, О. М. Фрейденберг, М. К. Азадовский, И. В. Карнаухова, А. М. Астахова и другие. Компромиссное положение занял Ю. М. Соколов. С одной стороны, он утверждал, что фольклор — процесс социально-значимый и живой, а с другой, продолжал утверждать, что эпопея сформировалась в феодальных кругах и как «культурный продукт» заимствовалась низшими слоями общества.

Если бы в этой полемике принимал участие А. Н. Веселовский, то, скорее всего, он обратил бы внимание на то, что суть полемики необходимо свести к проблеме «народности и простонародности песни — одной из самых важных с точки зрения методики народного творчества» [Веселовский (1886) 2016: 189]. В статье «Новые книги по народной словесности» (1886) ученый писал: балладу с исторической песней связывает «единство типа, свойственного как древнефранцузской песне народного стиля, так вообще и современной, хотя бы например любовной» [Веселовский (1886) 2016: 194]. Изучив этот материал со стороны стиля и приемов, «мы получим приблизительно верное понятие о той народной песне, которая <...> предварила развитие художественной поэзии

и отчасти определила ее формально» [Веселовский (1886) 2016: 203]. К признакам народности А. Н. Веселовский относил «*locus communis*», постоянные эпитеты, типические сравнения, формульность природных зачинов, параллелизм и прочее, что отражает тот тип мышления, который восходит к народно-песенным основам. Конечно, уследить, как, например, любовная лирика выделялась из массово-народной, «трудно при отсутствии древних записей действительно народных песен: современная народная песня, нередко, в свою очередь, воспринявшая литературное влияние, может дать лишь условный критерий» [Веселовский (1886) 2016: 207]. Но что удивительно: как «классическое предание разбудило в народной поэзии первой половины средних веков *осознание поэзии*» [Веселовский (1886) 2016: 206], которого до этого не было, так и анонимная народная песня вызвала осознание особой ценности личного поэтического акта.

В 40-е гг. XX в. немецкий ученый-лингвист Т. Фрингс, изучая основы литературного немецкого языка на текстах германских средневековых письменных памятников, принял сторону эволюционистов и стал доказывать, что героический эпос двигался от «*Kurzepos*» («малые формы эпоса») к «*Großepos*» («большие формы эпоса») и, наконец, в эпоху позднего Средневековья достиг «*riesenhaften Formen*» («колоссальные формы»). Как и А. Н. Веселовский, он признал значение дискурса в этом процессе, связав с ним деятельно-познавательный опыт и статусно-ориентированные ценности человечества. Размышляя о «Песни о Роланде», ученый предположил, что «поскольку Франция раньше и основательнее пережила героические времена, она быстрее сформировала образ христианского воина и его новую этику» [Frings 1971: 266], замешенную на латинских литературных образцах, для которых героико-идеологическая суть предания уже не имела значения. Фантастические, психологические, лирико-сентиментальные мотивы вытеснили героический пафос и в «Песни о Нибелунгах», но по другой причине. Ее носителями были бродячие поэты, которые исполнением зарабатывали себе на жизнь. Выступая одновременно в роли и декламатора,

и интерпретатора старины, шпильманы за авантюрные сюжеты получали больше прибыли, поэтому предпочитали петь об увозе жены и ее возвращении, о сватовстве, о развитии брачной интриги, о побратимстве и кровной мести и т. д. Нет сомнений, убеждал Т. Фрингс, что именно так мотив сватовства стал смыслообразующим в цикле о Нибелунгах: старую песню шпильман увеличил в размере за счет трех других уже готовых повествовательных схем, которые он искусно связал. «Сватовство Зигфрида к Кримхильде он поставил в начало по причине слабой подготовки; в середине использовал древнюю хорошо отработанную меровингскую фэбулу о воинственной деде и сказочном герое; в завершении применил еще один древний мотив — смерть на охоте» [Frings 1971: 303]. На фоне новых феодальных идеалов сказочный мир с волшебниками и сокровищами, с деушкой-воином раннего миннезанга выглядел слишком традиционно, но шпильман был еще не в состоянии сменить эту старую этику новой, как это сделал впоследствии придворный поэт. И на этот путь, полагал ученый, ушло не менее 700 лет.

О «малых» и «больших» эпических формах в статье «Эпос в мировой литературе» (2015) размышляет в свою очередь и современный эпосовед С. Ю. Неклюдов. Как и А. Н. Веселовский, он берет курс на жанрово-композиционный, стадияльно-типологический и нравственно-эстетический аспекты изучения этого вопроса и приходит к следующим выводам: «малые» и «большие» формы отличаются друг от друга не столько размером, сколько *событийным* охватом повествования, «произведение „малого эпоса“ сплошь и рядом оказывается „одноходовым“ (завершенный эпизод соответствует одному сюжетному „ходу“ повествования)» [Неклюдов 2015: 8], способным развиться лишь в «линейную» или «концентрическую» циклизацию. Это, как правило, жизнеописание богатыря или «одноходовые» песни без сквозного сюжета, действия которых сосредоточены вокруг одного места, времени или героя. Механизм формирования «большой» эпической формы принципиально другой, подчеркивает С. Ю. Неклюдов. Должна появиться потребность в дополнительной разработке темы, от

чего удваивается количество персонажей, разрастается экспозиция, в «сюжетных мотивировках, которые при всем своем вспомогательном характере способны разворачиваться в самостоятельное повествование» [Неклюдов 2015: 10]. Располагая значительно большим материалом, чем А. Н. Веселовский, С. Ю. Неклюдов вместе с тем приходит к похожим с ним выводам: «большие» и «малые» формы «могут появляться и исчезать, не эволюционируя и не превращаясь друг в друга, хотя проблема их соотносительной типологической архаичности все-таки остается» [Неклюдов 2015: 9]. В поле этого вопроса исследователь вносит еще одну проблему: выяснить, при каких обстоятельствах сказитель был готов к импровизации, а общество — к тому, чтобы оценить качество разработанной им темы.

Заключение

В статье «О введении в историческую поэтику» (1894) А. Н. Веселовский поставил как перед собой, так и перед следующими поколениями ученых вполне конкретные задачи: разобраться в причинах возникновения художественной словесности, выявить исторические условия, благоприятные для поэтического творчества, найти основания для установления связей между общественными идеалами и художественными, обнаружить переменные и устойчиво-закономерные признаки концептоформ, выработать критерии научного анализа. Привязав историю поэзии к эволюции сознания, ученый акцентировал внимание на ее коммуникативной функции, из чего вполне логично вытекали выводы о значимости контекста и интертекста, структурности, когнитивности и релятивности.

Чтобы заменить «ходячие „теории поэзии“ чем-нибудь более новым и цельным» [Веселовский (1894) 2006: 83], А. Н. Веселовский рекомендовал изучать эпопею не только с точки зрения формальных показателей, как это делала немецкая филология, и не сосредоточившись на одном лишь анализе личностного творчества, как это делала французская и итальянская филология, и не с позиции одной лишь эволюции, как это делала английская фило-

логия, а именно как исторический процесс, «совершающийся в постоянной смене спроса и предложения, личного творчества и восприятия масс, и в этой смене вырабатывающий свою законность» [Веселовский (1894) 2006: 83].

Литература

- Амроян 2000 — Амроян И. Ф. Типология цепевидных структур. Тольятти: МАБИБД, 2000. 122 с.
- Бахтин 2000 — Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) (1970) // М. М. Бахтин. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. С. 194–232.
- Веселовский 1872 — Веселовский А. Н. Две Варшавские диссертации // Вестник Европы. 1872. Т. 4. № 8. С. 902–918.
- Веселовский 1940 — Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и прим. В. М. Жирмунского. Л.: Худ. лит., 1940. 648 с.
- Веселовский 1975 — Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса / публ. В. М. Гацака // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 287–319.
- Веселовский (1868) 1938 — Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868) // Собрание сочинений А. Н. Веселовского. Т. XVI. М.; Л.: АН СССР, 1938. С. 1–82.
- Веселовский (1880) 2013 — Веселовский А. Н. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом, юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским, 7 томов (1880) // Веселовский А. Н. Избранное: Эпические и обрядовые традиции / сост. тома, прим., археограф. работа, предисл. Т. В. Говенько. М.: Полит. энциклопедия, 2013. С. 527–594.
- Веселовский (1884) 1940 — Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса (1884) // Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и прим. В. М. Жирмунского. Л.: Худ. лит., 1940. С. 446–492.
- Веселовский (1885) — Веселовский А. Н. Новые исследования о французском эпосе // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. ССXXXVIII. Апрель. С. 239–285.
- Веселовский (1886) 2010 — Веселовский А. Н. История или теория романа? Вместо предисловия (1886) // Веселовский А. Н. Избранное: На пути к исторической поэтике / сост. тома, авт. послесловия и коммент. И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 577–602.

- Веселовский (1886) 2016 — *Веселовский А. Н.* Новые книги по народной словесности (1886) // Веселовский А. Н. Избранное: Критические статьи и заметки / сост., авт. прим. и послесловия Т. В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 188–255.
- Веселовский (1887) 1938 — *Веселовский А. Н.* Лорренские сказки (1887) // Собрание сочинений А. Н. Веселовского. Т. XVI. М.; Л.: АН СССР, 1938. С. 212–230.
- Веселовский (1894) 2006 — *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы (1894) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 55–80.
- Веселовский (1898) 2006 — *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля (1898) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 417–508.
- Веселовский (1899) 2006 — *Веселовский А. Н.* Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов (1899) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 173–304.
- Веселовский (1913) 2006 — *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжетов (1913) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 535–652.
- Веселовский (1959) 2006 — *Веселовский А. Н.* Определение поэзии (1959) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 81–170.
- Веселовский (1999) 2010 — *Веселовский А. Н.* Эпос (Из авторского конспекта лекционных курсов 1881–1882 и 1884–1885 гг.) (1999) // Веселовский А. Н. Избранное: На пути к исторической поэтике / сост. тома, авт. послесл. и коммент. И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 507–520.
- Неклюдов 2015 — *Неклюдов С. Ю.* Эпос в мировой литературе // ШАГИ. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. 2015. Т. 1. № 2. С. 7–18.
- Хойслер 1960 — *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / под ред. В. М. Жирмунского и Н. А. Сигал. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 446 с.

- Frings 1971 — *Frings Th.* Gesammelte Schrifte // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle (Saale): M. Niemeyer Verl., 1971. Bd. 91. 559 s.
- Lang 1884 — *Lang A.* Custom and myth. London: Longmans, Green and Co., 1884. 312 p.
- Schmidt 1906 — *Schmidt P. W.* Die moderne Ethnologie, ihr Ursprung, ihre Natur, ihre Ziele // *Anthropos*. 1906. Bd. I. Pp. 136–163, 318–388, 592–644, 950–997. Edição francesa: «L’Ethnologie moderne».

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-224-237

О сюжетосложении «Песни о том, как богдо Джангар мангаса Уту Цагана покорил» и «Песни о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил» Малодербетовского цикла эпоса «Джангар»

*Байрта Барбаевна Манджиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Манджиева Б. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению сюжетосложения «Песни о том, как богдо Джангар мангаса Уту Цагана покорил» («Ут Цаган маңһсиг богд Жаңһр дөрэцүлгән бөлг») и «Песни о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил» («Күрл Эрднь маңһс хааг богд Жаңһр дөрэцүлгән бөлг») Малодербетовского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» в ранней записи 1862 г. *Материалом исследования* являются оригинальные тексты песен Малодербетовского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» на ойратской письменности *тодо бичг* («ясное письмо»), записанные в 1862 г., хранящиеся в рукописном отделе фонда библиотеки Санкт-Петербургского университета под названием «Джангара (список М[ало]дербетовского улуса)». *Цель* статьи — рассмотрение вопросов сюжетосложения ранних песен «Джангара» с применением описательного и сравнительного методов. *Результаты.* Рассмотрение сюжетов песен Малодербетовского цикла показало, что эпические поэмы взаимосвязаны между собой и располагаются в определенной последовательности. Комплекс мотивов, взаимосвязанных между собой, образует сюжет, который строится на конфликте (в первой песне «Уту Цаган» завязкой служит ультиматум врага, во второй песне

«Кюрюл Эрдэни» — угон табуна). Сюжеты песен о поединках богатырей бумбайской державы представляют собой взаимосвязанную цепочку, состоящую из отдельных эпизодов и направленную на раскрытие основной идеи эпоса — прославление героического подвига, совершаемого главным героем Джангаром и его богатырями во имя освобождения родной страны от иноземных захватчиков.

Ключевые слова: эпос «Джангар», сюжет, мотив, герой, конфликт, единоробство, богатырь, страна

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. О сюжетосложении «Песни о том, как богдо Джангар мангаса Уту Цагана покорил» и «Песни о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдэни покорил» Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 224–237. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-224-237

UDC 398.22

Baga Dorbet Cycle of the Jangar. The Song of How Bogdo Jangar Defeated Mangas Utu Tsagan and The Song of How Bogdo Jangar Defeated the Mangas Khan Kürül Erdeni: Plot Formation Patterns Revisited

*Bayrta B. Mandzhieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Mandzhieva B. B., 2021

Abstract. *Introduction.* The article studies plot formation patterns in The Song of How Bogdo Jangar Defeated Mangas Utu Tsagan and The Song of How Bogdo Jangar Defeated the Mangas Khan Kūrūl Erdeni included in the Baga Dorbet cycle of the *Jangar* (early narratives recorded in 1862). *Materials.* The work explores original Clear Script texts of the songs kept at the Manuscript Department of St. Petersburg University Library under the title ‘(Handwritten Records of) the Jangar (Made in B[aga] Dorbet District)’. *Goals.* The paper aims at examining the plot formation patterns in early songs of the *Jangar* through the use of descriptive and comparative research methods. *Results.* The analysis of plots shows the epic poems are interrelated and arranged in special sequence. The set of intertwined motifs serves to shape a plot based on some conflict (song one — an ultimatum of the enemy, song two — a horse raid) determining and determined by exposition, climax, and denouement. Plots of combats involving Bumba’s heroes are successive chains of separate episodes aimed at revealing the key idea of the epic — glorification of heroic exploits undertaken by Bogdo Jangar and his warriors for the sake of Motherland’s liberation from hostile invaders.

Keywords: Epic of Jangar, plot, motif, hero, conflict, combat, warrior, country
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Mandzhieva B. B. Baga Dorbet Cycle of the *Jangar*. The Song of How Bogdo Jangar Defeated Mangas Utu Tsagan and The Song of How Bogdo Jangar Defeated the Mangas Khan Kūrūl Erdeni: Plot Formation Patterns Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 224–237. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-224-237

Введение

В эпосоведении рассмотрению проблем сюжетосложения посвящены труды отечественных и зарубежных исследователей: А. Н. Веселовского [Веселовский 1940], В. М. Жирмунского [Жирмунский 1974], Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1968; Мелетинский 1986], М. Перри [Perry 1930], А. Лорда [Лорд 1994], Б. Н. Путилова [Путилов 1975; Путилов 1982; Путилов 1988; Путилов, Неклюдов 2003], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 1984; Неклюдов 2015; Неклюдов 2019а; Неклюдов 2019б], Н. В. Емельянова [Емельянов 1983; Емельянов 1990] и др. Вопро-

сы сюжетосложения песен «Джангара» рассмотрены в работах А. Ш. Кичикова [Кичиков 1976; Кичиков 1992], Э. Б. Овалова [Овалов 1977; Овалов 2004; Овалов 2008], Н. Ц. Биткеева [Биткеев 1990], Т. Г. Борджановой [Борджанова 1990; Борджанова 2004], Н. Б. Пюрвеевой [Пюрвеева 2003], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006], Д. В. Убушиевой [Убушиева 2009; Убушиева 2011], Ц. Б. Селеевой [Селеева 2008; Селеева 2019] и др.

Проблема эпического сюжетосложения в исследованиях Б. Н. Путилова получает характер инвариантной схемы. По мнению ученого, «эпический сюжет может рассматриваться как реализация определенной инвариантной сюжетной темы <...> организация повествования в каждой отдельной песне может быть понята лишь в соотнесенности с кодовой структурой, присущей эпосу как специфическому явлению традиционной культуры и традиционного сознания» [Путилов 1999: 169–170]. Сюжетная структура «может быть подвергнута еще более схематичному обобщению» [Путилов 2003: 196], которая, по определению исследователя, называется «сюжетной темой» и объясняет сходство «в ряде опорных пунктов сюжетного развития, в узловых (а подчас и второстепенных) мотивах» [Путилов 1999: 169].

С. Ю. Неклюдов проблему эпического сюжетообразования рассматривает при посредстве анализа пространства и времени: «Былинный мир воспринимается не столько ‘зримым’, сколько ‘осязаемым’, представление о нем родится в большей мере не из описаний, а из сюжетной динамики, определяющим элементом которой является перемещение героя в пространстве и во времени <...> В плане пространственных противопоставлений каждый locus обладает набором связей, реализация которых определяет динамическую структуру былинного сюжета. Соответственно этому перемещение по былинному миру происходит в некоторой редко нарушаемой последовательности — линейное чередование пространственных зон, прорисовывающее сюжет, не может быть произвольным. В ряде случаев наблюдается тенденция замкнуть круг в исходной точке — привести повествование в то место, откуда оно началось» [Неклюдов 2015: 126].

В. М. Жирмунский отмечает циклический характер эпических произведений: «...в русских былинах киевского цикла, в калмыцкой „Джангариаде“, в средневековом эпосе тюрков-огузов „Китаб и Коркут“ и других эпических монарх (<...> Владимир Красное Солнышко, Джангар, Баюндур-хан и др.) служит идеальным центром, вокруг которого объединяются богатыри — его дружинники или вассалы; но каждый из богатырей, входящих в состав этого объединения, — герой самостоятельных эпических сказаний. Отдельные эпические песни-былины, посвященные той или иной „богатырской поездке“, имеют вполне законченный эпизодический сюжет <...> Сам эпический монарх, воплощая в себе идею народного единства, обычно не играет активной роли в развитии отдельных сюжетов (например, князь Владимир, Баюндур-хан). Но если даже, подобно Карлу Великому или, в особенности, Джангару, он сам является богатырем и имеет обычную героическую биографию (чудесное рождение, первый подвиг, сватовство, отдельные богатырские поездки и т. п.), эта биография не заслоняет собой и не поглощает самостоятельных сказаний о подвигах его боевых товарищей» [Жирмунский 1974: 33–34].

Сюжетосложение песен Малодербетовского цикла

В калмыцком героическом эпосе «Джангар», в частности в Малодербетовском цикле 1862 г., включающем три песни, прослеживается сюжетно-композиционная последовательность.

Согласно «внутреннему сюжетно-структурному единству песен, последовательной связи глав» [Кичиков 1992: 211], песни Малодербетовской трилогии расположены следующим образом:

1. «Ут Цаһан маңһсиг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как *богдо* Джангар мангаса Уту Цагана покорил»);
2. «Күрл Эрднь маңһс хааг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как *богдо* Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил»);
3. «Догһн Шар Гүргү маңһс хааг дуут Улан Шовшур дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как прославленный Улан Шовшур хана мангасов Свирепого Шара Гюргю покорил»).

Песнь «Уту Цаган...» Малодербетовского цикла представляет собой «эпос воинский»: богатырский поединок Хонгора с Шара бирменом, поход богатырей Джангара, решивших прийти на выручку Хонгору, битва Джангара с ханом-антагонистом Уту Цаганом, окончательная победа и клеймение врага. Мотив единоборства является основным сюжетообразующим мотивом. В изучаемой песне, за исключением некоторых архаичных мотивов, отсутствует сказочно-мифологическое ядро.

В этой песне в ответ на ультиматум, предъявленный вражеским посланцем, только Хонгор принимает решение выступить навстречу врагу. В характеристике главного богатыря Бумбы можно отметить, что Хонгор иногда совершает дерзкие поступки. Так, захмелев и требуя назвать богатыря более удалого и сильного, чем он, оскорбляет самого Алтан Чеджи, ясновидца и мудреца. Хонгор пригрозил мудрецу:

— *Эсзааһад өгдэг болх[ла]чн, / Арц Занднуулычн булһлад, / Алтн Чеежэ гих неричн / Таслад оркнав! [— гив.]* ‘Если не сможешь показать-указать, / Арца Зандан гору твою разрушу, / Алтан Чеджи — имя твоё [и род] / Навсегда прерву! [— сказал.]’ [Джангар 2020: 94–95].

После этого богатырь узнает о том, что вражеский Улан Шара бирмен направился в Бумбу, чтобы доставить Хонгора Уту Цагану:

— *Күзүн дунднь / Күмн дааш уга шинжүр зүүһэд, / Көл, һаринь ширлэд, / Көк Галзни сүүлэс уяд, / Көтлэд хэрнэв!» — гижэ йовна* ‘На шею ему такую, / Что никому не поднять, цепь надев, / Ноги и руки ему связав, / К хвосту Кёке Галзана привязав, / К себе уведу! — он говорит’ [Джангар 2020: 94–95].

Услышав эти слова, Хонгор стремительно отправляется навстречу Улан Шара бирмену, чтобы отстоять честь Бумбы.

Гора Цаган является рубежной, пограничной горой, разделяющей две страны. Взобравшись на ее вершину, герой обзревает окрестности и после долгого ожидания видит столб пыли, подня-

тый могучим скакуном. Столб пыли как своеобразная формула в сюжете предвещает появление всадника. Встреча двух противостоящих богатырей переходит в конфликт.

Предвестием единоборства является эмоциональное состояние Хонгора, вызванное яростью к врагу: *Дотадын долан түмн сүрә немэд / Хашиң Көк Галзн күлгән һуйдад, / Улан Шар бирмнә ард орв.* ‘Внутреннее семидесятитысячное воодушевление добавив, / Медлительного Кёке Галзана своего стегая, / За Улан Шара бирменом [Хонгор] погнался’ [Джангар 2020: 100–101]. Сойдясь в схватке, они бьются богатырской плетью (*ээрстин хар товриг*)¹. Поединок плетью продолжается до тех пор, «пока у грозных плетей с шишаком / пластины не оторвались, бились они» [Джангар 2020: 103]. Затем «пока из светлой стали мечей [клинки] / на [клинки] *шорончи* не стали похожи, бились они, / пока из чистой стали мечей [клинки] / на тёмное железо не стали похожи, бились они» [Джангар 2020: 103].

Когда единоборство богатырей, испытавших разные виды оружия, не приводит к результату, начинается борьба: «Прекрасными белыми лбами, / Шесть тысяч раз сшибаясь, бились они, / За божественные головы / Сто тысяч раз хватая друг друга, бились они» [Джангар 2020: 103], но никак не могут они друг друга одолеть. Сцена борьбы выделяется детализацией и продолжительностью.

Грозный враг, обладающий демонической силой, оказывается сильнее, и Хонгор терпит временное поражение. «На шею ему такую, что никому не поднять, / Цепь надев» [Джангар 2020: 107], противник уводит Хонгора в свою страну. Мотив временного поражения героя усиливает драматизм сюжета и способствует введению в действие новых персонажей.

¹ Отличительной чертой данной плети является характер плетения оплетки, схожей с узором нераскрывшейся шишки (*товриг*), оплетка имела пупырчатую, рельефную (*ээрстин*) поверхность. Цветовой эпитет *хар* (черный) в данном контексте усиливает основное качество плети, включая в себя понятие прочности. Товорцак, йелденг (*елдң*) — виды боевой плети-маля, усиленной металлическим шариком на конце ударной части.

Длительность сражения двух противоборствующих сторон изображена с помощью гиперболы:

*Нойн Гумб / Зан тавг хээсн Харан хуйдад, / Арвн долан бийгэр
/ Зун бух дэврэд орв. / Долан сө, долан өдр чавчлдад... ‘Нойон
Гюмбе, / Слоноподобного вороного Хара стегай, / С семнадцатью
богатырями / В левое крыло войска ворвался. / Семь ночей и семь
дней рубились они...’ [Джангар 2020: 122–123].*

Когда могучие богатыри двух враждующих сторон лишаются сил, лицом к лицу сходятся главные противники — ханы. Джангар на своем скакуне Зерде копьем, восстановленным старым кузнецом, побеждает врага Уту Цагана.

Вторая песня Малодербетовского цикла — «Песнь о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил» — определяется А. Ш. Кичиковым как «эпос поиска» [Кичиков 1992: 225]. Завязка сюжета основана на поиске похищенного у Джангара табуна. Богатырская дружина во главе с Джангаром отправляется в поход, чтобы найти табун и угонщика. Джангар, нагнав врага, первым вступает в единоборство, которое длится двенадцать суток. Когда у Джангара силы были на исходе, Хонгор спешит ему на помощь. Но враг обладает магическими способностями и, превратившись в птицу (*Гаруду*), уносит Джангара в верхний мир, в свое ханство. Хонгор и другие богатыри так и не смогли его найти. Как оказалось, могущественный враг Кюрюл Эрдени приковал Джангар-хана к телеге железной цепью и подверг его мучительным пыткам, чтобы тот покорился.

Спасительницей Джангара стала дочь Солнца, младшая *хатун* Кюрюл Эрдени. Магическими заклинаниями она усыпила своего мужа-оборотня и освободила Джангара. С помощью её подсказок Джангар находит волшебного марала, распарывает ему брюхо и извлекает детенышей, в которых заключалась душа врага:

*Долан жулжухаг / Унад ирсн бийнь бэрэд авв, / Зурһаһинь
туумрдэд, / Нег[инь] носна тах дор дурэд, / Күрл Эрднь хааг /*

Хэрү зөрв ‘Семь детёнышей, / Что выпали, подобрал, / Шестерых огню предав, / Одного под набойку [сапога] он сунул. / К Кюрюл Эрдени-хану / Обратно отправился’ [Джангар 2020: 204–205].

После этого начинается схватка двух ханов:

Гарад, Жаңһриг / Хорманаснь авад, / Хөөнэн хөрн жува гүвдэд одв. / Тишгэж гөвдэж йовхла, / Барун носна тах дор / Жулжуха билц тусад одв — / Курл Эрднь / Нээтг улан холнь тас-рад, / Далн холын мод дарад унв, / Далан олн хадрнд мең хайв ‘С тем выйдя, Джангара / За подол [беишета] свхатив, / Оземь стал бить его, без устали бил его / Когда так бил его, [спрятанный] / В правом сапоге, под набойкой, / Детёныш раздавленным оказался. / Кюрюл Эрдени / Крепкая красная аорта оборвалась. / У семидесяти рек росший лес повалив, он упал, / Для бесчисленных рыб морских приманкой он стал’ [Джангар 2020: 204–205].

Уничтожив Кюрюл Эрдени, Джангар с помощью орла (хана *Гаруды*) спускается на землю, приняв облик плешивого и паршивого мальчика (*тарха*) входит в доверие Алтан Гюргю-хана, становится приближенным ханского сына Мёнген Герела, отправляется в путешествие и находит свою страну [Джангар 2020: 220–223].

В сюжетном повествовании о возвращении Джангара на родину повторяется мотив «паршивого героя»: глава Бумбы появляется в ханстве Алтан Гюргю в облике паршивого мальчика.

В калмыцкой фольклористике есть опыт реконструкции эпических сказаний, разработанный Г. И. Михайловым [Михайлов 1971: 153–234]. Основой реконструкции явились сюжеты одиннадцати сказаний, в числе которых известные и популярные у калмыков сказки: «Дамбин Улан», «Хара Кюкюл», «Сайн Сеняка» [Михайлов 1971: 230]. Реконструкция, проведенная Г. И. Михайловым, доказывает родственную связь калмыцкого архаического эпоса с ойратскими улигерами. На отсутствие ряда мотивов в реконструированных текстах акцентировал внимание А. Ш. Кичиков, который увидел «зерно данной проблемы и одновременно основы ее убедительного и плодотворного разрешения <...> в диалектике

взаимоотношений эпического мотива с коренными категориями сюжета, композиции и, наконец, жанра фольклорного произведения» [Кичиков 1992: 15] и разработал типовую композиционную структуру архаического эпоса, включающую двенадцать конструктивных элементов [Кичиков 1992: 12]. Разработанная А. Ш. Кичиковым реконструкция позволяет рассмотреть эпизоды сюжета изучаемых песен в сравнении с жанрообразующими элементами архаического эпоса.

Сюжет о превращении Джангара в лысого паршивого мальчика генетически связан с богатырской сказкой, где «плешивость-паршивость героя как признак прохождения обряда инициации отличала его от других женихов — идентифицировала его как суженого принцессы» [Кичиков 1992: 59]. В героическом эпосе «Джангар», в частности в рассматриваемой песне, герой превращает себя в плешивого мальчика, а своего Зерде — в безгривого рыжего жеребёнка-двухлетку с целью, во-первых, быть неузнанным в чужой стране, во-вторых, разузнать обстановку и собрать сведения о положении в стране Алтан Гюргю-хана. Усыновление героя бездетными стариками, в архаическом эпосе связанное с его активным поиском суженой, в героическом эпосе трансформируется в поиск решения трудновыполнимых задач. Участие плешивого мальчика в игре в *альчики* и последующий выигрыш открывает герою доступ в ханский дворец. Джангар в облике паршивого мальчика приходит к Алтан Гюргю-хану с жалобой на сыновей старшего и младшего тушимелов. Справедливость была восстановлена ханом: плешивый получил свой выигрыш — полные телеги золота, шесть из которых он отдал заступившемуся за него сыну среднего тушимела, а тринадцать — своим старикам.

Следующий эпизод о приключении паршивого героя — уничтожение Онге Цагана, посланца могущественного Шара Мангаса, в страну которого из владений Алтан Гюргю по три тысячи девушек и юношей в год отправляли. В благодарность Алтан Гюргюхан назначает плешивого мальчика ближним слугой своего сына Мёнген Герела. Через некоторое время этот слуга предлагает ханскому сыну отправиться в путешествие, чтобы познать чужие зем-

ли и людей. Так ханский сын Мёнген-Герел и Джангар, принявший облик невзрачного мальчика, оказываются в Бумбе.

В сюжетном повествовании о возвращении Джангара на родину повторяется мотив «паршивого героя»: глава Бумбы, вернувшись домой, не раскрывая себя, появляется в облике невзрачного мальчика и видит на своем троне постаревшую одинокую ханшу Шавдал.

В героическом эпосе «Джангар» известный мировой сюжет «муж на свадьбе жены» не получил дальнейшего развития в связи с тем, что тема героического сватовства со временем потеряла свою актуальность.

Заключение

Таким образом, рассмотрение сюжетов песен Малодербетовского цикла показало, что эпические поэмы взаимосвязаны между собой и располагаются в определенной последовательности. Так, песнь «О победе *богдо* Джангара над мангасом Уту Цаганом» повествует о героической победе Джангара и богатырей Бумбы над грозным ханом Уту Цаганом. В «Песне о победе *богдо* Джангара над ханом мангасов Кюрюл Эрдени» Джангар и Шавдал — родители взрослой дочери, которую они выдали замуж, но у них нет еще сына. Джангар, вернувшись после долгого отсутствия в Бумбу, видит свою ханшу седой старухой. Так в «Джангаре» изображается один из распространенных в сказочной традиции мотивов — мотив бездетности престарелых родителей. В заключительной песне «Шара Гюргю» у Джангара на чужбине рождается наследник — богатырь Шовшур. «Подвиги юного Шовшура говорят о том, что назначением его было возглавить богатырей, объединить их и повести на врага (Шара Гюргю), освободить народ и возродить державу» [Кичиков 1976: 61].

Взаимосвязанные между собой мотивы образуют сюжет, который изначально был построен на конфликте (в первой песне «Уту Цаган» завязкой служит ультиматум врага, во второй песне «Кюрюл Эрдэни» — угон табуна). Сюжеты песен о поединках богатырей бумбайской державы представляют собой взаимосвязан-

ную цепочку, состоящую из отдельных эпизодов и направленную на раскрытие основной идеи эпоса — прославление героического подвига, совершаемого главным героем Джангаром и его богатырями во имя освобождения родной страны от иноземных захватчиков.

Литература

- Биткеев 1990 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.
- Борджанова 1990 — *Борджанова Т. Г.* Сюжетные функции жанров обрядовой поэзии в эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: тезисы докладов и сообщений Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 августа 1990 г.) / отв. ред. Н. Ц. Биткеев. Элиста: КИОН АН СССР, 1990. С. 58–59.
- Борджанова 2004 — *Борджанова Т. Г.* Песня о Шара Гюргю в разновременных записях // «Джангар» в евразийском пространстве (к 200-летию первой публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар»): мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 27 сент. – 2 окт. 2004 г.). Элиста: КалмГУ, 2004. С. 39–41.
- Веселовский 1940 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 364 с.
- Джангар 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл / вступ. ст. Б. Б. Манджиевой; сверка текстов песен с оригиналом на «ясном письме» Б. Б. Горяевой, Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; пер. Т. А. Михалевой; примеч., коммент., словарь, указатели Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев, С. Ю. Неклюдов, В. В. Куканова. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с.
- Емельянов 1983 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 245 с.
- Емельянов 1990 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты Олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 205 с.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.
- Мелетинский 1968 — *Мелетинский Е. М.* Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 368 с.
- Мелетинский 1986 — *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 320 с.

- Михайлов 1971 — *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 235 с.
- Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 156 с.
- Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.
- Лорд 1994 — *Лорд А. Б.* Сказитель. М.: Вост. лит., 1994. 368 с.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Неклюдов 2015 — *Неклюдов С. Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 216 с.
- Неклюдов 2019а — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: миф и обряд. М.: Индрик, 2019а. 519 с.
- Неклюдов 2019б — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019б. 592 с.
- Овалов 1977 — *Овалов Э. Б.* Поэма о поражении свирепого Хара Киняса в эпосе «Джангар»: Основные образы и поэтические особенности. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 78 с.
- Овалов 2004 — *Овалов Э. Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 183 с.
- Овалов 2008 — *Овалов Э. Б.* Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 304 с.
- Путилов 1975 — *Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 168–182.
- Путилов 1982 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос черногорцев. Л.: Наука, 1982. 239 с.
- Путилов 1988 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 224 с.
- Путилов 1999 — *Путилов Б. Н.* Эскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
- Путилов 2003 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In meto-gram. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
- Пюрвеева 2003 — *Пюрвеева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.
- Селеева 2008 — *Селеева Ц. Б.* Структура эпического сюжета (на материале синьцзыан-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар») //

- Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 79–85.
- Селеева 2019 — *Селеева Ц. Б.* «Героическое сватовство» в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура // Новый филологический вестник. 2019. № 2(49). С. 65–78. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00033
- Убушиева 2009 — *Убушиева Д. В.* Багацохуровский цикл «Джангара» в записях XIX века: сюжетика и сохранность эпического текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста: КалмГУ, 2009. 21 с.
- Убушиева 2011 — *Убушиева Д. В.* Песня «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова (к вопросам текстологии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 168–173.
- Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Parry 1930 — *Parry M.* Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making // Homer and Homeric Style-Harvard Studies in Classical Philology. 1930. Vol. 41. Pp. 73–148.

**Аутентичная запись эпической песни
«Деед богд хан Жаңһрин йовдлын тууль»
(«Сказание о походе высокочтимого богдо
Джангар-хана») Багацохуровского цикла
«Джангара» (транслитерация на латинице)**

*Данара Владимировна Убушиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Убушиева Д. В., 2021

Аннотация. *Цель* статьи — введение в научный оборот транслитерации на латиницу с ойратского «ясного письма» аутентичного текста эпической песни «Деед богд хан Жаңһрин йовдлын тууль» («Сказание о походе высокочтимого богдо Джангар-хана») Багацохуровского цикла «Джангара», в настоящее время известную под названием «Догшн Замбл хаана һалзу долан боднгиг эср Улан Хоңһр Күнд һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» («Победа Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью богатырями Замбал-хана»). *Материалом* исследования послужила оригинальная рукопись на ойратской письменности *тодо бичг* («ясное письмо»), хранящаяся в Научном архиве Русского географического общества. *Результаты.* Научное описание письменных памятников, хранящихся в рукописных фондах и архивах монголоведческих центров, несомненно, имеет большое значение. Транслитерация на латиницу образцов устного народного творчества калмыков и ввод их в научный оборот позволит обратиться к ним большему кругу специалистов.

Ключевые слова: аутентичный текст, «ясное письмо», транслитерация, эпос «Джангар»

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Убушиева Д. В. Аутентичная запись эпической песни «Деед богд хан Жаңһрин йовдлын тууль» («Сказание о походе высококочтимого богдо Джангар-хана») раннего Багацохуровского цикла «Джангара» (транслитерация на латинице) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 238–271. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-238-271

UDC 398

The Song of His Majesty Bogdo Jangar's Campaign: A Latin Transliteration of One Authentic Text from the Baga Tsokhor Cycle

Danara V. Ubushieva ¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ubushieva D. V., 2021

Abstract. *Goals.* The article introduces an Oirat-to-Latin transliteration of one authentic text of The Song of His Majesty Bogdo Jangar's Campaign integral to the Baga Tsokhor cycle of the *Jangar* currently known under the title The Song of How Ulan Khongor the Mighty and Savar the Heavy-Handed Defeated Seven Irrepressible Boars [Warriors] of Khan Zambal the Furious. *Materials and methods.* The study explores an original Clear Script manuscript stored at the Scientific Archive of the Russian Geographical Society. The main research method is that of transliteration. *Results.* Scientific description of written monuments contained in manuscript collections and archives of Mongolist centers is undoubtedly of great importance. Latin transliteration of Kalmyk folklore samples and their introduction into scientific circulation shall make them available to a wider circle of specialists.

Keywords: authentic text, Clear Script, transliteration, Epic of Jangar

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mon-

golic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Ubushieva D. V. The Song of His Majesty Bogdo Jangar’s Campaign: A Latin Transliteration of One Authentic Text from the Baga Tsokhor Cycle. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 238–271. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-238-271

Введение

Введение в научный оборот аутентичных текстов, хранящихся в различных архивах страны и не имеющих ксилографических изданий, посредством транслитерации на латиницу, на наш взгляд, даст возможность исследователям, не владеющим исходным оригинальным языком, ознакомиться с памятником, а не с его переводом.

Проблема необходимости введения в научный оборот аутентичных текстов калмыцкого фольклора поднималась ранее [Куканова и др. 2013; Мирзаева 2021]. В этой связи нами предпринята попытка транслитерации на латиницу одной из эпических песен Багацохуровского цикла калмыцкого эпоса «Джангар». Предварительно нами было проведено археографическое описание данной рукописи [Убушиева 2018].

Текст эпической песни «Деед богд хан Жаңһрин йовдлын тууль» («Сказание о походе высокочтимого богдо Джангар-хана») был зафиксирован на ойратской письменности *тодо бичг* в калмыцких кочевьях Астраханской и Ставропольской губерний, в 1853 г. доставлен в Русское географическое общество в г. Санкт-Петербурге Н. И. Михайловым, где хранится и в настоящее время в рукописи с названием «Песни и сказки калмыцкого народа Астраханской губернии Багацохуровского улуса» [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 1–30об.]. В рукописи не содержится сведений о сказителях, о том, кем и для кого они были записаны.

Данная песнь впервые напечатана в 1981 г. в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в современной графике под оригинальным названием «Деед богд хан Жаңһрин йовдлын тууль» («Сказание о походе высокочтимого богдо Джангар-хана»)

[Хальмг үнн. 1981, №№ 155, 156, 157, 158, 159, 160]. Спустя девять лет, в 1990 г., она была включена в двуязычную серию «Эпос народов СССР» с названием «Догшн Замбл хаана һалзу долан боднгиг эср Улан Хоңһр Күнд һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» («Победа Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью богатырями Замбал-хана») [Джангар 1990: 153–194].

Издания советского периода калмыцких фольклорных образцов изобилуют редакторской правкой, касающейся в большей степени религиозных моментов, которые попросту убирались из текста или же заменялись фразами с нейтральным смыслом. Также есть случаи, когда при переложении с ойратской письменности на современную графику в тексты вносились те или иные слова, фразы или целые предложения, меняющие восприятие трансляции оригинального смысла произведения.

Так, в текст эпической песни «Догшн Замбл хаана һалзу долан боднгиг эср Улан Хоңһр Күнд һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» («Победа Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью богатырями Замбал-хана») [Джангар 1990: 153–194] внесен ряд таких изменений. Приведем некоторые примеры: добавление строк, отсутствующих в оригинальном тексте: строка 318 *Яман эдл хоңшарта* ‘Как у козы, заостренный нос’ [Джангар 1990: 159]; строка 349 *Нойн уга оркад* ‘Без хозяина оставил он’ [Джангар 1990: 160] и др.

Ниже приведена транслитерация на латинице эпической песни *dēdū boqdo xān jāngūariyūn yabadaliyūn tūli* («Сказка о походе верховного богдо хана Джангара») [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 1–30об.]. В транслитерации первая цифра обозначает страницы рукописи, вторая цифра, помещенная в круглые скобки, обозначает номер строки на странице. Знак равенства «=» в транслитерации ставится в месте переноса части слова на другую строку. Долгота гласных в рукописи обозначается как горизонтальной черточкой «˘», которая ставится после гласного справа от слова, так и в написании *ōi oi* вместо *īī ī*, что характерно для текстов раннего периода [Яхонтова 1996: 17–18]. В рукописи для написания тибетских и санскритских слов используются галики, которые служат для записи звуков, отсутствующих в ойратском языке [Яхонтова

1996: 16]. Знак дефис «-» в транслитерации ставится в словах с раздельным написанием аффиксов. Квадратные скобки [] заключают в себе графему, пропущенную в тексте и восстановленную как несомненную. Фигурные скобки { } заключают в себе межстрочные вставки в тексте рукописи. Угловые скобки < > заключают в себе слова, вычеркнутые в рукописи.

Транслитерация на латинице эпической песни

3a (1) bum olon burxan üde dundani üdeleq= (2) sen: oroq yondan orza gelei: arsalang (3) altai mönngön cayān ūlani ɣaraxu šara (4) naranı köldü ɣajariyin kiisin bolöd mangxai= (5) xadād baiydaq jū: örgün šartū dalayni (6) örüü sörüü urusxoltai¹: üldēn mörgün (7) düliktai šuru subsun kürolgütei: eldeb (8) padmaiyn önggütei: erdeni šartaq dalaiyini (9) manam bolji tununai-la: eqce naimiyn mingyon (10) ɣolni döçin tümün altayniāin üüden bulyarani (11) möngkö dörbün caqtu: elesen serēɣalār (12) köröl ügei jirjingneji güügēd usuluur (13) tegēji ögönēla: ölö sambayin tašūni (14) übül zun ügei öböšöni kökö: ürgülji (15) māniyın ayūyār ɣangxanayila: zū² talani (16) xalēxani zurɣān mingyon šara altan sümüni (17) zūgiyın xara üülenēse ibta yūgiyini (18) ɣarād odotü kökö tenggeriyın aɣār-tuni (19) orxu šara naranı köldüni bel belen tüši= (20) ji xaraqdanayila: šata boloqsan bumbul= (21) baiyni: šartaq dörbün dalayitei: šariyın (22) dörbün kiyidtei: šakjmuniyın ilta xübil=

¹ Здесь находит отражение «бинарная логика», в которой, по мнению Е. М. Мелетинского, «...имеется тенденция отмечать один полюс оппозиции позитивно, а другой негативно» [Мелетинский 2006: 230]. В фольклоре многих народов можно встретить сюжеты о том, как братья-демиурги создавали землю и море, при этом один из братьев (позитивный полюс) направляет течение реки в обе стороны, а другой брат (негативный полюс) направляет его в одну сторону. Также бытуют варианты, когда река изначально течет в обе стороны, но Создатель, решив, что это слишком легко для людей, направляет течение реки в одну сторону. В более поздних вариантах сюжетов к течению реки в одну сторону приводит ее осквернение [Березкин, Дувакин].

² Здесь слово Зу имеет значение «священная страна». Речь идет о столице Тибета, где находится храм Джоканг. Главной его святыней является статуя Будды Шакьямуни, известная как статуя Дзу (Зу). Названа она так по имени Джово Шакьямуни (Драгоценный Шакьямуни).

(23) γān blamtai: šakjīn tōtai nayimin tümün (24) šebenerni: šatar bolosqan bumbulbayidan

3b (1) šangxalayan xaleji: šara ulāni yilγarji: (2) ubur ubur geldebela dung bürēgiyinini (3) dūni dordo zambayin oron-du küngkü= (4) neji jirgebe: doqšid nomiyin ceng= (5) gelgeni γučin γurban xurmustiyin (6) aγartani sonosoqdobi: üzel (7) ügei ünemneqsen kümün: üküqsen (8) caqtan: ürgülji γučin γurban (9) tenggerdü tördöq: üzēd ünün (10) sedkelēn talibaqsan kümün eseren (11) tenggeriyin dēre erdeni burxani (12) tarālangdu erkene biši tördüq andayār= (13) tai: ejen dēdü boqdoyin kürei kiyid (14) gēd: nartu delkēn oron-du naiymin (15) mingyon yeke xāni nutuqtoni γayixül (16) bolnayila: bumbu dalaiyin γučin γurban (17) γoliyin eken-dü orülji abuqsan (18) šariyin dörbün tümün mangγasani šaxacan (19) tuluba: ercüs bumbiyin bum γoliyin (20) eken-dü: ejen jāngγariyin eberēni (21) mededeq elbeq dalan kelen albtani (22) ejen boqdo jāngγariyin nererni: šariyin (23) dörbün tümün xāgi γajariyini bulāji (24) abād šaxaji genüülbei: bumba dalayin (25) jibaxlangdüni γaraxu šara narani zōün (26) öncöq köl doroni: γasalngtu jirin (27) zurayān tenggesiyin cudxolxulduni

4a (1) γandeq altai ūlayin ara tabicang dēreni (2) šaxar altan bayišinngγān sine deldüülbe: (3) šajini naiymin tümün mangγasiyigi nomdān (4) orülji abai: dörbün zügiyin ejen bolbai: (5) düübür γardiyin nutuγān töbkünüülbe toqtō= (6) bai: yertonjoyin töriyigi xada metü bayiyül= (7) bai: burxani šajiyigi naran metü delgerüülbe (8) zaγalmai kiyitin salkiyigi xalün ügei (9) möngkü dörbün caqtü serjingnüülen tatabai (10) zar küji xoyūlaiyigi möngkü dörbün caqtu (11) zambu tibiyyin γol dotoroni delgerüülen (12) tügēbe: bariülaqsan šara altan bumbalbayini (13) dungxū saiyixan baiydaltai: dörbün önggü (14) bindaryayār deldüüleqsen: zuün naiymin (15) xorātai zurγān dabxar šara altan čarlāq= (16) tai: oroı yūgiyini očirlaqsan: orči= (17) longgiyyin xādūdiyın dunduni deldüülük= (18) sen oülen šara cōxōr bumbalbaiyini γar= (19) xu šara narani köldü dünggēbe: öüni (20) ezeleqsen ejen xāni döči ese kür= (21) kü nasundān dörbün zügiyyin xadūdiyın (22) albuyini idebei: töröqsenēsen nāran (23) törö aldād ügei: takil zulu xāni (24) jičini tangsaq bumbai xāni açini (25) oüzang mala aldar xāni or γaqca (26) köbüün: ürgülji γučin γurban teng= (27) geriyin jirγalār jirγadaq: oyēn

4b (1) dēdū boqdo ǰangǰar: ǰaǰar dunda ǰaqca (2) genei: ǰalab dunda önčün¹ genei: biyini (3) daxaqsan arslangǰūdani ǰil nasun xoyū= (4) layiǰān ǰidēn üzüürtü uyubala: ǰilbai (5) baxa xoyulaiǰān zoüdon boluqsan boq= (6) do ǰangǰariyin arban boqdoiyin gegēn adis= (7) tidliqsan ariün cāǰān mirdiini zürkün (8) mangnai xoyortān adislad andǰāran öǰüq= (9) sen andǰarani: aldar boqdoiyn zari= (10) layāsani dabxani: xān ǰangǰariyin zasadaq (11) zasaqani: alxu bulxudu durtai (12) abraltu ügei ǰučin dolōn nastai arban (13) arbas tarni nomtoi: kiyitin xara ǰiditei: (14) bardātiyin köbüün očir gerel geqčī arsa= (15) lang baridaq milēni ǰonun cariyin arsan (16) ǰoltai: dönön cariyin arsan tasamtai: (17) coi bolod tobčitai: maxan bolōd ali= (18) xantai: güši mönggün saldarǰatai: gürmer (19) šara torǰon orōdostai: elesen-dü (20) urǰuqsan önčin yāǰai modoügi šošusen (21) biyideni ǰurban ǰildü xatāǰad iši= (22) leqgsēn xašil tarani geqčī milei: or (23) ǰaqcaxan cokoyisan šarxani: zurǰān (24) sardu arei geǰi edegedeq: očir (25) gereliyin milei-doni ödöriyin zurǰān (26) mingǰan milāčidaq: tere milēǰāsü (27) amidü ǰaraxuliyini sarbalzaqčī dörbün

5a (1) möčiyini sairi dērēni teqleqleǰi külēd (2) kiyitin xara aramiinin arban xoyor (3) öürgüson-doni xabtar xongǰārani (4) ǰurban xonoqtü suülyuduq: zuni (5) sayixan öi dotoroni zuruq buluqsan (6) šara cōxor bumbalbayinin dotoroni: (7) zurǰān mingǰon arban xoyor narin ulān (8) arsalangtayiǰān tabin xoyor dungǰurai (9) doürēd sūdaq: tabin xoyor dungǰarayin (10) dēdū biyideni arsalangǰiysin mönggün möng= (11) šöür širē kir ügei dörbün zün dö= (12) bilǰin dēre: barasiyin arsan tüntüǰiyigi (13) barün zöün xoyor toxoyidan šubta (14) toxoildōd anǰxaraqsan: zöüdün (15) boluqsan boqdoni ardāsani xalexani (16) urǰā zandan kebtei nayixalaǰi sūnai: (17) ömneseni xalēxani ölö mangxan barsiyin (18) dobtolyotai: kündolenggeseni xalē= (19) xani deǰeǰiid

¹ В Багацохуровском цикле в образе эпического героя-воина прослеживаются рудименты героя-первопредка, находящие отражение в мотивах одиночества и сиротства. По мнению С. Ю. Неклюдова, «...древнейшим, по-видимому, является герой, обладающий чертами мифологического первого человека <...> одинокого, сироты, чье принципиальное „эпическое малолетство“ симметрично изначальности космического универсума...» [Неклюдов 2019: 517–518].

ğaraqsan arban tabuni (20) sara metü melmelzeji suüdaq: yimi (21) sayixan arsalanggiyin ide čidal xoyor= (22) ni: yamāran bi geji: xari mangγas xāni (23) elči ajiqlan šinjildeq bolxoni: (24) dung cayān dalān bayayārani γučin tabun (25) toxoi örgün: dala dēreni γučin γur= (26) ban xurmustani idi solibildaji (27) urγuqsan: belküüsondoni zuün

5b (1) nayimin raginisiyın idi tebereldeji (2) urγuqsan: sayiri dēreni arban tabun (3) bazaraqcān ide urγuqsān: aldal (4) ügei ačın degeldeq erēn cayān bul= (5) čingduni tabun zuün albatayan šulmiyın (6) küčün tögösöqsen: ayari zandan (7) arman aldal ügei angxardağ: arban (8) cayān muturiinin üye bulγandüni (9) arsalang zāni küčün tögüsüqsen: (10) mangnaidüni mayidariyın gegēni dori bütoq= (11) sen: oroi dēreni oçir sada (12) burxan xonoqluqsan: sarbalzaqçi (13) dörbün möçi: saruül sayixan čēji: (14) erken sara zorkün: eldeb ulān (15) γolliyini ejen blamiyın gegēn ezelen (16) sakiqsan: acātai tuülön temēn (17) torilzama xošiyın ulān zōni (18) xoyor dōbün metü lüqliyinei: (19) xoyor zo dēreni xorin gergeri (20) kümün: xorin altan caxada xorin (21) anggi xalayada soldonüji suüyād (22) dākiyini γarayadağ manar mönggün geji= (23) gini kücoqsēn unuqsan utu zandan (24) metü loqliyinei: irii jıldüni (25) talibülād: xariü jıldüni xaičiyın (26) iri kürgüülēd orkūqson tang= (27) γad mönggün šaluüni gūmbü çekini

6a (1) ašiq dēre zuzān biyeni dörüü: tūlaiyın tolyoin (2) dūnggei toli subusun siyikini: tuülün atun temē= (3) ni tabgiyın dūnggei lang šara ēmeqtei: güldöl= (4) zoqçi güreigiyini gübdēd: gūmbü čikini ašiq (5) doru melmelzebe: tasiyın jibir saxalani γaraq (6) üleq geqsen: tarniyın xara nodēren bumiyın (7) olon batarmūdān buruü zōbiyini angxaraçi (8) suüduq ji: dayiči mangγasiyın üren amindani (9) xadaγalaqsan zer zebeni: zuryān mingγon (10) ayari zandan modoni beteke kerčēd: biü (11) biideni tataji ögüqsen: zuün tekēn öböriyigi (12) γol tabiqsan: zuryān mingγon nasatai ajiγayın (13) šorbüsēr degüürani orōqsan: γunun xoyini (14) dūnggei γurban xara bolod šiçširgitei: utu (15) biyeni γurban zuün alda: acātai atan temēn (16) toqlōd nādala bula torγon saldarγatai: arban (17) xoyor salātai kökü zandan aramani: šara cōxor (18) bumbulbaiynin zoiyn biideni ere cayān xatū (19) γurban alda šalyātai: aramiyın yozürtü kökü (20) torγon čaçiriyın dotoro dörbün mingγon narin (21) ulān batur ödör söyidü xošōd mingγādār (22) selji mandaq: aldar noyon

boqdoinin xayiri= (23) ni alaq buyuin daram dēji: xara darcaq (24) arza: möngkü dörbün caqtu tasaral ügei (25) xayirildaq: amindani kölgüloqsen yaqçaxan (26) küloqni: dolōn nastaidāni doqšin maxa γaldu (27) seterleqsen köqšin doldoi zērde aǰırça (28) toroutei: yesen mingyon cusun zerde: alag čigi ügei: bulaq čigi ügei: γalzan (29) čigi ügei: amitani amin zürke bulāqsan yesen

6b (1) mingyon cusun zērde tunǰirmuüd: arsā= (2) lang altai baiyritei: erdeni tögüsǰlcan (3) bulung manalyatai: aršān cayān tengges (4) usuluürtai: üdēn šara naranlai kiyitin (5) domboi gedeq usuluürtöni balyaloülǰi (6) öimuülād örüün asayan xoyoroyin (7) xongyor šara seroundoni: šoroün (8) cayān elesen-dü kölbēdoülēd: öb= (9) coüniyinin ölö buāral xaqzaiyni unu= (10) γādaq: yesen mingyon tunǰirmuüdiyin (11) dotoroni: köqšin zērdiyin iǰil (12) dotoroni ü biyitei: utu küzoütei (13) ulān zērde küükün dāyan: dāγandān toq= (14) töd γunǰindān küüküloqsen tungyoü (15) güüni unuγun dāyan eketei unuγun (16) biyideni: xabariyin dundu sariyin xoüčin= (17) du: ara caxariyin mü zangtai babyain (18) tabun tuγuliyin zeldü bariülasan sālyaba: (19) tabun sardu tabil ügei sāǰi: namuriyin (20) soyil sardu: öbüsöni oroi-du mönggün (21) cayān möndör ondosonden buüxu caqtu (22) unuγon biyeni ulān zalō öököön tasulal (23) ügei γarči dāγān biyeni iriqči zün= (24) duni temē xariüldaq köbüüdtü barin (25) unuüluqsan biyeni dalabγan čēǰiyini (26) abuqsan biyeni dayibilin yabuǰi daiyini (27) köldü dasči γunu orxodüni sulu (28) talibaba: dönö orxodoni unal ügei (29) sulu talibād: tuülun nasunduni usun (30) maxuini kücēgēd: töröyin dörbün xāni

7a (1) šodoči: enggiyin döčin xoyor noyüni šodoči: (2) nartu delkēn oron-du dörbün zügiyin xaduüdiyin (3) erken sayin šodočiyini elčir coqluülād: (4) eǰen dēdü boqdonin šara cōxor bumbulbain (5) öü-dondüni xaxu dünggei γaǰartu deldoüloq= (6) sen: xadaq šara altan tagtiyin amun dēre: (7) xān ǰangγariyin zarilyār: xari xaduüdiyin (8) šodočineriyigi xarayalduılan xamtu zoqsō= (9) γād: tungyoü goüni unuγun tuüriyin erke (10) xurdun zērdiyigi: tuülun nasutai biyēni: (11) šara toryon noqtār noqtolād šaǰini zuryān (12) mingyon arban xoyor bāturtaiγān: šara cōxor (13) bumbulbaiγāsan γarči angxarba: ergüülǰ (14) kötölgüǰi angxarād ömnēsoni xalēxulai: (15) xadxād orkoqsan šatu

bolji üzoqdobei: (16) köndölönggēseni xalēxani maxani kücoqsen (17) zājılaqsan atan bolji üzüqdobei: arsalang (18) čējitei: arban alda utu biyetei: xara (19) xula böqtörgütei xuni zandan küzoütei: (20) barim ülü kürkü erdeni mönggün deltei padman (21) yataya sangnātai: xubing-giyin coryo čikitei: (22) xurcu šongxoriyin nidütei: örömiyin üzoür (23) altan soyüütai: ara barasiyin sayiritei tuü= (24) layin tong bulčingtei: bumba nayan nigen alda (25) utu sayixan subdul soiltei: dējiiyin (26) cöggücö boluqsan dörbün xara turuütai: (27) dang-šadani unubi geji dangdād ügei: dang= (28) γār oro ergēd irbe geji bayirināsan (29) bariji unuqsan bacā keberēn bidaq: čiki= (30) nēseni kölson γardağ ügei: čib cayān

7b (1) xalyatai: ejen biye xoyortān esergeceq= (2) či mangγas daiyini dotoroni eldeb olon (3) zer zebe šabi dotoro: ejen beye xoyor= (4) tān: xoronai nige šabi olü tuxādağ: (5) erbelzeqsen sayixan xurdun zerde morin (6) bolba: tabin alda elmen torγon culbuü= (7) riyini burxan cayān tolyoidān adislan (8) jolōdoqsan bāturani: erkēn dünggei γunun (9) nastai caqtān buyun tögös ābān buyn (10) ügei orkōd bumba gerel ējin köbüü ügei (11) orkōd: bum dolōn tümün albutān noyon (12) ügei orkōd: tabun nastayasan abād: (13) arban tabi kürtolēn daxuūlaqsan dörbün (14) mingγon bātorān noyo ügei orkōd: aran= (15) zala xurdun zērediyin jilōduoni γučin (16) γurban jil bo[l]jasain: busud aldar xāni (17) kübüün boro mangnai jolōčitai: aldar (18) noyon boqdoinin zuin suüdü oroxu (19) ulbur šara narani önggütei: γaraxu (20) γal šara narani dūrtei: gegēn-düni oüle (21) barima gereldüni aduü manamu carān (22) xalexani cāda dalain jirmāq toloqdoma (23) sayixan {narān xalixani nāda dalān jirmeq tolaqdoma sayixan} sulxu šaxād gürüqsen üsüni: (24) suübi {düürēd} kücēd ülemü: subusun cacaqtai (25) tokigiyini šayaydani kürmü tombi luüdang (26) berzetei: taji torγon terleqtei: urun (27) ējini iškēd urjin padma zöbčilēd: (28) tamrdai xatan tabun sardu γajigiyini γar= (29) γād oyoqsan: tabin tuülun morin onotei

8a (1) tangsaq mönggün xalbngγān: erdeni zandan (2) teroün dērēn coxodoji ümüsübe: (3) zuüzaigiyini uyuqsan caqtu zurγān (4) altar šang ögüqsen: miyimiyin ulān (5) γoson: möriyini üzüqsen küün mingγon (6) tengge öqči γayixadağ mön biyēni (7) tailuülād üzüqsen kümün: tümün (8) mönggü öqči γaixadağ: zoüdün boluq= (9) san boqdoinin züiyin

stüdü tabun zuün (10) küüken öirön daxuülan sutınai: aliki (11) oronāsa abči atā keqsen bi geküni (12) töriyin dörbün xāni kouke yolji (13) enggiyin döçin xoyor noyoni küüke yolji: (14) aranzala xurdun zērdeni dolōn nasutai (15) sanji: aldar ɟangyariyin biyeni xorin nastai (16) sanji: mön ene caqtān: abxu zöbtei (17) xata olji yadād: nartu delkēn xaduü= (18) diyin küükenēse: küüke xayiyād mordoji: (19) ɟurban ɟiliyin ɟučin zuryān sardü er= (20) gēd olji yadād: aranzala zērdēn (21) ecēgēd: utu zandan armān uürçil= (22) ɟi çirēd urɟuqsan arban tabuni (23) sara metü doüring ulān çirēni: ünusun (24) önggütei bolji zobād: öndör cayān (25) uülain oroi dēre ɟarçi xaruül xar= (26) ɟi baibi: baitulani mönggün ɟibirtei (27) altan ödötei boqşorɟoi dēre teng= (28) gerēr niseji irēd: şobuüni kelēr kelbe: (29) ɟazādaki ɟalab şartuü tenggesiyyin¹

8b (1) tere tala nutuqluqsan: oçirtu altan (2) uülutai: oron-du ügei ɟurban ɟında= (3) manitai: güşi zamba xāni küükiyigi: (4) tenggeriyyin köbüün burxan cayān gedeq (5) küün küçiiir abn geji bainei: abxu (6) zöbtei gergenciini² tere gebe: bei (7) altan ɟibirtei boqşorɟoi: ene (8) nasundān {şobün bolbi çigi: xöötü nasundān} kümün bolji mingyon ɟalabtu (9) çimayigi: öiren daxülji: şara (10) torɟon debeliyyin xormoiyāsan bariü= (11) lēd xamtu töröye: mingyon eketei (12) xuübilɟāɟār şartuü tenggesiyyin dēgüü= (13) rani ɟarēdülji tusād: tenggeriyyin (14) köbüün burxan cayāniigi dolōn mingyon (15) bātartaigiyini alji orkōd: güüşü (16) zambain küüken {arban} dolōn nastai abxa (17) gerenzele xatān abči xatu keji (18) bolnai: şara cōxor bayişing dotorōn (19) arban xoyor zuryān mingyon bātur= (20) tayān: tabin xoyor dungɟuray kücēd (21) sūji: barün biyēn ɟurban mingyon (22) bātariyyini axalan sūqsan: maɟa

¹ Согласно мифологическим представлениям калмыков, внешний океан (море, река) является границей между мирами. Здесь море разделяет средний и нижний миры. В Багацохуровском цикле эпоса нижний мир тождественен водному миру.

² Багацохуровский цикл сохранил в своем нарративе ядерное образование архаического эпоса — богатырское сватовство. Джангар, отвергнув всех ханских дочерей, отправляется на поиски суженой. Поиски в своем локусе оказываются безуспешными, и тут весть о суженой Джангару сообщает золотой воробей. Рагини Герензел является представительницей иного мира — водного.

yalayin (23) aduüci: maliyüd zula xāni açi: (24) dabai zamba xāni köbүүn dalai altan (25) čēji irēd ügei yeren yesen

9a (1) jiliyigi aildadaq genei: önggüröqsən dalan (2) jiliyigi endürel ügei keldüg genei: axalaq= (3) či uxātai čecen bolnai: tüüni darūki (4) bāturni zuün jiliyin zobolong üzube geji (5) yoxa gedeq zang ügei: zuryān jildü zoq= (6) sol ügei külji orkōd miliičibi geji ügü (7) endüürdeq zang ügei: zörmig biyeni (8) zuryān bum cereqtü: uruyuqsan zan= (9) diyigi ündüsteigiyini suryu tataji abād (10) morin ügei yabuyār dabilirji orodoq bolnai: {yabšün beyeni naiyman mingyan jidēn oroi dēgür xoyor kölēn küregel ügei yarēdedeq bolnai} (11) čingya biyeni dayin dotoro dalan sardu (12) dayildād unuqsan morini eceji šabdād: (13) uryā zandan metü nuryuni nümün bolji (14) ökögēd: uruyuqsan arban tabani sara (15) metü düürüng ulān čirēni ünüsün (16) adali bolōd: alaqa xara nidoni anildan (17) aldād: aranzala kökō yalzanāran aldaji (18) tablād zulād yarči: ara biyēseni (19) adli zuün bātur: zuün xajitai jidēr (20) zuülun deqce kücēd čičideq bolnai: (21) tēgeji čičideg bolba čigi: taribad xara (22) köbcögēsü suüriyini yaqçaxan ködülgeji (22) yadaji: uqtu širkēn açi genei: tümül= (23) getü xāni yaqça küükenese yaraqsan (24) zē genei: tobüşiyin bökō mönggün šiçšir= (25) gēn köbүүn genei: mergen güşü zandan

9b (1) gereliyin xorin xoyor nasun-duni yarči (2) genei: udirduqč ulān xongyor gedeq (3) bātur sūdaq bolnai: unuduq morini (4) uıla böqtörēd yabuxu bökō genei: (5) üro tuürma xurdun genei: dolōn nasutai (6) duüdumiyin xašing kökō yalzan gedeq (7) moritei genei: bariqsan ildüni dokin del= (8) dekini: dolōn oroni šulmu dorōn (9) doroitodaq: zangyad orkixuni zār (10) tobiyin oron doqdoldoq: köqšin kökō (11) daraxn küüčin keqsən: köqšin mala daraxn (12) dabtaqsan kümün-dü ügei yurban mingyon (13) urun üren xatāji: dolōn tümün örke (14) doliqtai: doqšin xara bolōd šoro yurban (15) zuzān xara bolod mörgütei: yučin xoyor (16) almas bolōd irtei: barin čabčin deldekü (17) zēldeni bātur yamandayain gegē bütēqsən: (18) batalan barixu bariüldüni baxatamjıtai dörbün (19) maxaranza zuruqsan: cusuni xara šoron= (20) čiiyān: alasaiyin mönggün taša dēren arban (21) xoyor šara altan tödögērani tödögelēd: (22) aldar boqdoin xayirin xara daracaq arki= (23) gi üyād agsamnaji suūdaq bolnai: züin (24) biyēn yurban mingyon

bātariyini: axalan (25) sūqsan axalāčini: sambal nertei ūlayin (26) sankil öroü biyidü nutuqluđı genei: sayı (27) ĵebā mangyasıyın noürıyını böqlön nutuqlađı

10a (1) genei: zuün oro tūrimi zörmiq bātur (2) genei: zuryān oron-du aldarşıqsan (3) sayın dalči genei: xangyal tuğiyın köbüün (4) xayırtai ergüü gümbü: ikiynin (5) kemĵeni tablād sūdaq bolxoni tabun (6) bātariyın suiritu sūdaq bolnai: tatađı (7) öbdöqlēd suūdaq bolxoni: ĵurban (8) bāturiyın suüridu suūdaq bolnai: tarĵan= (9) niynin kemĵeni artai cayān arbingyalı (10) arban ĵurba kütürēd unuduq mori= (11) ni zayāni xurdun xara gedeq mori= (12) tei: bariqsan zebeni ĵurban xara (13) bolod mörgütei: ĵučin tabun irtei: (14) cusuni xara űoronči gedeq zebe= (15) tei: bariqsan zebeni arban alda (16) aĵari zandan işitei očin xara (17) torĵon tuq: daxuūlaqsan bāturani (18) biyelēni adalı dolön mingyon bātur (19) ara biydēn daxuūlād ayixu mangyasıyın (20) daindu oroxoni: agiyın xara duüĵār (21) urādād orkixulayını oqtoryoi ĵaĵar (22) xoyor nigen bolöd ododoq bolnai: (23) oroni bātur ceriq xoyor: onco (24) gümbēn űorösu zailuültun gēd: doqĵır= (25) la gürümēn kegüülĵ mordodoq bolnai: (26) ene gümbēn űoriyın üzüirlei züq= (27) xoloi űarxataqsan kümün emiyın (28) sayigini ūĵad: emčiyın sain-duni

10b (1) üzüülbe čigi: eqce döčın yesen (2) xonoqtu xoroni kücoĵı űküdoq (3) andayārtai genei:: mön töüni daruüki (4) bātariyını erkēn dünggei ĵunun nastai¹ (5) caqtanı ēĵi ābi xoyuūlaigiyını erliq (6) nomiyın xān-du öqči: dalan kelen al= (7) batiyını dayiči mangyas bulāĵād abči: (8) tabun nasutai caqtān: sayıxan kürüng (9) morēn sarbā dāyan caqtanı sayn möng= (10) gēr xudulduĵı abād: űara torĵon (11) noqtāran noqtolād: űabar űuügiyın (12) baldār tayqlād zayanai önggüni (13) űaraldaq űara torĵon ulbān belkeq= (14) nēd araĵ yondan üliiyın doboto= (15) loqči omuruünāsu: narun suüxu (16) üzüq öödö dūrkeleĵı buūqsan artai (17) geqči ĵolıyigi üzüüdēd arban dolön (18) sarda güüĵı genei: güügēd yabuqsan (19) caqtān kelĵı yabuqsan ügüni <arban> (20) erkēn dünggei ĵunun nastai caqtu (21) mini ēĵi ābi xoyoraigi mini abaq= (22) san erliq űulmu nüülü mini dā: dönön (23) nasutai caqtu mini dalan

¹Ввиду того что эпические герои отождествляются с мифологическими героями-первопредками, то и возраст их симметричен мифологическому началу времен.

kelen (24) albutüi mini bulāyad abaqsan (25) dayiči mangyad čimlai: arban naiymin (26) tamudu aliki-čigi ɣalabtu zaryatai (27) bi: sayixan kürünggēn yabuyār kötölēd

11a (1) manar šara naran-du šaraqdan xalād: nayimin (2) mingyon jıbxulangtu doqşın šara mangyas (3) xāgi daxanai bi geji oči bolnai: odüqsai= (4) ni zōüdon boluqsan boqdo ɣangyariyin (5) zergedü ired ügei yeren yesen jiliyigi (6) aildaji mededeq önggöröqsən dalan (7) jiliyigi endoürel ügei keldeq ile (8) dalda xoyulai-gi ylyün tuüjin keldeq: (9) şajini dörbün tıbiyigi uxāyāran geteleg= (10) sen: küngküü čēji ailidād aldar (11) noyon boqdodān angxarayaşi suınai: (12) bātur tayijini köbüün kündü ɣartai sabar (13) kürüng ɣalzan morini külog boluqsan (14) caqtān: sanānāsü delem xurdun bolnai: (15) salkināsan alda xurdun bolnai: dogşın (16) šara mangyasiyin öyirini daxaqsanāsü cārān (17) dolōn oyedü maniyigi yerü amuruülxu (18) ügei nereleqsən xānduni kürgül ügei (19) kele barişi abxuyigi angxaraqtan: aldar (20) noyon boqdoyin zarliqni altan čējiyin (21) ügü onon tuqçi şongxortü zarliq (22) bolba xurdun xara sārılān una: dokyā (23) doki: zuryān mingyon narin ulān arsalang: (24) külügoüdēn deqce toxoşi mordoqtan (25) aranzula zērdēn toxuülād aldar (26) noyon boqdoyin biyeni moriloba: utu zandan armān köndölöngdēn

11b (1) doürebe: zuryān mingyon arban xoyor biyēr (2) şarkād mordoba: tuqçi şongxor manar šara (3) altan tuqni duqtuütaiyiyan baixodān dulbung (4) šara narani önggütei: duqtuüyāsan möltör= (5) köni dolōn narani önggütei: yesen dab= (6) xar altan tuqtai yeren tabun šara ulān (7) költei: manar altan šara tuyān: xurdun (8) xara sārliina baruün biyideni dabşuürlād: (9) aldar noyon boqduüyān zuryān mingyan (10) arban xoyor arsalangtayigiyini ara (11) dala dērēn daxuülba: dolōn dolōn döčün (12) yesen xonoq dülēd odba: usu (13) ügei cöldü öböşü ügei şaldu unuyun (14) kürünggiyini bulāji abād: uüjim šara (15) şiliyin kötölgün-dü dundān dolō tumulai= (16) lād abči: kündü šara baltān emdēd: (17) kümon čiyireq bolşi torıol ügei (18) küloqgēseni unuyān cokoba küçotei (19) gıqsen arsalangyuüdni köl köldēn derlel= (20) deşi unuba: xurdun geqsən morini (21) emēlen gesen dorān abād: kökö şil (22) temcēd köqlēd köqlēd ɣarçi yabanai: (23) yoboyon ɣaqca biyini: eqce döčün (24) yesen xonoqtu abči yadād orkoba: (25) šara

toryon tuyān kökō šiliyin omoruün= (26) du šāji xadaxaba: ara biyideni šara (27) cōxor bumbulbaiydoni: uqtu širkēn (28) ači bökō mönggen šiqširgēn köbüün

12a (1) bātur ulān xongyor arki uūyād untuǰi (2) xocorǰi xān ǰangyariyin xatani xalinggi (3) ulān xongyorān serouǰǰ bolnai: ödöriyin (4) kele boluqsan sööni zouđün boluqsan aldar (5) noyon boqdočın mordöd döčın yese (6) xonoba: zuün oroni bātur xor keqsen (7) boluüzai: {ǰirān oroni elči külgıyını bulaqsan boluüza mordü geqsen zaralyārani} mön xongyoriyin biyeni öndöǰi (8) bosöd arkiyigi baxuniyigi uūǰi biyēn (9) debtēgēd: altan xubinggiyin usiyigi oroi= (10) dān kegüǰǰǰi sergēd arsalanggiyin kökō (11) ǰalzan külogēn toxuülad: kökō ǰalzan (12) dēren mordoba: ǰaraxu šara narani köl (13) temecēd odoba eqce döčın yesen (14) xonoqtān güülgēd doübür cayān ködö (15) dunda: aldar noyon boqdoiynin barāgiyini (16) aldal ügei abi: aldar noyon boqdoni (17) zarlıq bolǰi bolnai: nomoyār buüliqsan (18) xurdun cayān itilge mini: altai dunda (19) altan baxana mini: noqtotai ǰaridiyin (20) köbüün noyon ulān xongyor mini āšınai: (21) aranzula kökō ǰalzani amān angyayıyād: (22) ömnö xoyor kölēn örgünēsen oloülēd (23) arda xoyor kölēn arsalanggiyin suiydēn (24) xadaba: šabxaqlaqsan šabxani ara biyideni (25) buügiyin sumun metü ǰiyigēd: saǰaq (26) dörbün turuünāsoni arban xoyor acatai (27) manar ulān tōson oqtorıyügiyin oroi (28) cayān oülelei xolboldoǰi üzüqdübei:

12b (1) kündü ǰartu sabar: kündü šara baltān ēm= (2) dēd atayar zandan modoni süiydürtü al= (3) caiyiyād zoqsoba: talai ǰaǰarāsu dūdun (4) yabunai: aranzula kökō ǰalzani ǰolāgiyini (5) suludxaba: zayāni önggöni šaraldaq šara (6) toryon ulbān belkeqnebe: saiyixan kökō (7) ǰalzani sonor saiyixan čikēn solibin (8) xaiyčılēd: soǰoi bolöd nidēren (9) solin xaiyčılād: amān angyayıyād ayuü (10) dundan šuükād irbe: nayad šara baltii= (11) gi burxan cayān mangnaduni zabdaba: cayān (12) möngšöür duülxaiyin dunda xarkilaiigiyni (13) balbi cokobi: sayixan kökō ǰalzan ǰurbi (14) togüčibe: öröliyin mönggün urulāran (15) ǰaǰariyin körsü zuün unul ügei ǰarād (16) odoba: ezeleqči ulān xongyorani: (17) ǰoliyin xara cusān aman xamar xoyorāran (18) selǰi asaxād: ara biyidēn gilis xalei= (19) ǰād: aranzola kökōönin amiini ergüǰǰǰi (20) tatabi: aranzola kökōören dakin daiyribi: (21) dakiǰi nayad šara baltān dabirin cokon= (22) gekülēni ölkedeqsen kökō ǰalzan (23)

külüqani öbcöügēren ʧajar šorgün (24) kiyisibe: arsalang em dēgoürani aldan (25) cokobi: köndölöngnēd zulād ʧartu= (26) lani külog kökōön ongyon del dēreni (27) kömölēd abād ʧarād odba: ʧašid

13a (1) šara torʧon tugiyin yozuürtani ʧaqca (2) sabariyigi abči irji xaybi: kökō ʧalzanān (3) xatarād: kündü dēdü boqdodān kürči (4) barālxabi: aldar noyon bo{q}doni ariün (5) ʧayān mirdēn xoyuūlaiyin oroyidoni (6) selji zalād: axa düü xoyor keji (7) oruūlji abaqsan: taiyjiyin köbüün (8) kündü ʧartai sabar geji: dundu zaxaiyn (9) dolōn dungyuraiyigi dutuü ügei axalan (10) suüdaq: oüdoni xoyor mingyon ar= (11) salanggiyin daryani keleqsen ügēl (12) eblel geji kelni arsan köndöröqsen: (13) kei jilbang noyon axalād suüdaq: (14) bayan sungyorobiyin bariülaqsan kiyitin (15) xara arzaiyigi bökü mönggün šiqširge (16) baruün öbüdöq dēren abanai: mašad (17) aldar darayayin köbüün tōsun tüleq (18) geqči noyon: šara cōxor šāzangyār: (19) axa ʧangyariyin zergēsü abād: (20) zuryān mingyon arban xoyor arsalng= (21) dān tabil ügei suüji küüni tabin (22) tabayād duyuü kücēnei: xotiyin (23) muxur xalcaʧāba: xōliyin nōson (24) kebbe: duüni gerelēr duül-üülbi: (25) dungsur genel daxabi: talbān cecenēr (26) dombor cokuülbi: tangsaq genel bosād (27) biyilbe: očilonggiyin miqmiyāniyigi

13b (1) cuür tata gebe: tatadaq cuürani: xabi= (2) riyin šara xulusundu öndögeleqsen (3) köqšin duütu xun öroün šara gerlei (4) oür dērēn örbölgēn öbköölgēd öndö= (5) ji baiyād ʧurban oyodēn dongyodoq= (6) san köqšin duütiyin duütai: xulu zandan (7) cuüriyiyān migmiyin ulān urul dērēn (8) abči tataqsan duüni: zuryān mingyon (9) altaiyinin dotoroni oiyrini tataqsan (10) bolji sonosoqdobi: jibxulanggiyin (11) öndör altai uülani narani köldü (12) dünggēbe: örgün šartaq daliyini mananal (13) bolji tunubi: ölö sambayin tašuüni (14) übül zun ügei öbösoni kökü: māniyin (15) ayuüyār ʧangxba: abiri önggütü naran (16) mandalbi: način torʧoi xoyorani gegēn (17) zabsartu torlobi: zuryān mingyon šara (18) altan somoni: ʧaraxu šara narani köldü: (19) bel belēn tošibe: šata boloqsan bumbi (20) dalayinin köbēdü: šartaq dörbün dalaitai: (21) šariyin dörbün kiyidtei: šakjmoniyin ile (22) xübilyān blamtai: šakjiyin tōtoi nayimin (23) tümon šebener šara ulān xoyor ilyarād: (24) ubur ubur geldebe: ükül ügei möngkü (25) bolbi: ürgēn ügei toqtuün bolbi: übül (26) ügei zun bolbi: yertomçiyin törēgi

14a (1) xada metü baiyuülbi: burxani şajiyigi naran (2) metü delgeroülbe: dalai dunduni ur= (3) yuqsan dambi zoüle modon: dalai (4) zambaiyn büçirani dalan tabun tenggeriyin (5) ayār tala şabşixudān: dara eke sid= (6) diyin aysār yagnldabi: yol dunduni (7) uryuqsan yurban yalbar zandan modon (8) yasalang zambiyin biçirani: yancas zuü= (9) dān küngküneküdēn: yanjur danjriyin (10) ayasār yangxanai: uü zandan modoni (11) tumulailaşi serjinenei: ulān şara (12) biçirani oiygiyin ceceq bolbi: oqtor= (13) yuüda yurban önggü jindamaniyi şara (14) ulān kökö yurban solongya xadabi: (15) jindmaniyyin xübilyān xān jangyar (16) geqçi nereni: nartu delkēn oron-du (17) duüriq bolbi: nayimin mingyon yeke (18) xāni nutuqtu duüriq bolbi: zuni (19) saiyxan üiydoni: zuruq boluqsan (20) şara cōxor bumbulbaidān: zuryān (21) mingyon arban xoyor arsalangtaiyān (22) arzada amani xalabi ayuü dundān (23) nirgeldeşi suüxalāran: aiyxu mangyas (24) xāni tuüji könoldobe: zuün jiliyyin (25) şā tölolcobi: zuryān jiliyyin xaruül (26) bulāldabi: erkenloügiyyin mönggün cayān

14b (1) uülada: eqce yurban sarda xaruül yar= (2) xudu: ene dundān şo örkilcöbi: barin (3) orkison şōni bazaq ulān xongyor tala (4) xalēşi tusbi: şō orgüqsün kelemerçi (5) kei jilbangdü kelşi suünai: erkeloügiyyin (6) mönggün cayān uüludu eqce yurban (7) sardu xaruüldu yaraxdü nada yuün-dü (8) durulnaiyçi: namai xaruüldu yarād (9) odoqsain xoiyno: zuü şariyyin tangya= (10) çiyiçin: zuün oroni kölçin ezelēd (11) orkuüzai: zuruq boloqsan şara (12) cōxor bumbulbaiygiyiçin: zuryān (13) oroni bātur çiyiriq xoyor balablād (14) orkixu boluüzai: yertomjiiyin törü= (15) gi xada metü baiyuülda q minii küçin (16) boldoq: {burxani şajiyigi narān metü delgeruülde q mini küçin boldoq} törö şajin xoyortan töbke= (17) nēd: tömör sümēn aman-tun bekejiq= (18) sen: erküloügiyyin mönggün cayān (19) uüliyyin beldü: eqce zuryān jildü (20) xaroül yaraxu bolbi çigi öljü (21) ükükü mini ügei: ejen dēdü jangya= (22) riyin neredü muü boluüzai: aldar (23) boqdoiyn zarliqni alei jilbang (24) noyon-du dakiji zakbi: arban xoyor (25) ergelgetei altan şüügi dakiji orki (26) geji zarliq bolbi: dakād orkiqsan-dü

15a (1) altan çējiyyin noür xalēşi tusbi: (2) aldar noyon boqdoni dakiji zarliq bolbi: (3) törö ezelen suüqçi köqşin toşimel: (4) töşör oiyrı xoldu yarād ügei nertei: (5) dakin naiyribi: altan şogiiyyin nidüni kündü

(6) ɣartai sabar-tu tusubi: kündü ɣartai (7) sabar šōgiyin nidü üzēd: aldar noyon (8) boqdo talān sögüdön angxarayaba: zoüdü (9) boluqsan boqdo mini gegēn dundān aila (10) duqtan: taniyigi daxād ɣučin ɣurban (11) jil boloqsan mini: önčin önör geji (12) ilyaqdad ügei bilei bi: ɣajar dunda (13) ɣaqca bilei bi: ɣasalangtū šara mangɣasiyin (14) aman-du: ɣaqca namār tütünüq öqsen (15) bolxoni: ɣaqca biyēr tandu jiliiji (16) öqse bi: ejen noyon boqdo ene (17) zaraɣai mini čiki keji xairilaqtan: (18) xān ɣangyariyin xariü zarliq ese (19) bolxolaiyini: arsalang kürüנגgēn toxuül= (20) nai bi: aldar noyon boqdo tani gegeiygi (21) arban tabun sardu üzödüq bolxoni: (22) ariün cayān mirdēn mangnai dundān (23) adisaln andaɣār kēd mordobi: šara (24) cōxor bumbalbaiyigiyi buruü ergēd¹ (25) odbi: naɣad šara baltani narani köl-dü (26) gilibkibe narixan kürüנגgiyin šürouğēr (27) naran suüxuiyin ara üzüq temcēd

15b (1) ɣarād odbai: ödör geji öñjil ügei (2) odbi: söö geji xonol ügei odbi: (3) enggiyin külügiyin dolōn sardu kürüm (4) bainam gekü ɣajar: kürüנגgēren döčin (5) yesen xonoq kürēd odbi: erkü= (6) loügiyin mönggün cayān uülain oroi (7) dēreni ɣarād: dōrbün jilei širtēd (8) ügei dönön xara bürgüdiyin nider šir= (9) tēd: dōrbön tibiyyin oruiygi doqdol= (10) tuluni xalēbi: oi dunduni xalexuni (11) buya maral xoyor üzüqdobe: kökö (12) debēn öböšön: kiyitin buluq usun: (13) kür zandan modon söüdürtei genei-la: (14) naran ɣaraxu ara biyidēn xalēxoni: (15) arsalang altai mongxan cayān uölani: (16) dolōn sarai ɣajarāsa belküistēgēn (17) dünggebe ömnö biyiden xalēxuni kii= (18) ten xara tenggesiyyin naiymın mingyun (19) solongyoni oqtorɣuyin aɣärtu: (20) onco kökö manan bolji üzüqdobe: (21) tere tenggesiyyin tere talani dolōn (22) oro xōsuruülsan doqšin šara (23) mangɣas xāni: arban xoyor asartai (24) manar šara cōxor balyadani: naiymın (25) sariyyin ɣajarāsa dünggēji xaraqdabi: (26) sayixan kürüנגgiyin amiyyini ergüülēd

¹ Это не характерно как для эпического текста, так и в целом для традиции калмыков, так как в культуре монголоязычных народов движения совершаются посолонь. Но если рассматривать богатыря Савара как возможного космического охотника, то можно считать, что это предпосылка к космогоническому мифу, где движение происходит с запада на восток в соответствии с лунной траекторией, тем более за выездом следует сюжет охоты на оленей и маралов (см. подробно: [Убушиева 2021]).

16a (1) xōrōn tatabi: öndör cayān uūlayin (2) uruū kömorüü öödöni orōd: oyigiyin (3) olon buya marlāsa odon adli önggō= (4) tēgii-ni: erbelzeqsen kürüנגgēren (5) ēreji baiji erken tarayaniyini una= (6) yāji abād: küloqten aciid: kürü (7) zandan modoni soudürtü abči irji (8) xayabi: sayixan kürüנגgēr kökō debēn (9) öbösön kiyitin bulugiyin usun-du (10) talibād: kökō toryon čačirān tatabi: (11) zandani xubxai bolon yanggiliyini (12) cuqluūlubi: zagiyyin ulān yal oruū= (13) labi: buya maraliyyin maxuūgi burū (14) zōb ügei xayaji talibabi: kökō tor= (15) yon čačir dorōn orōd: sur (16) metü sunād suxai metü ulaiyād (17) untubi: eqce dolōn xonoqtān (18) untubi: untuji kebtexsen zoudon (19) dotoroni: öndör cayān uūla (20) balbi tuči zoudelbe: öndēn čočin (21) xalēn geküni: mangxan cayān uūla (22) mangnai dēreni mangxaiyād bayibi: (23) saixan kürüנג morini: saruūl saixan (24) oiyidü sanāmar ideji bayinei: boson (25) tergedēd kiyitin bulugiyin usun-du: (26) kiyiliqtei šalbuürtayiyān oroji (27) biyēn sergēgēd: alač buyayin maxani

16b (1) ačari zandani coqtu bolōd bayiji: abči (2) gesen cadatala idēd kökō toryon (3) čačir dorōn kölbürōn tabaralan untubi: (4) untuji kebteteleni: arsalanggiyyin sai= (5) xan kürüנג yalzani: köbčin altan (6) delkēn oruūgi doqdoltola yurban (6) üyeden kükürson incačabi: čočin (7) tergedēji bosōd: sayixan kürüנגgēn (8) temcēd: xalai mönggün xazarān suū= (9) bided: xazaralači abād: emēl (10) yuūyān toxōd: eldeb zoyil čime= (11) gēn ümosēd: erbelzeqsen küröng (12) dēren mordübi: öndör cayān uūliyyin (13) oroi dēreni yarči xalēbi: naran (14) yaraxu talki üzügēsü: arban xoyor (15) acatai manar ulān tōson oqtor= (16) yuyidu cuūnuqluči xadabi: xalei (17) yān bayitula yesen mingyon cusun (18) zerde tunjirmuūdiini: kiyitin (19) xara tenggesiyin yal ulān engge¹ (20) temecōdlēd eldeji yabunai: (21) aduōni ardani xalēn geküni dolōn (22) dolōn saya buxayin önggübči (23) boloqsan: dangyār biyeni dolōn (24) mingyādtu boldoq: yalzuū xong= (25) yoriyyin möri ügei: yalzuū dolōn

¹ Холодное (ледяное) море с огненными берегами аналогично Огненному морю из якутских сказаний, которое является, как пишет С. Ю. Неклюдов, абсолютной степенью хтонического океана, а противоположные признаки не взаимоисключаются, а, напротив, сочетаются друг с другом [Неклюдов 1977: 198].

17a (1) bodong: zuryāni zuryān xaǰitai zandan (2) aramtai nigeni küünei amin ulān ɣoldü (3) zöbölöqsen: eqce nayan xoyor kökō (4) ǰiling sumutai: ene dolōn arsalang (5) elded odobi: mönggün caɣān uūlayin (6) oroi dērēse: biçigei nekese gekü (7) bolbi çigi: mönngkö kürüng ɣalzan (8) küleqni: aduüni ardāsa amandān (9) küçi ögöl ügei abçi zulubi: (10) xara tenggesiyin köbēdü xarayaldabi: (11) xadayin dünggei ulāntai xaş xula (12) gedeq noyon: ulāniyinin amuüni tataǰi (13) zoqsöd: utu xara adaranādān: (14) altan ünütei kökō kiyibir ǰilang= (15) giyigi: amin ulān ɣoldoni zöbülēd (16) zoqsobi: kürünggiyin şüroügēr kündü (17) şara baltān ēmdēd kürēd iriqsen (18) caqtani: arsalanggiyin kürüng ali (19) xurdāran xurdulbi: amindān iniq (20) bolxoni tata gebe ömnēseni tebkēn (21) duün taş gebe: erbelzeqsen kürüng= (22) ni elkēren ɣajar daxan kiyisbe: (23) xurdun caɣān ɣaşkuür toli mönggün (24) duülxainin oroyigiyini ibtü tusād (25) oqtorɣoi tala çişkiǰi ɣarbi: (26) dakniyin kürünggēn daibilād bostoloni: (27) dakād nige ono baribi: xurdun caɣān

17b (1) ɣaşkuür kökōi xara maxārani şubtu (2) tusad ködölgüşi ügei nayimin xab= (3) saniyinin tolyoyigiyini kei sayixan (4) biyēni ebdēd: amini xara cusui= (5) gi ama xamar xoyorāran selji (6) asxād: dakn onu baritalani: xadayin (7) dünggei ulān dēreni: nige sarbas gēd (8) odoxolāran: uüca tolyoi xoyo= (9) riyini emēl dēreni tenēd odbi: (10) ardān xalēn geküni: uüla unuqsan (11) kebtei ulānāsan unubi: ömnö (12) biyiden xalēxani kiyitin xara teng= (13) gesiyin oro ɣaqcaxan orolɣārani: (14) yesen mingyon tunǰirmuüdiini (15) unuyün dayān ügei salɣal ügei: (16) şaxaǰi oruülbi: ɣalzuü xong= (17) ɣoriyin mori ügei: ɣalzuü zuryān (18) bātur zuryān xaǰitai zandēn ar= (19) mān amin ulān ɣoldoni zöbülēd: (20) külēji zoqsobi: urālān kiyitin (21) xara zebe amin ulān ɣolor= (22) ni ibtü tusuqsan kündü ɣartai (23) sabar aiyji köndöölön zulubi (24) doroqşān deqşen xoyortu orxo orolɣu yadabi (25) dalai dunda xalēxoni (26) uūlayin dünggei caɣān

18a (1) doligān dotoro: unuyün dāɣan ügei salal (2) ügei öimibi: nāda biyēn ergeni dolōn (3) mingyon alda ɣalabiyin ulān erge: utu= (4) ɣayin ire iremiqtu: örüü sörüü xoyor (5) urusxoltai: urusxuldoni üküriyin (6) dünggei xara çiluün: biye biyēn gübdül= (7) dēd: ulān ɣal badarād yabadaq: soron= (8) ci xara tenggesiyin manar ulān ergērani (9) kiyisakeni yayadaqbi: orolɣārani oron (10) geküni or ɣaqcaxan

oryol: ɣalzū (11) zuryān bātur zuryūulun zuryān (12) xaǰitai zandan aramān abād: orolyon (13) dēreni zoqsōd bainei: dabirǰi (14) orǰi yadād: nayad šara baltān ēm= (15) dēd nariyxn kürüng ɣalzan mōrēren (16) ɣurban üyüdēn urādñ dabirbi çigi: (17) zuryūulun zuryān xaǰitai zandēn (18) armān: amin ulān ɣoldoni zōbōlēd (19) bainei-la: aiyād zulād ɣarād (20) manar ulān ergēn irmeq dēreni (21) buıyad: daiyini olon lübcen tai (22) tatabi: saliyyin xara xabčasan-dān bata= (23) laǰi ɣanzayalabi: ariün çayān miridēn (24) šara toryon biçitei küzüünēsen (25) möltölöǰi zalabi: manar mönggün kökö= (26) liyinin gürei dotoroni batalaǰi yuyabi:

18b (1) engger xara toryon büsēn elekeren (2) ɣurbi sāǰi orōǰi büsülbe: kündü šara (3) baltūyān büsü nuryun zabsartān aɣari (4) zandan işerani xabçiülbi: kiyitan xara (5) tenggesiyigi xaleyād zoqsobi: uūlayin (6) dünggei çayān doligān unduü sunduü (7) cokād bayinala: üküriyyin dünggei kökö (8) çiluün uruxsul doqšin-doni biye (9) biyēn gübdüldēd ulān ɣal badarād (10) bainēla: nayan xoyor ergelgetei: naimin (11) mingyon sorolyotai: nādaki biyēnin (12) ergeni dolōn mingyon alda manar (13) ulān erge genēla: šōbōgēn üzüür (14) irmiq-tei genēla: oron geküni yayaǰi (15) orxu-bi: bain geküni yayaǰi baixubi: (16) baiyād baidaq bolxonı: xān ɣangɣartu (17) yū angxarayaxu bi: xaluün zuryān (18) mingyon arban xoyor bāturtān yū (19) kelkübi: zuün orondu çiyirigēren (20) aldarşıqsan: zuryan oron-du batu= (21) rāran aldarşıqsan: nartu delkēn (22) oron-du xurudaran tuūruqsan: nari= (23) xan kürüng ɣalzan taiyān baiya bayıǰi: (24) alxād ɣaraxu çalçāq dotora amin (25) metü aduü mini: aixu šara mangyasiyyin (26) nutuq öödü orō yabtalani: aiyād

19a (1) zogsōd xariǰi irbiçi: arban (2) xoyor amin metü bātur dotorōsu: (3) zuryān sariyyin xaruūldu çimayigi: šo (4) bulāldajı çimdu tuxxulāran ene (5) mangyasayin külēseni aiyād öndör (6) çayān uūlayin oroı dēre xalaq (7) yayalai bi çimayigi xaruūldu suūlyoq= (8) san ese bilü bi geǰi zarlıq bolōd: (9) altan önggötei arban çayān muturān (10) ɣurban üyüdēn tašād okobi: abçi (11) üüni-ɣar: abaraltu ügei oçir (12) gereliyyin nige coykōqsan milēn šaraxani (13) zuryān sardu zuq arei geǰi edege= (14) deq: aduüyān nekenēbi abai çigi (15) aldabi çigi: namayigi kezē iren (16) irtele milē suludaxul ügei ödō= (17) riyin dolōn mingyan ödürtüni milei= (18) du: sö boluqsan caqtu dörbün möçi= (19) döni

küni yuyin činēn bōdūtin: (20) utu biyeni yurban alda delem (21) aɣari zandan ɣasiyigi ɣaɣar-tu (22) šubtu šāyad: iyigiji külü geji (23) zarliq bolxu bišiyu: bātur sabariyin (24) biyeni: xān ɣangyariyinin aduūgiyini (25) xamaɣi köögöö yabutala xayaji orkōd (26) aiji xariji irkilēni: aldar

19b (1) noyon boqdoni cuxuldād: üküdüq (2) milē külei xoyor-tu ögči genei (3) gekü nereni: mingyon ɣalab-tu alduū= (4) laši ügei muū nere: orji ükükü (5) bolnai gēd: xaš xula bāturiyin (6) terüün xaqsan kiyitin xara jilang (7) sumuni xād orkiqsan šaraxani (8) šara toryon ul-butayigini ibtü (9) tusuqsan šaraxa: onu zebe (10) xoyorani amin biyideni tengnēd (11) zoqsoqsan sanji ene sumutai= (12) ɣān usun-du orōd odxoni: (13) nasuni zobolong kecüü bolxu (14) bišiyü: üünen suyułji abxu (15) arɣa xayixu bolnai geji kēled: (16) sayixan kürüng ɣalzanān xatarji (17) orkōd: küdüriyin zo arsār (18) keqsen ɣanzayān suyułji (19) abād: xurdun cayān sumuni (20) alixani dünggei xara bolōd zebē= (21) seni: bütüülon batalji uyubi: (22) sayixan kürüng ɣalzaniyinin: sabūr (23) mönggün süülēseni uyubi: (24) uyaji orokōd suda tusbi

20a (1) saixan kürünggiinin sairi ödōni (2) tali zandan milayāran tablaji tatād (3) abi: tataqsan kürüngni taq ɣaredād (4) tusubi: alda cayān sumuigi (5) amin ulān yolōsoni suɣu (6) tataji abi: abaqsani xoinoni (7) ara ömnö xoyor šaraxā amināsoni: (8) āɣa dünggei xoyor anggi nöjjiq (9) cusun asaxarji unubi: unuq= (10) sani xoinoi toxomāsan xoyor (11) anggi tasulji abād: šaraxaiyinin (12) amiini böqlöbe: böqlöji baitalani: (13) oroljoni amin dēre baiqsan (14) zuryān bātur: zuryān külügiyin (15) zuryān mönggün cayān uüduygi (16) zegelüülji zoqsōd: zuryān (17) xajitai zandan aramān amin ulān (18) ɣoldoni zōbölēd: zuryuulan (19) deqce debirbi: dabirēd kürči (20) irteleni ɣal ulān ergēn dēgüü= (21) rani kürüng morēn tülüküji unu= (22) ɣāyad: tabun alda bulu toryon (23) culbuür turši biyeni ɣarēden (24) ömnöni tusbi: tülköji unuyāq= (25) san kürüng mörini ɣal ulān ergēn

20b (1) doroni: köküül xara balçiqtu köb= (2) ciqtēn kürči šigidebe: tabi sāji (3) tataji yadabi: ɣal ulān erge dēre (4) ɣalzuü zuryān bātur zoqči baiyād (5) soronci bolod üldēren: geriyin dung= (6) gei manar ulān šabriyigi dērēseni (7) unuyābi: arɣa ügei arsalang (8) kürüng biye xoyorōn šabrār bulun (9) gekülei: amēn zuülji ɣarād kürüng= (10) gēn xayaji orkōd: unduü sunduü (11) cokoqson ulayin dünggei cayān doli=

(12) gān dotorāyār orād öömēd od= (13) bola: ara biyideni züüdün bo-
luqsan (14) boqdoni šara cōxor bumbulbainin (15) dotoroni: šariyin
zuryān mingyon (16) arban xoyor naran ulān bāturtā (17) arza arkēn
süüri dunduni: axalaqçi (18) tenggeriyin jırayalar jıryaǰı suıtu= (19)
lani: mönggün altai ūla bāritei genei= (20) la: mön šartaq dalai usuluür-
tai: (21) erdeni tögös jlün buluq manalyatai: (22) eqce yesen mingyon
tunjirmuüd (23) aduügi: erkešil yeketei doqšin (24) šara mangyas xāna
köögöod abād oçi (25) genei: ejen ǰangyar xāni ene ödör

21a (1) kürtülü angxarād ügei sanǰı: aduü (2) xargüldaq aqsayal
bādaiyni aldar (3) boqdōson ayiyad angxarayaǰı (4) yadād: arsalng al-
tai uūlayin beldü (5) uryuqsan xatuü xarayānāsa (6) alda delem xatuü
xarayanaigi: (7) enjür ulān elkēren šubtu šāyad (8) amin ulān ǰoloron
ibtü ǰaryabi: (9) arsalang uūliyin beldü üküriyin dünggei (10) ere xara
çiluügi elkedeǰi (11) teberen kiyisēd amini ǰarād odbi: (12) kelmerçi kei
jılbang üülen xurdun (13) alayān unād albutu aduütaiygi: (14) aranzula
zerdetēgi ǰurban dolō (15) xonōd ergedeq zangatai bolnai: (16) albu-
tuüni ergēd: aranzula zerdēni (17) ergēd: manāgiyin arsalangyuüdtü:
(18) aixu mangyasyin omoqni türgün bainei: (19) almas šulmain elçi
xurdun bainei: (20) amin metü zerdē mini asarsan sayitur (21) manatan:
xān ǰangyariyin zarlıqını (22) ene: xurdun alyāran adun öödō (23) orobi:
oron gekülei-ni arsalang (24) altai uūlayin bairini alduülād oçi (25) bol-
nai: aršān cayān tenggesiyin (26) usuldeq mōrani bilerēd oçi:

21b (1) atayar zandan modoni süüdüriyin tārāl= (2) geni eiegerēd
oçi: alang bolōd xalē= (3) ǰād zoqsobi: alyāran aliki ǰaǰar (4) öödō
ǰaraqsan bolnai gēd xalēbe: xelē= (5) ji yabun geküni xarayatn ǰoliyin
(6) xaǰiüyāsa xamād kööqsen mōrtōni (7) orobi: ǰurban yeke xālyā
aduüni (8) mōr: naron suıxōin ara üzüq (9) öödü ǰarād odoqsan za-
mani: kem= (10) jiid xalēxani: naimin dolō xonoq= (11) son kebtei
bolnai: xurdun alyāran (12) šara cōxōr bumbalbayin üüdündüni: (13)
jıbxolnggiyin zuryān mingyon šara (14) altan xabxain aman-du: xurdun
(15) alyān xatarbi: boqdo xāni zergedü (16) güün orbi: cayān möngšür
duülxān (17) abçi öbödōq dēren talibin: manar (18) mönggün šaluüyān
geǰigi talān ilēd (19) mala xabxān širēnin köliyni xalē= (20) ǰād suü-
bi: sūqsun caqtuni: (21) aldar noyon boqdoni angxaran zar= (22) liq
bolbi: jē darya jılbang šara (23) dōrbün kiyid mini toqtuün bainu: (24)

šajmuniyin xübilγān blama mini šara ügei (25) bainu: jibxalanggiyin altaigi jiri (26) ergeqsen albatu mini bürün bainu: (27) töröoni töbšüündü: üüre noyodūd

22a (1) üiledēn čiki bainu: cuγār saixan (2) bürün bainei geji angxarayaba: aranzula (3) zerdēn jilōči araγ zula mangnai: amin (4) metü dörbün mingyon nöködtegen aranzula (5) zerdetēgēn arki arzān uūji amar (6) mende bainu: bainei geji angxarayabi: (7) aduūn mini mende bainu: aldar noyon (8) boqdo mini gegēn dundān angxaraqtan: (9) aduūn čigi ügei aqsaxal bādaī čigi ügei (10) arban tabun nököd [a]duūčini čigi (11) ügei: y-yuū kelene či geji zarliq bolbi: (12) altan önggötei arban caγān muturan (13) γurban üye delden tašād: aγari zandan (14) širie dērēn öndölji buji suūji angxar= (15) bi: ali zambain orondu odoqsan mör (16) ügēyü: xaiji yabutala mini xarayata {γoliyin} (17) tašuüγāsa xamād abaqsan mörtöni orbi (18) bi: möriinini kemjēgiyini xalēxuni: naimin (19) dolō xonoqsan kebtei: γarād odoqsan (20) γajariyin üzüq-ni oroxu šara narani (21) köl temcēd oči: aldar noyon boqdoni (22) zarliq bolbai: narun suūxu üzüqtü (23) nadalai temcekü öšētei kümün ügei (24) bilei: γaralyani tiyigen teriün γaraqsan (25) bolbi čigi ara ömnö üzügiyin nigen tala (26) orōji γaraqsan biyiza gebe: irēd (27) ügei yeren yesen jiliyigi ailadaji (28) mededeq ese bilüü či: iriqsen dalan

22b (1) jilinggi ödör endüürel ügei keldeq (2) ese bilüü či: naran suūxu üzüqtü (3) mini aduūgi nadāsa bulāji abči ezelkü (4) yuūn küün bilei: üüniyigi ayildan tāji (5) mede altan čēji xāni zarliγar (6) manar toryon tümtügiyigi giγigi dorōn (7) talibād: arban caγān xuryān elken (8) dēren salābčilād: aldar boqdein zar= (9) liγār uxān xaibi: xān- {dü} öödö öndēn (10) angxarayabi: üünese aranzula zērdiyin (11) dunda güüdülēr yabuxuni arban tabun sarai (12) γajar genēla: enggiyin külüqtü γurban (13) zuūn γučin zuryān sarai γajar genēla: (14) nāda biyideni soronci xara tengges šibē= (15) tei¹ genei: dorodō dolōn oro xōsoruūl= (16)

¹ Водное происхождение суженой Джангара проясняется только при описании ее отца. Владения Гюши Замба хана, тестя Джангара, локализируются в Нижнем / Водном мире. Его обителью является Огненное море, имеющее двойное течение. Также есть и прямое указание, что Гюши Замба хан является хозяином лубсурга, т. е. хозяином водной стихии.

ji genei: dangyār biyeni dalan tümün bātur= (17) tai genei: nereleqçi nereni doqşin zambal (18) geqçi nertei xān genei: tüüni imiyini sakiq= (19) çi xaş xula gedeq bātur genei: xadayin (20) dūnggei ulān külüqtei genei: küüni amin (21) ulān yoldu zöbölöqsen alixani (22) dūnggei xara bolöd zebetei: küüni kelēr (23) tusuduq eqce nayn xoyor sumutai (24) genei: öiröni daxuūlaqsan nököd bāturani: (25) yalzuü xongyorlai adali zuryān bātur (26) zuryūlayin bariyiqsan zer zebeni zuüyād (27) alda zuryān xajıtai armatai: soronci

23a (1) xara tenggesiyin yaqçaxan orolyārani aduü= (2) giyitan şaxād oruülji orkoji: tenggesiyin (3) örgön biyeni tabun sarai örgön bolnai: aduün (4) orji öömēd tabun dolō xonoji: mani (5) bātur sabar yal ulān ergērani xurdun (6) kürünggēn alyaqłajı tülküji unuyāyad: (7) köküüle xara şabar-tu köbcögiyinini zaxacai (8) şigedkeji unuyāyad: tabi sāji tataji (9) suyulji yadaji manar ulān erge dēreseni (10) yalzuü zuryān bātur soronci xara bolodāran (11) nasutai cariyin dūnggei şabar maltan dēreseni (12) unuyābi: külüqtegēn xoyuūlan şabartu (13) daraqdan gekülēren: kürüng mörēn xayaji (14) orköd soronci xara tengges öödö undu (15) sunduü cokoqson uūlayin dūnggei doligē= (16) du orji öimēd xoyor dolō xonoji (17) geji angxarayabi: aldar noyon boqdoni (18) zarlıq bolbi: dalan tümün bāturtai: doqşin (19) zambi xānlai dolōn törölēn todorxoi (20) medenei bi: tüünlei örö ügei bilei bi: (21) ene nasundān abaqsan abalya mini ügei (22) bilei: aranzala zērdini mini dōrbün turū= (23) ni möltö ese tuxxuni: aramdadaq (24) ayari zandan aram mini xuyu ese (25) tuxxuni: aşidani çimāsu ese abadaq (26) bolxonı: yesen mingyon cusun zērde (27) tunjirmuüd mini: adaq geqsen dāyan mini

Согласно верованиям калмыков, лубсурга — обитатели вод. Как замечено С. С. Суразаковым, «... „хозяева стихий“ (они-то и называются ээзи) чаще всего выступают друзьями и помощниками героев, борьба с ними носит временный характер и всегда заканчивается братанием» [Суразаков 1985: 25]. Инвариантное ядро образов «хозяев» обнаруживается в охотничьем эпосе. По мнению С. С. Суразакова, «...сюжеты о встречах, борьбе и братании героев с подобного рода „хозяевами“ в дошедшем до нас эпосе не выступают самостоятельно, а входят обычно как один из постоянных компонентов в состав сказаний о героическом сватовстве» [Суразаков 1985: 28].

23b (1) xulda geküni arban bum örköse ökö (2) mini ügei bilei: amin metü aduügi (3) mini abçi odöd: kücüji nekeji (4) kürtüle mini: arban üzüqtü tarāyād (5) orkoxu bolūzai a-a jilbung mini (6) aranzula zērdii mini abçi iri (7) geji zakki ögööçi: mön ulān xaçir (8) dēgēren möndör xara nilbusān cacalā (9) xalēbi: ene zarligiyin süülini baruün (10) biyēn <baruün biyēn> γurban mingyon (11) bāturiyin dundāsa zuün jiliyin (12) zobolong üzübe geji: andayār (13) yoxo geji keldeq zang ügei genei: (14) zuryān jildü mila suludxul ügei (15) milēçibe çigi aman γurban ügēn (16) endüürji ülü keldeq bolnayila: (17) zörmiq biyēni surxuni: buxulād (18) zoqsoqsan: zuryān bum dain-dü (19) möri ügei biyeni ayari zandan (20) modōgi ündüstēgiini aca yū= (21) giini şudurād ēm dēren abād (22) yabuyār dabirād ordoq zörmaq (23) geneila: γabşuün biyeni amindān (24) kürēd ireqsen naimin mingyon (25) aramiyin oroi dēgüür bumbain (26) dörbün möçēn kürgül ügei (27) γarēdedeq bolnai: dain-du

24a (1) dalan sardu çabçildād arsalang kökö (2) γalzan külüqani mingyon şaraxtai biyeni (3) xoyor mingyon şaraxtai şaraxain (4) cusun-du şara toryon ulbuni köböq= (5) sen temēni nōson metü buturād: (6) uruyuqsan utu zandan saixan nur= (7) γoni numun metü bökögöd: düürüq= (8) sen arban tabuni sara metü düürüng (9) ulān çirēni unturuqsan γaliyin (10) ünüsün metü: xalēdeq alaq tar= (11) çēn nidüni anildad: adaxadaq (12) arban xara xuryoni aimed: aldaji (13) tabalād zulād γaranala: ara biye= (14) seni adali çidaltai zuün bātur (15) zuüγad alda zūn jiditei: zuün (16) xurdun möritei deqce kücüji (17) irēd zuülun zuün jidēr çičēd: (18) zuün xurdun külügiyin şürüügēr (19) tülkj genei: tobiri mönggün köbcö= (20) geseni suiriini ködölgeji yadaji (21) genei uqtu şireken açi genei (22) tümülgütü xāni küükünēse γaraqsan (23) zē genei: töbşin bökö mönggün şiq= (24) şirgēn köbüün genei: mergen güşi (25) zandan gereliyin xōrin xoyor nasun= (26) du

24b (1) üüdün bütüji γarçi genei: düübür (2) ulān xongyor bātur genei: aldar (3) noyon boqdodān angxarayaji sūnai= (4) la: aranzala xurdan zērde altatu (5) mişitēgen nada xairen boltun: (6) aduügiytan arban sariyin eces (7) dunduni: arşān cayān tenggestēn (8) abçi irji usulsubi: aldar (9) noyon boqdoni zarlig bolbai: jē (10) türügücükü daisun dotoro tömör (11) jidēn üzüür mini: tümün xōin-dü (12) dobotoldoq

tüükē ulān čono mini: (13) nomoyār buüliqsan xurdun çayān (14) itilge mini: altaiyini mini dotoro (15) altan baxana mini: noqtolōd orkoq= (16) son çaradiyin köbüün mini: jē arban (17) xoyor zurγān mingyon arban xoyor (18) biyēren nekeye: aldar noyon (19) boqdo mini arban xoyor zurγān (20) mingyon biyēren nekeji kereq (21) ügei: bi yaqçaran odonai bi: (22) doqšin zambal xāni dolōn üyedü (23) ugiyini ese tasuldaq bolxoni: (24) ene nasundān tani cuxullai xar= (25) γād üküsü bi: eces xōitō (26) töröldēn erliq xāni zasaqlai (27) xaryaçi üküsü bi: tere ügēn (28) süülleini: araq zula mangnai

25a (1) arsalang zērdiigi kötölēd irbe xurdun (2) saixan zērdēn xairin bolbi: altatu (3) mišilēn xairin bolbi: ariün çayān mir= (4) diiyān oroi dēreni adislabi: narixan (5) xurdun zērdiyini unād: naran sū= (6) xuin ara köl temced odbi: naimin (7) mingyon altaiyiini zōb ergēd odbi: (8) ödör gebe öñjil ügei odbi söö gebe (9) xonol ügei odbi: soronci xara teng= (10) gesiyin dotoroni düülün öimin nekēd (11) döçin yesen xonoqtü delden öimööd (12) süülüini kücübe: kücüqsen biyeni nayan (13) xoyor erelgen biyēni ernei: naimin (14) mingyon soronci sorolyon usuni yoröl (15) öödü soronai: uülayin dünggei çayān (16) doligān ende tendēgüürni unduü (17) sunduü cokonai: üküriyin dünggē xara (18) çilün böörü belküüsērani urusxuldu (19) cokonai: bumbayin çayān çējiini budan (20) yeke xarngγū bolbi ançin gedeq zür= (21) köni aibilxaigiini gübdübe: adüniinin (22) süülüini üzēd türüün zaxuiyini xalēn (23) geküni: köqšin zērde ajiçiyani tabun (24) sarai örgön soronci xara tenggesiyin (25) sarbaxn ulān ergiini dēren unuyāçad (26) irbe: sarabxn ulān ergiini xalēn

25b (1) geküni çalzuü xongyoriyin mör ügei: (2) naimin mingyon külügēn sōqson: xürülani= (3) dād düduçi sülayila: xurdun zērde (4) ajiçiyān xalēn geküni: adüniinin türüün (5) dundani ecesen köqšin dörbün zuün (6) çigei möriyigi urusxul uru biyidēn (7) abād: urusxul biyiini böqlōn öi= (8) miçi yabunai: neken öimiçsan bātur (9) sabar tengnen tusuqsan kiyitin xara (10) zebēn šaraxārani: soronci xara (11) tenggesiyin urusxulni: cā nā xoyo= (12) rain amarāni selçi cokobi: dörbün (13) küdür çayān möçini: dörbün anggi (14) teleqdebe: bumbain yeke çayān çēji= (15) ni budan yeke xarngγui bolbi: (16) ayixu dalayin yoröldu amrçatu (17) tulayin aman-du orçi ükükü xubi= (18) tei sançi labā bi:

geji sanād (19) xurlaydabi: γurbi duūdād: xur= (20) laidād orkoqsan duūni: usuni (21) olon amitani cösöni xaya tusbi: (22) ūla dērki amitan beldēn unubi: (23) daruūni dūduqsan duūni jibxalanggiyin (24) altai gedeq uülāsan dēre γaγar (25) olobči: jindamaniyin xūbilyan boq= (26) dōson dēre eze olobi či geji (27) duūduqsan dūnlani ceg xamtu

26a (1) köqšin zērde aγirγani kükürsün (2) incayāγād: baruūn ama tataji xōrān (3) xalēji unuyun dāγan ügei incayāji (4) cūbirin daxabi: uūlayin dūnggei arban (5) xoyor xara dalang doligāni dēgüür unal (6) ügei γacaidan tuūji öimēd: urus= (7) xuldu uruūdād odoqsan sabarān: (8) olji ömnēgüürani torbi šangxaq mönggün (9) delēsen arban xara sabariyini adxuul= (10) bi: köqšin zērde dēren čiki sun (11) öimuülbi: yesen mingyon tunjirmuud= (12) ni salal ügei öimibi: eqce xoyor (13) sardān salal ügei öimibi: manar ulān (14) ergēn baragiini γurban sardān abai: manar (15) ulān erge dēre baiqsan γalzuū zuryān (16) bātur γaqcaxan orolγoyigi abād (17) zoqsobi: aduūni terüün öiridēd (18) irbe: γal ulān erger γaqcaxan (19) γaralyārani terüün aduūni γarād (20) irbe: zuryān bātur zoqsōji yadād: (21) zuryān xajitai {zandan} jidēn-nin tömörē= (22) seni barēd: iši biyērni gübdün (23) zoqsoji yadabi: aduūni terüüni (24) altai mönggün cayān uülān temcēd (25) γarād odbi: zuryān külügiyin (26) šürüün xurudār aduūni torüü bulāl= (27) dan ērji yadabi: naran γaraxu üzüq

26b (1) talasan: jibxolanggiyin altaiγāsan narin (2) ulān tōsun oqtorγuūdu cuūnuq= (3) laji γarbai: tōson kürči irtele (4) aduūni süül kücüs γarād: köqšin (5) zērde aγirayān ardāsani talibabi: (6) köküül xara balčiqtu unuqsan (7) küükün kürüng γalzani: taibus xara (8) balčigiyigi tas tiyirēd γarbi: (9) aranzala kürüng dērēn γarād: (10) adūniiniin ardasani xalēn aldaji (11) tablād γarbi: γaran geküni (12) angxan terüün köögööd iriqsen (13) γurban zamdān oroji: altai (14) mönggün cayān ulān temcēd γarād (15) odbi: arsalang zuryān bāturlai: (16) aranzala xurdun zērdiigēn unuq= (17) san: altatu zandan mišiliyigi (18) ēmdeqsēn: asar ulān xongyor (19) aduūnāsani xayacuülād: arsalang (20) cayān xadayin bel öödö aranzaliyin (21) šürüügēr aramdanai bariqdal ügei (22) ērbe: aranzala xurdun zērde (23) öbödügiyini daxaji ömkörēd: (24) dabšüriyini daxaji daγād: dab (25) dēre dalan tabi ergēd ögönei: (26) eqce döčin yesen xonoqtu (27) ere cayān xadayin beldü ēreji (28) genüülebe: oron-du ügei zuryān

27a (1) biyeni zuryān xajitai zandan aramiynin (2) üzüürtü morin biye xoyoriyini torγo= (3) jī yadabi: ara biyidēn xalēn geküni: (4) kündü γartai sabar sayixan kürüng γal= (5) zanan unuqsan nayad šara baltani (6) narni gereldü gilibkēd: narixan kürüng= (7) giyin šürüün xurdār arsalang mönggün (8) çayān uüliyin tašuüdu: aranzali (9) xurdun zērdēren arsalang mönggün (10) çayān uülayin bel dēre: γalzuü (11) zuryān bāturiyigi ēreji baiqsan: (12) xalinggi ulān xongγoriyigi xaikirin (13) dabiṛji irbe: šaldaq zuryān bātu= (14) riyni dundāsani: uülayin dünggei (15) ulān cōxor külüqtei naran ulān (16) bātur: utu zandan aramān amin (17) ulān γoldoni zöblēd onca γarād (18) irbele: saixan kürüng γalzan (19) külüqni: olon daini köl taniji (20) genei-la: utu zandan aramiyin dob= (21) tolyuini üzüji genēla: sonor (22) saixan çikēn soliji xaiçilbi: (23) soγoi bolōd nidēren aramiyin (24) arban xoyor üüdkiyiyin-ni aldal (25) ügei širtibe: dējjiyin cōgöcö (26) boloqsan dörbün xara turuüγān (27) deqce ökobi: aramiyin γurban xara (28) bolōd šiçširgi šarad gekü duün= (29) lai

27b (1) bölbölji γacayidabi: γacayidan (2) tusxulāran γalzuü tabun bāturiyiyin (3) dunduni tusbi: armadād örgöq= (4) sen aramani arsalanggiyiyin kürünggiyiyin (5) dörbün xara turuün doroni: zuryān (6) alda γajar ibti tusbi: kiy= (7) diyin ulān cōxorani aramiyin bula (8) torγon saldarγadu baruün γariyiyin (9) alixan-du batalan baritalani aran= (10) zala xurdun zērdeni ara dal= (11) duni kürgēd öqbei asar ulān (12) xongγor altatu mišilēren (13) sarbas gēd önggörbe: aranzala (14) xurdun zērdiyin šürüün xurdār (15) olji γarād ardān xalēn geküni: (16) eme küüni südulār emēl dēren (17) tengneqdēd ulān cōxor küle= (18) gēsen uüla unuqsan kebtei (19) unubi: saiduür saixan talai (20) dotōγur saixan zērdiinin amuü= (21) ni ergüülēd āšinai genei-la: (22) γolduülun tusuqsan γalzuü (23) kürünggtei bātur sabar baltāran (24) baruün solγoi xoyortān nāçibi: (25) bazaq ulān xongγortaiγān xoyuü= (26) lan: öndör çayān ülayin bel (27) dorōγuür-ni: ölködöqsön xoyor (28) külügiyiyin šürüügēr ēren baiγad

28a (1) utu zandan armuüdiini unduü (2) sunduü bulāji abād: omoqtai (3) tabun biyiini öndör çayān uüliyin (4) beldü eqce tabuül-ayn tolyoi= (5) geini kerçiji abād: zuruq (6) boluqsan zuryān külügiini ēren (7) baribi: öndör çayān uüliyin ömnö (8) omoruünduni: xaš xu-

layin xadayin (9) dūnggei ulāniygi xarayaldūlun (10) bariji abi: oro
 yaraqsan doluū= (11) layin {tolγōgiyini cuqluūlad: doluūlayin} dolōn
 baruūn xalxaduni: (12) tabun üyüdēn aldarši ügei tabtai (13) sabari-
 yin kete tamiya darabi: doluū= (14) layin dolōn zūun xalxadoni: (15)
 bātarmuūdiyin beke xara cusār (16) biçibei: biçiqsen biçigiyini ügüni:
 (17) dalan tümün bāturtai: dordoki (18) doqšin dolōn oro xosoruūluq=
 (19) luqsan: doqšin šara mangyas xāni (20) çimdü biçibei bi: bazaq ulān
 (21) xongyor: bātur sabartaiγān xoyuū= (22) lan: nartu delkēn oron-du
 yarayād (23) yobdaq aiçini ene: önçin zandan (24) ūliiçin balbalnaibi:
 öndör šara (25) cōxor balyadiiçin ba[l]ba[l]nai bi: (26) döši boluqsan
 tangyaçi: düübür (27) šariyin orōçin xōsoruūlnai bi:

28b (1) ene nasundān nadalai öšētei (2) bilçi: ecos xōitü töröldēn (3)
 öšētei bilüçi: esergen ürü (4) sarain¹ naimin šinēn ödör-tü (5) daildayā:
 daildadaq yaǰar mini (6) erkülüügiyin mönggün cayān uūla (7) gedeq
 uūla bainei: ergēd (8) uryuqsan utu zandan modotai (9) elbeq saixan
 usuluūrtai: (10) erken biši ene biçigiyin ügēr (11) daildayā: ese dail-
 dadaq (12) bolxoni: zuūn jiliyin albān aca: (13) zuryān jiliyin buruūγān
 ere: (14) doluūayin dolōn tolγoyigiini: (15) eseren oroi nükērani ar-
 amiyi (16) üzürēr šubtu šāγad: aramii= (17) nin utu zandan işini xuγu=
 (18) çin xayād: dolōn külügiyin (19) küdüriyin arsār keqsan γanza=
 (20) γāsan kümün tāliši ügēgēr (21) batalji uyabi: dolōn külü= (22) gi-
 inin olong tatuūriini çingγā= (23) γād: soronci xara tenggesiyin (24)
 or yaqçaxan orolγunduni (25) abçi irēd cusuni xara (26) šoronçiir
 dolūlaiyin dolōn

29a (1) γuyini ibtü yuügiyini buū tatabi: (2) γal ulān ergēr γalzuū
 dolōn (3) külügiyini šaxaji oruūlad: (4) šaxād okoqsan külügüdni: (5)
 uūlayin dūnggei xara dalang doligān= (6) du unduū suūnduū cokoqdād:
 (7) öimid orād odbi: oruūlji (8) orkōd: altāγaran bai kēd ar= (9) zār
 mörei kēd: arban sariyin (10) yaǰar bolzoq kegēd uruldobi: (11) ar-
 salanggiyin xoyor külügiyin jolō (12) suludxuxulāran küündüqsən

¹ В эпическом тексте все значимые встречи и сражения назначаются в месяц Урюс. Э. П. Бакаева отмечает, термин *γр* имеет аналогию с древнеиранскими традициями и имеет значение ‘всход, давать росток (о траве); умножаться, возрастать в числе (количестве), приносить детенышей’ [Бакаева 2009: 42].

ügüni: (13) šariyin dörbün tümün xāni nutuqtu (14) xurdāran tuūruqsan kürüng mörin: (15) šajin dörbün tibiyyi tuūruqsan aran= (16) zala xurdun zērde ene xoyuūlān (17) xurduūni üzüye: jē gegēd jolō (18) suludxubi: arban sarai ʔaʔar-tu (19) döčün yesen xonogiyin dunduni (20) kürbe: kürēd irbe: saixan (21) kürüng ʔalzan zērdēse arʔamaʔi (22) turši ʔarči yabunai: ömnu biyidēn (23) xalēn geküni düübür altai ūla= (24) ni dünggēgēdēd bainei-la:

29b (1) dürkereqsan šartaq dalaini manan bolʔi (2) tunubla: altaiyinin ʔolduni arsalang= (3) giyin xoyor külügēren orōd irbilan: (4) ʔašad šara torʔon tugiyin yozuūr= (5) tu kürēd iriqsen caqtuni ʔai= (6) xaji zurʔān mingʔon arban xoyor (7) bātur uqtun ʔarči irēd: külü= (8) güüdēsü suidin buūlʔabi: күндү (9) dēdū boqdoinin zergedü kürgüʔi (10) oruūlbi: kökō sambain tašuūdu külgüū= (11) düūni talibabi: oro ʔaraqsan xoyor (12) bātarani orʔi irēd: naran zambi (13) xāni caʔān möngšün duūlxān abči (14) talibād: xān ʔangʔariyin širēdeni toil (15) saixan toloʔaiʔāran tōtoi ʔurbād (16) mörgēd suūbi: aldar noyon boqdoni (17) zarliq bolbai: xara uūlayin orgil (18) dēgüūr angginuūlun yabuqči xara (19) erēn baras mini: xatuūgi mini bal= (20) balād ögöqči xara bolod doši mini: (21) nomoʔār buūliqsan xurdun caʔān (22) itilges mini: altaini mini ʔol dotor= (23) ki altan xoyor baxana mini: noq= (24) tolād orkoqsan ʔardiyin xoyor (25) köbüün mini: jē unuqsan külügüū= (26) diyinin čikin-düni nara urʔaji:

30a (1) odoqsan daiʔān darʔi: ireqsan onči= (2) tai xoyor bāturtu mini: arza keʔi (3) öq geʔi zarliq bolbi: araziyyi teb= (4) tani xairen bolōd: aliki daini učirei= (5) ni surʔi angxarād: amin metū tunʔir= (6) muūd aduūn mini amidu saixan mende (7) bürün irbe: aca geqsan arban ʔurban (8) erelgeten öqsü bi: xoyuūlayin tun: (9) amindü kürkü ʔurban yeke buruūgiiten (10) öqsöbi: arban töröliinin üyedü (11) šara torʔon ulbainin xormaigiyini (12) bariūlʔi: erketü dēdū tenggeriyin (13) orondu: ēʔiyin umai-du¹ eqce (14) mingʔon ʔalabd-tu erke biši xamtu (15)

¹ В калмыцком языке исходная форма — ома / ума в эпическом тексте отразилось как ēʔin umai-du (в материнском лоне). В мифологии различных народов (эвенков, нанайцев, негидальцев, орочей и др.) трактуется как душа человека (зародыша и ребенка до года) и животного. «Считалось, что до рождения ребенка оми в виде птичек обитали на ветвях

töröye geji angxarbi: bē yertümjiiyin (16) töriyigi xada metü baiyuülbi: burxani (17) šajiyigi naran metü baiyuülbi: ükül (18) ügei möngkō bolbi: ügēn ügei (19) toqtuün bolbi: übül ügei zuün (20) bolbi: šara cōxor bumbulbainin (21) dotoroni: šariyin zuryān mingyon (22) arban xoyor bātartaiyān arziyin (23) süüri dotoroni suün jiryabai:

30b (1) labiri önggötei {naran} mandalbi: način (2) torγoi xoyor gegēn zabsartu (3) torolbi: naimin mingyon jinda= (4) maniyin gerelni oqtorγui-du: (5) šara ulān kökō γurban solongγo (6) tusbi: jindminiyn xübilyān (7) jiryal yeketei aldar jangγar (8) geqči nereni: nartu delkēn (9) oron-du γaixuül bolbi (10) naimin tümün yeke xāni nutuq= (11) tu tuüji bolbalā: tuüji (12) bolon jiryabai::

Заклучение

На титуле рукописи указаны номер дела, название, а также содержится приписка «бывшая у Бобровникова». Рукопись представлена в форме тетради, сшитой нитью. Бумага плотная, серая. Чернила по всей рукописи черного цвета. Рукопись выведена полууставным убористым, четким почерком. Весь текст написан одной рукой. Текстом занято 30b пронумерованных листов, содержащих от 24 до 29 строк на странице [Убушиева 2018: 107]. Запись произведена с обеих сторон листов (лицевая и оборотная сторона), но тексты расположены в верхней отчерченной части листа. Нижняя часть листа изначально предназначена для записи пропущенных слов, фраз и предложений. В тексте эти места помечены знаком *.

В данной рукописи знак *бирга* — начало текста присутствует единожды в начале эпического текста. В образце также использо-

мирового дерева во владениях покровительницы деторождения. Попадая в женщину, оми дает начало жизни ребенку» [Мифологический словарь 1991: 415]. Как отмечает Е. Э. Хабунова, «...почитание материнской утробы ома у калмыков можно рассматривать как реликтовую форму древнего культа матери-прародительницы, отдельные функции и признаки которой в процессе эволюции мифологических представлений и развития буддизма были перенесены на различные божества» [Хабунова 2006: 53].

ваны галики, передающие тибетские и санскритские звуки, в основном это касается буддийских терминов и имен собственных.

Особенностью данной рукописи можно назвать обозначение долготы гласных букв. Так, долгота отмечается как горизонтальной черточкой «̄», которая ставится после гласного справа от слова, так и в написании *öi oi* вместо *yii ÿ*. Как отмечает Н. С. Яхонтова, это характерно для текстов раннего периода [Яхонтова 1996: 17–18].

В настоящее время исследователи имеют возможность работать с аутентичными рукописями фольклорных записей без оглядки на «идеологические табу», а транслитерация на латиницу с «ясного письма» образцов устного народного творчества калмыков позволит обращаться к ним большому кругу специалистов.

Источники

- Джангар 1990 — Джангар: калмыцкий героический эпос / сост., подг. текстов, коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 476 с. На калм. и рус. яз. (Серия «Эпос народов СССР»).
- НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15 — Научный архив Русского географического общества. Оп. 1. Разряд 53. Д. 15. Л. 1–30об. Рукопись на ойратской письменности.

Литература

- Бакаева 2009 — Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- Березкин, Дувакин — Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 20.07.2021).
- Куканова и др. 2013 — Куканова В. В., Манджиева Б. Б., Горяева Б. Б. Оцифровка калмыцких фольклорных произведений: вызовы и решения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 6(178). С. 124–130.
- Мелетинский 2006 — Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 4-е изд., репр. М.: Вост. лит., 2006. 407 с.

- Мирзаева 2021 — *Мирзаева С. В.* К постановке проблемы ввода в научный оборот аутентичных записей фольклорных текстов (на материале Малодербетовского цикла эпоса «Джангар») // Новый филологический вестник. 2021. № 2 (57). С. 422–429. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00061
- Мифологический словарь 1991 — Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.
- Неклюдов 1977 — *Неклюдов С. Ю.* О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. С. 193–228.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Суразаков 1985 — *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Убушиева 2018 — *Убушиева Д. В.* Малоизвестные рукописи песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» в записях XIX в. // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 1. С. 90–100. DOI 10.22162/2500-1523-2018-12-90-100
- Убушиева 2021 — *Убушиева Д. В.* Мотивы космогонического мифа о небесном охотнике и трех маралах в фольклоре калмыков // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 3. С. 567–576. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-567-576
- Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хальмг үнн 1981 — Хальмг үнн. 1981. №№ 155, 156, 157, 158, 159, 160.
- Яхонтова 1996 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

УДК 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-272-296

Традиционные формулы в якутской народной сказке (на материале Вилюйской экспедиции 1938 г.)

Надежда Васильевна Павлова ¹

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0001-7481-7695. E-mail: nadya.sanaaya@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Павлова Н. В., 2021

Аннотация. *Научная новизна.* В статье впервые на материале текстов якутских народных сказок, записанных лично А. А. Саввиным во время Вилюйской экспедиции в 1938 г., выявляются некоторые категории традиционных формул. *Цель и задачи.* Основной целью является выявление традиционных формул якутских народных сказок Вилюйской группы улусов. В соответствии с этим поставлены следующие задачи: систематизация традиционных словесных сказочных конструкций по всем известным категориям инициальных, медиальных и финальных формул; определение специфики сказочных формул данной локальной местности. *Методы исследования.* В разработке материала использован структурный анализ и системный подход классификации традиционных формул Н. Рошияну. *Результаты.* В результате исследования определены названия и количество рассказанных сказок и данные об информантах, у которых исследователь записывал якутские народные сказки. На материале 20 якутских сказок, зафиксированных А. А. Саввиным, выявлены и систематизированы категории инициальных, медиальных и финальных сказочных формул. По всем разновидностям традиционных формул составлены отдельные таблицы, представляющие наличие или отсутствие всех известных категорий. Для каждой выявленной категории традиционных формул в обязательном порядке

приводятся примеры из текстов на языке оригинала и с переводом на русский язык. Автором определена особенность традиционных формул Вилюйской группы улусов 1938 г.

Ключевые слова: якутская народная сказка, традиционные формулы, инициальные формулы, медиальные формулы, финальные формулы

Благодарность. Исследование выполнено в рамках научного проекта ПФИ РАН № 0279–2021–0036 «Поэтика фольклорного и литературного текста Якутии: специфика и закономерности эволюции».

Для цитирования: Павлова Н. В. Традиционные формулы в якутской народной сказке (на материале Вилюйской экспедиции 1938 г.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 272–296. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-272-296

UDC 398.21

Traditional Formulas of Yakut Folktales: A Case Study of the 1938 Vilyuysk Expedition's Materials

*Nadezhda V. Pavlova*¹

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrosky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0001-7481-7695. E-mail: nadya.sanaaya@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Pavlova N. V., 2021

Abstract. *Introduction.* The article is the first to have examined texts of Yakut folktales recorded personally by A. A. Savvin during the Vilyuysk Expedition of 1938 and revealed some categories of traditional formulas. *Goals.* The work primarily aims to identify traditional formulas of Yakut folktales from the Vilyuysk group of uluses. Accordingly, the study shall systemize traditional verbal folktale constructs by all known categories of initial, medial and final formulas; determine specifics of folktale formulas within the area under consideration. *Methods.* The employed techniques include structural analysis

and systematic approaches derived the N. Roşianu classification of traditional formulas. *Results*. The study determines titles and numbers of folktales recorded and data on respective informants. Analysis of twenty Yakut folktales recorded by A. A. Savvin yields systemized categories of initial, medial and final folktale formulas. Separate tables representing the presence or absence of all known categories have been compiled for all varieties of traditional formulas. Each identified category is characterized with examples drawn from original Yakut texts and accompanied by Russian translations. The paper defines a peculiar feature of traditional formulas inherent to the Vilyuysk group of uluses as of 1938.

Keywords: Yakut folktale, traditional formulas, initial formulas, medial formulas, final formulas

Acknowledgements. The reported study was funded by Fundamental Research Program of the RAS, project no. 0279-2021-0036 ‘Poetics of Yakutia’s Folklore and Literary Text: Specifics and Evolution Patterns’.

For citation: Pavlova N. V. Traditional Formulas of Yakut Folktales: A Case Study of the 1938 Vilyuysk Expedition’s Materials. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. No. 3. Pp. 272–296. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-272-296

Введение

Традиционные формулы являются специфическими элементами, конструкциями, создающими устойчивую структуру фольклорных произведений. Эти художественные конструкции — одна из составных частей композиции народной сказки. Устойчивые словосочетания, создававшиеся многими поколениями сказочников, стали хранилищем красоты и богатства устного народного творчества, его духовного наследия, в котором отражается культура и пространственно-временная картина мира этноса. Сказочные формулы тесно связаны не только с другими эпическими жанрами, но и с религиозным мировоззрением народа.

Традиционные формулы в якутской фольклористике в полной мере не изучены. В работах исследователей, посвященных рассмотрению сказочного жанра, содержится общая характеристика некоторых сторон формульной и неформульной стереотипии якутской волшебной сказки. Выбор темы обусловлен необходимостью

подробно исследовать формульный репертуар всех жанровых разновидностей якутской народной сказки.

Указатель собирателей якутской сказки, составленный Г. У. Эргисом, доказывает многообразие богатого сказочного материала, собранного А. А. Саввиным. Однако собранный им жанровый репертуар якутской сказки не исследован и не описан.

В связи с этим в данной статье путем выявления и классификации традиционных формул по всем его категориям мы попытаемся определить специфику сказочных формул Вилуйской группы улусов. Наше исследование, возможно, послужит одним из основных материалов как для изучения поэтики якутской народной сказки, так и для сравнительно-типологического исследования стиля сказочного повествования разных народов мира. Материалы предлагаемого исследования найдут применение также для изучения сказочных формул якутской народной сказки в диахроническом аспекте, в результате которого будет выявлено современное состояние структур традиционных формул данного жанра.

Основным материалом для исследования традиционных формул нами выбраны тексты якутских народных сказок, записанных А. А. Саввиным в 1938 г. в Вилуйской группе улусов. Во время этой экспедиции было собрано примерно 100 якутских сказок, из них лично самим А. А. Саввиным записано 20, а с помощью корреспондентов зафиксировано 80 единиц. А. А. Саввин записал 20 сказок у 6 информантов: из них 12 текстов у 29-летнего жителя Кыргыдайского наслега Вилуйского района Прокопия Софроновича Иванова, остальные 8 сказок исследователем были зафиксированы у жителей Кокуйского, II Лючинского, II Ситтинского наслегов Кобяйского района у Петра Николаевича Алексева, Герасима Саввича Ермолаева, Василия Петровича Иванова, Ивана Григорьевича Колмогорова, Григория Афанасьевича Кычкина [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 126, 156, 161–170, 183, 186, 185, 212] (см. табл. 1).

Таблица 1. Общая информация о записях и информантах

№	ФИО сказочника	Место записи	Наименование сказок	Количество сказок
1.	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыдайский н-г Виллойского р.	<p>1) «Быг обустаах, сүүтүк сыарбалаах Был-Быг Быгый-ан эмээхсин» («Старушка Быг-Быг Быгыйаан с быком-вошь и санями-напереток»);</p> <p>2) «Кыым ыстамылт» («Искра прыгнула»);</p> <p>3) «Тэтим Тэбээх» («Тэтим Тэгээх»);</p> <p>4) «Биир кыыстаах обонньордоох эмээхсин (Балыксыт обонньор)» («Старик да старуха с одной дочерью (Старик рыбак)»);</p> <p>5) «Чыпчаах Мангыс икки» («Птичка и Мангыс»);</p> <p>6) «Тибэн Тиэхээн» («Тибэн Тиэхээн»);</p> <p>7) «Саһыл икки туруйа икки» («Лиса и журавль»);</p> <p>8) «Отут охтоох Орогодой Тээһэк» («Орогодой Тээсэк с тридцатью стрелами»);</p> <p>9) «Куобах-куобах обонньор» («Старик заяц-заяц»);</p> <p>10) «Кыа балаҕаннаах обонньор» («Старик с юртой из трута»);</p> <p>11) «Биеэ ынахтаах, тый саҕа ыттаах Кымпаакан эмээхсин» («Старушка Кымпаакан с пятью коровами, собакой размером с двухгодовалого жеребенка»);</p> <p>12) «Мунур-Мунур обонньор» («Старик Мунгур-Мунгур»).</p>	12 сказок

2.	Алексеев Петр Никола- евич, 26 л.	П Лючинский н-г Кобяйского р.	«Ийдэй-Буудай» («Ийдэй-Буудай»)	1 сказка
3.	Ермолаев Герасим Сав- вич, 37 л.	Ситтинский н-г Кобяйского р.	«Бөрө уонна оюнньор» («Волк и старик»)	1 сказка
4.	Кычкин Гри- горий Аф., 64 г.	П Лючинский н-г Кобяйского р.	1) «Былаха тойон» («Блошиный господин»); 2) «Чыппа Кыалык» («Чыппа Кыалык»)	2 сказки
5.	Колмогоров Иван Григо- рьевич ¹	П Ситтинский н-г Кобяйского р.	1) «Гүөт сымыттаах Түөнэй кыыл» («Птица Түөнэй с четырьмя яйцами»); 2) «Саһыл бөрө дьукаахтыллара» («Лиса с волком жили совместно»)	2 сказки
6.	Иванов Василий Петрович ²	Кокуйский н-г Кобяйского р.	1) «Хардыһыг остуорууага» («Сказка картежника»); 2) «Икки кыыстаах Кыраасынай оюнньор баар үһү» («Старик Кыраасынай с двумя дочерьми живет, оказывається»)	2 сказки

¹ В архивных материалах не указан возраст информанта.

² В архивных материалах не указан возраст информанта.

Если рассматривать лично собранный А. А. Саввиным сказочный материал по жанровым категориям, то среди них бытовых — 10 единиц, волшебных — 5 единиц и сказок о животных — 5 единиц.

В российской фольклористике традиционные формулы народных сказок, вслед за Н. Рошияну, подразделяют на три группы: 1) инициальные (начальные) формулы; 2) медиальные формулы; 3) финальные формулы [Рошияну 1974: 6].

Инициальные формулы находятся в начале сказки, определяют время и место эпического повествования, представляют основных персонажей и обозначают исходную ситуацию сказочного действия. Финальные формулы находятся в конце сказки, их основная функция, по мнению Н. Рошияну, «заключается в перенесении слушателей в мир действительности», «с помощью легкой иронии, шуточного, пародийного тона финальная формула разрушает сказочный мир» [Рошияну 1974: 87]. А медиальные формулы, как утверждает исследователь, «не занимают определенного места, они могут быть рассыпаны по всему повествованию, сопровождая какого-либо героя или его действия, отмечая начало и конец определенного эпизода, очерчивая портрет какого-либо персонажа и т. д.» [Рошияну 1974: 88]. Они подразделяются на «внутренние и внешние» [Рошияну 1974: 92–98] или на «фабульно не обусловленные и фабульно обусловленные» [Адлейба 1991: 14–16].

По систематизации Н. Рошияну традиционные формулы в сказках разных народов России и мира также были рассмотрены в трудах Д. Я. Адлейба [Адлейба 1991], А. И. Алиевой [Алиева 1986], Б. Б. Горяевой [Горяева 2011], Ю. Н. Дьяконовой [Дьяконова 1990], Н. С. Коровиной [Коровина 2013а; Коровина 2013б], Б. Б. Манджиевой [Манджиева 2017], Т. М. Садаловой [Садалова 2008], Г. Р. Хусаиновой [Хусаинова 2000] и др.

Традиционные формулы в якутских народных сказках

1. Инициальные формулы. В результате рассмотрения 20 сказок А. А. Саввина нами выявлены 9 категорий **инициальных формул**, среди которых две группы относятся к внутренним

медиальным формулам: 1) формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы; 2) формулы, описывающие действия сказочных персонажей.

Как показал исследуемый материал, среди категорий инициальных формул сказочниками наиболее часто были употреблены формулы наличия или отсутствия и формулы, вводящие слушателя в действие сказки (см. табл. 2).

Таблица 2. Категории инициальных формул в якутских сказках в записи А. А. Саввина

№	Категории	Кол-во	Наименование сказок
1.	Формулы наличия или отсутствия	9	1) «Быт оҕустаах, сүүтүк саҕа сыарҕалаах быт-быт Быҕыйаан эмээхсин» («Старушка Быт-Быт Быҕыйаан с быком-вошь и санями-наперсток»); 2) «Бөрө уонна оҕонньор» («Волк и старик»); 3) «Тэтим Тэбээх» («Тэтим Тэгээх»); 4) «Саһыл икки туруйа икки» («Лиса и журавль»); 5) «Былахы тойо» («Блошинный господин»); 6) «Мунгур-Мунгур оҕонньор»; 7) «Икки кыыстаах Кыраасынай оҕонньор баар үһ» («Старик Кыраасынай с двумя дочерьми живет, оказывается»); 8) «Чыппа Кыалык» («Чыппа Кыалык»); 9) «Гибэн Тиэхээн» («Гибэн Тиэхээн»)

2.	Формулы, вводящие слушателя в действие сказки	8	<p>1) «КЫЫМ ЫСТАММЫТ» («Искра прыгнула»);</p> <p>2) «Биир кыыстаах оҕонньордоох эмээхсин (балыксыт оҕонньор)» («Старик да старуха с одной дочерью (Старик рыбак)»);</p> <p>3) «Чыгычаах Мангыс икки» («Птичка и Мангыс»);</p> <p>4) «Отут охтоох Ороҕодой Тээһэк» («Орогодой Тээсэк с тридцатью стрелами»);</p> <p>5) «Куобах-куобах оҕонньор» («Старик заяц-заяц»);</p> <p>6) «Кыа балаҕаннаах оҕонньор» («Старик с юртой из трута»);</p> <p>7) «Биэс ынахтаах, тый саҕа ыттаах Кымпаакаан эмээхсин» («Старушка Кымпаакаан с пятью коровами, собакой размером с двухгодовалого жеребенка»);</p> <p>8) «Түөт сыммыттаах Түөнэй кыыл» («Птица Тюёнэй с четырьмя яйцами»)</p>
3.	Формулы существования	6	<p>1) «Иидэй-Буудай» («Иидэй-Буудай»);</p> <p>2) «Быт оҕустаах, сүүтүк саҕа сыарҕалаах Быт-Быт Быгыйаан эмээхсин» («Старушка Быт-Быт Быгыйаан с быком-вошь и санями-наперсток»);</p> <p>3) «Бөрө уонна оҕонньор» («Волк и старик»);</p> <p>4) «Былахы тойон» («Блошинный господин»);</p> <p>5) «Саһыл бөрө дьуккаахтыылара» («Лиса с волком жили совместно»);</p> <p>6) «Чыппа Кыалык» («Чыппа Кыалык»)</p>

4.	Топографические формулы	3	1) «Иидэй-Буудай» («Иидэй-Буудай»); 2) «Бөрө уонна оҕонньор» («Волк и старик»); 3) «Хардыһыт остуоруйата» («Сказка картежника»)
5.	Хронологические формулы	2	1) «Бөрө уонна оҕонньор» («Волк и старик»); 2) «Хардыһыт остуоруйата» («Сказка картежника»)
6.	Формулы, определяющие социальное положение героя	2	1) «Быт оҕустаах, сүүтүк саҕа сыарҕалаах быт-быт Быҕыйаан эмээхсин» («Старушка Быт-Быт Быҕыйаан с быком-вошь и санями-наперсток»); 2) «Бөрө уонна оҕонньор» («Волк и старик»)
7.	Формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы	2	1) «Биир кыыстаах оҕонньордоох эмээхсин (балыксыт оҕонньор)» («Старик да старуха с одной дочерью (Старик рыбак)»); 2) «Быт оҕустаах, сүүтүк саҕа сыарҕалаах быт-быт Быҕыйаан эмээхсин» («Старушка Быт-Быт Быҕыйаан с быком-вошь и санями-наперсток»);
8.	Формулы, описывающие действия сказочных персонажей	2	1) «Хардыһыт остуоруйата» («Сказка картежника») 2) «Саһыл бөрө дьуккаахтыылара» («Лиса с волком жили совместно»)
9.	Формулы, характеризующие социальное и семейное положение героя	1	1) «Икки кыыстаах Кыраасынай оҕонньор баар үһү» («Старик Кыраасынай с двумя дочерьми живет, оказывается»)

Приведем некоторые примеры:

1. Формулы наличия или отсутствия:

1) *Тибэн Тиэхэн дьадагны, туга да суох киһи үһү* [ЯС 1967: 55] ‘Говорят, Тибен Тихон был бедным человеком, ничего не имел’ [ЯС 1967: 56].

2) *Саһыл биир уһаат лыыбалаах, туруйа биир тымтай хайахтаах* [ЯС 1964: 37] ‘У лисы есть один ушат мелкой рыбы, у журавля есть тымтай с хаяком’ [ЯС 1964: 39].

2. Формулы, вводящие слушателя в действие сказки:

1) *Сүрдээх куйаас буолбут...* [ЯС 1964: 97] ‘Наступила очень сильная жара...’ [ЯС 1964: 99].

2) *Саамнай үөккэ төрөн сыбыт үһү...* [ЯНС 2008: 118] ‘Высживала, говорят, на старой иве птенцов...’ [ЯНС 2008: 119].

2. Медиальные формулы. В 20 текстах нами выявлены 5 категорий **внутренних медиальных формул**. Среди внутренних медиальных формул в большом количестве наличествуют формулы, описывающие действия сказочных персонажей, и формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (см. табл. 3).

Таблица 3. Категории внутренних медиальных формул в якутских сказках в записи А. А. Саввина

№	Категории	Кол-во	Наименование сказок
1.	Формулы, описывающие действия сказочных персонажей	19	присутствуют во всех текстах, кроме «Кыа балаҕаннаах оҕонньор» («Старик с юртой из трута»)
2.	Формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей)	19	присутствуют во всех текстах, кроме «Мунгур-Мунгур оҕонньор» («Старик Мунгур-Мунгур»)
3.	Формулы, определяющие образ сказочных		1) «Биир кыыстаах оҕонньордоох эмээхсин (балыксыт оҕонньор)» («Старик да старуха с одной

	персонажей или описывающие принадлежащие им предметы	3	дочерью (Старик рыбак)); 2) «Быт оџустаах, сүүтүк саџа сыарџалаах Быт-Быт Быџыйаан эмээхсин» («Старушка Быт-Быт Быџыйаан с быком-вошь и санями-наперсток»); 3) «Бөрө уонна оџонньор» («Волк и старик»)
4.	“Магические формулы”	1	1) «Саһыл икки туруйа икки» («Лиса и журавль»)
5.	Пословицы	1	1) «Бөрө уонна оџонньор» («Волк и старик»)

Приведем некоторые примеры:

1. Формулы, описывающие действия сказочных персонажей:

1) *Тибэн Тиэхэн мас үөһэ тахсан олорор. Били бүк тардааччыта ыһыктан кэбиһэр маһын, мас тэбэн кэбиспитэ, Тибэн Тиэхэн сэттэ хаамыылаах сиргэ эһиллэн баран түһэр...* [ЯС 1967: 55]. ‘Тибен Тихон поднялся на верхушку дерева и уселся там. Пригнувши дерево, выпустил его, оно выпрямилось, и Тибен Тихон упал на землю в семи шагах от этого места...’ [ЯС 1967: 56];

2) *Моџус ымсыыта кыаттарбата, чыычааџы ылан сиэри дук гынан эрдэбинэ, чыычааџа соџотохто хара улар буола түстэ дэ, тиит үрдүгэр тахсан олоро түстэ...* [ЯС 1964: 98]. ‘Могус не смог сдержать свою жадность, хотел он съесть птичку. Как только он протянул руку, птичка сразу превратилась в черного глухаря, взлетела и села на вершину лиственницы...’ [ЯС 1964: 99].

2. Формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей):

1) — *Моџус, Моџус, тоџо тириим аһыйбахтаата?*

— *Ээ-э... оттон, түүгүн үргүөтэџим дии. — Уонна үтэхэџэ үөлэн кэбистэ.*

— *Моџус, Моџус! Тоџо сиһим үөһүгэр мас хатанна?*

— *Оттон үөллэџим дии!”* [ЯС 1964: 98].

‘— Могус, Могус, почему ссадит моя кожа?’

— *Э, я же ощипал твои перья, — и насадил птичку на рожон.*

— Могус, Могус! Почему через спину пронзило древко?

— Я же тебя насадила на рожон? [ЯНС 1964: 99].

2) *Түүнэн кыыл, тобо ытыы-сонгу олоробун?* — диир.

Түүнэн этэр:

Биир саһыл кэлэн, түөт сыымылбыттан, хомуруо хонуугун хомуруу ыстыам, сыа сыһыыгын быһа ыстыам, саамнай үөккүн саамнары тардыам — диэн куттан, үс оҕобун сиэн барда, — диир. — Баара биир оҕом баар, — диир... [ЯНС 2008: 118].

‘Почему, плача-рыдая, сидишь, птица Тюёнэн? — говорит.

Тюёнэн говорит:

Приходила одна лиса, грозилась, что сугробистую поляну сжуеет, мою тучную долину сгрызет, мою старую склонившуюся иву свалит и из четырех моих яиц трех птенцов моих съела и ушла, — говорит. — Остался у меня всего один птенец, — говорит...’ [ЯНС 2008: 119].

3. Формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы:

1) *Ол истэхтэринэ, биир сиргэ бэт үтүө диэ чанкырыын араҕас бэҕкэ кырдьыбыт, ырбыт сылгы арбый аҕай хаһан аһаан сордоно турар* [ЯНС 2008: 150]. ‘И вот на их пути в одном очень хорошем месте рыжая, совсем одряхлевшая, отощавшая лошадь мучается — с трудом тебенюет...’ [ЯНС 2008: 151].

4. Магические формулы:

1) *Саһыл:*

— *Харах Хаан аҕыс уон обуһа уугун сунту уулааннар, балыгын атан өлөн хаалыахтын!* — *дии-дии атаһах балай кытыаланар...* [ЯНС 2008: 114]. ‘Лиса: Пусть восемьдесят быков Харах Хаана твою воду выпьют и твоя рыба задохнется! — приговаривая, побежала, куда ноги несут...’ [ЯНС 2008: 115].

5. Пословицы:

1) *Ити бөрө сөпкө этэр эбит, икки атахтаах түөт атахтаах үтүөтүн билбэт...* [ЯНС 2008: 150]. ‘Этот волк правильно говорит, оказывается: двуногий не признает добра четвероногого...’ [ЯНС 2008: 151].

3. Финальные формулы. По нашим наблюдениям, на материале А. А. Саввина (на 20 текстах) сюжетно-завершающие формулы-концовки якутской народной сказки имеют три типовые разновидности:

1) финальные формулы, представляющие собой констатацию конечного благополучия;

2) финальные формулы, представляющие собой констатацию неблагоприятной концовки;

3) финальные формулы этиологического характера (см. таблицу 4).

Как показал материал, из 20 текстов финальные формулы 10 сказок относятся к первой группе, т. е. к финальным формулам, представляющим собой констатацию **конечного благополучия**.

Приведем примеры: 1) *Иидэй-Буудай кэс устатыгар дылы сиэтиллибит баайы гытта дьахтары ылан үйэтин тухары байан тотон олорбута үһү.* ‘Иидэй-Буудай, взяв женщину вместе с богатством длиною одной мили, жил богато-сытно’ [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 126. Л. 7];

2) *Быт-Быт Бытыйаан эмээхсин Ангаа Мобус малын үгүс сээбэһин киллэрэн, баайын баай гынан, тотун тот гынан олорбута үһү.* ‘Старушка Быт-Быт Бытыйаан, забрав вещи, принадлежности Ангаа Монгуса, овладев его богатством и провизией, богато и сытно жила, говорят’ [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 165. Л. 2об.].

Финальные формулы 7 текстов относятся ко второй группе, т. е. финальным формулам, представляющим собой **неблагополучную концовку**.

Примеры: 1) *Мэйшитэ эргийэн төбөтүнэн күөһүгэр түһэн өлөн хаалар.* ‘От головокружения, упав головой в суп, умер’ [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 165. Л. 4];

2) *Кыа балаҕанын кытта уот сиэн өлөн хаалар.* ‘Вместе с балаганом сгорев, умер’ [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 165. Л. 5].

Финальные формулы 3 текстов относятся к третьей группе (финальным формулам **этиологического характера**).

Примеры: 1) *Можотой төрдө оюнньор эбитэ үһү былыр.* ‘В старину бурундук был, оказывается, стариком’ [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 183. Л. 3об.];

2). *Дьэ, биһ эмээхсин үөттүрэбинэн охсубута ол хоруота дэхэллэр куобах кулгаабын харатын.* ‘Ну вот, одна старушка ударила кочергой зайца, от того кончики ушей его почернели’ [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 167. Л. 1об.].

По частоте употребления на первом месте стоит формула *байан-тотон олорбута үһү* (‘жил, говорят, богато и сытно’). И обязательно присутствует эвиденциальная частица *үһү* (говорят).

Таблица 5. Категории финальных формул в якутских сказках в записи А. А. Саввина

№	Категории	Кол-во	Наименование сказок
1.	Финальные формулы, представляющие собой констатацию конечного благополучия	10	1) «Иидэй-Буудай» («Иидэй-Буудай»); 2) «Быт оҕустаах, сүүтүк саҕа сыарҕалаах быт-быт Быгыйаан эмээхсин» («Старушка Быт-Быт Быгыйаан с быком-вошь и санями-наперсток»); 3) «Бөрө уонна оюнньор» («Волк и старик»); 4) «Тибэн Тиэхээн» («Тибэн Тиэхээн»); 5) «Былахы тойон» («Блошиный господин»); 6) «Бизс ынахтаах, тый саҕа ыттаах Кымпаакаан эмээхсин» («Старушка Кымпаакаан с пятью коровами, собакой размером с двухгодовалого жеребенка»); 7) «Хардыһыт остуоруйата» («Сказка картежника»); 8) «Икки кыстаах Кыраасынай оюнньор баар үһү» («Старик Кыраасынай с двумя дочерьми живет, оказывается»); 9) «Саһыл бөрө дьуккаахтыылара» («Лиса с волком жили совместно»);

			10) «Чыппа Кыалык» («Чыппа Кыалык»).
2.	Финальные формулы, представляющие собой констатацию неблагоприятной концовки	7	1) «Кыым ыстаммыт» («Искра прыгнула»); 2) «Тэтим Тэбээх» («Тэтим Тэгээх»); 3) «Биир кыыстаах оџонньордоох эмээхсин (балыксыт оџонньор)» («Старик да старуха с одной дочерью (Старик рыбак)»); 4) «Саһыл икки Туруйа икки» («Лиса и журавль»); 5) «Отут охтоох Ороџодой Тээһэк» («Орогодой Тээсэк с тридцатью стрелами»); 6) «Кыа балаџаннаах оџонньор» («Старик с юртой из трута»); 7) «Мунгур-Мунгур оџонньор» («Старик Мунгур-Мунгур»).
3.	Финальные формулы этиологического характера	3	1) «Чыычаах Мангыс икки» («Птичка и Мангыс»); 2) «Куобах-куобах оџонньор» («Старик заяц-заяц»); 3) «Түөт сымыыттаах Түөнэй кыыл» («Птица Түөнэй с четырьмя яйцами»).

Рассмотрев во всех 20 текстах наличие категорий инициальных, медиальных, финальных формул, мы обнаружили наиболее богатое содержание формульных категорий в сказке о животных «Бөрө уонна оџонньор» («Волк и старик»), записанной у 37-летнего жителя Ситтинского наслега Кобяйского района Герасима Саввича Ермолаева [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 156].

Приведем примеры из текста по всем категориям инициальных, медиальных, финальных формул:

1. Инициальные формулы (хрон. ф., топ. ф., соц. ф., ф. сущ., ф. отсут., ф. нал.):

Былыр биир сиргэ, арай биир оџонньор баар үһү. Бу оџонньор суоччоботох үһү, — оџо да, ойох да суох. Туга да суох буолан,

чугастаангы ыалларыттан умналаан ылан, онон аһаан иштинэр эрэйдээх үһү. Чугас собуус кини олорор сириттэн биир бөлөх ыал баарыттан сотору буола-буола баран умналаан, тынгалаһан-туйахтаһан, ону сүгэн аҕалан, бэйэтин дьиэтигэр аһаан иштим-митэ буолар эбит. Бу да буоллар бэйэтэ син балаҕаннаах [ЯНС 2008: 142]. ‘В старину в одной местности жил, оказывается, один старик. Этот старик, говорят, был одинокий — ни ребенка, ни жены у него нет. Ничего не имея, питался-кормился, говорят, бедняга, тем, что выпрашивал у ближних соседей. У большой семьи, жившей поблизости от его жилища, время от времени он выпрашивал легкие-копыта, взвалив на спину, приносил домой и этим пытался прокормиться, оказывается. Хоть и так, все же был у него свой балаган’ [ЯНС 2008: 143].

2. Медиальные формулы (ф. действия, ф.-диалог, ФООП, пословица):

Арай бу баран иһэн көрдөхтөрүнэ, суол устун кинилэргэ утары биир сүрдээх үтүө ыт танхайа кырдьыбыта, баһын умсары тутан баран иһэр.

— *Дьэ бу эн элбэх хаары бараабыт, элбэх эрэйи-буруйу көрбүт кырдыаҕаскын, быһыыта. Эн тохтуу түһэн, бу биһигини дьүүллээ, сытамматах дьон иһэбит. Бу бөрө миигин баттаата! — диэн баран, сиһилии кэпсээн биэрэр иссибиттэрин төрдүн.*

Ыт саҕата суох толкуйдаан туран баран этэр:

— *Дьэ саамай сөп, түөт атахтаах онорбутун — икки атахтаах хайа да күн хаһан да билбитэ суох* [ЯНС 2008: 148]. ‘Идут так и вдруг видят: по дороге навстречу им идет, повесив голову, очень почтенный, состарившийся пес.

— Вот ты, видно, много зим проживший, много горя-страданий видевший старик. Постой-ка, рассуди ты нас: вот, не поладив, мы идем. Этот волк меня обидел! – сказав, [старик] подробно рассказал, о чем спор.

Пёс помолчал, подумал и говорит:

– Да, так и есть. То, что сделал четвероногий, двуногий никогда не признает’ [ЯНС 2008: 149].

3. Финальные формулы (формула, представляющая собой констатацию конечного благополучия):

...Ол гынан баран бии утүө онотторбут, үрүң тыынын өрүһүбүт саһылын, бөрөтүн тириитин атыылаан, өлүөр дылы иитинэн баран, онон буорга кииттэ үһү” [ЯНС 2008: 154]. ‘После этого шкуру лисы, которая сделала ему добро, спасла его светлое дыхание, и волка продал, до самой смерти этим кормился, а потом, говорят, сошел в землю’ [ЯНС 2008: 155].

На материале якутских сказок, собранных А. А. Саввиным, систематизированы категории инициальных, медиальных и финальных сказочных формул (см. табл. 6).

Заключение

Впервые, основываясь на сказочном материале Виллойской экспедиции А. А. Саввина, мы провели систематизацию традиционных формул якутской народной сказки. Систематизация традиционных формул показала наличие и своеобразие поэтического языка сказочной традиции Виллойской группы улусов 1938 г. Следует отметить, что во всех жанрах якутской сказки отсутствует категория инициальных формул, определяющих семейное положение героя. Однако во всех 20 текстах присутствует категория внутренних медиальных формул, входящих в диалог и описывающих действия сказочных персонажей. Пословицы, магические медиальные формулы и инициальные формулы, характеризующие социальное и семейное положение героя, нами обнаружены только в одном образце. Сказки о животных в основном завершаются концовкой этиологического характера. Якутские волшебные сказки Виллойской группы улусов в основном имеют финальную формулу, представляющую собой констатацию конечного благополучия.

Таблица 6. Классификация сказочных жанров и категорий традиционных формул в якутских сказках в записи А. А. Саввина

№	Название сказки	ФИО сказочника	Место записи	Жанр сказки	Инициальные формулы	Медиальные формулы	Финальные формулы
1.	«Бере уонна обонньор» («Волк и старик»)	Ермолаев Герасим Саввич, 37 л.	Ситтинский н-г Кобяйского р.	О жив.	1) хрон. 2) топ. ф., 3) соц. ф., 4) ф. сущ. 5) ф. нал. 6) ф. отсут.	1) ф.-диалог 2) ф. действия 3) ФООП 4) пословица	Конечн. благоп.
2.	«Чыгычаах мангыс икки» («Птичка и Мангыс»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыдайский н-г Вилюйского р.	О жив.	1) нач. с действия	1) ф.-диалог 2) ф. действия	Этиол. конц.
3.	«Саһыл икки туруйа икки» («Лиса и журавль»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыдайский н-г Вилюйского р.	О жив.	1) ф. нал.	1) ф.-диалог 2) ф. действия 3) Магич. ф.	Неблаг. конц.

4.	«Түгс сымыгтгаах Түэнэй кылл» («Птица Түснэй с четьрмя яйцами»)	Колмогоров Иван Григорьевич	II Ситтинский н-г Кобяйского р.	О жив.	1) нач. с действия	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Этиол. конц.
5.	«Саһыл бөрө дьюккаахтыыла- ра» («Лиса с волком жили совместно»)	Колмогоров Иван Григорьевич	II Ситтинский н-г Кобяйского р.	О жив.	1) ф. суц. 2) ф. действия	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Конечн. благоп.
6.	«Быт обуустаах, сүүтүк саба сыарфалаах Быт- Быт Быгыйаан эмээхсин» («Старушка Быт- Быт Быгыйаан с быком-вошь и санями- наперсток»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыдайский н-г Виллюйского р.	Волш.	1) ф. нал., 2) ф. суц. 3) соц. ф. 4) ФООП	1) ф.- диалог 2) ф. действия 3) ФООП	Конечн. благоп.

7.	«Биир кыыстаах обонньордоох эмээхин (Балыксыт обонньор)» («Старик да старуха с одной дочерью (Старик рыбак)»);	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыздайский н-г Виллюйского р.	Волш.	1) нач. с действия 2) ФООП	1) ф.- диалог 2) ф. действия 3) ФООП	Неблаг. конц.
8.	«Былахы тойон» («Блошиный господин»)	Кычкин Григорий Афанасьевич, 64 г.	II Ляччинский н-г Кобыйского р.	Волш.	1) ф. нал. 2) ф. сущ.	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Конечн. благоп.
9.	«Бизэ ынахтаах, тый саба ыттаах Кымпаакан эмээсин» («Старушка Кымпаакан с пятью коровами, собакой с размером двухгодовалого жеребенка»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыздайский н-г Виллюйского р.	Волш.	1) нач. с действия	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Конечн. благоп.

10.	«Икки кыыстаах Кыраасынай ошоньор баар үнү» («Старик Кыраасынай с двумя дочерьми живет, оказывається»)	Иванов Василий Петрович	Кокуйский н-г Кобяйского р.	Волш.	1) ф. нал., 2) соц.-сем. ф.	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Конечн. благоп.
11.	«Кыым ыстамыг» («Искра прынула»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыдайский н-г Вилюйского р.	Быт.	1) нач. с действия	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Неблаг. конц.
12.	«Тэтим Тэгээх» («Тэтим Тэгээх»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыдайский н-г Вилюйского р.	Быт.	1) ф. наличия	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Неблаг. конц.
13.	«Ийдэй-Буудай» «Ийдэй-Буудай»	Алексеев Петр Николаевич, 26 л.	II Лячинский н-г Кобяйского р.	Быт.	1) ф. сущ.; 2) топ. ф.	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Конечн. благоп.
14.	«Тибэн Тихээн» («Тибэн Тихээн»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыдайский н-г Вилюйского р.	Быт.	1) ф. отсут.	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Конечн. благоп.
15.	«Отут охтоох Орободой Тэгээк» («Орогодой Тэгээк с тридцатью стрелами»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыдайский н-г Вилюйского р.	Быт.	1) нач. с действия	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Неблаг. конц.

16.	«Кубах-кубах обонньор» («Старик заяц- заяц»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыздaйский н-г Вилюйского р.	Быт.	1) нач. с действия	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Этнол. конц.
17.	«Кыа балаџаннаах обонньор» («Старик с юртой из труга»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыздaйский н-г Вилюйского р.	Быт.	1) нач. с действия	1) ф.- диалог	Неблаг. конц.
18.	«Мунур-Мунур обонньор» («Старик Мунгур- Мунгур»)	Иванов Прокопий Софронович, 29 л.	Кыргыздaйский н-г Вилюйского р.	Быт.	1) ф. нал.	1) ф. действия	Неблаг. конц.
19.	«Хардылгыт остуруйгага» («Сказка картежника»)	Иванов Василий Петрович	Кокуйский н-г Кобяйского р.	Быт.	1) хрон. ф. 2) топ. ф. 3) ф. действия:	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Конечн. благоп.
20.	«Чыппа Кыалык» («Чыппа Кыалык»)	Кычкин Григорий Афанасьевич, 64 г.	II Лючинский н-г Кобяйского р.	Быт.	1) ф. нал. 2) ф. сущ.	1) ф.- диалог 2) ф. действия	Конечн. благоп.

Сокращения

- быт. — бытовые сказки
волш. — волшебные
г. — год
конечн. благоп. — финальные формулы, представляющие собой констатацию конечного благополучия
л. — лет
магич. ф. — магические формулы
нач. с действия — формулы, вводящие слушателя в действие сказки
н-г — наслед
неблаг. конц. — финальные формулы, представляющие собой констатацию неблагоприятной концовки
о жив. — сказки о животных
р. — район
соц. ф. — формулы, определяющие социальное положение героя
соц.-сем. ф. — формулы, характеризующие социальное и семейное положение героя
топ. ф. — топографические формулы
ф. действия — формулы, описывающие действия сказочных персонажей
ф. нал. — формулы наличия
ф. отсут. — формулы отсутствия
ф. сущ. — формулы существования
ф.-диалог — формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей)
ФООП — формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы
хрон. — хронологические формулы
этиол. конц. — финальные формулы этиологического характера

Источники

РФ АЯНЦ СО РАН — Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

Литература

- Адлейба 1991 — *Адлейба Дж. Я.* Устные стилевые основы сказки. Сухуми: Алашара, 1991. 340 с.
Алиева 1986 — *Алиева А. И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.

- Горяева 2011 — *Горяева Б. Б.* Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: Джангар, 2011. 128 с.
- Дьяконова 1990 — *Дьяконова Ю. Н.* Якутская сказка (Русско-якутские взаимосвязи). Л.: Наука, 1990. 183 с.
- Коровина 2013а — *Коровина Н. С.* Инициальные формулы коми народных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. 2. С. 107–110.
- Коровина 2013б — *Коровина Н. С.* Типология взаимодействия коми и русских волшебных сказок (сюжетный состав, художественно-стилевая структура). Сыктывкар: Ин-т языка, лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013. 232 с.
- Манджиева 2017 — *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения инициальных и финальных формул калмыцкой богатырской сказки // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 3. С. 66–71.
- Рошияну 1974 — *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
- Садалова 2008 — *Садалова Т. М.* Алтайская сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика и текстология. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2008. 240 с.
- Хусаинова 2000 — *Хусаинова Г. Р.* Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.: Наука, 2000. 247 с.
- ЯНС 2008 — Якутские народные сказки. Новосибирск: Наука, 2008. 462 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27).
- ЯС 1964 — Якутские сказки: в 2 т. Т. 1 / подг. Г. У. Эргиса; отв. ред. Л. Н. Харитонов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. 309 с.
- ЯС 1967 — Якутские сказки: в 2 т. Т. 2 / подг. Г. У. Эргиса; отв. ред. Л. Н. Харитонов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1967. 284 с.

УДК 398.3

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-297-318

К сыну Есугея, избранному владыке Чингисхану, взывал я девять раз: текст Урюс сара в записи И. И. Попова

Саглара Викторовна Мирзаева ¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Мирзаева С. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Праздник начала лета Урюс сар, характерный для ряда монголоязычных народов, в том числе калмыков, включал в себя целый комплекс ритуальных действий, сопровождаемых чтением особых молитв. *Цель* публикации — ввод в научный оборот одного из таких молитвенных текстов, который был зафиксирован на рубеже XIX–XX вв. среди донских калмыков собирателем калмыцкого фольклора И. И. Поповым и вошел в состав второй из семи его рукописных тетрадей, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области. *Результаты.* Текст, озаглавленный исследователем как «Урсин бичг» («Сочинение Урюс сара»), зачитывался старшим в семье на восходе солнца и сопровождал ритуал окропления / благословения кумысом детей и молодого приплода. Кроме того, И. И. Попов включил в рукопись и другой текст «Иадсни йөрэл» («Благопожелание у прикола [для скота]»), который, вероятно, также входил в круг обрядовых текстов празднования Урюс сара и имел важную смысловую нагрузку в контексте ритуала. Сочинение, записанное И. И. Поповым, представляет собой уникальный образец текстуальной традиции Урюс сара, которая в силу исторических обстоятельств практически утеряна у современных калмыков.

Ключевые слова: донские калмыки, И. И. Попов, Урюс сар, праздник начала лета, инедиты, ритуал призывания благополучия, ритуал окропления

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00287 «Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова».

Для цитирования: Мирзаева С. В. К сыну Есугея, избранному владыке Чингис-хану, взывал я девять раз: текст Урюс сара в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 297–318. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-297-318

UDC 398.3

To Mighty Lord Genghis Khan, the Son of Yesükhei, I Pray Nine Times: An Üres Sara Text Recorded by Ivan I. Popov

*Saglara V. Mirzaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Mirzaeva S. V., 2021

Abstract. *Introduction.* Üres Sara, a holiday marking the beginning of summer, is one of traditional celebrations still observed among some Mongolic peoples, including Kalmyks. The celebration includes a whole range of ritual actions accompanied by recitation of special prayers. *Goals.* The paper introduces one such texts from the Don Kalmyk tradition that was recorded at the turn of the 20th century by Kalmyk folklore collector Ivan I. Popov to be further included into the 2nd volume of his handwritten collection of Kalmyk folklore and literature samples nowadays stored at the State Archive of Rostov Oblast. *Results.* The text entitled by Popov as ‘*Ürsin Bičig*’ (Kalm. ‘Text on Üres Sara’), according to his own description, was recited by the eldest family member at dawn. The incantation accompanied the process of *kumiss* libation (sprinkling), a ritual aiming at bestowing blessings to children and young cattle. In addition, Popov includes in the manuscript another text of aspiration prayer — *Gadasuni Irügel* (‘An Aspiration Prayer on the Stake [for Cattle]’). Probably, this prayer also belonged to the group of ritual texts accompanying the Üres Sara celebration and

had some important functions in the ritual. *Ürsin Bičig* recorded by Ivan I. Popov is a unique sample of the ritual text accompanying the Üres Sara celebration. Due to historical circumstances, this type of literature has been almost lost by Kalmyks nowadays. This, in turn, determines the main aim of the article as to introduce the text of *Ürsin Bičig* recorded by Popov.

Keywords: Don Kalmyks, I. I. Popov, Üres Sara, celebration of early summer, inédites, prosperity invoking ritual, libation ritual

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-012-00287 ‘Inédites of Kalmyk Folklore from Ivan I. Popov’s Archive’.

For citation: Mirzaeva S. V. To Mighty Lord Genghis Khan, the Son of Yesükhei, I Pray Nine Times: An Üres Sara Text Recorded by Ivan I. Popov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 297–318. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-297-318

Введение

Перу собирателя калмыцкого фольклора рубежа XIX–XX вв. И. И. Попова принадлежат уникальные материалы по устной и письменной культуре калмыков, хранящиеся в настоящее время в Государственном архиве Ростовской области (ГА РО) и, несомненно, требующие изучения и ввода в научный оборот. Отдельные фольклорные образцы, записанные И. И. Поповым, рассмотрены в ряде публикаций [Горяева 2012; Горяева 2020; Горяева, Убушиева 2020; Мирзаева 2020а; Мирзаева 2020б; Убушиева 2017; Убушиева 2018; Убушиева 2019а; Убушиева 2019б; Убушиева 2020; Убушиева 2021].

Вторая из семи тетрадей, хранящаяся в ГА РО под № 13811 [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13811], озаглавлена «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова» и включает в себя десять текстов с переводом и переложением на калмыцкий язык с ойратского «ясного письма» сочинений как буддийской схоластической литературы («Алмазная сутра» и комментариев к ней, «Сутра трех груд», «Сутра Будды Амитабхи», «Наставления Джебзун-дамба-хутухты», отрывок из «Моря притч»), так и относящихся к фольклорной традиции донских калмыков (текст жанра *ясна кемалһн* (букв. ‘сказывание по кости’), сборник примет и текст, зачитываемый во время празднования Урюс сара). Ниже представим структуру тетради согласно оглавлению И. И. Попова:

1	Предисловие	I–XXXIV
2	Объяснение Дорджи-Джодвы (Дорджи-ГДжод-бойн тайлбури) ¹	1
3	Судра ² великого пути, называемая Достигший той стороны божественной премудрости расторгающий алмаз ³	23
4	Ответы Бгараты с латинского ⁴	63
5	35 кипарисных поклона ⁵ в тексте и переводе	103
6	Книга повелений Святого светоносного Владыки Джебзун-Дамбы ⁶	115
7	Судра Будды Аюки ⁷	143
8	Слова	161
9	Продолжение Кемэлгэдэк йасуни ⁸	179
10	Продолжение прим[ечаний] к судре Аюки	181
11	Кемэлгэдэк йасуна бичик ⁹	217
12	Үрүсийн бичик ¹⁰	97
13	Хамук му йоройн бичик орошибай ¹¹	169
14	Восьмая глава из сочинения Улигерийн Далай [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13811. Л. 1об.]	174 ¹²

¹ Комментарий к «Ваджрачхедика-сутре».

² Так И. И. Попов записывал слово «сутра».

³ «Ваджрачхедика-сутра», «Алмазная сутра».

⁴ Русский перевод издания А. Шифнера «Bharatae Responsa Tibetice» [Bharatae responsa 1875], содержащего перевод тибетского сочинения «Gsos pa'i lan bzhugs so» («Ответы Бхараты»).

⁵ «Сутра трех груд». Также известна в монгольской письменной традиции как сочинение «Сияющий сандал» (старописьм-монг. боуtu jandan).

⁶ «Наставления Джебзун-дамба-хутухты».

⁷ «Сутра Будды Амитабхи».

⁸ См. прим. 9.

⁹ В современной калмыцкой орфографии — Кемэлһдг ясна бичг. Текст жанра сказывания по двадцать пятому позвонку овцы.

¹⁰ В современной калмыцкой орфографии — Үрсин бичг.

¹¹ В современной калмыцкой орфографии — Хамг му йорын бичг.

¹² В следующих публикациях планируется дать более подробное описание входящих в данную тетрадь сочинений.

Сочинение «*Урсин бичг*» в записи И. И. Попова

Тетрадь «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова» в темно-зеленой обложке в твердом переплете, состоит из 128 листов¹ (220 страниц в нумерации автора, проставленной по центру в верхней части листа). Оформление текста в тетради практически идентично другим тетрадям (см. [Мирзаева 2020б]): на первом листе указано название «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова» (в нижней части приписано: «Том II. 1893. Зимовник на балке Средней Аюлы»). Оно заключено в тройную рамку (две внутренние рамки красного цвета, третья внешняя — зеленого). На листе имеются штампы Черноморского краевого архивного управления (Ростов-на-Дону) и научно-справочной библиотеки Госархива УНКВД РО с указанием инвентарного номера 13811, в левом верхнем углу проставлен шифр 398.5 П-58.

В данной статье рассматривается сочинение, озаглавленное И. И. Поповым как «*Урусийн бичик*» (в современной орфографии «*Урсин бичг*») «Сочинение Урюс [сара]». Очевидно, оно относится к кругу сочинений, которые зачитывались во время празднования Урюс сар. Стоит отметить, что в это сочинение И. И. Поповым включен и текст благопожелания, читаемого у прикола [для привязи скота] (калм. *Һадсни йөрэл*), который, видимо, входил в тот же цикл текстов.

Основному тексту, начинающемуся на с. 97 [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13811. Л. 67], предшествует краткая запись составителя на с. 96 [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13811. Л. 66об.] «Теплый летний праздник Урюс». Текст — на шести страницах [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13811. Л. 67–69об.], в левом столбце приведен калмыцкий текст, в правом — русский перевод автора. Рукопись также снабжена постраничными сносками, в которых содержатся пояснения к неизвестным И. И. Попову словам, в том числе из словарей О. М. Ковалевского и К. Ф. Голстунского, а также указания случаев разночтений с другим списком сочинения, что говорит о

¹ Пагинация проставлена в левом верхнем углу работниками архива карандашом и указывается в квадратных скобках в ссылках на ГА РО.

том, что в распоряжении И. И. Попова было как минимум два списка данного сочинения.

Приведем ниже текст сочинения в записи и переводе И. И. Попова¹.

Үрсин бичг

[67] Ом ма хом — цөк.

Хамгин деед хаан мөнк теңгр
мини — цөк.

Хамг бүгдиг заясн теңгр мини —
цөк.

Көлгин деед көк мөнк теңгр мини
— цөк.

Көлг бүгдиг заясн теңгр мини —
цөк.

Деед Хормустан теңгрэс заята,
дора алтн делкэс үүдсн, арвн алд
зеличнь татн сонмв — цөк.

Шарһ унһнчнь бэрн сонмв — цөк.

Өңгр шар үүргэс үүдсн арз-эркчнь
цацн бээнэм би — цөк.

Хөрн алд зеличнь татн сонмв —
цөк.

Хо зерд унһчнь бэрн сонмв —
цөк.

Хонһр шар үүргэс үүдсн хорз-
эркчнь цацн сонмв — цөк.

Над всеми вышний хан вечный мой
тэнгэри (небожитель) — цөк.

Всех и вся сотворивший мой
небожитель — цөк.

Высший из средств сообщения
голубой вечный мой небожитель
— цөк.

Небожитель, создавший все
средства сообщения мой — цөк.

Твою 10-саженную, созданную
вышним небожителем Хормустой,
сотворенную нижней золотой
поверхностью привязь для скота
потяну-растяну я — цөк.

Палевого твоего жеребенка возьму-
потяну я — цөк.

Из желтого-желтого молозива
созданную твою раку-арзу брызгаю
я — цөк.

Двадцатисаженную твою привязь
для коня тяну-растягиваю я — цөк.

Светло-рыжего твоего жеребенка
беру-тяну я — цөк.

{Из} бурого, желтого молозива
сотворенную харзу-арку брызгаю-
окропляю я — цөк.

¹ Текст приведен в соответствии с орфографическими и пунктуационными нормами калмыцкого и русского языков. Сохранены постраничные сноски и примечания автора.

Өмн эзн богдын үүдсн цаһан
цацлчнь цацн сонмв — цөк.

[67об.] Цад хормачнь түгэн¹ —
цөк.

Шар зелчнь хадхн сонмв — цөк.

Шилтэ хормачнь түгэн бээнэм би
— цөк².

Шар нарнд чини мөргн сонмв —
цөк.

Умар зүг элдв эзнэ үүдсн о эср³
дарсуу чини цацн сонмв — цөк⁴.

Зэльврх тохм мини заян кишгдэн
өгн сойрх — цөк.

Эльврх⁵ тохм мини олз хутгтан
өгн сойрх — цөк.

Мөргх тохм мини мөнк нас өгн
сойрх — цөк.

Һучн алд зел татуулму.

Гүж⁶ хур делтэ ажрһ, хурдн
гүүдлтэ агтнь заяаму — гиж цөк.

Созданное передним владыкою
святым белое кропление твое
окропляю я — цөк.

Угощение до конца твое раздаю
я — цөк.

Желтый аркан твой вбиваю-
растягиваю я — цөк.

(нрзб) Напитки в бутылках до
конца раздаю я — цөк.

Твоему желтому солнцу
поклоняюсь я — цөк.

Владыкой всех в северной стороне
сотворенным твоим кумысом
кроплю я — цөк.

Прирожденные твое счастье
и удачу, о котором я молюсь,
соизволь даровать — цөк.

Прибыль и святость твою, которую
я почитаю, соизволь мне дать.

Вечный век твой, пред которым
преклоняюсь, соизволь мне дать.

Да заставлю я растянуть привязь
для скота на 30 сажен — цөк.

Сотворимый с гривой как (нрзб)
жеребца, быстробегучего коня-
мерина — цөк.

¹ *Бээнэм би* по др. списку.

² *Хорма* Ков[алевский с.] 971 — конец, окончность.

³ Непонятно.

⁴ По другому списку — *өмн зүг орчуулгч эзнэ үүдсн эд бүгдин үүдсн үүрэс дарасун чини цацл сонм би цөк.*

⁵ К[овалевский с.] 209.

⁶ Или *геж цөк* (нрзб).

Хулсн дерсн¹ (болсн²) бийтэ уцнн
бэрлмү — гиж цөк. Хуран³ мет
кишгтэн өгн сойрх — цөк.

[68] Хутгт богдин зэрлгтэн
унгашин дуудвв — цөк.

Дөчн алд зелчнь татму — гиж
цөк.

Дел иктэ ажрһ заяаму — гиж цөк.

Делц иктэ гүү бэрүүлмү — гиж
цөк.

Деед богдин зэрлгтэн унгашин
дуудвв — цөк.

Тэвн алд зелчнь татуулму — гиж
цөк.

Деед харцха мет агт мөрнь
заяаму — гиж цөк.

Тэксн тенгр мини таңсг жирһл
кишгиг өгн сойрх — цөк.

Жирн алд зелчнь татуулму — гиж
цөк.

Жирмсн мет уцнн бэрүүлмү —
гиж цөк.

Далн алд зелчнь татуулму — гиж
цөк.

Такь мет уцнн бэрүүлмү — гиж
цөк.

Таалсн күсл мини өгн сойрх —
цөк.

Да заставлю я держать с ногами,
прямыми как камышыи лубки,
жеребенка — цөк. Соизволь мне
дать удачу-счастье, подобно
дождю, — цөк.⁴

Читал-взывал я слова святого
богды — цөк.

Растягиваю я в 40 сажен длиной
привязь для скота — цөк.

Сотвори мне с большой гривой
жеребца — цөк.

С большим выменем кобылу да
заставлю держать — цөк.

Читал-взывал я снова святого
Богды — цөк.

Да растяну я длиной в 50 сажен
твою привязь — цөк.

Сотвори мне коня мерина, подобного
вышнему коршуну — цөк.

Небожитель, которого я
почитаю, соизволь мне даровать
совершенное счастье-наслаждение
— цөк.

Да заставлю я растянуть привязь на
60 сажен — цөк.

Да заставлю я держать столь много
жеребят, как малявок рыбок — цөк.

Да заставлю я растянуть на 70
саженей привязь — цөк.

Да заставлю держать столь много
жеребят, как козлят, — цөк.

Приятное для меня желание мое
соизволь мне даровать — цөк.

¹ *Дерсн* — лубки, в которые увязывают сломанную ногу.

² В одном списке этого слова нет, а в другом есть.

³ Или *хур*.

⁴ См. Голст[унский]. Стр. 108, II т.

- Далц иктэ агт заяаму — гиж цөк. Сотвори мне с большим калканом мерина-коня — цөк.
- [68об.] Найд алд зелчнь татуулму — гиж цөк. Да заставлю я растянуть на 80 сажений привязь для скота.
- Арһсн мет уһһн бэрүүлмү — гиж цөк. Да заставлю я держать так много жеребят, как кизяков, — цөк.
- Нарн сарн мет делгрңгү сээхн жирһлиг өгн сойрх — цөк. Пространное, как солнце и месяц, прекрасное наслаждение соизволь даровать — цөк.
- Йирн алд зелчнь татуулму — гиж цөк. Длинной в 90 сажений твою привязь да заставлю я растянуть — цөк.
- Йиртмжин жирһлиг заяаму — гиж цөк. Сотвори мне мировое наслаждение — цөк.
- Есүкейн көвүн тер сут богд Чингис хаани йисн (һрзб) дуудвв. К сыну Есугея, избранному владыке Чингис-хану, взывал я девять раз.
- Зун алд зелчнь татуулх болтха — цөк. Да заставлю я растянуть на 100 сажений привязь для скота.
- Жирһл сээхн уңһан бэрх бээтхэ — гиж цөк. Да буду я держать прекрасного, как наслаждение, жеребенка — цөк.
- Джу Шакж-Мунин өлзэ хутг хур мет оруулн сойрх — цөк. Соизволь ввести святость и прибыль Джу-Шакья-Муни, подобно дождю, — цөк.
- Зөрсн күсл мини (седкл мини) бүтэн сойрх — цөк. Соизволь исполнить желание, к которому стремлюсь, — цөк.
- Зокасн йөрэл мини ханһан сойрх — цөк. Соизволь удовлетворить мой приказ (һрзб) йорял — цөк.
- Сүмр уул мет ик бат¹ болһн сойрх — цөк. Соизволь мне быть на твердой, как гора Сумеру, кочевке — цөк.
- Һалбрварс модн мет намч цецгэр делгрүүлн сойрх — цөк. Как распространяет дерево Галбараварас своими листьями и цветами, так соизволь распространяться и мне.
- [69] Дайвң хаан мет шаңта болһн сойрх — цөк. Соизволь мне сделаться с такой казной, как и Дайбанг-хан, — цөк.

¹ По одному списку — *буудлт*, по другому — *бүүрт*.

Далай-лам эрднь мет төр шажн
хойран делгрх болтха — цөк.

Алтай хаани нутгт нутглуулн
сойрх — цөк.

Амулн-жирһлиг өгн сойрх — цөк.

Эрчис мүрни нутгт нутглуулн
сойрх — цөк.

Энх¹ жирһлиг өгн сойрх — цөк.

Эрсниг мини зиндмань эрднь мет
күссн күсл мини тер өлзэ кишг
хур мет оруулн сойрх — цөк.

Тарһн сээхн нутгт болһн сойрх —
цөк.

Таңсг жирһлиг өгн сойрх — цөк.

Зуун он² болтл зуд торхн уга
болһн сойрх — цөк.

Зөрсн күсл мини бүтэн сойрх —
цөк.

Хорт араатнд бу учртха.

Хулһа-хулдд бу эсргүцүтхэ.

Намрин накшатр³, хаврин
накшатр Бу-буй жистиг⁴

Да распространится правление
и вера твои, как драгоценность
Далай-ламы, — цөк.

Соизволь мне дать проживание в
царстве Алтай-хана — цөк.

Соизволь мне дать спокойствие и
наслаждение — цөк.

Соизволь мне дать пребывание в
царстве реки Иртыша — цөк.

Соизволь мне даровать
совершенное наслаждение.

То, о чем я прошу, желанное мое,
подобное драгоценному зиндамани,
а счастье и удачу, подобно дождю,
соизволь ввести ко мне — цөк.

Соизволь дать мне пребывание в
прекрасном царстве — Тарган.

Соизволь мне дать совершенное
наслаждение. Соизволь даровать,
Чтобы в 100 лет не было мора от
зимы, падежа скота — цөк.

Соизволь исполнить желание,

К которому стремлюсь.

Да не встречусь я с злобными и
хищными зверями, да не

Противостоят мне воровство и

Обман. Да не будут — не

приключатся

В осенние созвездия и в весенние
созвездия и

¹ По другому — *мөнх*.

² Год.

³ Накисвхд, по другому списку насисартха, читаю я по Ковалевскому [с.] 620 *накшатар* — созвездие лунное.

⁴ *Жист* Ков[алевский с.] 2154, название пятого индийского месяца — май–июнь.

Халдвр хамг чирдзн¹

Өвчн уга болтха.

Эрг зуухад бу ортха. Төрсн

төл мини төгс өргжтхэ.

Эрг зуухад бу унтха.

Энх жирһл өргжитхэ. Нег гүүн
мини нег зуун өргжитхэ.

Хойр гүүн мини хойр зуун
өргжитхэ. Нурвн гүүн нурвн зуун
өргжитхэ. Миңһни дэһн болтха.

Сор (Ков[алевский с.] 141 жертва
духам)

Сүнсн хүре, хүре–хүре.

Һадсни (прикол) йөрэл. Олн
унһн торгж тогтоосн үл урвх,

бат һадсни теңгр! Танд

Үлмж зооглх зул үүниг өргмү цөк.

Олн зел унһн олн болтха, болтха
— цөк.

Үүдн (непонятно?) герт оршсн
хамг теңгрт элдв сээтр нээрүүлсн
цацул үүни өргмү би — цөк.

Эсргч хар буруу саната хааж,
Элвг күүнэ эд мал оруулн сойрх
цөк.

В мае-июне месяцах прилипчивая
короста,

Пузыри и другие болезни. Да не
Войду (упаду я) в яму — в яры. Да
увеличится совершенно

Мой рожденный приплод.

[69об.] Да не впадет он в яр-яму. Да
увели/

чится совершенное наслаждение.
Одна моя кобыла увеличится до
сотни кобыл.

Две мои кобылы пусть вырастут до
двухсот. До тысячи да увеличатся.

Жертвы — дух —

Собирайтесь-собирайтесь.

Благопожелание у прикола.

Множество жеребят задерживая,
установивший,

Не упускающий их могучий
небожитель прикола! Для Вашего

Высшего употребления возношу я
эту лампаду — цөк.

Множество жеребят на привязи
еще больше да делается, да
делается.

Всепробывающим в дому
небожителям всевозможное
прекрасное, праздничное это
кропление возношу я — цөк.

Прикрой супротивных с черными

Превратными мыслями, а соизволь

¹ Ков[алевский с.] 2554 — пузырь.

Аһу тонг, аһу тонг, аһу тонг
(пожитки, скарб, снасть, сбруя
1791 Ков.)

Арвн зүгт эрк орчуулгч күрд
эрднин өлзэ энд ир.

Күссн күсл мини аль сансар хур
мет оруулгч зиндмань эрднин
өлзэ энд ир.

Асрмж (үсэгүй үүр???) төгссн
тайшин эрднин өлзэ энд ир.

Али сансн күцн үүлдгч түшмлин
эрднин өлзэ энд ир. Алива келгин
деед болсн заани эрднь өлзэ энд
ир. Амр сансн һазрт күргч мөрн
эрднин өлзэ энд ир. Атта дээсниг
даргч цергин нойн эрднин өлзэ
энд ир. Тогт, тогт тонилгогч ном
эрднин өлзэ энд тогтха. Тоолш уга
олн улсин өлзэ энд тогтха. Тонглг
ухан билг цецни өлзэ энд тогт.
Дуусш уга амулц-жирһлин өлзэ
энд тогтх болтха.

Окончена 1900 г. 8 сентябрь.

Аюла

[ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13811. Л. 67–69об.]

Урюс сар

Как считает Э. П. Бакаева, праздник начала лета Урюс сар, сохранившийся в современной обрядности калмыков, традиционно входил в систему новогодних (как отмечающих смену календарного периода) празднований монгольских народов, наряду с празднованием зимнего солнцестояния и осеннего равноденствия,

Ввести имущество и скот
изобильного человека. Множество
пожитков, много пожитков, много
пожитков.

Прибыль вращающего в 10 странах
власть курдэ-драгоценности, приди
сюда.

Пользы драгоценности зиндамани,

все задуманные драгоценности
министра, приди сюда.

Пользы доставившей на землю
задуманное спокойствие
драгоценности лошади, приди
сюда. Пользы побеждающей
вредоносных врагов драгоценности
военачальника, приди сюда.

Установись, установись!

Вызволяющей драгоценности
закона пользы установись,
установись. Пользы неисчислимо
многих людей. Пользы
мудреца совершенным умом и
премудрого установись здесь.

Польза неисчерпаемого покоя и
наслаждения да установится здесь.

поскольку период, в который отмечается праздник, в хозяйственном календаре связан с завершением активного расплода животных и началом заготовки молочных продуктов на зиму [Бакаева 2009: 44–45]. Исследователь указывает, что основными маркерами традиционного празднования в калмыцкой традиции, отраженными в описании праздника А. М. Позднеева, являются рассвет, дети и обеспечение роста травы, представляющие собой основные лексические значения лексемы *ур / урс* [Бакаева 2009: 42]¹.

Первое упоминание Урюс сара в письменных источниках обнаруживаем в записках путешественника XIII в. Вильгельма Рубрика (1253 г.). Автор указывает, что в 9-й день 5-го месяца собирали всех белых кобылиц и совершали подношение новым кумысом, выливая его на землю, после чего начиналось празднование [Путешествия в восточные страны 1957: 176].

Д. Банзаров приводит подробное описание проводимой церемонии: кобыл привязывали к веревке, протянутой между двумя столбами; один человек садился верхом на жеребца и объезжал по кругу все стадо, второй садился на кобылу и, взяв в руки сосуд с кумысом, обливал им животных [Банзаров 1955: 91].

В очерке И. И. Попова «Донские калмыки-казаки», вошедшем в издание В. Б. Богачева «Очерки географии Всевеликого войска Донского», автор описывает праздник и ритуал, в процессе которого, очевидно, произносился записанный им текст «*Урсин бичг*». Во время празднования Урюс сара, — месяца, который характеризуется И. И. Поповым как «сытый» и «богатый», контрастирующий с голодом зимнего периода, храмы и кибитки снаружи украшались зеленью. Внутри кибиток перед алтарем помещали пучки железняка (калм. *сул бөкс, урсин өвсн*), который срезали еще до восхода солнца, и затыкали их за жерди *унин*, формирующие верх каркаса кибитки. Часть травы клали снаружи около привязи для скота (калм. *зел*). На восходе солнца старший по возрасту, обращаясь лицом к алтарю, начинал читать краткую молитву, затем наливал в чашку кумыс, добавляя немного водки, и опускал в жид-

¹ См. *üres / ür-e* '1. плод, семя; 2. потомок, потомство; 3. последствие, польза, выгода, прибыль, награда' [МРФС, 1 1844: 577].

кость пучок железняка, который находился на алтаре. После этого все присутствующие выходили на улицу, где старший по возрасту сопровождал чтение молитвы кроплением кумысом в четырех направлениях, макушек присутствующих детей, а затем молодого приплода [Попов 1919: 284–286].

Связанная с вводом данного сочинения в записи И. И. Попова в научный оборот проблематика текстов, сопровождавших ритуал празднования Урюс сара, в первую очередь порождает вопрос, к какой религиозной традиции представители монгольских народов относили этот праздник. Описание В. Рубрука показывает, что в XIII в. этот праздник не воспринимался без привязки к религии (как шаманский или буддийский), поскольку, как указывает автор, на праздник приглашались и христианские священники [Путешествия в восточные страны 1957: 176]. Согласно Д. Банзарову, празднование сопровождалось чтением шаманом «приличных молитв» [Банзаров 1955: 91]. В описании А. М. Позднеева, которое хронологически и территориально наиболее близко записям И. И. Попова, сказано, что «молились хозяевам земли, воды, упоминая в молитвах традиционные территории кочевания и даже **Чингис-хана** [выделено мной. — С. М.]» (цит. по: [Бакаева 2009: 42]).

Современная традиция празднования Урюс сара в 8–15 дни первого летнего месяца у калмыков как аналогичного тибетскому празднику Сага Дава (тиб. *sa ga zla ba*), первых 15 дней четвертого лунного месяца, с которыми связаны рождение, достижение Пробуждения и уход в паринирвану Будды Шакьямуни¹, свидетельствует о том, что в настоящее время он воспринимается как буддийский. Вместе с тем именно в этом лунном месяце калмыки проводят добуддийские по происхождению ритуалы поклонения земле и воде, связанные с родовыми территориями и почитанием курганов *ова*.

Описание И. И. Попова свидетельствует о том, что в традиции донских калмыков начала XX в. моления в период Урюс сара

¹ См.: Saga Dawa [электронный ресурс] // URL: https://www.rigpawiki.org/index.php?title=Saga_Dawa (дата обращения: 01.07.2021).

относились к «домашним» и могли исполняться самими домо-
чадцами, без приглашения священнослужителей. В ритуале мог-
ли принимать участие члены рода, так как речь идет о старшем в
роду. Упоминание в тексте Далай-ламы, горы Сумеру, драгоцен-
ности *чинтамани* и дерева *кальпаврикша*, исполняющих желания,
и других элементов с буддийской коннотацией наряду с фигурой
Чингис-хана как воплощения культа предков, традиционными
кочевьями (Алтайские горы, река Иртыш, кочевье Тарган и др.),
больше связанными с тем, что определяется в современной иссле-
довательской литературе как добуддийские культы, говорит о син-
кретичном характере сочинения. Данный текст, как и большин-
ство произведений народной литературы монгольских народов,
отражает тесное переплетение буддийских идей с более ранними
верованиями.

Сочинение Урюс сара

Текст начинается с буддийской мантры благословения трех
врат (тело, речь, ум) *ом а хум*, завершаемой словом *цок*, которое
будет рассмотрено ниже. В описании И. И. Попова фраза «ом-ма-
хом-цок» произносится не в начале ритуала, а на этапе благосло-
вления молодняка [Попов 1919: 286], что позволяет сделать вывод,
что записанное И. И. Поповым сочинение относится к ритуалу
благословения домашних животных и представляет собой лишь
один из молитвенных текстов, сопровождавших празднование
Урюс сара.

Затем в тексте начинаются обращения к Вечному синему Небу
(калм. *көк мөнк теңгр*) как воплощению мужского начала и зо-
лотой (златокорой) Земле (калм. *алтн делкэ*) — как воплощению
женского в дихотомии небо–земля, к желтому солнцу (калм. *шар
нарн*) и т. д. В конце обращения к каждому из объектов почитания
упоминается образ привязи, которую исполнитель текста «тянет»,
«протягивает», т. е. устанавливает. В данном случае привязь для
скота (коновязь) можно интерпретировать как некий маркер са-
крального пространства: в начале текста сказано, что она сотво-

рена высшим небожителем Хормустой и, таким образом, не относится к обычному, профанному, миру. По мере упоминания образа привязи для скота «возрастает» и ее размер (см. рефрен «десятисаженную привязь для скота потяну-растяну я», «двадцатисаженную твою привязь для коня тяну-растягиваю я» и т. д.), заканчиваясь на ста саженьях (калм. *алд*). Можно предположить, что чтением текста и выстраиванием подобной «системы координат» сакрального топоса его благополучие притягивается / переносится в обычный мир.

Обращает на себя внимание частота упоминания образов жеребенка / жеребца / кобылицы в сочинении, хотя сам И. И. Попов не выделяет конкретный вид домашних животных, которым был бы посвящен данный праздник, — хотя известно, что обряд кропления кумысом / молоком (и смесью топленого масла и молока) белых кобылиц составлял один из обязательных этапов празднования Урюс сара у калмыков [[Небольсин 1852: 124](#); [Бакаева 2010: 300](#)].

Можно предположить, что к началу XX в. в калмыцкой культуре семантика Урюс сара как праздника, связанного в первую очередь с коневодством (культу коня как солнечного животного), уже утрачивалась, и в народной памяти акцентировалась общая идея праздника плодородия скота в целом. Текст в записи И. И. Попова, напротив, сохранил основные маркеры праздника начала лета как праздника увеличения поголовья именно коней, такие как соответствующие пожелания в тексте («Да заставлю я держать так много жеребят, как кизяков / козлят / рыбок»), «Сотвори мне с большой гривой жеребца», «С большим выме[не]м кобылу да заставлю держать»), символика девятки (девятикратное окропление, девятикратное обращение к Чингис-хану), которые обнаруживаются в описаниях аналогичных празднеств в бурятской и якутской традициях [[Дашиева 2001: 67](#)].

Обращение к Чингис-хану, избранному владыке, сыну Есугея (калм. *Есүкейн көвүн сүт богд Чингис хаан*), на наш взгляд, говорит о том, что Урюс сар восходит к общемонгольскому празд-

нованию весеннего белого жертвоприношения (старописьм.-монг. *ᠰауан сүрүг* букв. ‘белый табун’, *уеке тауиуан* ‘великая жертва’), связанного с коневодством. Отдельные исследователи связывают его с обычаем отлавливания кобылиц и жеребят из табуна, принадлежавшего Чингис-хану, для доения молока (цит. по: [Chabros 1991: 114]), однако, несомненно, данный обряд более архаичный, и образ Чингис-хана в данном контексте использован для сакрализации древнего культа.

Почитание Чингис-хана как владыки и покровителя всех монгольских народов, определяемое К. Сагастером как культ предков [Sagaster 1976: 204]¹, несомненно, имело широкую текстуальную базу в письменной традиции монгольских народов и обнаруживается во многих ритуалах народной религии. Ряд параллелей обнаруживается в весеннем ритуале культа Чингис-хана, который в настоящее время продолжает отмечаться в 21-й день последнего весеннего месяца в хошуне Эджэн-Хоро-Ци Внутренней Монголии (монг. *ээн хороо*, старописьм.-монг. *ејен qоруу-а*) [Chabros 1991: 114–116; Скрынникова 2013: 165]).

Согласно описанию Ц. Жамцарано, основными константами действия выступали коновязь, сосуд с кумысом, старейшина как исполнитель ритуала и золотой кол (монг. *алтан гадаc*) (Полярная звезда), роль которого исполнял специальный человек, стоявший неподвижно в течение всего дня. Интерес вызывает следующий факт: как упомянуто выше, И. И. Попов включил в «*Урсин бичг*» и «Благопожелание у прикола» (калм. *Һадсни йөрэл*), это может свидетельствовать о том, что в калмыцком ритуале Урюс сара прикол также выполнял важную смысловую нагрузку, возможно, ассоциируясь с Полярной звездой². Это подтверждает слова Т. Д. Скрынниковой о том, что «все коллективные регулярные ри-

¹ См. также публикацию [Charleux 2009: 18].

² В описании Ц. Жамцарано *джинон*, ведущий ритуал, произносит слова: «Алтан гадасу, не трогайся!» [Скрынникова 2013: 169]. Можно предположить, что привлечение в ходе ритуала прикола должно было обеспечить неподвижность, стабильность Полярной звезды.

туалы (новогодний, летний, осенний, равно как и избрание хана) имели сходную структуру» [Скрынникова 2013: 210].

Обряд Урюс сара в описании И. И. Попова включает в себя элементы ритуалов окропления (монг. *цацал*) и призывания благополучия (монг. *даллага*). Лексема *цок*, которую нам не удалось обнаружить в словарях, на наш взгляд, является одним из маркеров ритуального текста окропления *цацал*. Ее упоминания встречаются в работах этнологов. Так, описывая западномонгольский обряд подношения молока *зулаг*, исследователь М. Ганболд вводит в научный оборот группу текстов, зачитываемых во время ритуала, в которых обнаруживается один и тот же рефрен (в разных фонетических вариациях) — *цөөд / цууд / цууг / чөөд хайрхан* [Ganbold 2014: 249–252]. Очевидно, что *цок* и указанные инварианты относятся к одному и тому же слову. М. Ганболд объясняет *цууд* как ‘то, что можно увидеть глазами, но нельзя дотронуться’ [Ganbold 2014: 252].

Э. П. Бакаева приводит примеры употребления призывания «*цөөг*» с описанием жертвоприношений на сакральных объектах *ова* (ойр. *овоо*) по данным Д. Тангад и по сведениям информантов [Бакаева 2016: 186–188]. Согласно Д. Тангад, у торгутов Монголии существует обычай: перед тем, как сделать подношения на новогодних *овоо*, на них устанавливают тонкую палочку и к ней привязывают полосу белой ткани в виде хадака, волосы из гривы коня, а также пучок от хвоста, после чего совершают подношения первинками молочных продуктов, восклицая «Цөөг, Хайрхан!» (цит. по: [Бакаева 2016: 187]). О таком же восклицании при подношении на *овоо* сообщали и информанты из этнических групп торгутов и олётв Монголии [Бакаева 2016: 187–188]: «Олёты во время жертвоприношения на индэре восклицают „Цөөд Хайрхан!“», что понимают как „*эниг авара*“ ‘возьми это’» [Бакаева 2016: 188]. Этимологию данного слова можно возвести к монг. *цуу* ‘слава, известность, похвала’ [БамРС, 3 2001: 277], *цог* ‘блеск, величие; пламя; великолепии; слава, мощь; счастье, благополучие’ [БамРС, 3 2001: 257], *цоогих* ‘пробивать на-

сквозь, делать дыру, отверстие; прокалывать, просверливать¹ [БАМРС, 3 2001: 262].

Кроме того, в рассматриваемом сочинении встречаем фразу «хуре-хуре» (старописьм-монг. *qurui qurui*), характерную для ритуальных текстов призывания *даллага* [Chabros 1991: 145–152].

Заключение

При работе с данным сочинением в записи И. И. Попова мы в первую очередь руководствовались необходимостью ввода его в научный оборот, поскольку подобные тексты, сопровождавшие празднование Урюс сара в калмыцкой традиции, в силу исторических обстоятельств не сохранились до настоящего времени, и обнаружение их среди рукописных материалов И. И. Попова, несомненно, представляет большую удачу для исследователей. Предварительный анализ текста в сопоставлении с данными по этнографии монгольских народов подтверждает архаичность Урюс сара как праздника начала лета в традиции монгольских народов, связанного с увеличением поголовья именно коней, важность в ритуале образа Чингис-хана, связанного с культом предков, а также позволяет классифицировать проводившиеся в процессе зачитывания текста ритуалы как обряды окропления и призывания благополучия.

Проведенное исследование еще раз демонстрирует значение рукописных трудов И. И. Попова как материалов по духовной культуре калмыков рубежа XIX–XX вв., которые могут представлять интерес не только для фольклористов и лингвистов, но и для источниковедов и этнографов.

Источники

ГА РО — Государственный архив Ростовской области.

Литература

Бакаева 2009 — Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.

¹ В данном случае подразумевается просьба к божеству снизойти в мир людей. Благодарю за устную информацию д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника КалмНЦ РАН Э. П. Бакаеву.

- Бакаева 2010 — *Бакаева Э. П.* Календарь. Календарная обрядность // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 282–300.
- Бакаева 2016 — *Бакаева Э. П.* Образ божества Цаган аав (Белый старец) в культуре ойратов Монголии и калмыков России: предок, хозяин времени и пространства // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева, Т. И. Шареева, Н. В. Балинова, И. А. Хомякова, С. В. Мирзаева и др. Элиста: КалМНЦ РАН, 2016. С. 176–219.
- БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. Т. 3. *Ө–Ф* / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Банзаров 1955 — *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 374 с.
- Горяева 2012 — *Горяева Б. Б.* Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И. И. Попова // Давид Кугультинов — поэт, философ, гражданин: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения поэта (г. Элиста, 11–12 апреля 2012 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2012. С. 89–92.
- Горяева 2020 — *Горяева Б. Б.* Археографическое описание сборника калмыцких пословиц в записи И. И. Попова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2020. № 6. С. 57–70.
- Горяева, Убушиева 2020 — *Горяева Б. Б., Убушиева Д. В.* Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 141–152. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-141-152
- Дашиева 2001 — *Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. 299 с.
- Мирзаева 2020a — *Мирзаева С. В.* О народно-бытовой традиции загадывания загадок у донских калмыков (по материалам И. И. Попова) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 12. № 3. С. 790–803. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-790-803
- Мирзаева 2020b — *Мирзаева С. В.* Рукопись И. И. Попова «Загадки донских калмыков»: предварительные замечания // Новый филологический вестник. 2020. № 4. С. 399–411. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00119

- МРФС 1 1844 — Монгольско-русско-французский словарь / сост. О. Ковалевский. Т. 1. Казань: Университ. тип., 1844. 2690 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 383 с.
- Попов 1919 — *Попов И. И.* Донские калмыки-казаки // Очерки географии Всевеликого войска Донского / сост. В. Б. Богачев. Новочеркасск: Отдел народного просвещения Всевеликого войска Донского, 1919. С. 284–329.
- Путешествия в восточные страны 1957 — Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастинной. М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1957. 287 с.
- Скрынникова 2013 — *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013. 377 с.
- Убушиева 2017 — *Убушиева Д. В.* Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2017. Т. № 3. С. 139–151.
- Убушиева 2018 — *Убушиева Д. В.* Кумулятивные сказки донских калмыков, из фонда И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 3. С. 64–90.
- Убушиева 2019а — *Убушиева Д. В.* Предания донских калмыков в фонде И. И. Попова // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 122–135.
- Убушиева 2019б — *Убушиева Д. В.* Калмыцкие предания из архива И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 271–281. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-271-281
- Убушиева 2020 — *Убушиева Д. В.* Инедиты калмыцкого фольклора из фонда И. И. Попова: тематическая классификация образцов устной несказочной прозы // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 239–256. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-233-250
- Убушиева 2021 — *Убушиева Д. В.* О рукописи И. И. Попова № 13805 из Государственного архива Ростовской области // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 65–81. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-65-81
- Bharatae responsa 1875 — Bharatae responsa tibetice cum versione latina ab Antonio Schiefner edita. Petropoli: typis Imperialis Academiae Scientiarum, 1875. 46 s.
- Chabros 1991 — *Chabros K. M.* A Mongol procedure for the management of energy: the dalaly-a ritual and its texts. Thesis submitted for the Degree of Doct. of Philosophy. Ann Arbor: Proquest LLC, 1991. 313 p.

- Charleux 2009 — *Charleux I.* Chinggis Khan: Ancestor, Buddha or Shaman?
// *Mongolian Studies* 31 (2009). Pp. 207–258.
- Ganbold 2014 — *Ganbold M.* The Milk-sprinkling Ceremony // *Oirat People: Cultural Uniformity and Diversification*. *Senri Ethnological Studies* 86. 2014. Pp. 245–257.
- Sagaster 1976 — *Sagaster K.* Die Weiße Geschichte (Čayan tetüke): Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen Religion und Staat in Tibet und der Mongolei. *Asiatische Forschungen* 41. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1976. 489 s.

УДК 82

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-319-343

Из неопубликованного сатирического наследия Михаила Хонинова

Римма Михайловна Ханинова ¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ханинова Р. М., 2021

Аннотация. *Введение.* В семейном архиве калмыцкого писателя Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) находятся неопубликованные произведения в разных жанрах как в оригинале, так и в переводах. Среди них сатирическое наследие, представленное баснями, фельетонами, апологами, двустихиями, четверостишиями и др. *Цель* статьи — ввести в научный оборот некоторые неопубликованные сатирические стихотворения поэта в русском переводе, не вошедшие по разным причинам в прижизненные авторские книги, не напечатанные в журнальных и газетных вариантах. *Материалом* для изучения стали басни и фельетон сатирика, созданные в 1970-е гг. и переведенные на русский язык для книги в серии «Библиотека Крокодила». *Методы.* Историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и описательный методы позволили выявить жанровые особенности, поэтику текстов, традицию смеховой культуры. *Результаты.* Проведенный анализ произведений установил их сатирическую направленность, характерную для части художественного наследия писателя, вариативность сюжетов и мотивов, устойчивые образы, аллегоризм, связь с современностью. *Выводы.* Русские переводы басен «Ох, Санжи...», «Умелый вор», «Литературный конокрад», «Корифей», «Редактура» и фельетона «Очковтиратель», выполненные А. Внуковым, Л. Шерешевским, А. Николаевым, М. Семеновым, А. Кронгаузом, продемонстрировали разнообразие тем и персонажей поэта. Введенные в научный оборот неопубликованные басни и фельетон М. Хонинова спо-

собствуют реконструкции книжного издания, творческой истории произведений поэта, переводческой практики национальной поэзии.

Ключевые слова: неопубликованные басни и фельетон, семейный архив Михаила Хонинова, переводные тексты, калмыцкая поэзия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Из неопубликованного сатирического наследия Михаила Хонинова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 319–343. DOI:10.22162/2587-6503-2021-3-19-319-343

UDC 82

Satirical Legacy of Mikhail Khoninov: Revisiting the Unpublished

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khaninova R. M., 2021

Abstract. Introduction. The family archive of the Kalmyk writer Mikhail V. Khoninov (1919–1981) contains unpublished works of various genres, both in the original and in translations. The latter comprise his satirical heritage represented by fables, feuilletons, apologues, couplets, quatrains, etc. *Goals.* The article introduces into scientific circulation Russian translations of some unpublished satirical poems and a feuilleton of the poet which for various reasons were never included in the author’s lifetime books, nor printed in magazine and newspaper versions. *Materials and methods.* The study explores the satirist’s fables and one feuilleton created in the 1970s and translated into Russian for a book in the Crocodile Library series. The historical literary, comparative, and descriptive methods made it possible to identify genre features,

poetics of texts, and a tradition of laughter culture. *Results*. The analysis of the texts defines their satirical orientation characteristic of one part of the writer's artistic heritage, variability of plots and motifs, stable images, allegorism, and connection with contemporaneity. *Conclusions*. Russian translations of the fables ('Oh, Sanzhi ...', 'The Skillful Thief', 'Literary Horse Thief', 'Coryphaeus', 'Editing') and one feuilleton ('The Fraudsters') by A. Vnukov, L. Shereshevsky, A. Nikolaev, M. Semenov, and A. Krongauz demonstrate a variety of themes and characters addressed by the poet. The to be introduced unpublished fables and one feuilleton by M. Khoninov shall be instrumental in supplementing book editions, reconstructing a creative history of the poet's works and translation practices of ethnic poetry.

Keywords: unpublished fables, feuilleton, Mikhail Khoninov's family archive, translated texts, Kalmyk poetry

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Khaninova R. M. Satirical Legacy of Mikhail Khoninov: Revisiting the Unpublished. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 319–343. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-319-343

Введение

«БАСНЯ — жанр дидактической литературы: короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл. Краткая Б. иногда называется апологом. Повествовательной частью Б. сближается со сказками (особенно животными сказками), новеллами, анекдотами; моралистической частью — с пословицами и сентенциями; один и тот же материал свободно перетекает между Б. и этими смежными жанрами. <...> Б. бытует самостоятельно (применяясь к разным поводам) и вырабатывает свой традиционный круг образов и мотивов (животные, растения, схематические фигуры людей, сюжеты по типу «как некто хотел сделать себе лучше, а сделал только хуже»). Часто в Б. присутствует комизм, часто — мотивы социальной критики, но в целом идеология фольклорной Б. консервативна» [ЛЭ 2001: 73].

Жанр басни в калмыцкой поэзии XX в. представлен в творчестве Санджи Каляева, Хасыра Сян-Белгина, Мутула Эрдниева, Гари Шалбурова, Давида Кугультинова, Басанга Дорджиева, Тимофея Бембеева, Михаила Хонинова в основном имплицитно, с разной интенсивностью обращения в те или иные периоды времени, опорой на фольклорные традиции [[Ханинова 2018а](#); [Ханинова 2018б](#); [Ханинова 2018в](#); [Ханинова 2021а](#); [Ханинова 2021б](#); [Ханинова 2021в](#); [Ханинова 2021г](#)].

В семейном архиве калмыцкого писателя Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) среди неопубликованных сатирических произведений в русском переводе есть такие, которые были подготовлены для второй его книжки «Как я был конокрадом» из серии «Библиотека Крокодила», изданной в Москве в 1979 г. Не вышли они ни в газетном, ни в журнальном вариантах по невыясненным причинам. Первая сатирическая книжка поэта «Хавал-бахвал» в той же серии в русском переводе Андрея Внукова появилась в 1973 г. Читатели ранее знакомились с такими произведениями на страницах журнала «Крокодил», штатным специальным корреспондентом которого был автор, а также в другой периодике, например, в республиканской газете «Советская Калмыкия». Перевели неопубликованные басни и фельетон калмыцкого поэта известные писатели Андрей Внуков (лит. псевдоним Эрика Мироновича Левина, 1933–1991), Александр Маркович Николаев (1925–1997), Лазарь Вениаминович Шерешевский (1926–2008), Мануил Григорьевич Семенов (1914–1986), Анисим Максимович Кронгауз (1920–1988).

У калмыцких поэтов не было отдельных сатирических книг ни на родном языке, ни в русском переводе, кроме двух указанных московских изданий Михаила Хонинова [[Ханинова 2021г: 121–133](#)]. Лишь в сборнике Тимофея Бембеева «Стихи. Поэмы. Басни», изданном в Элисте в 1963 г., опубликованы в отдельном разделе «Басни» десять произведений, переведенных Александром Николаевым и Игорем Романовым: «А что еще нужно?», «Волков бояться...», «Бахвальство», «Маменькин Петя», «Козел-агроном», «Бура и Ботхон», «Ёрш», «Зайцы и львы», «Чернила и перо», «Бодливая Буренка» [[Бембеев 1963: 66–86](#)].

Не ставя задачу сопоставить оригинальные и переводные тексты в хониновской сатирической поэзии, обратимся в данной статье только к произведениям, доступным для широкой читательской аудитории, в аспекте межкультурной коммуникации.

Введенные в научный оборот неопубликованные басни и фелетон М. Хонинова в русском переводе способствуют реконструкции книжного издания, творческой истории произведений поэта, переводческой практики национальной поэзии.

Реконструкция плана издания второй сатирической книжки М. Хонинова

В семейном архиве писателя сохранился один из вариантов плана книги с первоначальным названием «Паршивая овца» (библиотека «Крокодила»), где в «Содержании» указаны в следующей очередности 26 позиций с именами переводчиков и количеством строк:

Кол-во строк	Название произведения	Переводчик	Очередность
26	Строчки-степнячки	М. Семенов	1
62	Надой с водой	И. Романов	3
10	Веская причина	М. Семенов	6
16	Калмык не падает с коня	М. Семенов	7
16	«И-а!.. И-а!»	М. Семенов	8
22	Листопад	М. Семенов	9
10	Корифей	М. Семенов	10
4	Вдали	А. Внуков	11
4	Не верю	А. Внуков	12
4	Про доброту и честь завистнику не говори...	М. Семенов	13
4	«Арканом можно укротить коня...»	М. Семенов	14
16	Козел и Пёс	Б. Юдин	15
12	Чабан и собака	Б. Юдин	16
20	Откуда?	И. Романов	17

24	Ох, Санжи	А. Внуков	18
25	«Новости»	А. Кронгауз	19
22	Бадма	А. Внуков	20
36	Умелый вор	Л. Шерешевский	21
38	Лягушка пошла за бараном и...	А. Внуков	23
10	Потомок далеких предков	И. Романов	25
24	Паршивая овца	И. Романов	26
36	Послание Молчалина	Л. Шерешевский	27
77	Ремонтники нуждаются в ремонте	И. Романов	29
95	Мириться не могу	И. Романов	32
36	Редактура	А. Кронгауз	36
436	Калмыцкая мудрость и фашист		38

Как видно из «Содержания», какие-то тексты рукописи не были приняты, поэтому числовая последовательность не соблюдена. Кроме того, в последней позиции без обозначения жанра речь идет о рассказе в авторском переводе, который в окончательном варианте получил название «Как я был конокрадом» с количеством в 230 строк из общих 1 041 строки, как подсчитал поэт в конце страницы. Всего им указана 1 421 строка в планируемом издании [СА МХ (6)].

В результате окончательный вариант сборника, помимо нового названия «Как я был конокрадом», включал еще иные произведения, например, «Вымогатели» в переводе Юрия Кушака, «Нет конца обещаниям» в переводе Лазаря Шерешевского, «Ох, и ловок этот Зам!» в переводе Николая Поливина. Всего 32 позиции в новом «Содержании», объем книги составил 2,26 учетно-издательских листа. Редактор издания — Борис Юдин, художник — Евгений Жаринов, дружеский шарж Владимира Мочалова. Тираж книги — 75 тыс. экз.

Книге предшествовало краткое предисловие от редактора: «Сатирикам, как бойцам на фронте, нужно бы засчитывать год за два. Но Михаилу Хонинову в его шестьдесят лет не дашь больше трид-

цати — таков запас энергии и творческой мысли таит этот бывший воин, партизан, советский писатель.

Сын бедного калмыка-животновода, Михаил Хонинов стал одним из виднейших деятелей культуры Советской Калмыкии: был актером, театральным деятелем, стал прозаиком и поэтом. Его перу принадлежит более тридцати книг. Многие из них написаны сатирическим пером.

В настоящем сборнике собраны стихи последних лет» [Хонинов 1979].

Басня М. Хонинова «Ох, Санжи...» в переводе А. Внукова

В книгу «Как я был конокрадом» вошел лишь один перевод Андрея Внукова: стихотворение «Ядма», названное по имени главного персонажа (калм. *Ядм*). Это табу от имени Бадм, означающего с тибетского «лотос» [Монраев 2007: 200, 138], цветков, олицетворяющий в буддизме символ духовного совершенства. Примечательно, что в первом варианте названия перевода был не Ядма, а Бадма (калм. *Бадм*).

Автор обыгрывает имя человека, про которого «твердят, что в прошлом веке / Был он дегтем / для колес телеги, / А сегодня, в трудный век машин, / Солидолом стал Ядма для шин...» [Хонинов 1979: 17]. Люди опасаются, как бы он «тормозною жидкостью не стал!..» [Хонинов 1979: 17]. Такая градация смазочных материалов в семантическом плане характеризует отрицательный типаж в данной басне.

Одной из особенностей басенной традиции является сближение анималистических черт в облике персонажа с каким-либо представителем фауны. Если у Ядмы «лицо / совсем овечье: / Длинное, / сужается к концу... / Козьи глазки / не по-человечьи / Бегают, / шныряют по лицу» [Хонинов 1979: 17], то у Санжи «тугие уши хилого быка» [СА МХ (4)]. Это еще один тип скопидома в сатирической галерее поэта. «Живет Санжи, от времени старея, / Не старится лишь скарედность его» [СА МХ (4)].

Диалогическая форма, характерная для басенного жанра, проявляется здесь в авторских вопросах и ответах: «Вы спросите, / кем был он в мире этом? / Был псом, / лежавшим под телегой ле-

том...» [СА МХ (4)]. Сравнение с таким псом подчеркивает безделье человека, а также отсылает к калмыцкой пословице («Собака бежит под телегой и говорит: „я тащу“») [Котвич 1972: 81]).

«Вы спросите, / чего он в жизни хочет? / О золоте и славе / он хлопочет...» [СА МХ (4)]. Такая обывательская психология вызывает риторический вопрос: «Вы спросите, / зачем ему такое?», на который следует ответ: «Он хочет унести / добро с собою...» [СА МХ (4)]. Авторскую иронию переводчик подытожил: «Ты столько накопил, Санжи, добра, / Что, видимо, пора нести... пора...» [СА МХ (4)]. Мотив купли-продажи («Купил он время, / словно ротозея, / Чтоб выкрасть все богатства у него») вводит оппозицию ценного и бесценного, духовного и материального. Здесь, как и в басне «Ядма», поэт обыгрывает имя персонажа (калм. *Санжэ*), означающее «бог, божество» [Монраев 2007: 178]. Название басни с междометием и многоточием «Ох, Санжи...» в переводе А. Внукова тоже эмоционально актуализирует целеполагание жизненной позиции подобного современника.

Некоторые опубликованные стихотворения М. Хонинова в переводе А. Внукова представлены на сайте переводчика [Внуков 2019б].

Басня М. Хонинова «Умелый вор» в переводе Л. Шерешевского

Книгу «Как я был конокрадом», в отличие от первоначального плана, открывает стихотворение «Послание Молчалина» в переводе Лазаря Шерешевского. Такая переключка с комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума» проецирует и название пьесы предшественника, и нарицательный тип, и классический сюжет, и тему угодничества «мелкого человека» во имя карьеры. Самохарактеристика современного Молчалина дана с поправкой, ведь «в угодничестве тоже свой прогресс»: «...хоть нынче можно сметь / свое суждение иметь, / но важно, чтобы оно с сужденье / с начальством не имело расхожденья, / тактично дополняя мысль его: / чуть-чуть подскажешь — только и всего, — / и будешь человек незаменимый!» [Хонинов 1979: 4].

Басня же «Умелый вор» в переводе Л. Шерешевского продолжает тему неправедных судов в мире животных, хорошо знакомую как в фольклоре, так и в сатирической традиции. Название произведения не только вводит мотив «не пойман — не вор», но и провоцирует вопрос: только ли умелость спасает вора от наказания за преступление. Жанровая сценка дополняется диалогом между Ежом и Зайцем. Заяц, известный своей трусостью, случайно услышав, как Волк похвалялся тем, что задрал много овец, но не сидит под стражей, как Рысь, пойманная на месте преступления, все же помчался к прокурору Медведю сообщить разоблачительную новость, «чтоб волк не смел творить бесчинство впредь!» [CA MX (9)]. Но встреченный по пути мудрый Ёж остудил его праведный пыл, урезонив известием о том, что Волк Медведю «втихомолку / Кусочек самый лучший отнесет!», а самонадеянная Рысь «не хочет соблюдать медвежьих правил: / Коль что урвал — с медведем поделись!» [CA MX (9)]. Заяц возражает: «Да ведь Медведь в рот не берет мясного!», на что Ёж резонно замечает: «Открыто — нет, а потихоньку — да!» [CA MX (9)]. Простодушному поборнику правды Ёж выговаривает: «Для Волка кары ты решил добиться?! / Подумать можно — рос ты не в лесу!» [CA MX (9)]. Судебная подоплека была неведома Зайцу, ведь он подумал: если одного хищника наказали — значит, и другого можно призвать к ответу. Теперь же лесной порядок хищников вызывает смятение беззащитного Зайца: «И от порядка этого лесного / Не знает Заяц убежать куда!» [CA MX (9)].

Анималистические образы этой басни показаны в традиционной парадигме хищников и жертв. При этом М. Хонинов вводит в бестиарий калмыцкой басни редкое для национального фольклора животное — рысь. Особняком в этом ряду находится Ёж, малодоступный для хищников из-за своей колючей одежды, мудрый советчик, спасший бедного Зайца от возможной расправы за правду. Обычно глупый Волк в этой басне умен, насмехаясь над Рысью: «И поделом ей! Пусть сидит в остроге: / *А не воруй, коль в том не знаешь толк!* / Вот я, к примеру, действую умело: / Я тысячи уже сгубил овец. / И что же? Волки сыты, овцы целы, / *Все шито-крыто*, и всему конец!» [CA MX (9)].

Используя разговорное наречие «шито-крыто», обозначающее тайну для других, русскую поговорку, ставшую фразеологизмом, о сытых волках и целых овцах, как решение проблемы для конфликтующих сторон, разговорные выражения (урвать, втихомолку, прикорнувший, вмиг и др.) и т. д., переводчик создает, с одной стороны, разговорный стиль, с другой — вводит слова книжные, устаревшие (кара, острог, сгубить и т. д.), таким образом, сталкивая низкое и высокое, показное и тайное.

Ср. в небольшом стихотворении «Чтобы не видели люди...» (пер. Л. Шерешевского) поэт, опираясь на русскую поговорку «вор на воре, вором погоняет» [Пословицы 1989: 142] и на русскую поговорку «на воре шапка горит (*на торгу закричали: на воре шапка горит, а вор за шапку и хватился*)» [Пословицы 1989: 140], завершил краткую историю ссылкой на калмыцкую поговорку: «Но, как в старой калмыцкой поговорке, / каждый твердит: / „Я не вор, я не вор!“ / — Кто же вор? / — „Тот, кто скачет на мне!“» [СА МХ (10)]. Имеется в виду: «Хулхач хэрү хээкрдг. Вор кричит, (оборачиваясь) назад, (чтобы отвлечь от себя подозрение)» [Котвич 1972: 87].

Стихотворный фельетон М. Хонинова «Очковтиратель» в переводе Л. Шерешевского

«ФЕЛЬЕТОН (фр. feuilleton от feuille — листок) — художественно-публицистическое произведение сатирической направленности. Занимает промежуточное положение между газетной или журнальной статьей и малыми жанрами художественной прозы (рассказ, новелла, очерк) и поэзии (стихотворный Ф.). С публицистическими жанрами Ф. роднит острая злободневность: конкретность образов и фактов, социальная или политическая направленность; с жанрами художественной литературы — приемы художественной изобразительности» [ЛЭ 2001: 1132].

Фельетоны калмыцкого писателя публиковались в прозаической и стихотворной форме во всесоюзном журнале «Крокодил» и в республиканской периодике, вошли и в авторские книги. Среди неопубликованных вещей в семейном архиве остался стихотвор-

ный фельетон «Очковтиратель» в переводе Лазаря Шерешевского. По всей вероятности, этот текст тоже предназначался для второй «крокодильской» книжки.

Некоторые примеры фельетонов и басен из этого издания проанализировал Д. Чиров в книге «Грани любви. Творческий портрет Михаила Хонинова» (глава «Парадоксы любви»): «Хавал-бахвал», «Зимние беседы-досады», «Сайгак-прыгун», «Мертвый враг» [Чиров 2007: 67–72].

Стихотворный фельетон «Нет конца обещаниям...» в переводе Л. Шерешевского вошел в хониновскую книжку «Как я был конокрадом». Его персонажи имеют говорящие фамилии — Обещалкин и Ожидалкин. Один из них в который раз обещает выполнить необходимую работу в очередную пятницу, а другой, так и не дождавшись, «растворился без следа. <...> Потому что / обещаньям / нет конца...» [Хонинов 1979: 21].

В другом фельетоне — «Очковтиратель» — жанровое обозначение присутствует, в то время как «Нет конца обещаниям...» его не имеет. Первоначальное название фельетона «Обещалкин и Ожидалкин», окончание его короче [СА МХ (3)], текст разделен на три неравномерные строфы.

Если в первом фельетоне нет конкретизации обещанного дела, то во втором фельетоне директор совхоза допустил падеж овечьих отар, не заготовив на зиму достаточного запаса кормов, но вышел из затруднительного положения, сговорившись с главбухом: списали многотысячные убытки, найдя виноватых в том чабанов, вычли деньги из их зарплаты. «Он думает: все ему гладко сойдет, — / и дутые цифры и лживый отчет, / и очковтирательство тоже! / Все стерпит бумага: какой с нее спрос?» [СА МХ (5)]. Таким фразеологизмом «бумага все стерпит» с риторическим вопросом «какой с нее спрос?» поэт вместе с переводчиком напоминают о том, что истинное положение дел известно всем, но кое-кому, вероятно, выгодно делать вид, что все в порядке. Тем не менее в последних строках звучит обращение к общественности: «Но все-таки ждет и район, и совхоз, — / Кто с Хмурого спросит построжее?» [СА МХ (5)].

Гротескное начало катастрофической картины передает масштабы бедствия: «Зимой, когда овцам не стало что есть, / они друг на дружке поели всю шерсть / и двинулись с голою шкурой / иззябшей толпою ошипанных тел / туда, где в своем кабинете сидел / директор совхоза Хар Хмурый. // Казалось, что воздух морозный гудит, / наполнившись стуком овечьих копыт / и жалобным бляньем сиплым: „Ты видишь, какая крутая зима? / Добудь же, директор, скорей нам корма, / не то и тебя мы ошиплем!“» [СА МХ (5)]. Попытки директора дозвониться до райкома за помощью, угроза пожаловаться в обком ни к чему не привели.

Название фельетона «Очковтиратель» прямо указывает на должностное преступление. Просторечный фразеологизм «втирать очки» означает обман, создание на словах или на деле видимости благополучия, приукрашивание действительности.

Социальная направленность произведения обусловлена реальными событиями в республике в конце 1970-х гг., когда местное животноводство из-за холодных зим и бесхозяйственности руководства понесло катастрофические потери. М. Хонинов, собрав необходимый материал для прозаического фельетона, собирался напечатать его в «Крокодиле», но эта публикация не состоялась по независящим от автора причинам. Вероятно, стихотворный фельетон «Очковтиратель» и был написан тогда по горячим следам, но не был опубликован ни в оригинале, ни в русском переводе. В семейном архиве писателя сохранились два варианта перевода и несколько подстрочников стихотворения. В одном подстрочнике указан конкретный совхоз одного района, имя, отчество и фамилия директора, в другом — вымышленное имя. В первом варианте перевода реальный руководитель хозяйства был назван, во втором варианте он получил имя Хар Хмурый (*калм.* хар — черный), семантическое усиление негативного фактора.

Басня М. Хонинова «Литературный конокрад» в переводе А. Николаева

Как пишет современный исследователь, в жанровой редакции басни обсуждаются и литературные проблемы [Иванюк 2018: 22].

Эти проблемы заявлены, например, в баснях Т. Бембеева («Бура и Ботхон», «А что еще нужно?», «Волков бояться...») [Бембеев 1963; Бембин Т. 1960; Ханинова 2018a] и М. Хонинова.

Тема воровства, но уже в другой сфере, раскрыта в хониновской басне, имеющей два названия: «Литературный конокрад» и «Чужие гнал страницы». И в том, и в другом именовании мотив плагиата, компиляции, заимствования чужого интеллектуально-го продукта вызывает авторский сарказм в отношении тех, кто решил догнать Пегаса на верблюде. Обыгрывая метафору «наездники в литературе» в связи с древнегреческим мифическим крылатым конем Пегасом (*греч.* — бурное течение), выбившим копытом на горе Геликон источник, дарующий поэтическое вдохновение [Мифы 1994: 296], переводчик Александр Николаев сравнил Пегаса с Аранзалом, богатырским конем из героического калмыцкого эпоса «Джангар». «В литературе есть у нас / наездников немало. / И у иных, глядишь, Пегас / подобен Аранзалу» [СА МХ (2)].

И вот тщеславный литератор ввязался в скачку: «Еще двух слов связать не мог, / а стал писать романы. / Верблюд, бегущий со всех ног, / не вывез графомана. // Решил, не тратя лишних слов, / на хитрость он пуститься: / гнал чистокровных скакунов, / чужие гнал страницы» [СА МХ (2)]. Просторечный фразеологизм «плевать на всех» в басне проецирован на образ верблюда, на котором скачет охотник за чужим талантом, ведущий себя вызывающе, когда был разоблачен. «Был схвачен за руку, / но тут, / бранясь и возражая, / на всех плевал он, / как верблюд: / — У нас традиций не блюдут, / я просто подражаю!» [СА МХ (2)]. Введение фразеологизма «схватить за руку» в значении остановить того, кто занимается несправедным делом, подчеркивает разоблачение литературного вора. Калмыки говорят: «Хулхачд күүнэ то уга. Вор не считается человеком» [Котвич 1972: 87].

Проблема таланта и бездарности в морально-этическом плане остается открытой в произведении: «С коня не ссажен он пока» [СА МХ (2)]. Автор задается риторическим вопросом: «Но как ссадить такого?» [СА МХ (2)]. Несмотря на то, что имеются разные

формы борьбы с присвоением чужого материала, баснописец демонстрирует живучесть подобного явления в искусстве и литературе: «На своего он сел конька, вернее, на чужого» [САМХ (2)]. Фразеологизм «сесть на конька» завершает конный мотив в произведении, где иронически противопоставляется Пегасу/Аранзалу верблюд, выносливое, но не быстрое животное. Так трансформируется фразеологизм — сел на чужого конька.

Ср. афоризм сатирика Михаила Задорнова: «На чужого конька не сидь — горбунком станешь» [Задорнов 2010: 22].

Такой темы литературного плагиата в басенном наследии калмыцкой поэзии не было, но злободневность ее остается.

Басня М. Хонинова «Признание» в переводе неустановленного поэта

Другой мотив — вступление в писательский союз всеми правдами и неправдами без таланта — М. Хонинов сатирически изобразил в сценке банкета по такому случаю в басне «Признание». Подзаголовок «диалог в банкетном зале» передает любопытство соратников, в чем предел мечты нового члена Союза писателей. Ответ его бесхитроен: «Как на духу / Не стану врать... / Я вот о чем, друзья, / Мечтаю: / Теперь бы мне / Талант / достать!» [САМХ (7)]. Раздумья «литератора» простодушны: «А где достать его? / Не знаю» [САМХ (7)].

Характерная лексика «достать» актуализирует жизненную позицию будущего «властителя дум», вызывая по ассоциации остроумное стихотворение Андрея Внукова «Краткость — сестра таланта»: «Стихотворения писал он / Сверхлаконичным языком... / Сестру таланта, видно, знал он, — / Жаль, с братом был он незнаком!», оставшееся в архиве поэта [Внуков 2019a].

Несмотря на утрату литературоцентричности в современном российском обществе, отсутствие государственной поддержки в книгопечатании писательской продукции, потерю престижа писателя, мечты графоманов, молодых и пожилых, остались прежними.

Басня М. Хонинова «Редактура» в переводе А. Кронгауза

Эта басня под названием «Чуткий редактор» опубликована в книге «Как я был конокрадом». Ее вариант «Редактура» остался неопубликованным. Здесь литературная проблема обусловлена ролью редактора в издании авторской книги. Сатирический типаж редактора узнаваем, несмотря на гротеск: заткнуть уши, подрезать язык, замазать лицо, стреножить ноги, закрыть глаза шорами, укоротить руки автору в работе над рукописью.

В одном варианте нарисована знакомая картина: «Редактор в тиши кабинета / стал волю давать языку, / стихи молодого поэта / решил поправлять на скаку» [Хонинов 1979: 8].

В другом варианте жанровые признаки басни присутствуют с самого начала: «Редактор вскочил на барана, / Хлестнул его сразу кнутом / Иль плетью / Так резко и рьяно, / А может, своим языком... / На них и смотреть было странно: / Баран на баране верхом» [СА МХ (8)]. Такая гротескная ситуация (баран на баране), на наш взгляд, вводит читателя в мир животных. Аллегорическая направленность басни очевидна, если учитывать глупость и упрямство барана. При этом стихи барана-поэта, наверное, хороши, если баран-редактор решил избавить автора от своеобразия, сделать его творения безликими и никому не опасными. Правда, мораль басни несколько размывает поворот анималистического ракурса: «Зачем было нужно все это, — / Хоть том поэтический сдан, — / Осталось неясным поэту, / И даже не понял баран» [СА МХ (8)]. Судя по логике, в басне действуют два барана: баран-поэт и баран-редактор, а в конце появляется третий баран? Баран-читатель? Вероятно, эта концовка произведения не удовлетворила уже настоящего редактора хониновской рукописи, поэтому в результате его редакции появился окончательный вариант в книге.

Басня М. Хонинова «Корифей» в переводе М. Семенова

В сатирическом наследии М. Хонинова есть и краткие басни. Одна из них под названием «Корифей науки» в переводе М. Семенова вошла в книгу «Как я был конокрадом». Другой вариант «Корифей» остался неопубликованным.

Ср. эти тексты. Первый вариант: «Жизнь долгую прожил в трудах, / без барства, / Поднял глубокие научные пласты: / „Как нам везде в масштабах государства / Навечно выпрямить собачие хвосты“. / Мысль корифея даром не пропала. / И имени его вознесся институт. / Вот только Жучки изменились мало / И Бобики / по-прежнему живут» [Хонинов 1979: 28].

Во втором варианте: «Ученого я знал упорного, как глыба. / Он говорил: „Сомненья мне чужды“. / Шел напролом в науке: либо — либо, / Единой цели посвятив труды. / Жизнь долгую прожил без барства / И перекинул в завтра дерзкие мосты: / Как нам везде в масштабах государства / Однажды выпрямить собакам всем хвосты. // ... Вот Бобики бегут — у всех хвосты крючками. / Знать, не поладил корифей с... ученичками!» [СА МХ (1)].

Псевдонаука и псевдоученые — объект сатиры в двух этих текстах. Если в первом варианте, несмотря на абсурдность идеи, научный «корифей» при жизни и после смерти был удостоен всяческих почестей, хотя результат научного эксперимента не подтвердил научной «гипотезы», во втором варианте выясняется, что научное субсидирование было напрасным, ибо сам научный проект не имел целесообразности, а назвать ученого корифеем не представлялось возможным, его труды были бесполезными.

Заключение

Подводя предварительные итоги, отметим, что в семейном архиве М. В. Хонинова сохранились неопубликованные произведения из сатирического наследия как в оригинале, так и в русском переводе. Часть из них в переведенном виде рассмотрена в данной статье и представлена в Приложении.

Как выяснилось, некоторые басни и фельетоны имели варианты. Вероятно, из-за этого варианты потом не были напечатаны. Другие произведения вообще остались в архиве по неизвестным теперь причинам.

Между тем введение в научный оборот неопубликованных произведений дает более полное представление о творческом наследии ушедшего писателя, способствует реконструкции книжного проекта, уточняет редакторскую работу с рукописью, знакомит с переводческой деятельностью в национальной литературе.

Источники

- СА МХ (1) — Хонинов М. Корифей. Перевел М. Семенов. Семейный архив М. Хонинова.
- СА МХ (2) — Хонинов М. Литературный конокрад. Перевел А. Николаев. Семейный архив М. Хонинова.
- СА МХ (3) — Хонинов М. Обещалкин и Ожидалкин. Перевел Л. Шерешевский. Семейный архив М. Хонинова.
- СА МХ (4) — Хонинов М. Ох, Санжи... Перевел А. Внуков. Семейный архив М. Хонинова.
- СА МХ (5) — Хонинов М. Очковтиратель. Перевел Л. Шерешевский. Из семейного архива М. Хонинова.
- СА МХ (6) — Хонинов М. Паршивая овца. Содержание.
- СА МХ (7) — Хонинов М. Признание. Перевод. Семейный архив М. Хонинова.
- СА МХ (8) — Хонинов М. Редактура. Перевел А. Кронгауз. Семейный архив М. Хонинова.
- СА МХ (9) — Хонинов М. Умелый вор. Перевел Л. Шерешевский. Семейный архив М. Хонинова.
- СА МХ (10) — Хонинов М. «Чтоб не видели люди...». Перевел Л. Шерешевский. Семейный архив М. Хонинова.

Литература

- Бембеев 1963 — *Бембеев Т. О.* Стихи. Поэмы. Басни. Пер. с калм. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 88 с.
- Бембин Т. 1960 — *Бембин Т.* Зөөр: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1960. 60 х.
- Внуков 2019а — *Внуков А.* Краткость — сестра таланта [электронный ресурс] // Из архива А. Внукова «За пределами книг». URL: <https://www.andreyvnukov.com/arhiv> (дата обращения: 28.05.2021).
- Внуков 2019б — *Внуков А.* Переводы [электронный ресурс] // Стихи разных авторов в переводе с азербайджанского, лезгинского калмыцкого языков. Михаил Хонинов. URL: <https://www.andreyvnukov.com/knigaperevodov> (дата обращения: 28.05.2021).
- Задорнов 2010 — *Задорнов М. Н.* Я никогда не думал... [электронный ресурс] // Избранное. М.: Эксмо, 2010. 624 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=122298&r=22> (дата обращения: 28.05.2021).
- Иванюк 2018 — *Иванюк Б. П.* Стихотворные жанры иносказательной типологии: аполог, басня, загадка (словарный формат) // ФИЛОЛОГОС. 2018. № 2(37). С. 19–25.

- Котвич 1972 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие пословицы и поговорки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 92 с.
- ЛЭ 2001 — Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПКи «Интелвак», 2001. 799 с.
- Мифы 1994 — Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. К–Я. 719 с.
- Монраев 2007 — *Монраев М.* Калмыцкие личные имена: семантика: на рус. и калм. яз. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 224 с.
- Пословицы 1989 — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2 тт. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.
- Ханинова 2018а — *Ханинова Р. М.* Басня в первой книге Тимофея Бембева «Зөөр» («Сокровище») // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. Вып. V. С. 105–117.
- Ханинова 2021а — *Ханинова Р. М.* Бестиарий басни в калмыцкой поэзии XX века. Статья первая // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 514–531.
- Ханинова 2018б — *Ханинова Р. М.* Жанр басни в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2018. № 4(47). С. 58–68. DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00064
- Ханинова 2021б — *Ханинова Р. М.* Зоопозитика текста в калмыцкой басне XX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 393–408. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-393-408
- Ханинова 2018в — *Ханинова Р. М.* Перевод в диалоге культур: крыловская традиция в калмыцкой басне // Библиотека — перекресток национальных литератур: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 16–18 октября 2018 г.) / сост. М. Н. Безидеева. Элиста, 2018. С. 25–31.
- Ханинова 2021в — *Ханинова Р. М.* Поэтика басен Х. Сян-Белгина «Зан Чон хойр» и Б. Дорджиева «Занын тускар батхнын санл» // Проблемы поэтики и стиховедения: мат-лы IX Междунар. научн.-теоретич. конф., посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 90-летию выдающегося казахского поэта Мукагали Макатаева (г. Алматы, 20–21 мая 2021 г.). Алматы: КазНПУ им. Абая, 2021. С. 63–67.
- Ханинова 2021г — *Ханинова Р. М.* Художественный перевод басни калмыцких поэтов (М. Эрдниев, М. Хонинов) // «Сохрани мою речь навсегда»: роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений: мат-лы межрегион. онлайн-конф. с междунар. участием (г. Элиста, 8 июня 2021 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. С. 121–133.

- Хонинов 1973 — *Хонинов М. В.* Хавал-бахвал / пер. с калм. А. Внукова. М.: Правда, 1973. 48 с.
- Хонинов 1979 — *Хонинов М. В.* Как я был конокрадом / пер. с калм. М.: Правда, 1979. 48 с.
- Чиров 2007 — *Чиров Д. Т.* Грани любви. Творческий портрет Михаила Хонинова: уч. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 176 с.

Приложение

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНОКРАД

В литературе есть у нас
наездников немало.
И у иных, глядишь, Пегас
подобен Аранзалу.

Был у меня тщеславный друг.
Над ним смеялись люди,
когда догнать решил он вдруг
Пегаса на верблюде.

Еще двух слов связать не мог,
а стал писать романы.
Верблюды, бегущий со всех ног,
не вывез графомана.

Решил, не тратя лишних слов,
на хитрость он пуститься:
гнал чистокровных скакунов,
чужие гнал страницы.

Был схвачен за руку,
но тут,
бранясь и возражая,

на всех плевал он,
как верблюд:
— У нас традиций не блюдут,
я просто подражаю!
С коня не ссажен он пока.
Но как ссадить такого?
На своего он сел конька,
вернее, на чужого.

Перевел с калмыцкого А. Николаев.

УМЕЛЫЙ ВОР

Однажды Рысь лесным судом судили:
Овец с десятков задрала она.
За то в острог злодейку посадили —
Попалась — значит, отвечать должна!
Весть получив про приговор тот строгий
В овраге хохотал матерый Волк:
— И поделом ей! Пусть сидит в остроге:
А не воруй, коль в том не знаешь толк!
Вот я, к примеру, действую умело:
Я тысячи уже сгубил овец.
И что же? Волки сыты, овцы целы,
Все шито-крыто, и всему конец!
Случайно волчье услышал бахвальство
Зайчишка, прикорнувший под кустом,
И, вмиг вскочив, всюю бежать к начальству,
Чтоб донести немедленно о том.
Навстречу Ёж: — Куда летишь, ушастый?
— Туда, где дремлет прокурор-медведь!
Я поделюсь с ним тайною ужасной,
Чтоб Волк не смел творить бесчинство впредь!
Я слышал сам, как хвастал Волк-убийца,
И обо всем медведю донесу!

— Для Волка кары ты решил добиться?!
Подумать можно — рос ты не в лесу!
Идти к Медведю с жалобой на Волка?
Да если Волк барана загрызет,
Медведю-прокурору втихомолку
Кусочек самый лучший отнесет!
— Постой! А Рысь в острог медведь отправил?
— Самонадеянна уж больно Рысь:
Не хочет соблюдать медвежьих правил:
Коль что урвал — с Медведем поделись!
— Да ведь Медведь в рот не берет мясного!
— Открыто — нет, а потихоньку — да!
И от порядка этого лесного
Не знает Заяц убежать куда!

Перевел с калмыцкого Л. Шерешевский.

ОБЕЩАЛКИН И ОЖИДАЛКИН

Ожидалкин к Обещалкину проник,
Дым табачный застилал там потолок.
Обещалкин на вопрос ответил вмиг:
«Будет в пятницу все сделано, дружок!»

«А в какую, значит, пятницу?» «Да в ту...»
Обещалкин календарь перелистнул.
«Да всего полсотни пятниц есть в году.
Ты ж в сто первую, должно быть, пальцем ткнул!»

«Неужели? Вот как времечко летит».
Обещалкин, дым пуская, молвил: «М-да!»
И, угаром обещаний весь обвит,
Обещалкин в нем растаял без следа...

Перевел с калмыцкого Л. Шерешевский.

Чтобы не видели люди,
что шапка на каждом горит,
Вор на воре сидит...
Тяжело и плечам, и спине...
Но, как в старой калмыцкой пословице,
каждый твердит:
«Я не вор, я не вор!»
— Кто же вор?
«Тот, кто скачет на мне!»

Перевел с калмыцкого Л. Шерешевский.

ОХ, САНЖИ...

Тугие уши хилого быка,
И волосы белеют по-ковылъи,
Не видно в глазках-плошках огонька,
Как рудостойки в ортах, зубы сгнили...

Купил он время, словно ротозея,
Чтоб выкрасть все богатства у него,
Живет Санжи, от времени старея,
Не старится лишь скарედность его.

Вы спросите,
кем был он в мире этом?
Был псом,
лежавшим под телегой летом...
Вы спросите,
чего он в жизни хочет?
О золоте и славе
он хлопочет...

Вы спросите,
зачем ему такое?
Он хочет унести
добро с собою...
Ты столько накопил, Санжи, добра,
Что, видимо, пора нести...
пора...

Перевел с калмыцкого А. Внуков.

КОРИФЕЙ

Ученого я знал упорного, как глыба.
Он говорил: «Сомненья мне чужды».
Шел напролом в науке: либо — либо,
Единой цели посвятив труды.

Жизнь долгую прожил без барства
И перекинул в завтра дерзкие мосты:
Как нам везде в масштабах государства
Однажды выпрямить собакам всем хвосты.

... Вот Бобики бегут — у всех хвосты крючками.
Знать, не поладил корифей с... ученичками!

Перевел с калмыцкого Мануил Семенов.

РЕДАКТУРА

Редактор вскочил на барана,
Хлестнул его сразу кнутом
Иль плетью
Так резко и рьяно,
А может, своим языком...

На них и смотреть было странно:
Баран на баране верхом.

Редактор в тиши кабинета
Стал волю давать языку,
Стихи молодого поэта
Решил поправлять на скаку.
Умел стихотворец подслушать
Звон капель, идя по росе...
«Заткнем ему ватую уши,
Чтоб слышал не лучше, чем все».
Язык стихотворца прекрасен...
«Подрежем немного язык».
И лик поэтический ясен...
«Замажем известкою лик».

Быстры и легки его ноги,
И зорко-остер его взгляд...
«Стренижим его на пороге,
А шоры глаза затемнят».

Сильны и ловки его руки...
«Их вовремя укоротим —
Такие готовы без скуки
Писать, что не велено им.
Мы выгладим каждую складку,
Чтоб не был так ярок и смел,
Избавился от недостатков
И собственных черт не имел».

Зачем было нужно все это, —
Хоть том поэтический сдан, —
Осталось неясным поэту,
И даже не понял баран.

Перевел с калмыцкого Анисим Кронгауз.

ПРИЗНАНИЕ

(диалог в банкетном зале)

— Хотя с трудом,
Но принят ты
В Союз писателей
Недавно.
А где предел
Твоей мечты,
Скажи нам честно,
Парень славный?

— Как на духу
Не стану врать...
Я вот о чем, друзья,
Мечтаю:
Теперь бы мне
Талант
достать!
А где достать его?
Не знаю.

(Переводчик пока не установлен)

УДК 323.1; 303.01

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-344-359

Социальные конфликты, связанные с этничностью: вариации понятий и пробелы интерпретации

Ольга Алексеевна Персидская ¹

¹ Институт философии и права СО РАН (д. 8, ул. Николаева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

0000-0002-6821-4692. E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Персидская О. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Зафиксировано, что для отечественной этнической конфликтологии характерно состояние понятийной неопределенности, затрудняющее прогресс прироста знания. Эта неопределенность связана в том числе с множественностью понятий, которые используются разными авторами для обозначения конфликтов, возникающих между представителями различающихся этнических групп. *Цель* статьи заключается в выявлении концептуальных пробелов интерпретации данных понятий и поиске способа решения обозначенных проблем. В *основной части* статьи рассмотрены наиболее распространенные понятия, которыми оперируют в научной литературе: «межнациональный конфликт», «этнополитический конфликт», «этнический конфликт», «межэтнический конфликт». Выявлены следующие пробелы интерпретации данных понятий, не позволяющие в полной мере считать их адекватными и непротиворечивыми: категориальная синонимичность, теоретико-методологическая редукция, эпистемологическая обособленность и идеологическая нагруженность. *Выводы.* Для решения гносеологического затруднения предлагается отказаться от единого понятия, поскольку ни одно не может быть достаточно удовлетворительным, а сосредоточиться на анализе социального конфликта, выявляя его разноплановые этнические составляющие. Выдвинуто предположение, что такая смена угла зрения позволит глубже анализировать конкретный конфликтный эпизод и четче говорить о

том, на каких этапах конфликтной динамики этническая составляющая проявилась наиболее ярко, а на каких уступила место другим факторам. Также такой подход позволяет расширить поле наблюдения, включив в рассмотрение разнообразные конфликтные эпизоды.

Ключевые слова: социальный конфликт, межнациональный конфликт, этнополитический конфликт, этнический конфликт, межэтнический конфликт, социальный конфликт с этнической составляющей

Для цитирования: Персидская О. А. Социальные конфликты, связанные с этничностью: вариации понятий и пробелы интерпретации // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 344–359. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-344-359

UDC 323.1; 303.01

Ethnicity Related Social Conflicts: Concept Variations and Interpretation Gaps

*Olga A. Persidskaya*¹

¹ Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS (8, Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-6821-4692. E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Persidskaya O. A., 2021

Abstract. *Introduction.* Contemporary Russian ethnic conflictology is characterized by conceptual ambiguity that somewhat hampers further scientific progress. This is explained by the multiplicity of concepts employed by various authors to denote conflicts arising between representatives of different ethnic groups. *Goals.* The article aims to identify such conceptual gaps and reviews potential solutions. *Results.* So, the paper examines a number of key concepts from Russian scholarly discourse, such as ‘межнациональный конфликт’ (Russ. ‘nation to nation conflict’), ‘этнополитический конфликт’ (‘ethnopolitical conflict’), ‘этнический конфликт’ (‘ethnic conflict’), and ‘межэтнический конфликт’ (‘interethnic conflict’). The detected conceptual

interpretation gaps often making the terms inadequate and controversial are as follows: categorial synonymity, theoretical and methodological reduction, epistemological abstractedness, and ideological overload. *Conclusions.* The paper proposes to abandon any unified concept (term) since none can be viewed satisfactory enough — but rather to focus on analysis of social conflict as such with due regard of its diverse and essential ethnic components. It is presumed that the perspective change shall deepen analyses of certain conflict episodes to clarify what stages of conflict dynamics are most vividly dominated by ethnic elements to be further replaced by other factors. Such an approach may be instrumental in widening the field of observation and involve the analysis of differing conflict episodes.

Keywords: social conflict, interethnic conflict, ethnopolitical conflict, ethnic conflict, social conflict with an ethnic component

For citation: Persidskaya O. A. Social Conflicts Related to Ethnicity: Concept Variations and Interpretation Gaps. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 3. Pp. 344–359. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-344-359

Введение

Проблематика, связанная с исследованием феноменов, имеющих отношение к этничности, актуальна для отечественной социогуманитаристики. Сложно очертить все поле теоретических и практических исследований, проведенных в данном направлении, однако укажем, что к основным направлениям можно отнести, например, изучение этнической идентичности, межэтнических отношений, интеграции иноэтнических мигрантов в принимающее сообщество, этноэкономических процессов, проблемы крупных урбанизированных полиэтнических сообществ и пр. (см., например, [Волгин 2017; Намруева, Курепина 2019; Бадмаева, Кованова 2020]).

Тематика, связанная с конфликтами, также чрезвычайно востребована, так как обусловлена необходимостью исследования факторов, негативно влияющих на взаимодействие людей с разной этнической идентичностью, что особенно важно в условиях полиэтничного российского общества — для стабилизации межэтнических отношений и гармоничного сосуществования. Можно с уверенностью сказать, что тема конфликтов, так или иначе связанных

с этнической проблематикой, входит в число актуальных тем, направленных на изучение процессов трансформации современного российского общества.

В то же время, несмотря на давнюю историю изучения конфликтов, накопленную как в отечественном, так и в зарубежном знании, не приходится говорить о том, что теоретико-методологический арсенал социально-гуманитарных наук полон и тема исчерпана. Для современной отечественной и зарубежной конфликтологии в целом характерно разнообразие теоретико-методологических установок, причина которого, с одной стороны, — междисциплинарность и наличие большого числа направлений и научных школ, а с другой — сложность и многогранность самих конфликтов. В этой связи актуальной целью развития конфликтологического знания многие исследователи видят создание комплексной методологии изучения социальных конфликтов, которая объединила бы различные направления и позволила проводить многоаспектный анализ [Конфликтология 2015].

В более узком направлении конфликтологии — этнической конфликтологии, которая сосредотачивает внимание на конфликтах, связанных с этничностью, сформирован значительный объем академических публикаций, направленных на описание, анализ и выявление стратегий разрешения этого вида социальных конфликтов. С одной стороны, данная отрасль науки наследует проблемы, характерные для развития общих направлений конфликтологии, то есть растущее многообразие теоретико-методологических подходов, затрудняющее генерализацию знания. С другой стороны, следует сказать о том, что даже сам предмет этнической конфликтологии — конфликт, связанный с этничностью, — не имеет единого определения. К наиболее часто используемым понятиям можно отнести следующие: «межнациональный конфликт», «этнополитический конфликт», «этнический конфликт» и «межэтнический конфликт» [Авксентьев 2013; Дробижева 1993; Тишков 1997].

Многообразие подходов к определению таких конфликтов и их анализу обусловлены как различным пониманием исследователями феномена этничности, так и их собственной дисциплинарной

принадлежностью. Проблема здесь состоит в том, что в различающихся интерпретациях указанных конфликтов существуют некоторые концептуальные пробелы, не позволяющие не только перейти к некоторой синтетической теории их изучения, об актуальности которой говорит ряд исследователей (напр., [Horowitz 1998: 34]), но даже выбрать подходящее понятие, отвечающее критериям адекватности и непротиворечивости в гносеологическом аспекте.

В этой связи мы обращаемся к понятийному аппарату исследователей, занимающихся изучением социальных конфликтов, в которых так или иначе проявляется этническая составляющая. Наша цель состоит в выявлении концептуальных пробелов интерпретации данных понятий и поиске способа решения обозначенных проблем.

Наиболее распространенные понятия и их критика

Тот факт, что строгость и точность понятий имеют решающее значение для прогресса научного знания, не вызывает сомнений. «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 2005: 180] — в этой краткой формуле Л. Витгенштейна раскрывается, что язык определяет мышление, а его понятиями, с одной стороны, организован, а с другой, одновременно ограничен процесс познания. Данный тезис справедлив также для социально-гуманитарного знания, эволюция понятийного аппарата которого не всегда соответствует уровню развития постигаемого знания и тем познавательным горизонтам, к которым пытаются приблизиться исследователи. В этой связи ревизия понятий на их соответствие критериям адекватности, объективности и непротиворечивости является актуальной задачей.

Неопределенность понятийного аппарата этнической конфликтологии начинается уже на этапе выявления роли этнического фактора в конфликтном взаимодействии. В. А. Авксентьев указывает на сложности, связанные как с фиксацией конфликта между представителями разных этнических групп как социального феномена, так и с его последующей идентификацией как этнического или не этнического (или этнического в некоторой — сложно определяемой — степени). Он показывает, как данные сложности влияют на ис-

следовательскую интерпретацию этого конфликта: «Установить этническую мотивацию участников конфликта отнюдь не просто, так как существуют значительные расхождения между истинными и декларируемыми мотивами... Идентификация этнического конфликта по его начальным признакам, складывающимся еще на этапе предконфликтной ситуации, основана почти исключительно на интерпретации, а это открывает широкие возможности для манипулирования... Кроме этого, типичной является ситуация, когда конфликт, начавшись как неэтнический, обретает черты этнического конфликта в ходе эскалации. При этом мотивы, побудившие участников начать конфликт, могут быть (и чаще всего бывают) неэтническими» [Авксентьев 2013: 102].

Таким образом, и сама специфика феномена конфликта между представителями разных этнических групп, и особенности его объяснения в ходе исследований заставляют предположить, что практики изучения таких конфликтов в значительной степени имеют отношение к интерпретации фактов, нежели их фиксации. Остановимся на анализе наиболее распространенных в научной литературе понятий, применяемых для определения конфликта между представителями разных этнических групп, и выявим проблемы, связанные с их интерпретацией.

Широко употребительно понятие «*межнациональный конфликт*» (см., например, [Боктаева 2009; Бондаренко 2004; Гусейнов, Эльдаров 2014; Старостина 2015]). Как и другие, о которых речь пойдет ниже, это понятие мигрировало из академической среды в лексикон СМИ, лидеров общественного мнения и риторике властных структур и используется как для обозначения институализированных межгосударственных противоречий (к чему и склоняет его этимология), так и, что удивительно, как синоним понятия «этнический конфликт». Именно в этой связи данное понятие не удовлетворительно: оно наследует распространенную категориальную синонимичность, свойственную понятиям «этнос» и «нация» в отечественной интеллектуальной традиции. Так, политика, основная функция которой состоит в регулировании отношений между разными этническими субъектами (например,

этнокультурами, этносоциальными), называется не этнической, а национальной политикой [Стратегия 2012].

Р. Г. Абдулатипов и Ю. В. Попков, каждый по-своему заостряя внимание на данной синонимичности (см. [Абдулатипов 2007; Попков 2017]), предлагают элиминировать такое противоречие, введя понятие «этнонациональная политика». Такое понятийное удвоение действительно обосновано по отношению к области политики, так как позволяет учесть в своем содержании две основные формы существования нации — этнокультурную (нация-культура) и политическую (нация-государство), но введение в оборот понятия «этнонациональный конфликт» все же кажется нам избыточным и в этой связи не эвристичным.

Сделаем заключение, что понятие «межнациональный конфликт» скорее применимо для описания конфликтных противоречий между несколькими государственными образованиями и в этом смысле ближе понятию «межгосударственный конфликт», но не характеризует конфликтного взаимодействия между представителями разных этнических общностей.

Также в академической литературе распространено понятие «этнополитический конфликт» (см., например: [Дробижева 1993; Кавтарадзе 2005; Ким 2011]). Его этимология тесно связана с политологическими исследованиями, часть которых строится на анализе поводов, причин, динамики и последствий конфликтов, возникших между представителями разных этнических групп и выявлении их роли в историческом процессе.

В. А. Тишков дает такие определения этнополитического конфликта: «конфликт с определенным уровнем организованного политического (курсив наш. — О. П.) действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны, в которых противостояние происходит по линии этнической общности» [Тишков 1993: 8], и «гражданское, политическое или вооруженное противоборство, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий» [Тишков 1997: 480] по сути, сводя возникшее конфликтное противоречие к политическо-

му акту. Такой упор на политическую составляющую, бесспорно, справедлив, так как практика показывает, что государство зачастую становится значимым участником конфликта на этапах его возникновения, течения или разрешения, но, на наш взгляд, эпистемологически использование такого понятия накладывает определенные ограничения на деятельность исследователя, имплицитно вынуждая его заострять внимание на расстановке и взаимовлиянии политических сил и сводя выводы анализа к перераспределению власти.

В своих крайних формах такая установка может приводить исследователей к выводам о том, что «желание этнической группы сохранить свою культуру и единство путем *политического* самоопределения лежит в основе *всех* (курсив наш. — О. П.) межэтнических противоречий» [Высоцкий 2014: 149], что существенно сужает спектр анализа причин и поводов межэтнической напряженности и конфликтов и приводит к односторонней трактовке событий.

Тот факт, что приведенные определения В. А. Тишкова достаточно часто цитируются в научных работах авторов разных научных школ, а также в учебниках (у указанной статьи 111 цитирований в Научной электронной библиотеке [РИНЦ: Тишков 1993], у монографии — более 900 [РИНЦ: Тишков 1997], но нужно кроме того иметь в виду, что в разных видах, но в общем смысловом ключе данное определение повторяется и в ряде других активно цитируемых публикаций автора), говорит о том, что в некотором роде оно стало каноничным и может оказывать влияние на развитие современной этнической конфликтологии в политологическом русле.

Мы солидарны с В. А. Авксентьевым, который указывает на то, что, несмотря на приемлемость данного определения для достижения научного консенсуса, оно все же недостаточно из-за отсутствия в нем эмпирически фиксируемых маркеров (открытым остается вопрос о том, как определить, что стороны (или одна из них) «мобилизуются, действуют или страдают» по признаку именно этнических различий) [Авксентьев 2013: 101].

Широкое по смыслу понятие «этнический конфликт» (см., например, [Абгаджав, Власкина 2017; Боров, Думанов 2013; Гулиев 2006]) кажется достаточно удачным, хотя также не лишено некоторых недостатков. Известно, что социальный конфликт чаще всего является многофакторным, при этом разные факторы с неравной силой проявляют себя на разных этапах конфликтного взаимодействия; также разные факторы имеют не одинаковое значение для участников конфликта. В этой связи, называя конфликт этническим, мы имманентно выводим этнический фактор как основной для анализа того или иного конфликта, подспудно уделяя меньше внимания другим — например, экономическому, демографическому, нормативно-ценностному — и их сочетаниям в ходе конфликтной динамики. Простой анализ публикаций, в названии или ключевых словах которых есть слова «этнический конфликт» показывает, что рассмотрению именно этнического фактора и его определяющей значимости в них уделяется основное внимание.

Интересно в этой связи рассмотреть обратную ситуацию, то есть избегание употребления данного понятия в публичной речи, поднятую В. А. Авксентьевым. Он, говоря о тесной связи социальной философии и социологии с управленческой практикой на местах, показывает, насколько нежелательно появление словосочетания «этнический конфликт» в официальной политической риторике: «Вопрос, является ли конкретный конфликт этническим, возникает постоянно; с просьбой определить наличие этнического компонента в том или ином конфликте власти часто обращаются к научно-экспертному сообществу. При этом на официальном уровне власти обычно стремятся скрыть или приуменьшить этническую составляющую, хотя в неформальном общении обычно называют вещи своими именами» [Авксентьев 2013: 89]. Исследователь называет такую тенденцию идеологической редукцией этнического конфликта. По нашему мнению, такая тенденция красноречиво говорит о нежелательной идеологической нагруженности данного понятия, которая может затруднять взаимодействие представителей научного сообщества и структур власти, делая менее эффективными экспертизу и консультирование.

С теоретико-методологической точки зрения ограничения в уместности понятия «этнический конфликт» нам видятся еще и в том, что выведение некоторого сложно определяемого «этнического фактора» в качестве решающего в анализе конфликтной ситуации в крайних формах может приводить к представлениям о том, что этническая идентичность сама по себе содержит конфликтный потенциал, и существующих этнических различий достаточно для того, чтобы разгорелся конфликт. А. Р. Аклаев дополняет, что «при такой трактовке этнический конфликт предстает уникальным, принципиально отличающимся от других видов социальных конфликтов, а потому для его изучения не имеет большого значения то научное знание, которое имеется о других видах конфликтов (социальных, политических или экономических), даже если они происходят в том же самом обществе» [Аклаев 2005: 62]. Представляется, что такая эпистемологическая обособленность научного знания об этническом конфликте от знаний о других видах социальных конфликтов не может не приводить к сложностям в процессе заимствования и адаптации наработанных в других областях знания подходов к анализу конфликтов между представителями разных этнических групп.

Понятие «*межэтнический конфликт*» (см., например, [Ароян и др. 2018; Голынчик 2020; Грачёв, Овчинникова 2018]), также часто используемое в публикациях разных авторов, выглядит наиболее привычным, однако и его анализ показывает наличие ряда спорных моментов. Прежде всего, данное понятие достаточно жестко задает статус и роль субъектов рассматриваемого конфликта: этнические группы или, у ряда авторов, этносы. В строгом смысле, такая трактовка не позволяет включить в рассмотрение целый ряд конфликтных эпизодов с явно выраженной этнической составляющей, но другим составом субъектов. К таким конфликтам можно отнести, например, эпизоды силовых методов подавления сепаратизма и национализма, где кроме условной этнической группы участником конфликта выступают государственные структуры. Отличительным признаком такого конфликта часто является институционализированность одного субъекта и неинституционали-

зированность другого. Как верно отмечает В. А. Аксентьев, в этом случае борьба одного из этнических меньшинств против государства может восприниматься как борьба меньшинства против титульного этноса, хотя лишь небольшая часть институционализированного этноса — например, армия или полиция — принимает участие в конфликте [[Аксентьев 1996: 49](#)].

Также сложно назвать межэтническим конфликтом трагическое самосожжение в сентябре 2019 г. Альберта Разина, кандидата филологических наук, заслуженного деятеля науки Удмуртии, борца за права удмуртов, который погиб у здания Госсовета Удмуртской республики с плакатом «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть», хотя в данном случае налицо и конфликтная составляющая произошедшего, и повод, имеющий прямое отношение к этнической проблематике.

Выводы

Приведенный анализ показывает, что ни одно из конвенционально принятых понятий не является в достаточной степени удовлетворительным. Концептуальные проблемы интерпретации, связанные с этими понятиями, имеют отношение к теоретико-методологической редукции и эпистемологической обособленности, сведению в анализе широкого поля факторов конфликта к одному превалирующему, а также спорны с точки зрения идеологической нагруженности и не академической риторики.

В этой связи актуальной видится задача поиска такого понятия, которое могло бы обойти указанные пробелы интерпретации. Исследователи решают эту проблему по-разному. Д. Л. Горовиц, хотя и оперирует понятием «этнический конфликт», акцентирует, что из-за сложности рассматриваемого феномена не существует достаточных причин рассматривать этнический конфликт как единое целое [[Горовиц 2007: 31](#)].

Данный способ предполагает дробление предмета исследования — собственно конфликтного эпизода — на составляющие и разработку отдельных исследовательских подходов для анализа разных проявлений данного конфликта. Л. М. Дробижева и соавторы, солидаризуясь с Д. Л. Горовицем, призывают постоянно

иметь в виду «функциональную основу этнического конфликта, заложенную не в этничности, а в социальных проблемах, возникающих между группами, объединенными по этническому признаку» [Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1999: 229].

Указанные исследователи, хотя формально и не отказываются от оперирования понятием «этнический конфликт», тем не менее, на наш взгляд, четко фиксируют его противоречивость и недостаточность.

А. Ю. Коркмазов идет немного дальше и предлагает не ограничиваться в анализе единым понятием, а говорить о кластерном конфликте, в равной степени учитывая при его анализе значимость конфессиональных, политических, этнических и других факторов [Коркмазов 1994: 164–165].

Со своей стороны, развивая мысли указанных авторов, мы предлагаем решение проблемы, лежащее в несколько другой плоскости: не искать удовлетворительное понятие для обозначения конфликта, а сосредоточиться на анализе конфликтного эпизода, поочередно выявляя этническую составляющую и ее роль в поводе, причине, факторах, мотивации участников, механизмах разрешения и других составляющих структуры социального конфликта. С точки зрения гносеологической адекватности и непротиворечивости такая смена угла зрения позволяет глубже анализировать конкретный конфликтный эпизод, четче говорить о том, на каких этапах конфликтной динамики этническая составляющая проявилась наиболее ярко, а на каких уступила место другим значимым факторам. Кроме того, такой подход дает основания для существенного расширения поля наблюдения и включения в рассмотрение самых разнообразных конфликтных эпизодов. Выявление в них этнической составляющей, сравнение параметров ее проявления в разных случаях, поиск общего и особенного на широком материале имеет значительный эвристический потенциал. Все это, на наш взгляд, дает основания для более глубокой интерпретации конфликтов между представителями разных этнических групп.

Данная оптика может дать более глубокую интерпретацию недавним событиям, уже получившим рефлексию со стороны акаде-

мического сообщества в ряде публикаций (см., например: [Сивцева 2019; Габышева, Филиппова 2019]).

Кроме того, в ее рамках могут быть осмыслены многочисленные происходящие на территории Российской Федерации конфликты. К ним можно отнести, например, серию массовых драк между мигрантами летом 2021 г.: 12–13 июля в Москве у метро Кузьминки, 14 числа того же месяца — в г. Одинцово и 20 числа — в г. Апрелевка Московской области. Также актуально включение в область рассмотрения инцидента в пос. Мошково Новосибирской области 29 мая 2021 г. и двух событий от 27 июля в г. Санкт-Петербурге и его области (см.: [Сошенко 2021]).

Все перечисленные события имели широкий общественный резонанс и укрепили границу обособленности между принимающим сообществом и мигрантами, что может оказать воздействие на гармоничность межэтнических отношений в стране. Однако данные конфликты пока что, насколько нам известно, не имеют аналитического обобщения и интерпретации, хотя определенно обладают выраженной этнической составляющей, а их повторяющийся характер указывает на наличие глубоких, требующих анализа и разрешения противоречий.

Литература

- Абгаджав, Власкина 2017 — *Абгаджав Д. А., Власкина А. С.* Детерминанты этнических конфликтов постсоветского пространства на примере Ферганской долины // *Конфликтология*. 2017. № 12 (4). С. 228–238.
- Абдулатипов 2007 — *Абдулатипов Р. Г.* Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализация, перспективы). М.: Классик Стиль, 2007. 552 с.
- Авксентьев 1996 — *Авксентьев В. А.* Этнические конфликты: история и типология // *Социологические исследования*. 1996. № 12. С. 43–50.
- Авксентьев 2013 — *Авксентьев В. А.* Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы // *Вестник Российской нации*. 2013. № 5. С. 88–103.
- Аклаев 2005 — *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. Учеб. пособие. М.: Дело, 2005. 471 с.

- Ароян и др. 2018 — *Ароян А. С., Григорян Д. К., Веренич И. Г., Соколов Н. Н.* Межэтнические конфликты и региональные политические элиты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 50–55.
- Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1999 — *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Мысль, 1999. 271 с.
- Бадмаева, Кованова 2020 — *Бадмаева Н. В., Кованова Е. С.* Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 294–305. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305
- Боктаева 2009 — *Боктаева В. Л.* Модель профилактики межнациональных конфликтов в студенческой среде вуза // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 5. С. 181–186.
- Бондаренко 2004 — *Бондаренко К.* Межнациональный конфликт в Крыму инициирован политтехнологами президента Украины // Россия и мусульманский мир. 2004. № 6. С. 46–48.
- Боров, Думанов 2013 — *Боров А. Х., Думанов З. Б.* Теории этничности и этнических конфликтов: современные тенденции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 5 (55). С. 164–171.
- Витгенштейн 2005 — *Витгенштейн Л.* Избранные работы / пер.: И. Руднев. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.
- Волгин 2017 — *Волгин В. Л.* Особенности этнической, гражданской и религиозной идентичности студентов в Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 2. С. 76–80. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-2-2-76-80
- Высоцкий 2014 — *Высоцкий А. В.* Роль этнических конфликтов на постсоветском пространстве // Евразийский союз: Вопросы международных отношений. 2014. Вып. 1–2 (6–7). С. 148–161.
- Габышева, Филиппова 2019 — *Габышева А. С., Филиппова С. В.* Интент-анализ призывов в межэтнических конфликтах в социальных сетях // Казанская наука. 2019. № 5. С. 118–120.
- Голыничик 2020 — *Голыничик Е. О.* Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020 Т. 17. № 1. С. 29–50. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50
- Горовиц 2007 — *Горовиц Д. Л.* Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 2. С. 29–38.

- Грачёв, Овчинникова 2018 — *Грачёв А. В., Овчинникова Т. М.* Структурная модель межэтнического конфликта: проблема формализации // Гуманитарные исследования. 2018. № 1(18). С. 22–26.
- Гулиев 2006 — *Гулиев М. А.* Интернационализация этнического конфликта в современном мире // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S18. С. 73–78.
- Гусейнов, Эльдаров 2014 — *Гусейнов А. Г., Эльдаров Э. М.* Некоторые гуманитарные подходы к изучению межнациональных конфликтов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 6. С. 133–140.
- Дробижеева 1993 — *Дробижеева Л. М.* Этнополитические конфликты. причины и типология (конец 80-х – начало 90-х годов) // Россия сегодня: трудные поиски свободы. М.: Офсетно-множительная лаборатория ИМЭПИ РАН, 1993. С. 227–236.
- Кавтарадзе 2005 — *Кавтарадзе С. Д.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. М.: Экзамен, 2005. 223 с.
- Ким 2011 — *Ким А. С.* Этнополитическая конфликтология современных диаспор: методология, теория, регионалистика. Хабаровск: М-во образов. и науки РФ, Тихоокеанский гос. ун-т, 2011. 330 с.
- Конфликтология 2015 — Конфликтология: уч. пособ./сост. С. Ю. Иванова, С. В. Попова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 176 с.
- Коркмазов 1994 — *Коркмазов А. Ю.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе (История и современность). Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1994. 188 с.
- Намруева, Курепина 2019 — *Намруева Л. В., Курепина Н. Л.* Социологическая диагностика межэтнических отношений (на материале опроса в Республике Калмыкия) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 2. С. 80–92. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-2-10-80-92
- Попков 2017 — *Попков Ю. В.* Государственная национальная политика как фактор межэтнической интеграции российского общества // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 1. С. 114–131. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-82-94
- РИНЦ: Тишков 1993 — Информация о публикации: Тишков В. А. О природе этнического конфликта, 1993 [электронный ресурс] // Российский индекс научного цитирования. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21423276> (дата обращения: 05.09.2021).

- РИНЦ: Тишков 1997 — Информация о публикации: Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России, 1997 [электронный ресурс] // Российский индекс научного цитирования. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21560362> (дата обращения: 05.08.2021).
- Сивцева 2019 — *Сивцева В. М.* Событие 18 марта 2019 года в городе Якутске // Научно-практические исследования. 2019. № 5.1 (20). С. 54–56.
- Старостина 2015 — *Старостина С. А.* Межнациональные конфликты как угроза целостности федеративного государства (на примере армяно-азербайджанского конфликта) / Актуальные проблемы современного российского государства и права: сборник мат-лов Всеросс. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. С. 15–24.
- Стратегия 2012 — Указ президента РФ о Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года [электронный ресурс] // Президент России. 19 декабря 2012 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).
- Тишков 1993 — *Тишков В. А.* О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 5–14.
- Тишков 1997 — *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 528 с.
- Сошенко 2021 — *Сошенко А.* Хроника последних бесчинств мигрантов [электронный ресурс] // газета «Завтра» от 28.07.2021 г. URL: https://zavtra.ru/blogs/hronika_poslednih_beschinstv_migrantov (дата обращения: 05.09.2021).
- Horowitz 1998 — *Horowitz D. L.* Structure and Strategy in Ethnic Conflict [электронный ресурс] // Annual World Bank Conference on Development Economics, Washington, D. C., April 20–21, 1998 / опубликовано на сайте ЦЕУ (Будапешт) в проекте «Синяя птица». URL: <http://web.ceu.hu/cps/bluebird/eve/statebuilding/horowitz.pdf> (дата обращения: 02.08.2021).

УДК 316

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-360-371

Ховгсээр нутгин эркиг цеерлх көдлгэнэ үүлдлг тоочхнь (= Антиалкогольные меры, принятые в Хобуксаре)

Эркня Сага¹

¹ Университет Внутренней Монголии (д. 235, ул. Сайхан, 010021 Хух-Хото, Автономный район Внутренняя Монголия, Китай) магистрант

0000-0001-9559-9252. E-mail: 1092636038@qq.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Эркня Сага, 2021

Аннотация. *Введение.* В данной статье исследуются новые антиалкогольные мероприятия, реализованные в Хобуксар-Монгольском автономном уезде Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Изучен процесс внедрения новых мер и их дальнейшее влияние на жизнь общества, освещены вопросы их практической пользы для местного населения. Отмечается, что среди хобуксарких торгутов бытует табу на употребление спиртного, что и стало объектом изучения. Антиалкогольная кампания началась с призывов духовного лидера, достопочтенного XIV Шальван гегена, и была подхвачена интеллигенцией, затем местной администрацией. Последняя систематизировала и усовершенствовала антиалкогольные меры и с законодательной стороны приступила к их реализации. *Цель* данной статьи — показать результаты действий авторитетного духовного лидера и законодательной власти региона, общественности в принятии антиалкогольных мер. *Результаты.* Показано, что в итоге общих действий в Хобуксар-Монгольском автономном уезде приняты меры по запрету на распитие спиртных напитков в общественных местах, на праздничных мероприятиях, действует пропаганда здорового образа жизни.

Ключевые слова: антиалкогольные меры, Хобуксар-Монгольский автономный уезд Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, ойраты, влияние, традиционная культура

Для цитирования: Эркня Сага. Ховгсээр нутгин эркиг цеерлх көдлгэнэ үүлдлг тоочхнь (= Антиалкогольные меры, принятые в Хобуксаре) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 360–371. (На монг.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-360-371

Anti-Alcohol Measures in Hoboksar

Erknya Saga ¹

¹ Inner Mongolia University (235 Daxue West Road, Saihan District, 010021 Hohhot, Inner Mongolia, People's Republic of China)

M.A. Student

 0000-0001-9559-9252. E-mail: 1092636038@qq.com

© KalmSC RAS, 2021

© Erknya Saga, 2021

Abstract. *Introduction.* The paper examines the alcohol prohibition enforcement implemented by the local government and religious leader among Torghuts in Hoboksar-Mongol Autonomous county of Xinjiang (PRC). The work focuses on the introduced measures and their subsequent practical effect on the community. It is noteworthy that contemporary Torghuts of Hoboksar are distinguished by an alcohol taboo which is the research object herein. The spiritual leader Shalvan Gegeen was a prominent Buddhist scholar and teacher of Xinjiang Mongols. The authority of the spiritual leader in conjunction with the local legislative power and Torghut Mongolian ethnic customs have functioned simultaneously for the alcohol prohibition movement. *Goals.* The article aims to review how the local spiritual leader, legislative power and conventional customs may ignite non-political enforcements, such as alcohol prohibition. *Results.* It seems possible to stop some pernicious social habits by the spiritual, social and legislative ('triangle') joint efforts. But in terms of the study, the spiritual influence seems overwhelming than the others since it provides people with coupled motivation as compared to a one-sided political enforcement. So, the community is currently observing a non-drinking rule during public and festive events, special attention is paid to healthy life propaganda.

Keywords: anti-alcohol measures, Hoboksar-Mongol Autonomous County, Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Oirats, influence and effect, traditional culture

For citation: Erknya Saga. Anti-Alcohol Measures in Hoboksar. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 360–371. (In Mong.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-360-371

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2021. № 3

Редактор *Саряева Р. Г.*
Переводчик *Джагрунов С. В.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 28.12.2021. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 23,25. Тираж 100 экз. Заказ 27-21.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8